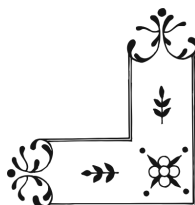
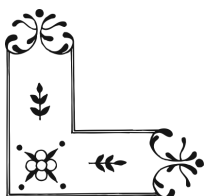

Бондаренко Ю.Я.

КУЛЬТУРА В ЛИЦАХ

«ЛЮДЕЙ НЕИНТЕРЕСНЫХ В МИРЕ НЕТ»

Книга вторая

Костанай
2016

УДК 008
ББК 71.0
Б81

Рецензенты: **Римма Чингизовна Бектурганова**
Доктор педагогических наук
Еркен Аманжолович Абиль
Доктор исторических наук

Бондаренко Ю.Я.

Б81 Культура в лицах. «Людей неинтересных в мире нет».
Книга вторая. / Ю.Я. Бондаренко. Ред. Давиденко Т.И.-
Костанай: ТОО «Центрум», 2016. – 418 с.

ISBN 978-601-7551-61-2

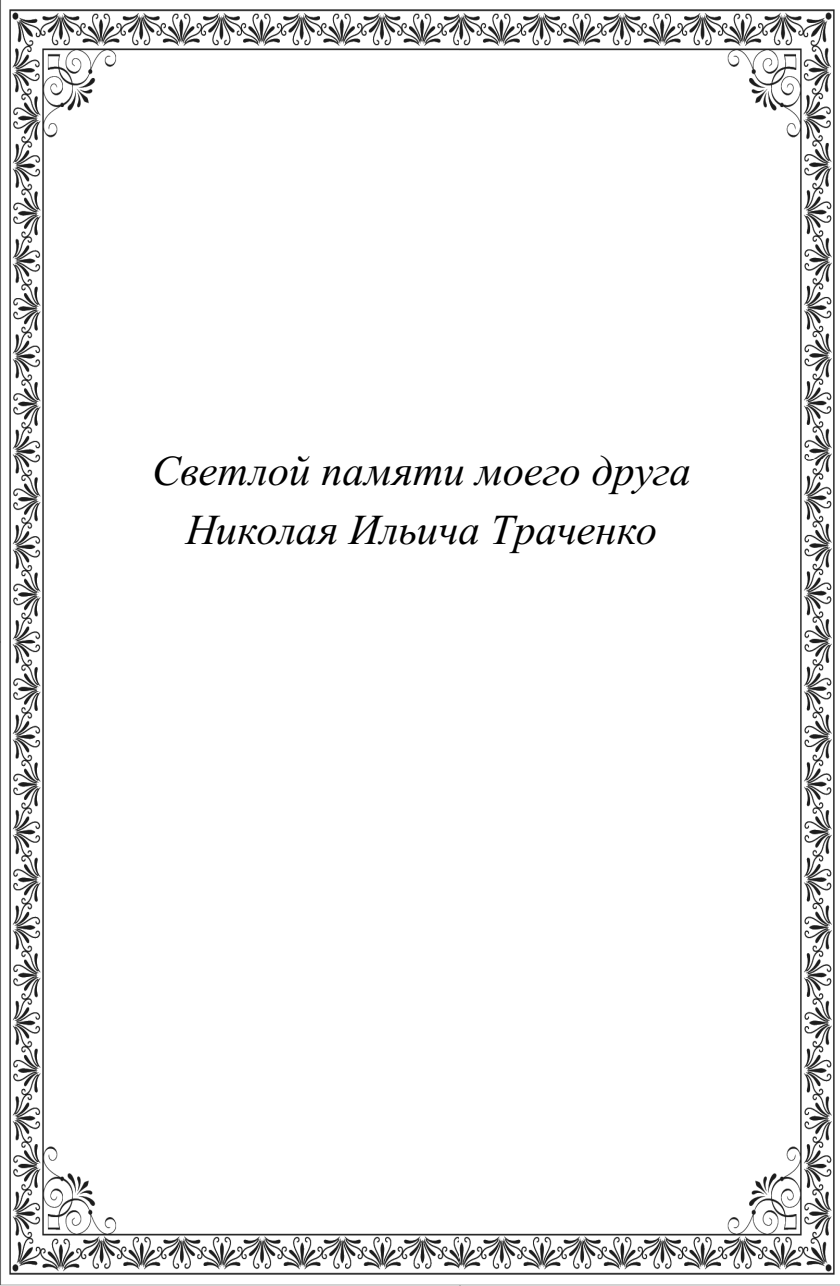
Книга является сборником очерков о тех представителях Костанайской интеллигенции, чья жизнь так или иначе была связана с творчеством, миром культуры, включая художников, литераторов, педагогов и представителей ряда иных профессий, объединенных любовью к своему делу.

Книга дополнена авторскими размышлениями о культуре.

УДК 008
ББК 71.0

ISBN 978-601-7551-61-2

© Бондаренко Ю.Я., 2016

*Светлой памяти моего друга
Николая Ильича Траченко*

СОДЕРЖАНИЕ

КОНТУРЫ	11
Ожившая сказка Халифаева Н.В.	13
«Он не боится учиться... новому» Быков В.В.	23
Его судьба бросала по всей стране Карпенко А.П.	32
Ироничный карандаш Биркле С.И.	44
Гиперреализм в Казахстане Есмаганбетов А.А.	51
Что есть правда искусства? Захарченков А.В.	58
Капли в потоке лет Духин Я.К.	68
«Живая душа» Фефелова Л.И.	86
Флибустьер пера Ермолович А.Г.	99
Ученый и педагог Рубинштейн Е.Б.	111
За мечтою детства Угренинов С.А.	124
Учиться – всю жизнь Шаблей П.С.	138
Звенья одной цепи Русины Русина Г.М. и Русин Л.И.	150
Журналист с душой философа Шибаршин Е.В.	164
Таким лишь и работать на ЖД Траченко Н.И.	174

«Говорил и делал» Ильященко В.И.	183
Где начинается искусство? Кусков О.В.	192
Вся жизнь – вузу Самамбетова (Самамбет) М.К.	203
Разминка мускулов? Шевченко С.Ю.	212
«Сны о чем-то большем» Коровина (Олексюк) Н.С.	222
Первые ступени Ковальская Татьяна	229
«Я этим дышу» Тасмагамбетова Р.М.	238
Женщина со строгими глазами Микульчик Н.И.	247
Музыкант и певец Нам О.В.	258
Сельская учительница Баймухамбетова Н.А.	262
«Гаяне, ты моя Гаяне» Мартиросян Г.Х.	269
МЫСЛИ О КУЛЬТУРЕ	275
Кисть и перо Поэзия Т.Г.Шевченко и Казахстан (Написано к Юбилею Шевченко)	277
Над чем побуждает задуматься Герольд Бельгер	309
Мой Гамзатов	315
Свет и боль Беглые мысли, рожденные прозой Анатолия Жилкина	317

Никас в реке времен Этюды дилетанта (О выставке произведений Никаса Сафронова в Костанаяе)	322
Глазами человека, далекого от тусовки	334
Тяга к вечности , империи, национализм, и возможности творческого взлета Заметки, навеянные статьей А.Мелихова «Гений против сепаратизма» (Новый мир, 2012, №1)	339
Другая логика	344
Двери настежь. Беглые заметки о романе Юрия Мареева «Трещинка» (Бондаренко О.Ю., Бондаренко Ю.Я.)	353
О языке искусства	361
Современное искусство – фантом или реальность?	368
В чужой тени Вопросы дилетанта	371
Далеко ли уйдешь в разной обуви?	381
Искусство и «правда жизни»	383
Искусство и искусственность	385
Зигзаги в кино «забытой» Первой мировой	391
Жизнь – копейка?	393
Как одет король?	398
Историю пишут победители	401
«Не славы, и не коровы...» (Об одном из «литературных десантов»)	403
Открытие, которым хочется поделиться	405
Интереснейший опыт	410
Наша Ахиллесова пята?	415

Предисловие

Предлагаемая Вам книга – продолжение первой, названной «Зачин». Но и она по самой своей сути не может быть полным завершением начатого разговора. Во-первых, потому что даже хотя бы относительно полное раскрытие темы одним или несколькими людьми за такой короткий срок физически невозможно. Во-вторых, потому что сама жизнь всегда дает что-то новое, то, что становится естественным продолжением уже сделанного.

Книга эта не бесспорна. Здесь не подбор собственно психологических портретов и не коллекция несомненных достижений либо контуры пантеона местного масштаба. Автор-составитель не намеревается подчеркнуть искусно раздуваемую значимость, не расставляет героев очерков по ранжиру, а лишь стремится прикоснуться к разнообразию культурной жизни города, к тому, что уже само по себе имеет исторический интерес. Ведь, если мы при раскопках или в старинных хрониках обнаружим упоминания о черточках жизни так называемой провинции времен древности или средневековья, то эти упоминания будут для истории не менее ценны, чем усыпанные блестками воображения и прочно сшитые нитями «должного» в рассказе о «значимом» жизнеописания «цезарей» и тех, кого принято называть великими или заметными фигурами в истории. Более того, здесь, подчас, и степень достоверности будет выше: чем меньше сцена, чем ближе она к зрителю, тем труднее накладывать грубый грим и «переигрывать». Так и при рождении того, что вольно или невольно принято относить к первичным клеточкам, «первокирпичикам» исторических данных, огромнейшая масса которых вырастает из нарратива, рассказа, относительная достоверность которого чаще всего проверяется с большим трудом или в принципе не проверяется.

Возьмем для пояснения знаменитое описание встречи Александра Великого и Диогена, уютно расположившегося в своей знаменитой «бочке», а, точнее, объеми-

стой амфоре. История сообщает, что, наклонившись над бочкой, Александр спросил: «О, Диоген, что я могу сделать для тебя?» Философ же ответил: «Не заслоняй мне солнце». Александр же глубокомысленно воскликнул: «Не будь я Александром, хотел бы я быть Диогеном!» (Эту фразу относят и к более позднему времени в жизни Александра). Поскольку Искандар был царь, да еще великий, он просто не мог не ответить философски. А уж прозвучал ли тот ответ при встрече или был просто-сердечно, для создания образа добавлен хроникерами, мы уже не проверим.

Точно так же, как не проверяемы и многие, в том числе и «дневниковые записи» лет совсем недавних. Скажем, те или иные детали конкретных схваток, о которых упоминает тот или иной их участник, особенно, когда он чувствует, что пишет «для истории» и временами хочет выглядеть погероичнее (как, например, авторы и в самом деле увлекательного бестселлера «СС в огне»).

В нашем же случае картина во многом иная. И здесь полученные сведения в значительнейшей мере основаны на рассказах. И в этих рассказах могут быть неточности и недомолвки. Но, чем «ниже градус» излагаемых событий, чем менее лихорадочна их смена, тем меньше поводов их исказить при воспоминании, значит, как это ни парадоксально, степень достоверности выше. К примеру, когда кто-то рассказывает о школьных проказах или вспоминает о конфетке, подаренной дедом Морозом на елке, ему незачем рисоваться и потому он может быть более убедителен, чем тот, кто вспоминает, как с горсткой соратников («СС в огне»), без патронов, в рукопашной переколошматил немало врагов, которые почему-то все, как один забыли, что у них в руках оружие, пригодное и для стрельбы, а не только для нанесения ударов.

... Не случайно, именно «культура быта» сегодня все больше привлекает внимание историков. Культура же быта неотделима от того, что мы называем сферой культуры в привычном понимании этого слова, а значит и от людей,

которые посвятили себя служению этой сфере – от библиотекарей, сотрудников музеев – до тех или иных педагогов, художников, литераторов, музыкантов и актеров... Прикосновением к их судьбам и стала эта книга. По замыслу, да и по сути она очерково-историческая, в определенной мере социологическая, а не художественная или искусствоведческая. Поэтому здесь и нет того отбора фигур и тем, который был бы уместен, например, в антологии. Тут история сродни скорее биологии, а не искусствоведению или геологоразведке. Так, если геологоразведка ищет залежи полезных ископаемых и, естественно, стремится выявить искомое, то для биолога и для историка на стадии сбора материала значимо все: и лубок, и царская диадема, либо – и ромашка, и гиацинт, и баобаб, и ива. Очерковость же, контурность предполагает акценты, сделанные на моментальных снимках. При таком подходе, чем менее материал обработан автором, тем более он значим с точки зрения истории...

Автор-составитель вполне сознает, что книга неполна, и что в сфере культуры, как и в сфере образования, далеко не все принимают друг друга: и люди разные, и взгляды, скажем, на живопись или поэзию могут быть очень несхожи. Да и личные отношения могут складываться по разному. Но на то она и жизнь, чтобы быть разнообразной и неоднозначной, и, может быть, именно такой, пусть и фрагментарно запечатленной, она не менее интересна для истории, чем масштабные полотна. Правда, при всем этом сами очерки неполны, они, по мере возможности отграничены от слишком личного, от того, что те, кто очерчен в этих кратких заметках сами не хотели бы видеть в печати.

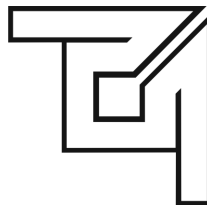
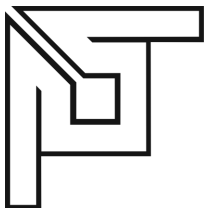
Поскольку же вопросов культуры касался не только автор этих строк, постольку совершенно естественно, что книга дополнена мастерски сделанными очерками и наблюдениями, за что я всем другим искренне благодарен.

Вторая же часть, как и в предыдущей книге, представляет собой наброски размышлений, либо просто беглых, ситуативных замечаний самого автора, связанных с теми

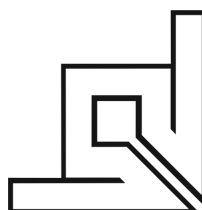
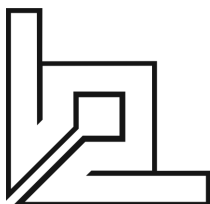

или болями, если хотите, подчас, синяками и царапинами и проблемами нашей культуры, очерченными в заметках о том, что заставляло задуматься именно в это время: «здесь и сейчас».

КОНТУРЫ

**УСЛУГИ ПО
ИСПРАВЛЕНИЮ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
СИТУАЦИИ**

€99

Ожившая сказка

ХАЛИФАЕВА Н.В.

Бог создал мир из ничего.
Учись, художник, у него. –
И если твой талант – крупица,
Соделай с нею чудеса,
Взрасти безмерные леса.
И сам, как сказочная птица,
Умчись высоко в небеса,
Где светит вольная зарница,
Где вечный облачный прибой
Бежит по бездне голубой.

К.Бальмонт

Кто бы ни заходил на выставки наших костанайских художников, наверняка замечал и уже не мог отвести взгляд от, казалось бы, таких обыденных вещей, как подносы, расписанные Натальей Халифаевой. Прикасаясь к ним взглядом, зритель словно погружался в мир детских сказок. Сказками дышали и дышат и те из них, с которых на вошедших глядели не героини знакомых с детства историй, а, казалось бы, самая обычная природа. Смотришь - и вспоминаются волшебные сказочные зеркальца, которые в ответ на незатейливые слова «Свет мой, зеркальце, скажи», готовы показать весь мир. Настолько сказочен сам воздух этих подносов. И уже не декоративные вещицы, а иные из картин, которые можно увидеть в ее квартире и уютящейся в одной из небольших комнат мастерской, наполнены той же сказочностью, той же скрупулезностью отделки. Скрупулезностью, которая немыслима без любви к тому, что делаешь. Ведь если говорят, что талант – это труд, то, пожалуй, принять такую чеканную формулу можно лишь с одной, но существеннейшей поправкой: талант – это труд с любовью, труд, без которого человек уже не в силах существовать. И той же любовью и к жизни, и к красоте, и к самому творчеству наполнены полотна с цветами, написанные уже в

совсем иной манере. И здесь ненавязчивая, не оглушающая избыточностью «кислотных» красок, а такая органичная красота, словно перед вами и не картина, а частица самой природы, мгновение, остановленное кистью художника.

«Иногда, – говорит Наталья Владимировна в беседе с молодой журналисткой Настей Овчар, – мы просто торопимся жить. Не замечая обычных вещей – просто выпал снег, расцвела яблоня... А именно из этих мгновений состоит наша жизнь... Проникновенно написанные пейзажи, – добавляет уже журналист, – наводят на размышления о том, что все быстротечно, а вокруг так много красивого, к которому привыкаешь и не обращаешь внимания в суматохе буден» (1).

Размышления могут быть и иными. На то оно и искусство, чтобы в каждом пробуждать что-то свое. А в том, что это искусство не оставляет сомнений не только взгляд зрителя, но и профессиональный взгляд искусствоведа. Известный в области искусствовед Татьяна Токарева в своей статье «Радуга в цветах» писала о Халифаевой: «В каждой своей работе она добивается цельности изображения и выразительности образов. Природа на ее подносах одухотворена, цветы и птицы сказочно прекрасны...» (2) Смотришь, читаешь отзывы с выставок – и даже не верится, что перед нами творчество человека, который изначально получил не художественное, а иное, хотя в чем-то и родственное образование.

Так откуда же истоки этой тяги к прекрасному и умения запечатлевать красоту?-

Наталья Владимировна родилась в Костанае, тогда еще Кустанае, в 1968 году. Отце ее, Владимир Пантелевич, служил в милиции и достиг звания полковника. Впрочем, его она плохо помнит, так как родители рано расстались. Отец продолжал свою службу в Алма-Ате (ныне Алматы), а мать со старшим братом и маленькой Наташей вернулись из тогдашней столицы Казахстана в Кустанай. Но девичья фамилия Натальи – Крохмалева осталась отцовской, хотя сама мама – Римма Николаевна Гуртова. Бабушка Катерина Ивановна была уральской казачкой – из Верхнеуральска.

Сестра ее работала в «театре шапито». Приехав в гости вместе с сестрой, бабушка и познакомилась с дедушкой, с которым судьба забрасывала ее и во Фрунзе, и в Самарканд. Дедушка же – Николай Степанович Челипенко родом из Днепропетровска. Был участником революции. Потом чекистом. Следователем Кустанайского розыска. С годами стал инвалидом второй группы.

«Прадедущка же по маминой линии был ... писарчуком в царской армии». Не художник, но почерк, как вспоминают, был каллиграфическим. Наверно, от него и передалась тяга к изяществу и красоте», - вспоминает Наталья Владимировна (3)

Правда, художественные способности, видимо, были и у мамы. Еще в школе ее просили рисовать мелом с учебника приборы, комбайны и т.д. «Наверно, не туда поступила», - иногда полшутливо говорит она...»

Рожденная в 1935 году и выросшая в семье, где было четверо детей, будущая мама Натальи Владимировны с детства привыкла к самостоятельности. Домохозяйка бабушка, когда случалась возможность подрабатывала. Летом уезжала на сенокос, а дети, включая и маму Наташи, на долгие летние месяцы оставались без матери: сами готовили, сами поддерживали порядок в доме. Окончив же школу, Римма Николаевна поступила в ЧелГУ, где и училась с 1953 по 1958 год. Поскольку бабушка к тому времени болела, вернулась из большого города в степной Кустанай. Здесь прочла объявление, что требуются сотрудники в создававшийся тогда Проектный институт. Поскольку она по образованию строитель, обратилась туда. Приняли сразу. Инженером в проектную группу. Возглавлявший работу Л.А.Куперман ценил и любил кадры. Да и работы было много. Очень много. Римме Николаевне доводилось проектировать и сооружения Аркалыка, и многое, многое другое. Ведь целинная область развивалась очень быстро. Последним же ее проектом стало десятиэтажное здание общежития Костанайского пединститута. При этом, по словам уже Натальи Владимировны, передававшей услышанное от матери: «типовых проектов не было.

Все чертили сами». А Дворец пионеров, который довелось проектировать и Римме Николаевне, стал народной стройкой – многое для его появления на свет делалось бесплатно – в подарок детям.

Труд Риммы Николаевны был оценен и руководством института, и государством. Она получила орден «Трудового Красного Знамени», медаль «За освоение Целины», медаль ВДНХ и целый ряд иных наград. Какие-то из медалей маленькая Наташа даже носила в садик и, увы, кое-что потеряла.

Прошли годы, но и по сей день Римма Николаевна продолжает работать. Уже главным инженером в фирме «Стронг холдинг». И не случайно. Специалистов той выучки, той подготовки, которую получали в былые десятилетия сегодня, в годы перманентных реформ в образовании, причем там, где требуется конкретная работа, а не ее имитация, не так-то просто заменить.

А как же сама Наталья Владимировна? – Тяга к природе вошла в нее, наверно, с молоком матери, причем в буквальном смысле этого слова. Когда Наташа только родилась, мама, по ее словам, взяла дачу и ее, годовалую, постоянно брала с собой. Туда, где еще и кустика-то не было. Но зато светило приветливое солнце. Передалась дочери и любовь к даче, неотделимая от любви к прекрасному. Маленький штришок: когда мы только договаривались о встрече в мастерской, Наталья Владимировна сомневалась: а не придется ли ей в этот, не слишком погожий октябрьский день, ехать на дачу – высаживать тюльпаны, потому что узнала: в земле тюльпаны лучше переживут зиму...

Влекла не только дача. Когда немного подросла, нравилось и в детском садике, не обходилось без детской шкоды. Бабушка жила неподалеку и потому по утрам отводила в садик внучку. Однако, бывало, что та, оказавшись одетой, не дожидаясь, сама прибежала в садик, чем явно доставляла лишние хлопоты и маме, и бабушке, да бывало еще и с любимым щеночком. Воспитатели не только не журили, но и за собачкой могли присмотреть. «Время было такое»...

А однажды было целое приключение. Уже одетая для того, чтобы идти домой, Наташа спряталась в шкафчик. Приходит бабушка, а сотоварищи по детскому заговору: «Ее уже мама забрала». Приходит позже мама: «А ее уже бабушка забрала». Жарковато в шкафчике. Но чего не выдержишь, ради такой забавы! И лишь, когда пришла ночная смена (были тогда и такие) шутницу заметили, накормили и уложили спать. Больше всего запомнилось, сколько рисунков нарисовали для нее старшие ребяташки в тот вечер. Поскольку телефонов тогда не было, ночь прошла без паники. Зато утром, когда, ничего не подозревая, бабушка зашла за внучкой, и обнаружилось, что она не ночевала ни у бабушки, ни дома у мамы, обе стремглав понеслись в садик.

К счастью, как вы уже поняли, все завершилось хэппи-эндом. Но вот что поразительно: даже в наше толстокожее время Наталья Владимировна с чувством стыда вспоминает подобные детские шалости. И это сейчас, когда нередко начинает казаться, что слова «стыд», «честь», «совесть» стали такой же архаикой, как «тройка (птица-тройка)», «ямщик», «облучок» давно уже уступив место таким, как «круто», «успех», «тачка». Но, быть может, именно эта «тонкокожесть», именно эта восприимчивость и является неотъемлемой чертой художника, как и писателя, и поэта?

Ну и, конечно же, увлеченность.

Наталья Владимировна, насколько себя помнит, «всю жизнь провела на полу»: учась в 115-й, «железнодорожной» школе», постоянно рисовала стенгазеты. Иногда бывало даже обидно: «Рисую газету для учительницы математики. Случается полночи не сплю. А она утром обязательно спросит. Ну, разве справедливо?»

Но рисовалось и без заказов. При приближении Нового Года все окна в подъезде – от первого этажа до пятого – расписывались Дедами морозами и Снегурочками. К весне уже взрослым женщинам приходилось все это отмывать. Поругивались. Но в меру. Как-никак, а тоже детское творчество.

Вообще же росли на улице. Бегали, как в свое время и мы, по стройкам и даже к летному полю. Собирали

тюльпаны. Ловили кузнечиков и бабочек. Тогда и всех соседей знали, и «дворовая жизнь была очень веселой» - ровесников-детюшек было множество.

Что касается собственно учебы, то математику, физику, химию не любила. Зато, «я сейчас хвастанусь», негромко добавляет Наталья Владимировна, «в школе прочла «Мастера и Маргариту». Отпечатанного еще на машинке. Брат, который старше на семь лет, достал... Очень понравился и Ходасевич», о котором тогда многие не только школьники, но и образованные студенты, как говорится, слыхом не слыхивали. И это объяснимо: кого из молодых не притягивало «все, что нельзя» или трудно достать?

Детских увлечений у Наташи было много. Еще в садике ее водили на балет, что, наверное, не случайно: она и сегодня выглядит на редкость стройной и гибкой. Позже – ходила и на баскетбол, и на волейбол, и на легкую атлетику.

А вот в студии или кружке по рисованию практически не занималась. Но запомнилось-таки, что, когда малышкой ходила на балет, то во время перерывов, находившиеся в том же здании юные художники рисовали их прямо в балетных юбочках.

Правда, пару раз была на секции рисования и во Дворце пионеров. Но обиделась: пришла по своей привычке пораньше: а тут такие сокровища- тюбики с красками. Собрала все, что успела. Но пришли старшие. Наругали, а тюбики забрали. Ну, как такое стерпишь?

Позже в том же Дворце пионеров появился и стол с чаепитием. Привела туда подруга Алла Синицина. Но, опять-таки, не то: вместо того, чтобы сразу самой за дело, так посадили и стали рисовать... Кого бы вы думали? - Саму Наташу. Роль модели для нее – школьницы показалась явно непривлекательной, рисовать хотелось самой. И на этом встрече за столом завершились.

Закончив школу, пробовала поступить в Свердловский архитектурный, но не удалось: то черчение, которое, вроде бы, так знакомо, оказалось техническим, то мало любимая математика стала камнем преткновения. Поэтому один год проработала в Проектном техникум-архитек-

тором: разукрашивала обложки и занималась тем, что, опять-таки, как-то было связано с рисованием. Потом поступила в строительное училище, осваивать азы чертежного дела. Через год закончила с отличием, после чего на четыре года стала студенткой отделения «Техник-архитектор» Свердловского строительного техникума. С соседкой по общежитию стремились не пропустить ни бывшие на слуху кинофильмы, ни спектакли. Удалось даже посмотреть московскую «Юнону и Авось», а ради одного из спектаклей и билеты на самолет в Свердловск взяла пораньше. Вот там, в Свердловске, она и познакомилась с будущим мужем – парнем из Таджикистана, чью фамилию она и взяла. Имя его Хомиджон. Сам он из большой семьи. У него четыре брата и две сестры. А вот профессия у него совсем иная, нежели у Натальи. Хомиджон уже в Костанае получил юридическое образование и сейчас служит в правоохранительных органах. (4, с.1). У них родилось две девочки: Зарина и Амина, в жилах которых течет украинско-русская и таджикская кровь. Такая вот интернациональная семья, что не редкость для Казахстана.

«...Учеба, творчество и семья – комбинация не из простых. Уже беременной Наталья завершала свою учебу в техникуме. Когда закончила, появилась возможность поступить без экзамена в Ургу. Но шел переломный девяносто первый год. Жить было не просто. И мама, которая сама сполна познала «почем фунт лиха», весьма скептически оценила возможность дальнейшего, уже высшего инженерно-технического образования, связанного со строительством, архитектурой, и, что естественно, с рукотворной красотой: «Ты, что, как я, хочешь всю жизнь в драных колготках ходить?». Увы, в этих словах была грустная правда тех дней: высшее образование и в советское-то время далеко не всегда несло с собой «материальное преуспевание».

Так, после рождения первой дочери семья Халифаевых оказалась в Костанае. Но... от судьбы-природы, судьбы-влечения не уйдешь. И как часто такой судьбе помогает случай! Случай – не случай, а «старая» подруга Алла

Синицина (в прошлом жена одного из очень известных и талантливых уроженцев Костаная – такое вот сплетение жизненных тропок) повела Наталью в ТОО «Пересвет». Как раз набирали девочек, которые могли бы расписывать подносы в ТОО, созданном семьей Поповых. Подносы же давно влекли Наталью. Еще в Свердловске, «обчекрыжив» свою, не слишком большую стипендию, купила очаровавший ее тагильский поднос. Объединения менялись, а дело осталось. Наталья стала рисовать уже не только цветы, а и пейзажи – филигранная работа, завораживающая своей сказочностью. В собственно же художественные мастерские Наталью вместе с собственной ученицей ввел в 1994 г. известный в Костаная дизайнер и художник С.Луговой. Их приветили. Н.В.Торшин дал молодым художницам комнатку. К тому же Наталью «настойчиво» пригласили учить детей в педагогическом колледже, где она и проработала шесть лет. Тогда же поступила в Костанайский гуманитарный институт «Зерде», который и закончила в 2002 г. Наталья Владимировна – участник десятков выставок, среди которых успешные персональные выставки в Лисаковске, Челябинске. Халифаева – обладатель Гран-При областного фестиваля «Молодежь – XXI веку» в номинации «Прикладное творчество» (1996 г.), лауреат премии «Шабьт» Костанайского клуба меценатов (2001 г.) С 2004 года она – член Союза художников Казахстана. В 2008 году «в числе представителей Костанайской области была на презентации новой столицы Казахстана». В 2012 она стала лауреатом премии «Казына».

По словам бывшего директора Костанайского художественного салона, человека, искусственного в вопросах живописи, Лидии Петровны Маслюк, Н. Халифаева, наряду с такими мэтрами, как Г.М.Соков, из тех, чьи имена «на слуху», а работы являются «наиболее продаваемыми». «... у жителей нашего города, - добавляет Лидия Петровна, - хороший вкус, многие сразу определяют, насколько профессионально написана картина, и в основном выбирают работы опытных художников» (5)

В каталогах и буклетах Наталья Владимировна кратко характеризуется, как «автор миниатюрной живописи на

металле, пейзажей, натюрмортов, росписей. выполненных в технике «батик».

Но эти сухие строчки столь же мало могут сказать о творчестве художника, как, к примеру, рентгеновские снимки и антропологические измерения о потенциале шахматиста. Ведь творчество Халифаевой (что свойственно и для многих иных художников) – это сплав живописи и поэзии, о чем говорят и названия ее выставок. Вслушайтесь только в музыку их названий: «Радуга в цветах», «Музыка осеннего дождя». «Весеннее цветение», «Когда распускается верба»... «И жизни многоцветной звуки», «Весенний поцелуй». «Чарующий мир».

И уже в буквальном, а не переносном смысле, этот сплав искусства и поэзии рельефно проступает на одной из выставок («Радуга в цветах»), где каждое произведение сопровождается искусно подобранными искусствоведом Галиной Медведевой строками из стихов русских, английских и японских поэтов..., среди которых особенно полюбившиеся самой Наталье стихи нашей землячки Александры Суловой.

Конечно, многие из этих строчек хорошо известны. Равно, как и не все названия выставок могут поразить необычностью звучания. Но такова поэзия уже самой природы, прорастающей в творениях художников. Поэзия, примагничивающая не оригинальничаньем и эпатажем, а своей жизненной силой и красотой, прорастающей в обыденности.

Правда, красота художественная – совсем не обязательно «красивость» в ее поверхностном понимании. И это остро чувствуется в творчестве самой Халифаевой. Кудесница сказки в своем собственном автопортрете беспощадно реалистична. Ни малейших признаков «художественного макияжа», ни налета «парадности». Откровенный психологизм и естественность, которые отнюдь не затемняют привлекательности, а лишь подчеркивают ее.

Завершаю этими строками беглые заметки и невольно вспоминаю картину всемирно известного российского «зубра», художника, которого, вопреки критическим

ливням, я и сам, отнюдь не как дока, а как заурядный зритель, чту за колоссальный труд и виртуозное мастерство. Картина эта глубока по мысли. Перед зрителем нищий. Судя по всему, ветеран, сидящий на газете с символическим названием «Россия». Замысел понятен. Мастерство очевидно. Но бьет в глаза ярко синий, «кислотный» цвет костюма – и целостность восприятия рушится, как подтаявшая ледяная глыба. Кстати, то же самое непроизвольно отталкивает от иных современных «военных фильмов»: не изведавшие солнца ярко-зеленые гимнастерки буквально режут глаз. Ну не может быть незапыленного костюма на нищем и новехонькой амуниции на бойце!..

Казалось бы, детали. Но они так значительны, когда речь идет о творчестве. И прав я или нет, но творчество Натальи для меня лично – не как профи-искусствоведа, а просто как зрителя, замечательно тем, что здесь фантазия, сказка, оставаясь сказкой, органично вырастает в жизнь, не оставляя тревожащего чувства недостоверности. А это дорогого стоит.

Литература

1. Овчар Анастасия. – Заметьте яблоню цветущую... - Костанайские новости. – 13 июня, 2009 г.
2. Токарева Т. Радуга в цветах. Выставка работ Натальи Халифаевой. – Челябинск, 1988.
3. Наталья Халифаева. «талант передался мне от прадедушки». – КН «Домашний очаг», 4 августа 200 (?)
4. Сергазинова Александра. Традиции народа – богатство семьи. – Костанай, 22 марта 2007 г.
5. Маренинова Валентина. Искусство, которое продается. – Наша газета, 4 июня 2009 г.
6. Ельдесова Зарина, Алкенова жанар. Чарующий мир Натальи Халифаевой . – Костанай. 18 июня 2009 г. Оптимизм осеннего декора...
7. Денисова Яна. шедевры на подносе... 17 марта 2001 г.
8. Байрахманова Жанна. И жизни многоцветной звуки... - Костанай, 25 ноября 2004 г.

«Он не боится учиться... новому»

БЫКОВ В.В.

Вадим Вячеславович Быков несмотря на свою относительную молодость (он родился в 1968 году, 7 октября) – с 2005 года председатель правления Кустанайской областной организации Союза Художников Республики Казахстан. Родился он в поселке Урицкий (ныне Сарыколь) нашей, Костанайской области. Здесь же, но только в 1949 году родился и его отец, Вячеслав Григорьевич.

Когда касаешься даже самых кратких биографий людей, так или иначе связавших свою жизнь с искусством, всегда зарождается вопрос: как же родилась и как закрепилась эта тяга к творчеству? И очень часто на такие вопросы не находится однозначных ответов.

То же самое можно сказать и о жизненном пути Вадима Вячеславовича. В роду, вроде бы, никакой такой заметной тяги к рисованию и не было. Хотя с отцом не все так просто. «Финансист и экономист» по первоначальному базовому образованию (закончил техникум в Семипалатинске), после учебы пошел служить в армию и попал на Кушку – самую южную точку огромной страны, на ту самую, о которой говорили: «Есть на свете три дыры...» и одна из них – Кушка.

После службы армии «пошел в милицию».. Начинать лейтенантом. Закончил же службу в перестроечном 1987-м начальником ОБХСС Кустанайского райотдела. Уже во время службы получил высшее образование, закончив Карагандинскую высшую школу милиции. После увольнения работал в Госснабе, с 1994-го – в арбитражном суде, и в отставку уходил, как Костанайский областной судья.

Как видим, основная стезя отца далека от искусства. Однако с самых малых лет отец любил музыку, увлекался самодеятельностью, играл на свадьбах («наверное, лет с пяти»).... Да и рисование было ему не чуждо. Свой «дембельский альбом» оформлял сам.

Мать же Вадима, Анна Максимовна, с Брянщины, знаменитого в годы Великой Отечественной партизан-

ского края. Недаром в одной из песен прошлых лет звучало: «Шумел сурово брянский лес... Шли лихие партизаны...». Приехала к своей сестре- целиннице на кустанайщину, где (в Октябрьском районе) и свела ее судьба с будущим отцом Вадима. Интересно, что оба они (и будущая мать, и отец) были младшими, четвертыми в своих семьях, причем у отца разница в возрасте со старшим братом составляла 21 год!

Это – следы той печати на человеческих судьбах, которые оставила война. Мамина же семья при этом не просто оказалась в оккупации, а и на чужбине. Бабушку Быкова, двух ее старших братьев и сестру вывезли в Германию, где они должны были работать на некоего Бауэра. Но и там бабушка Вадима смогла сохранить жизни всех своих детей.

Детство же самого Вадима, как и детство миллионов детишек тех лет, было «обыкновенным». Правда, запомнилось, что была у него, совсем еще крохи, лошадка на колесиках, и он года в полтора изрисовал ее «в яблоках», используя для этого мамину губную помаду. А так – все, как обычно. С друзьями лепили фигурки из пластилина, вооружая их мечами и пиками из алюминиевой проволоки, сочиняя попутно то истории индейцев, то – Спартака... Всюду лазили. Играли в войнушку, приспособив для такой цели самодельные деревянные ружья с резинками от трусов и стрелявшие горохом...

Еще запомнилось, что как-то, зайдя к другу, увидел на стене графический портрет Юрия Никулина. Друг гордо пояснил: «У меня дядька – художник!» Подумалось: «Ничего себе!»

Когда пошел в школу, хотелось попасть и в музыкалку. А тут, как раз, когда был в классе третьем, при музыкалке открыли ИЗО – «И мы всем двором, – вспоминает Вадим Вячелавович, – а нас было человек семь, пошли туда. Проучился пять лет. У Галины Германовны Макаренко. Ранние, еще учебные работы этой первой учительницы, сделанной ею в зоопарке, и сегодня висят на одной из стен мастерской Быкова.

«Правда, – говорит он, художку я бросил много раз». – Что ж, мальчишка есть мальчишка. не каждый усидчив с

измала. Да вот «мне не повезло, или, наоборот повезло» - соседом был директор школы, и о пропусках непременно сообщал родителям. Когда же семья переехала, то соседкой уже стала сама Галина Германовна. Ну, куда тут денешься?

А так, «ничем не выделялся». Впрочем, и «не выделялся», подчас невольно, а задумывался над тем, что в учебниках не прописано. Так, к примеру, «учили же в школе, что, по Ленину, государство – аппарат насилия. Но, если это так, значит и наше (тогда еще советское государство) тоже аппарат насилия...»

Ох уж эта детски-юношеская мысль! Какими неожиданными поворотами она может озадачить учителя!

Но при всей критичности своего восприятия, Вадим отнюдь не мечтал о чем-то особенном. Хотел пойти по стопам отца: педвуз, истфак, милиция... Но случилось иначе. Уже в дни сдачи школьных экзаменов Быкова вызвали в учительскую и там приезжая дама, «покупательница», как сказали бы армейцы, предложила учебу в Челябинске. Кончилось тем, что поехал в этот огромный в сравнении даже с Кустанаем, южноуральский город и поступил учить в двухгодичное 102-е училище при ЧМЗ (Челябинском металлургическом заводе).

Там, в Челябинске, Вадим впервые увидел художественную мастерскую профессионала. Она примыкала к квартире художника и выглядела огромной - метров пятнадцать в длину и метров шесть в ширину (тогда в одном из районов специально строили дома, верхние этажи, которых отдавались художникам). Поразило то, что все стены были увешаны картинами. И всюду кисти, краски...

Закончив училище, Вадим получил специальность художника-декоратора. Был призван на два года в армию. Попал в Читинскую область, в ракетные войска стратегического назначения (сокращенно: РВСН). Но, как и у многих, прикасавшихся всерьез к карандашу и кисти, его обычная служба продлилась недолго. Спустя какой-то месяц после начала службы Вадима вызвал замполит, обматерил: «Почему сразу не сказал, что художник?» Вадим ответил, что «служить хотел». Но после этой встречи служба стала

иной: оформление клубов, ленинских комнат и т.д., свобода от казармы, два отпуска домой. «Дембельским же аккордом» спецзаданием перед увольнением в запас, стало оформление танцзала.

А потом, после армии? Жизнь была пестрой, как и само время. Поначалу работал в производственных мастерских художником -оформителем. Оформляли школы, дворовые клубы. Позже – садики...

В один же «прекрасный день» встретился с директором детско-юношеской библиотеки им. И.Алтынсарина. Стал работать там, и «прикипел» к библиотеке на 17 лет. И не только прикипел – в захламленном до этого подвале оборудовал собственную мастерскую. Параллельно, в 2002-м, поступил в КГУ, когда же при разделении вузов отделение переместилось в педвуз, закончил уже пединститут. Любопытно, что поначалу сама мысль об учебе в уже не юношеском возрасте показалась странной. Но Захарченков и Демин, с которыми Быков познакомился за год до этого, убедили: «Посмотри на Новоселова, Куда старше, а тоже уже зрелым мужем закончил вуз». И совет оказался уместным. Сегодня Вадим Вячеславович не только имеет немалый опыт художника оформителя и создает собственные уже художественные произведения, но и ведет занятия в арт-студии, которая приютилась прямо в его мастерской, расположенной под крышей комплекса «Март».

И работы членов этой студии уже не раз выносились на суд зрителя. Приведем здесь лишь один из отзывов об одной из таких выставок: «Удивительный мир эмоций и красок! Спасибо деткам и Вадиму Вячеславовичу. Сюда надо приходиться снимать эмоциональное напряжение и заряжаться положительной энергетикой...» (Давиденко Т.И.)

При этом с 2000 года и сам В.В.Быков является активным участником областных и республиканских выставок. Он – обладатель диплома первой степени областной выставки «Молодые 21-му веку» и участник 3-го международного фестиваля «Шабьт». С 2004-го года – член

Союза художников РК. В 2009 г. стал лауреатом премии «Казына» Костанайского клуба меценатов.

Тематика выставочных работ Быкова одновременно и разнообразна, и подчинена определенному настрою, о чем могут свидетельствовать уже названия персональных выставок, примеры которых здесь можно вспомнить. Так, его 12-я персональная выставка получила название «Сквозь призму глаза». На выставке зрители смогли увидеть три десятка работ художника.

Название говорит само за себя. На картинах – человеческие глаза. Почему? – Вадим Вячеславович говорит об этом просто: «Самое выразительное, что есть в человеке это даже не сами глаза, а взгляд. У собаки, например, глаза могут быть добрыми, умными, а у человека есть взгляд. Он тоже бывает разный. Разумный, ласковый, понимающий, грозный. И каждый из нас трактует один и тот же взгляд на свой лад...» (1)

Конечно, с последним суждением психолог и социолог мог бы поспорить. И у взглядов, и у поз, и у жестов есть свои варианты, четко прочитываемые, по крайней мере, в границах определенных культур, иначе общение, коммуникация были бы просто невозможны. Но в том-то и специфика искусства, что, улавливая общее, оно, если это искусство, неустанно стремится к нюансам, не сводимым лишь к общему, стандартизированному, к тому, что и делает человека человеком, а не просчитываемой до конца крохотной частицей того или иного мирка.

Да и увиденные художником глаза – это не столько блики, мгновенные снимки того, что мы называем реальностью, сколько сгустки образов и мысли – мыслеобразов самого автора. По словам одного из посетителей выставки, «Глаза» у Быкова – это не часть лица, это, скорее, природная форма, которую художник придает различным объектам: глаз-туннель (бывают такие!), глаз на застежке-«молнии» (хочу-смотрю, хочу – нет), глаз в качестве балансира (миллион ассоциаций)» (2)

Выставка эта состоялась в мае 2009-го. Интересно, что, хотя большинство картин было написано в том же самом

году, самая первая из вошедших в нее картин «датируется еще 1999 годом» (3)

Впрочем, для самого художника интересны не только люди, но и животные, особенно собаки. Передавая свои впечатления от выставки «Мир глазами молодых» известный в области журналист, чутко чувствующий искусство, Светлана Офицерова писала: «Собаки на его портретах удивительно человеческие, с такими умными, выразительными глазами, какие не у каждого двуногого собрата встречаются» (4) А вот как увидела мир животных Быкова Людмила Михайлова: «Они такие одухотворенные, что кажется, что зевающая собака вот-вот закроет пасть и покосится на тебя своими добрыми карими глазами, а бабочка взмахнет своими радужными крыльями и улетит» (5)

Особое место в творчестве Быкова занимает обнаженная женская красота, включающая и то, что рисовалось с натуры. Та грань его творчества, которая наиболее целостно предстала на его персональной выставке 2007-го года «Магия форм» (6). вобравшая в себя два десятка различных работ(7).

Совершенно естественно, что обнаженная женская фигура, там, где только позволяла традиция, веками влекла художников. Да и нагие мужчины издавна известны искусству определенных народов. Но все же встает вопрос: а почему, изображаемая художником и скульптором нагота – искусство, увиденное на фото, на экране может быть отнесено не просто к эротике, но и порнографии?

Вопросы без одного ответа, который можно было бы дать на все времена и для всех культур. Так думает и Вадим Вячеславович. Но при всем при том его ответ на этот вопрос, поставленный применительно к нам и к нашему времени прост, образен и, по своему, очень глубок: «Эротика – это книга, порнография – кино». Попробуйте раскрутить его мысль сами. Здесь есть над чем подумать. Но главное, что само его творчество помогает не просто понять, а прочувствовать сказанное. Даже картина – искушение, на которой перед зрителем предстает сидящая в свободной позе нагая женщина по своему целомудренна.

Но есть же и иные прочтения наготы. В современной скульптуре можно встретить и изображения женщин, словно рассматриваемых на гинекологическом кресле. И это тоже искусство. Так что вопросы остаются. Но это уже вопросы не к Быкову. Что же касается самого Вадима Вячеславовича, то беседа с ним, как и с иными, «зараженными» тягой к творчеству, напоминает вхождение в прибрежные морские волны. Беседуя, ты лишь соприкасаешься с тем, что только обозначает глубину, остающуюся за кадром. Поэтому-то и в этом кратком очерке речь идет не столько о художнике в целом, сколько о соприкосновении с тем, что гораздо глубже и богаче упомянутого. Точно так же, как и огромное число людей, гораздо глубже того, что мы могли бы о них сказать, казалось бы, «зная» их годы и годы.

Но и самое поверхностное соприкосновение с миром художника подтверждает слова одного из наших мэтров, Георгия Михайловича Сокова: «Он (Быков) не боится ... учиться новому». А это новое никак не вмещается в обретение диплома в уже довольно зрелые годы. Сам же Вадим Вячеславович вспоминает, что учился у многих, и, прежде всего, у старших коллег. У Захарченкова, у Торшина, Сокова, Александра Петровича Шалунова (отца и супруга коллег Вадима по цеху).

Ну и, конечно же, у всемирно известных мастеров. Не обошло его и увлечение полетами фантазии Сальвадора Дали. Позже увлек своим фантастически-реалистическим миром эротики Валеджо. Тут уместно добавить, что, по его собственным словам, одно время «фэнтази» уже в книгах был одним из любимых его жанров. Чтение вообще для Быкова, как и для подавляющего числа художников, с которыми довелось беседовать, – неотъемлемая часть жизни. Ведь что, как не чтение, с ранних лет будит воображение и населяет внутренний мир сначала ребенка, а потом уже юноши и взрослого теми образами, которые, порой совершенно неожиданно могут стать ростками будущих произведений уже самого художника?

...Влекли и продолжают привлекать те, кто своим талантом прикасается к красоте человеческого тела и мощи

страстей. Так, уже в 2006 году Вадим Вячеславович открыл для себя австрийского художника начала двадцатого века Густава Клинта, «который считался самым эротичным художником своего времени». Вспоминая свои впечатления от «Поцелуя» Клинта, Быков размышляет вслух: «Редко бывает, когда от рисунка, изображения мурашки по коже. А тут, когда глядишь с тобой происходит именно это. А «Даная» этого автора? – Бестия рыжеволосая... Как передано ее возбуждение, ее экстаз от зевсова золотого дождя! Человек писал, как Бог, наверно...»

Конечно, тут можно было бы сказать, что даже самые именитые могут восприниматься неоднозначно, и суждения о них, могут быть различными. Но здесь замечательна почти детская способность восхищаться тем, что создали другие. Что, впрочем, ничуть не снижает критичности восприятия и творчества, и окружающего мира. Так, к примеру, Быков довольно сдержанно воспринимает работы Никаса Сафронова, с образцами которых могли летом 2015-го года вплотную познакомиться и кустанайцы: «Технарь замечательный. Но для меня не хватает энергетики, идущего изнутри света». И эти суждения могут быть не бесспорными, Но они существенны тем, что для самого Быкова видится главным в искусстве: «Энергетика и внутренний свет, жизнь, лучающаяся, как сквозь стекла витража, сквозь покровы контуров, красок, слов».

Литература и источники

1. Анастасия Овчар. «Сквозь призму глаза». Без указания издания.
2. ... Мои «глаза» живут своей жизнью. Костанайские Новости...
3. Набиева Зульфия. 31 всевидящее око. – Наша газета, 14 мая 2009 года, с.5.
4. Офицера Светлана. Глаза собаки и цветы. Без указания издания.
5. Михайлова Людмила. Мир в «Глазах» Вадима Быкова. КН (???), 27 марта 2001 г. Полоса подготовлена Светланой Шляковой.

6. Гурская Ирина. Магия форм. – Костанай, 2007 (Перспект).
7. ... Художник и его женщины. (Вернисаж)
8. ... Материя и чувства. (Вернисаж). ... 24 февраля, с.8.
9. Тюлев Марат. Всевидящий глаз искусства. – Костанайские Новости...
10. ... «Вадим Быков: Живу в состоянии вечного ремонта». – Костанайские новости... («Домашний очаг»), с.14...
11. Григорьев Илья. Комната с правом на надежду. – Костанайские новости, 13 сентября 2007 г.
12. Овчар Анастасия. Чтобы устать от счастья, нужно очень постараться. – Костанайские новости...
13. Буйство красок от арт-студии. – Старый сайт- Костанай-АГРО. Вторник. 06. 10.2015 г.
14. Офицерова Светлана. И тянется рука к карандашу... - Костанай, 2004, №111 (30 сентября).
15. Кенжебеков Ергали. Душа на холсте (АРТ-новость). Наша газета, - 14 сентября 2004 г.
16. Деменок Андрей. Портреты людей и волков. – Наша газета, 10 октября 2013 г.
17. Деменок Андрей. Художник Вадим Быков представил зрителям свой «Хоровод мыслей». – Наша газета, 17 октября 2013 г.
18. Бермагамбетова Айнагуль. Волшебство графики. Выставка «Хоровод мыслей» открылась в картинной галерее. – Наш Костанай. -10. 10. , 2013 г.
19. Дверца в мир творчества. В Костанайском краеведческом музее проходит выставка учащихся арт-студии, которой руководит художник Вадим Быков. Костанай-АГРО. – 9. 10., 2015 г. Веб-сайт.

Его судьба бросала по всей стране

КАРПЕНКО А.П.

Александр Петрович Карпенко – художник. Из тех редких ныне мастеров, которые посвятили себя работе по дереву. Человек, от самого облика которого веет силой и славянско-русской стариной. Рослый, крупный, хотя и не особенно широкий, с круглым лицом в очках и черными, густыми, отброшенными назад волосами с прорастающей на висках сединой, редкими ныне, сильными квадратными ладонями и еще более редким густым голосом. Ироничный и... самоироничный. Он почему-то напомнил мне известного русского писателя Сергея Довлатова. Нет, не самой внешностью, и не деталями биографии, а именно этой, идущей изнутри самоироничностью сильного человека, который может без тени комплексов упоминать о собственных слабостях - ведь он знает, что такое сила и ощущает эту силу в себе, чувствуя при этом, что его собственная сила не предел того, что дано тому или иному конкретному человеку.

Карпенко из тех, кого судьба с раннего детства бросала в разные концы огромной, как целый континент страны: от Дальнего Востока – до Казахстана, Западной Украины, а позже и уже российского Южного Урала.

Родился он в 1953 году в маленьком Приморском поселке Кастри. Настолько маленьком и малоизвестном, что в своей жизни лишь однажды встретил человека, который знал об этом поселке. Рождением же своим он обязан тому, что служивший на Дальнем Востоке его отец, Петр Федосевич, был контужен, демобилизован, стал уже гражданским работником службы связи и там же, на Дальнем Востоке познакомился с будущей матерью Александра, которая была родом из Читинской области. Так случилось, что отец прожил мало, когда Александру – одному из трех его детей, было лишь восемь лет. Так что будущий художник с детства «стал маленьким мужичком» - и дрова рубил, и уголь таскал. Впрочем, кто в те годы не занимался этим или чем-то подобным? – Ведь даже многие города были

усыпаны домами «частного сектора», в которых нередко еще и скотину держали...

Мать сначала, как и отец, работала в связи. Потом по партийной линии и в архиве. И в 2014 (время беседы), в свои 85 она энергична, и не просто энергична, а, по словам Александра Петровича, «пашет на трех дачах».

Поскольку родители Александра в его раннем детстве работали связистами «по найму», постольку им приходилось «кочевать» и попутно рожать детей, а именно самого Александра, его брата и сестру. Так, после Кастри семья оказалась на «западной точке» Охотского моря. Детали стерлись из памяти. «Но, - вспоминает Александр Петрович, - я помню само состояние. Посмотрел «Холодное лето 1953» и в памяти всплыли места раннего детства. «В фильме передан дух тех мест. Я сразу узнал родное. Мечтаю съездить на родину. Но туда - дороже, чем за границу. Помнится в Казахстан мы на поезде ехали суток 6 - 7. Но до Казахстана был еще сибирский город Бaley, который и на карте-то было не сыскать. «Урановый», закрытый. Размерами и количеством жителей с Кустанай, но, что и понятно, лучше обустроенный.

В Кустанайскую область семья переехала, когда Александру было лет пять. В Ленинский район, село Демьяновку, что километрах в 160 от Кустаная. «Деревенское детство» вспоминается, как лучшее время: ни матерится, ни драться, ни на деньги играть не научился».

Когда же Александр был в пятом классе, семья переехала в Кустанай, где ему и довелось учиться в расположенной неподалеку от Тобола 15-й школе.

А как же рисованье? - Рисовать любил с садика. В школе, как и многие, рисовал стенгазеты. «Только никогда не считал, что буду художником... Меня, - говорит он в беседе с Еленой Шипициной, - с самого детства называли художником. И только я сам этому не верил, всегда думал: художник - это особое существо, а я лишь срисовываю».

- Сопrotивлялся, значит, судьбе... (вставляет Шипицина).

«Спротивлялся, как же. Даже совсем другую профессию получить успел. Причем легко и просто – окончил зачем-то индустриальный техникум по специальности «Открытая разработка полезных ископаемых». Горняк, короче...» (1, с.76).

Но, наверно, и эта, «побочная» специальность оказалась не совсем уж случайной. В школе, «как ни странно», словно удивляясь самому себе, – вспоминает Карпенко, – «наметились математические способности. В олимпиадах участвовал. А химию и физику не любил – «и сейчас не знаю, что такое электрический ток».

В целом же в те далекие годы многое было интересно по своему. Были и походы за город. Как с учителями, так и без. С другими пацанятами по лесам бродили. И ночевать, бывало, не приходил – в ночном лошадей пасли. И ничего – дома никакой паники.

«Я тогда не понимал, как это взрослые ходят с сухими носками и без пузырей на коленках. Кеды – самая модная тогда обувь – изнашивались за месяц».

А еда? – Тут тоже все просто. В моде были шаровары и вельветовые курточки с карманами: сунешь кусок хлеба – и на целый день. Или посолишь сыроежку – и в рот. Да и с водой было проще. «Я, вообще, долго смотрел, как на придурков, на тех, которые воду покупают. Ведь вот она, вода – кругом...»

Казалось бы, вот оно – «дитя природы», дитя улицы. Но не все так плоско и однозначно. С ранних лет Александр пристрастился к чтению. «Благодаря матушке». Мальцом больше любил не читать, а слушать. Но частенько, когда мама ему читала, у нее неожиданно находились неотложные дела на кухне. И надо же! На самом интересном месте. Так и пришлось самому втягиваться в чтение. Где и что только не читал! К пятому классу перечитал все, что было дома, в том числе и из книг старшей сестры. Потом, класса с восьмого дошел до Вальтер Скотта и «Трех мушкетеров». Любимым же жанром на всю жизнь осталась фантастика. «Правда, - роняет Александр Петрович, - качественной отечественной фантастики было не так уж много: Ефремов, Беляев,

Стругацкие. Из зарубежной запомнился Лем. «А все остальное дребедень тогда было»... По крайней мере, так виделось ему.

Любопытно, что и здесь Карпенко не упускает случая подтрунивать над самим собой, замечая, что со свойствами его памяти мог уже взрослым перечитывать многие вещи, как новые: развязка-то забывалась. С другой стороны, в этом были и свои плюсы: по новому воспринималось и то, чего касался когда-то. Во всяком случае школьные годы оказались теми годами, без которых, наверняка, не было бы Карпенко, как той личности, которая проступает в его работах.

После школы Александр оказался в том самом техникуме, о котором уже упоминалось. Случилось это так. Отца давно уже нет. Мать одна. Вот и выбрал техникум, чтобы матери было полегче: там стипендия. Собственно же выбор, по словам Карпенко оказался случайным: прочли с другом, что в Рудном такой-то техникум, «ткнули пальцами в газету». Так и выбрали. И поступили. Правда, у друга оказалась одна специальность, отделение, где учились сплошь девчата, а у Александра – другая, мужская. Казалось бы, у первого – «малина». Но помучился два года и бросил. Оказывается, когда слабый пол привыкает к тебе совсем уж, как к своему (то есть ты, подросток, становишься «своей»), тоже не всегда лестно. По крайней мере, так ощущалось это тогда. Александр же учебу закончил.

После техникума – служба в армии: Воронеж, Смоленск, Вязьма. Оформлял стенгазеты, Ленинскую комнату. Изготовил и деревянную скульптуру. Поскольку служить довелось в стройбате, то была там и звезда, и рука с кирпичом – «чего-то сам придумал». Почему из дерева? – «С садика ножичком вырезал. Я резать не учился, выходило как-то само собой»...

Работа заняла первое место в округе («кажется, кто-то из начальства даже премию получил»). Так или иначе, а ребята–сослуживцы убедили, что надо рисовать.

Потом, уже после службы в армии, «все получилось нечаянно». После армии, уже в Кустанае, были всякие

поделки, рельефчики, скульптурки. На работе матери ее подруги, «мои шефины», посодействовали тому, что в витрине универмага, «рядом с созданным Луговым, было и мое».

Меня вызвали в «Местпром» и спросили: хочу ли я учиться? Так и отправили в Алма-Ату. После сдачи экзаменов, поскольку был обмен, отправили учиться в Косово. Нет, не югославское. – В Ивано-Франковскую область на Западной Украине. Там прошло четыре года. Понимать по украински научился быстро. Но говорить не стал – «не хотел коверкать чужую мову». К тому же, - упоминает Александр Петрович, - «со мною все говорили по -русски. Хотя националисты были и тогда».

Городок этот был небольшим, население – тысяч десять. Но было отделение Союза художников СССР. Больше пятидесяти членов. «Городок художников» – так и назывался. Курортное место. Очень красивое.

«О месте учебы я не жалею. Там очень сильная школа . особенно она видится таковой по нынешним временам, когда рядом с ней нечего делать многим институтам».

Закончив учебу в Ивано-Франковске, вернулся в Кустанай. «Воткнулся в фонд» Имеется в виду художественный фонд в городе, который в те годы был известен и в Союзе. Тогда ценились прибалты, а здесь были и они. Думал: «Куда мне...» Но показал кое-что в театре. В ответ: «Все вкусно. Все здорово». Так и решился пойти в Художественный фонд, куда и был принят. Кстати, тогда же и женился. Было это в 1980 г. Десять лет спустя, накануне распада СССР, Карпенко становится членом союза художников России. (2, с.2).

Советское время вспоминается самим художником и участником беседы Г.М.Соковым, как время, давно канувших в Лету, жестких требований, предъявляемых к творцу: «Тебя бы никогда не приняли, если бы ты работал на таком уровне, на котором сейчас работают. Ремесло осталось. А, как у художников, уже ничего, и это у многих... Приходит администратор и говорит, что тебе надо и что надо для тебя. И ты деградируешь ».

«А сейчас свобода. Валяй, что хочешь. Зачем мне школа?» – иронично добавляет Соков.

И Карпенко подхватывает так, что чувствуешь: речь идет о наболевшем, но не переболевшем: «Это и неумно, и неграмотно. Школа значит очень много...». И в самом деле, может быть, свобода творчества без школы – это крылья без птицы? – Как не маши ими, а не полетишь...

Конечно же, это суждения сугубо личные. Но как над ними не призадуматься?

Как бы то ни было, а 90-е и начало нулевых стали для Карпенко переломными, как и для десятков миллионов людей бывшего Союза ССР. К тому же дети выросли (а их у Карпенко двое). Надо было думать об их образовании, об их будущем. В Челябинске дали и мастерскую («Без нее я бы не переехал»). Главная причина в том, что Кустанайский художественный фонд развалился. Многие художники разбежались. Кто-то же оказался «на подхватах»... Вот так и оказался Карпенко в России, Но, как и прежде, тянет к бывлым друзьям и оставшимся в Костанае собратьям по цеху.

Творчество остается стержнем всей жизни. За 35 лет – со времени вступления в Кустанайский художественный фонд – сделано немало. «За это время, как о чем-то обыденном, говорит Александр Петрович, - многое можно наворотить». И добавляет: «Что я и сделал». Так просто, без тени нажима, словно речь идет об уборке снега или рубке дров: сколько их не наколешь за такое-то время!

А речь-то идет о «паре тысяч» малых и не очень скульптур из дерева, треть из которых и сейчас в мастерской. Это же целый рукотворный лес! А скульптуры необычны. Подчас головоломны.

О его работах искусствоведы пишут, как об образцах гротеска и символики, облеченной в пластику. Подчеркивается, что «обостренное чувство видения и понимания абсурдности многих явлений, происходящих в современном мире, привело Карпенко к созданию произведений концептуальной направленности». При этом «использование знаков-символов задает более глубинный контекст прочтения произведений», - пишет Е.Устьянцева. (З. с.5) Но, как

добавляет уже Е.Шипицина, искусствовед и член СХ России и Международной ассоциации искусствоведов: «Скульптор Александр Карпенко занят не столько осмеянием или художественным осуждением действительности, сколько снижением градуса ее ложной пафосности. Гротеск использует, как способ выявления бинарности мира, обнаруживая в нем постоянную миграцию смыслов и «оборотничество» любых житейских реалий. Избегая какой бы то ни было категоричности, он с улыбкой иронизирует над возвышенным и философствует по поводу обыденного. А мастерское владение материалом позволяет удержаться в русле эстетических подходов к теме, какой бы спорной она ни была. Так, например, в композиции «Любовь? Грех?» тема любовной страсти решается на удивление откровенно и символично в одно и то же время. Силуэты «судей» - Дьявола и Ангела – рассматривающих клубок переплетенных тел любовников сами являются красноречивым ответом на этот вопрос: окрыленный Ангел благословляет целующиеся лица влюбленных, а горбатый Дьявол похотливо подсматривает за их соитием. Как всегда все решает «точка зрения», тот самый «ракурс» - его мы выбираем сами. На игре ракурсов основана и композиционная идея «Кто есть кто?» - «узники» и «члены трибунала» меняются местами «за решеткой» в зависимости от НАШЕГО «угла зрения». Ирония взгляда оказывается здесь жизненно необходимой терапией.

Ироничной эстетике гротеска, - продолжает Е.Шипицина, - свойственно пристальное внимание к деталям.

И стилистика скульптур Карпенко во многом определяется умелым акцентированием пластических деталей. В лирической композиции «Побег» – про наивную мечту спасения от повседневности умело найденные детали – тонкие ножки отрывающихся от земли «беглецов», атрибуты детского счастья: бумажный самолетик и сачок для бабочек – вступают в пространственный диалог, дополняя первоначальный смысл внезапно возникающими ассоциациями: вот только он решил воспарить на самолетике мечты, как она тут же на него сачок – ловушку нацелила» (4.с.3)

Бесспорно ли только такое толкование, судить смогут лишь те, кто всмотрится в сами скульптуры. Но совершенно четко просматривается та самая ироничность, которая присуща Карпенко не только, как мастеру, но и человеку. Не она ли сквозит в надписях на каталогах: «Печаль моя светла» (оптимист оптимисту)» и «Залетай на мотылек!»?

Ирония же, как не раз отмечалось эрудированными спецами, – визитная карточка постмодернизма.

Учитывая это, да и не только, можно было бы рассматривать созданное Карпенко и в контексте авангарда и постмодернизма (3, с.4). Но тут сразу вырастает целый часток вопросов. Первая их группа, и даже сплетение – это вопросы специфики символики и ее истоков. Ведь есть символы, которые, подобно символам и смыслам древнеегипетского искусства или картин Босха, лишь нуждаются в расшифровке. Скажем, раскрытая книга – означает знание, закрытая – невежество и т.д.

Есть же смыслы, которые более индивидуализированы, но тоже идут от логики, от мысли вербализованной, выраженной в слове и лишь затем, превращенной в образ и, соответственно довольно четко прочитываемые, как, например, известная инсталляция со спичками, сквозь обгоревшие головки которых проступают человеческие лица. В литературе – это своего рода «чемоданы с двойным дном», подобные немалому числу строк Евгения Евтушенко, когда поэт пишет, казалось бы, об одном, но, как представляется, совершенно намеренно рождает при этом у читателя ассоциации совсем иного рода.

Есть смыслы, которые вытекают из зрительного образа, как в «Хаджи Мурате» или старом дубе, увиденном Болконским в «Войне и мире», либо поражающие органичным слиянием зримого и мыслимого – то, что так часто видится в стихах Вознесенского:

Мы, как пустотелые бюсты.
С улыбочкою без дна.
Глотаешь, а в сердце пусто.-
Бездна.

Есть же образы, которые словно пучки лучей или кроны деревьев изначально многозначны, и зритель, читатель цепляется взглядом и мыслью за какую-то свою веточку, какой-то, именно его осветивший лучик.

Есть и образы-фонарики, высвечивающие нечто в самом читателе и зрителе. В духе постмодернизма. – Те, где читатель и зритель – равный автору сотворец искусства, тот, для кого произведение искусства – лишь своего рода фонарик или спичка. помогающая разжечь собственное воображение...

Другая же группа вопросов – это неустрашимые вопросы соотношения «о чем» и «как». Тут, как ни парадоксально, авангард, современное искусство в частности и постмодернизм в более широком понимании могут смыкаться с социалистическим реализмом, отраженным в зеркале мэйнстрима советской критики, когда, начиная со школьных уроков литературы и рисования, нас приучали искать ответы: про что это, что и для чего нам хотел сказать поэт, прозаик или художник; и тем самым вольно или невольно затемнялось то, как, насколько талантливо и мастеровито передавалось то, что говорилось или изображалось. Ведь и в «современном искусстве»... то, **о чем**, (даже, если речь может идти о черной кошке, которой нет в темной комнате), довлеет над тем, **как, с каким мастерством** это дано. Да и нужно ли вообще это пресловутое мастерство, когда демонстрируется писюар, двойная дорожка из кирпичей или звезда, вырезаемая прилюдно на животе нагой красавицы?

Что же касается собственно творчества Карпенко, то и тут остаются вопросы: насколько четко прочитываемы рождаемые им образы? – Ведь концептуализм подразумевает то, что концепция, раз уж она есть, должна ощущаться, как костяк, пусть даже укрытый мышцами и кожей. Как, например, в «Качелях», где символически изображенная женская фигурка стоит на дощечке, тоненькими, почти нитевыми элементами соединенными с тем местом, где обычно бывает перекладина. Но в центре «перекладины» - зияет пустота и качели едва держатся на тонюсеньких краюшках облома, невольно напоминая и нашу цивилизацию. Или «Субботник». Четыре символические фигурки

несут увесистое с виду бревно. Трое напрягаются, а один – тот, что идет вторым, даже присел и лишь слегка касается пальцами тяжелого груза. Разве не бывает такого и в жизни, когда кто-то, как говорится, «пашет», а кто-то лишь имитирует деятельность? – Бывает, и как часто это – совсем не те, что выглядят идущими сзади.

Но все ли у Карпенко безусловно четко? Возьмем, хотя бы «Всадников времени». Оседлавший улитку, стилизованный человек, тончайшими нитями-поводьями понукает ее устремляться вперед. И здесь ирония, и даже сарказм. Разве не бывает так, когда мы, пришпоривая Время, не замечаем того, что пришпориваем-то улитку, а не арабского скакуна?

Но задумаемся в название. Что это? – Неточная игра звуков либо многозначность? – Ведь всадник, этот тот, кто наверху. Наверху же лишь один. Тогда почему «всадники», а не «всадник»? Но, если даже здесь ненамеренная обмолвка, то почему бы, двигаясь вслед за уже собственным воображением не увидеть и в улитке тоже своего рода «всадника», который сам, по своему, оседлал Время?

Читатель и возможный зритель сам бы мог пофантазировать, на эту, да и на иные темы. А это уже немало. Что же касается иронии, сарказма то оружие это обоюдоострое. Пожалуй, именно оружие, а не рабочий инструмент. Таковым можно рубить, но не созидать. Однако и тут в наши раздумья, в этакое незримое почесывание затылка, вторгается диалектика самой жизни. Разве для того, чтобы созидать нам не приходится и рубить, сокрушать, то расчищая место для фундамента, то просто подготавливая материал для будущих творений?

Да и ирония Карпенко, как и упомянутая в одной из его подписей к каталогам печаль, «светлая», светящаяся изнутри каким-то почти осязаемым теплом, беззлобностью, вглядываемся ли мы в «Территорию любви», где стилизованный Козел никак не умещается в притулившуюся низко – почти у самых копытец, деревянную оградку, то в – «Кто кого?», где прижатые друг к другу спинами Он и Она, сплетясь руками, пытаются пересилить один другого. Либо в скульптуру «У озера», где лежит на животе челове-

чек, мечтательно подперший руками голову. Перед ним яблоко. У его ног тонконогая птица, глядящая с ним в одну сторону. Смотришь на последнюю и думаешь: а уместно ли здесь вообще искать то, что мы любим величать философским смыслом, сдабривая свои велеречивые рассуждения мудрено-учеными концертами вроде «гносеологии» и «онтологии»? Не походим ли мы при этом на персонажей одной восточной притчи, которые, увидев на горе незнакомца, стали спорить: медитирует ли он, ищет ли заблудшую корову, либо занят чем-то иным, но услышали от него незатейливый ответ: «Я просто стою». Так не может ли и искусство просто изображать, просто передавать то или иное состояние, подчас и не выразимое словами?

А почему бы и нет? – На то оно и искусство, а не ремесло, чтобы быть изменчивым и разным. Но, впрочем, судить об этом самим зрителям.

Литература

1. Шипицина Елена. Сопrotивление материала или «Разговоры по душам». – Автограф. Челябинск-АРТ, 2006, №2. Позже, уже в беседе с автором этих очерков, Александр Петрович словно добавил: «Я знал, что хорошо рисую, но куда там по сравнению с настоящими художниками...» Наверное, именно такое видение подлинно высокой планки, без всякого самоуничижения, но с ощущением реальных высот, и открывает путь к мастерству. Не случайно, в одной старинной китайской притче рассказывается о состязании двух изумительных художников. Состязании, при котором один заявляет, что достиг предела возможного для него совершенства, а второй, говорит, что кое-что можно было бы сделать и лучше. И победителем объявляется второй, тот, кто чувствует точки дальнейшего роста и беспредельность самого совершенства.
2. Шипицина Е. Александр Карпенко. «Силуэты времени». Скульптура. – Челябинск, 2008.
3. Устьянцева Е. Карпенко А. – Скульптура. Каталог выставки. – Челябинск, 2006.

4. Александр Карпенко. Гротеск, как форма диалога со временем. Скульптура. – Челябинск 2013.
5. Александр Карпенко. Скульптура. – Костанай: Картинная галерея, 2011.

Приложение

Вполне понятно, что разные зрители по разному воспринимают творчество, а, следовательно, и творчество Карпенко. Кому-то оно кажется слишком рациональным, кто-то может не принять его эстетику условности и своеобразное «художественное хулиганство» с подчеркиванием половых органов. И совсем не потому, что эти кто-то не доросли до такого искусства, а просто потому, что они иные.

Но показательно, что и само понимание одних и тех же произведений различно. Возьмем хотя бы «Побег», так выразительно прокомментированный искусствоведам.

Первая из опрошенных мной, не обратив внимание на подпись, восприняла скульптурную пару не столько, как побег от, сколько, как бег к чему-то. Мужчина с поднятой рукой из породы Прометея. Вместе с женщиной они – несущие людям...

(Преподаватель кафедры философии. КГУ)

А Л.П., искусствовед. увидела иное: «Тут целая жизненная философия: кто какую жизнь прожил? Причем понимание может быть двойственным. Это, возможно, и аллегория жизни легкой. порхающей: та с сачком, тот – с самолетиком, а, возможно, и образная демонстрация того, что кому-то просто легко идти по жизни- легче дается то, над чем приходится биться другим».

Третья версия, очень близкая к версии, упомянутой в тексте: женщина с сачком, хотела бы, играя, поймать жениха, она хочет его захомутать.

(Кандидат филологических наук, КГУ)

Второй пример: «Всадники времени». Один взгляд: может быть, здесь вопрос: а прогресс ли это? А, может быть, тот, кто наверху, «охомутал» это время?

(Кандидат филологических наук, КГУ)

А вот искусствовед Л.П. толкует изображенное иначе. Мне, говорит она, - в 20 лет казалось, что Время – улитка, которая никогда не переползет за порог. После 60 мне хочется придержать его вожжами.

Что касается скульптуры, то я же не знаю: он погоняет время или, наоборот, придерживает его. Тут, опять-таки, можно толковать двояко.

Как бы то ни было, а, с точки зрения преподавателя вуза, работы Карпенко, помимо всего прочего, – замечательный полигон для развития воображения и оттачивания собственной мысли студентов.

Ироничный карандаш

БИРКЛЕ С.И.

Сергей Иванович Биркле – корреспондент городской газеты «Костанай» и фактический редактор спортивного приложения к этой газете («Костанай спортивный», выходит с 7 мая 2002 г.). Перефразируя известные слова знаменитого писателя Максима Горького, можно было бы сказать: он весь в звонках, как рыба в чешуе. Телефоны на его рабочем месте умолкают редко и не слишком надолго. Да и посетителей немало.

У Сергея Ивановича множество разнообразных увлечений, настолько захватывающих его, что и слово «хобби» с его оттенком легковесности в приложении к Биркле как-то выглядит не вполне уместным. Но, наверное, главное его увлечение, где он достиг пика своего мастерства – это дружеский шарж и карикатура.

Как же все это пришло к нему?

Родился Сергей Иванович 1 сентября 1955 года в небольшом северо-казахстанском городе Кустанае. Семья его, как и

тысячи других семей многих из наших земляков, «смешанная», а история ее такая, что под стать перу М.Булгакова. Отец Сергея – немец с Украины, чья семья, по словам самого Биркле, была переселена в Казахстан еще накануне войны. О жизни своей отец рассказывал скудно. Запомнилось только, что переселение далось нелегко. Дедушка и бабушка Сергея по немецкой линии, то есть родители его отца, появившегося на свет в 1930 г., умерли в дороге. Отца же с братом разбросало по огромной стране. Выживать было трудно, потому и трудовой стаж отца Сергея – Ивана Ивановича немал. Работать он начал с 12 лет. Да еще на работе не просто тяжелой, но считавшейся вредной: медником и сварщиком. Образование же – четыре класса и ПТУ (профессионально-техническое училище). Поскольку работа считалась тяжелой, то и на пенсию ушел в 55 лет, хотя был вправе сделать это и в 50. Но жизнь осложнялась не только нелегким, хотя и привычным трудом. Как немец, Иван Иванович был под наблюдением и до 1957-го года должен был отмечаться в комендатуре. И при этом труд его не раз поощрялся. Портрет Ивана Ивановича висел на стенде лучших выпускников училища, а сам он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, наградой очень значимой в те времена.

Мама же Сергея Ивановича – Зоя Алексеевна, русская. Родилась она в 1931 году. Была она из семьи тех переселенцев, которые появились в Казахстане довольно давно: «Ее отец (то есть дедушка С.И.) рассказывал, что его собственный отец родился в день, когда его семья приехала строить Кустанай»... Окончив школу, мама первоначально хотела стать медиком. Поступила учиться, но, когда дошло до резания лягушек, поняла, что не сможет. Поэтому второй раз выбрала уже учительский институт: биологию и географию. Недолго поработала в школе. Трудилась в детском саду и детском доме инвалидов.

Со временем разыскались брат отца и другие близкие. Запомнилось, что первой женой брата отца была Нина Гиль. Отец ее был водителем Ленина. Брат же отца, дядя Вася, жил в Москве и еще дошколенком Сергей запомнил

поездку в столицу, где увидел в музее и ту самую машину, и, поразивший его белоснежный унитаз, и высоченные потолки, и мороженое в пачках (в Кустанае тогда продавалось только в стаканчиках)...

Запомнилась и встреча, которая, возможно, в чем-то оказалась «судьбоносной». Родичи жили в районе чудесного Измайловского парка, и однажды, во время прогулки с отцом, маленький Сергей, увидел, как московский художник быстро-быстро, почти мгновенно вырезает из черной бумаги силуэты. Вырезал он по самой сходной цене и силуэты Сергея и отца. Вернувшись домой, Сергей схватился за ножницы. Получилось подобие карикатур. Вот так, наверное, и началось становление будущего карикатуриста.

Впрочем, для прорастания зерна увлеченности, нужна и своя почва. Ведь и автор этих строк, как и тысячи многих других, видел вырезывание фигурок, а к творческой стезе карикатуриста это подтолкнуло именно Биркле...

Когда же подкатило время учебы в школе, то запомнилось, что первого сентября у Сережи было два букета: один для учительницы, другой – для него лично. Дома же каждый раз ждал огромный арбуз: ведь первое сентября - это еще и его день рожденья!

Учился Сергей сначала в 20-й школе, а потом в 4-й, где был замечательный школьный музей. В классе было много немцев. Рядом учились русские, украинцы, казахи. И эта атмосфера резко отличалась от той, в которой рос его отец, даже возненавидевший Германию за то, что ему пришлось перенести, как немцу. К тому же и тетушка в самые тяжелые годы не приняла сироту, который в то голодное время был бы лишним ртом. Такое не забывается. И когда позже та самая тетушка оказалась на своей «исторической родине» и из Германии стали приходить посылки «с дефицитом», то они выбрасывались...

Однако, хотя ко времени роста уже Сергея по историческим меркам минули считанные мгновения, сам Сергей, как немец, дискомфорта уже не ощущал. Ни в годы его учебы в школе, ни позже на национальности внимание не акцентировалось. В школе понемногу стал рисовать. Правда,

по рисованию была четверка. Сергей любил графику. Раскрашенное же масляными красками, будучи в альбоме, слипалось и могло размазаться.

Любил и спорт. Это, отчасти, перешло от отца. Отец постоянно выписывал газеты «Советский спорт» и «Футбол-хоккей», которыми зачитывался и Сережа. И не только зачитывался. В школе он сам научился играть в хоккей и во время матчей стоял на воротах. Увлечение сохранилось и в годы учебы в вузе. Команда, в которой играл Сергей Биркле, стала чемпионом студенческого спортивного общества «Буревестник» в РСФСР – самой большой республике тогдашнего Союза.

В годы учебы в школе были успехи и в химии. Во время одной из школьных олимпиад задачи по химии решил математическим способом (математика была «коньком» Сергея). Оценили. В 10-м классе из МГУ им. Ломоносова пришло письмо: приглашали на собеседование на химический факультет. Но к тому времени Сергей заразился авиацией. У деда была мастерская. Древесных обрезков и досок – сколько угодно! И Сергей с наслаждением вырезал самолеты. Поэтому-то и выбрал Казанский авиационный институт – один из самых известных вузов в стране. На вступительных экзаменах получил три тройки, но зато пятерку по математике. Поступил. И еще при поступлении так называемая общественная комиссия интересовалась увлечениями и способностями абитуриентов. Вспомнились и рисование, и спорт, о котором уже было упомянуто. И не зря. Уже в годы учебы Сергей постоянно рисовал в институтскую газету «Самолет» – крупнейшее полотно на сорок метров. Благо стены позволяли.

Показательно, что общежитие в первую очередь давалось студентам старших курсов, и первокурсникам – последним, чтобы быстрее и легче вливались в студенческую жизнь.

Жизнь эта была для Сергея увлекательной. Но случилось так, что на четвертом курсе у него украли дипломат. С документами: студенческим и паспортом, да еще и с двумя курсовыми. Утерянное надо было восстано-

вать. Курсовые – писать по новой. Сергей взял академический отпуск. Работал в стройотряде и не только... Но во время такого отпуска студенческая отсрочка от службы в армии уже не действовала. Стали приходить повестки по месту недавней учебы, и, будучи в тот период в родном Кустанае, Биркле сам пришел в военкомат. Так он оказался в армии, где закончил офицерские курсы и получил звание лейтенанта. Служил в местах жарких. Его учебная дивизия стояла в Ашхабаде, а он сам был командиром расчета в легкой зенитной артиллерии. «Каждый день – стрельбы». Обед под навесом. На столах и зубах – песок. Поскольку стрельбы проводились в районе Каракумского канала (с рождением которого связаны и знаменитые в советское время шоколадные конфеты «Кара-Кум»), то в наиболее жаркое время купались и ловили рыбу.

Жару Сергей переносил легко. Но многих терзали комары, чьи укусы (если только комар был заразен) были чреваты долго (месяца три) не заживающими, хотя и не болезненными, травмами кожи.

Отслужив армию, закончив ВУЗ, Биркле попал по распределению на авиационный завод в Ташкент (авиационно-производственное объединение им. Чкалова). Лично ему хотелось бы в Киев – ведь там играло его любимое киевское «Динамо», но судьба распорядилась иначе. Впрочем, сам Биркле об этом не жалеет. Ташкент тех лет был очень дружелюбным интернациональным городом, который после разрушительного землетрясения восстанавливала вся страна. На завод, и то, ходил через улицу Кустанайская. И воспоминания об этом городе остались самые светлые.

Так случилось, что еще во время академического отпуска и до службы в армии Сергей недолго проработал в НПО «Целинсельхоз-механизация», и в 1987 году ему предложили в качестве технической помощи вернуться туда. Предлагали квартиру, которую в Ташкенте получить было сложно. И Сергей Иванович переехал в Кустанай. Работа была по душе. В начертательной геометрии, черчении и конструировании он чувствовал, да и сейчас еще чувствует себя, как рыба в воде.

При всем этом и в годы службы в армии, и во время работы в Ташкенте Сергей рисовал. Продолжал он рисовать и в Кустанае (ныне Костанай) Первая его шуточная карикатура, посвященная уходу года Лошади и приходу, сменяющего его года Барашка, появилась в областной газете «Ленинский путь» (сегодня – «Костанайские новости»). Пробовал участвовать и в конкурсах. Но какое-то время посылаемое исчезало бесследно. Потом газета «Утюг» уже в годы перестройки объявила о конкурсе на Украине на шуточную тему «Пиво лучше, чем вода». И вот тут одна из высланных Сергеем работ вошла в каталог. Потом было много иных конкурсов, проводимых в разных странах мира. А вместе с ними пришел и успех. Сергей Иванович стал известным. Но не всеядным.

Он предпочитает, хотя нередко и критические, но беззлобные вещи. Карикатуры типа тех, что вызвали скандал, связанный с «Шарли Эбдо», решительно не принимает. Как не принимает и конкурс карикатур, обыгрывающих гибель выброшенного на берег маленького мальчика из семьи эмигрантов.

При всем при этом его рисунки остры, злободневны и разнообразны. Вот, например: «Следствие зашло в тупик»: человек в форме, обращается к цыганке. А вот ирония по поводу эротики на телеэкране, захлестнувшей телевидение позднего СССР и раннего СНГ: малыш, сидя на горшке смотрит на крутящуюся на экране почти полностью обнаженную фигуристую красотку: «Какой же этой тете горшок надо!»- восклицает он, глядя на ее масштабное седалище. А вот уже «журналист» в шкуре, высекающий нечто на камне, и пара охотников, вздыхающая: «Житья нет от этих журналистов...»

«Как приходят в голову идеи карикатур?» – спросила Биркле его коллега Дарья Щербатова. – «Спонтанно, – ответил он. – Но, чтобы занимать призовые места на международных конкурсах, нужно мыслить неординарно. Карикатуристов много. Конкуренция с каждым днем растет. Иногда мысли у людей даже на разных концах планеты сходятся и частенько можно найти в каталогах лучших

работ похожие рисунки. Так однажды случилось и со мной. В Китае был объявлен очередной конкурс, и у меня не хватило времени отправить уже придуманную карикатуру. А после я обнаружил, что в числе призеров оказалась работа, похожая на мою, как две капли воды». В целом же, Сергей Иванович успел здесь сделать немало. Его карикатуры оказались на выставках «в полусотне стран». Не раз попадали в каталоги лучших работ. (1)

Неудивительно, что при этом Сергея Ивановича приглашают иллюстрировать и книги. Так случилось, что он иллюстрировал и, вышедшую в 2006 году, книгу и автора этих строк: «Мысли вслух. Заметки о культуре». Среди последних работ такого рода – иллюстрации к книге иронических стихов известной поэтессы Александры Сусловой. Книге, которая на очередном российском конкурсе иронической поэзии, проводившемся в 2015 г. заняла почетное второе место.

А как же другие увлечения? – Сергей Иванович любитель птиц. Посвященный этому ему увлечению материал на одном из местных и на одном из российских сайтов вызвал немалый интерес. (2)

Но, наверное, одно из самых мощных и всепоглощающих – легкая атлетика, бег. Начиная с Биркле с бега на короткие дистанции. Как спринтер. Но в 20 лет впервые побежал на уже достаточно большое расстояние – 30 км. Затянуло. И в 1976 году он бежал уже свой первый марафон. Позже был бег на 80 и 100 км, суточный бег. Где только не довелось Биркле бежать! Начав под Казанью, он участвовал в пробегах в Минске, Ташкенте, Ашхабаде, Тюмене, Омске, Миассе, Москве, Санкт-Петербурге... «Обежал» чуть не весь Казахстан. И с неплохими результатами. Так, в 1984 г. в 200-километровом пробеге «Ленино- Кокушкино- Казань» занял призовое третье место.

Всего более 100 пробегов на дальние дистанции, инициатором и организатором части из которых был он сам.

Основная же его работа, которой он посвятил более 20 лет, – журналистика. Придя в 1995 г. в молодую газету

«Кустанаец» (ныне «Наш Костанай»), он и по сей день так и не меняет своей привязанности к городской газете.

Сергей Иванович женат. Жена его известная в области, одаренная журналистка.

Литература

1. Щербакова Дарья. «Высмеивать пороки, а не их носителей». – Наш Костанай. 4.04, 2013.
2. Подробнее об этом: Моторико Владимир. Другие люди: летучий мир Сергея Биркле.. Сайт «КН», 27 апреля 2013 г.

Гиперреализм в Казахстане

ЕСМАГАНБЕТОВ А.А.

В октябре 2014 года Костанай проходил очередной, уже пятый конкурс молодых художников («Жас толкын» или «Новая волна»), и так случилось, что я, как это нередко бывает, заглянул в картинную галерею. Поздоровался у входа. Заметил в глубине зала мужчину в галстук: наверно, кто-то из гостей. В голове мелькнуло: «Надо бы поздороваться и с ним». Но я спешил - в комнатку сотрудников. В комнатке, в сторонке от столика тихо сидел худенький молодой человек. Один из участников конкурса. Уже уходя, я смог взглянуть на то, что выставили конкурсанты. Мужчина по-прежнему стоял неподалеку от стены, противоположной входу.

Подошел поближе. Человек в галстук с пиджаком, перекинутым через правое плечо, оказался... нашим президентом. Точнее рукотворной фигурой, которую я поначалу принял за живого человека. Рядом стояла еще одна фигура в старинной национальной казахской одежде. Неподалеку двигался приземистый мужчина с фотоаппаратом. Мужчина оказался отцом создателя этих своеобразных

скульптур. Сам же автор, ставший победителем в номинации «скульптура» и был тем молодым человеком, что, не бросаясь в глаза, сидел в рабочей комнатке сотрудников.

Так я впервые встретился с Айдосом. Айдосом Акимгалиевичем Есмаганбетовым – подростково тонким – как стебелек, точнее даже, как молодое деревце, с небольшими руками, и выглядящим очень высоким – намного выше своих 180 сантиметров. Картинка частая среди современных казахов, когда рядом с невысокими и даже малорослыми родителями оказываются, возвышающиеся над ними на полголовы либо на голову, стройные сыновья.

Смотришь, часто любишься изяществом либо статью и думаешь: надо бы не следы крови Чингис-хана искать сегодня в жилах казахов, не выдувать мыльные пузыри мифов (забава, чуть не всего бывшего Союза), а пристальнее вглядываться в день сегодняшний, в то поистине достойное изучения, что перед нашими глазами. Ведь человеческие типы – это то, что приковывало внимание и завораживало и еще долго-долго будет приковывать внимание и завораживать подлинных ученых, художников и поэтов.

Но кто же такой сам Айдос? – Айдос Акимгалиевич Есмаганбетов очень молод. Ему в дни конкурса не было и двадцати восьми. Он родился 27 ноября 1986 года. В казахском поселке Каинды, что примерно в семидесяти километрах от Аркалыка. Здесь и учился вплоть до пятого класса. В 1988 г. семья переехала в село Ашуасы, где будущий художник учился в казахском классе школы им.Макаренко. Там же и завершил свое среднее образование.

Отец его Акимгали – водитель. Однако в молодости тоже пробовал поступать на худграф. Не удалось. Но тяга к искусству осталась, и когда ему довелось служить в Монголии, то делал из гипса маски, оформлял дембельские альбомы, украшая их героями из популярного сериала: «Ну, погоди!». После службы в армии «поступил в Алма-Ату, в архитектурный», да не поехал – «семья...». А вот тяготеньке к

искусству передал детям, и сегодня поддерживает Айдоса в его начинаниях молодого художника и скульптора.

Мать – Сауле из Джекказгана. В молодости тоже мечтала о стезе художника, но так случилось, что поступила в музыкальный колледж г. Сатпаев. Позже несколько лет учила детей играть на домбре. Но при этом и рисовала – «для себя». Вышивала корпешки, юбочки, вязала крючком, расцвечивая собственные узоры своей же фантазией. По словам Айдоса, те, кто глядел на ее блузки, изумлялись: «Как красиво!» и спрашивали: «Как ты это делаешь!»

Сейчас она – домохозяйка. У нее, как у матери шести детей, серебряная медаль. У Айдоса есть еще три сестры, одна из которых старше его и два младших брата – двойняшки.

Рисованьем, а затем живописью, и скульптурой Айдос увлекся еще в школе. «Уроки особо не учил». Но зато на уроках частенько рисовал ручкой в тетради. Остальное, например, математика, было ему не слишком интересно. По словам Айдоса, «у художников (к наукам) способности слабенькие». Наверное, это не всегда так. Однако самого Айдоса все больше поглощала тяга к искусству.

Маленьким лепил из пластилина. Но о том, что станет скульптором, не думал. Ему больше нравилась живопись: картины, пейзажи, портреты. Так, потихоньку и начал рисовать уже не только на школьных тетрадях: сначала контуры карандашом. Потом к ним стали добавляться тени и цвета, появились краски.

Молодого рисовальщика заметили учителя. Такие всегда были востребованы. Так, и тоже с охотой, Айдос стал к каждому Новому году рисовать плакатики.

Став постарше, нарисовал «портрет Али» из параллельного – «русского» класса, поразив девочку точностью изображенного. Вполне понятно, что портрет был подарен той, которая была на нем нарисована.

Были и школьные конкурсы. Участвовал «пару раз, и «место занимал», но какое уже не вспомнит. А вот запомнилось, как в восьмом классе делал фигуры для зимнего горodka. Было холодно, руки мерзли».

В десятом классе довелось совершить настоящее путешествие. Вместе с родителями поехал за полторы тысячи километров в Атырау, на свадьбу двоюродной сестры. Там запомнились «американское представительство» и «нефтекачалки» и, конечно же, парк. Вместе с отцом Айдос впервые оказался в комнате страха. Но было «не очень страшно». Да и до страхов ли, когда все внимание школьника было приковано к тому, как все это создано: «мысленно запоминал, как сделаны паутина, черепа» и все то, что попало в поле зрения.

После окончания школы Айдос сначала подумывал об учебе на дизайнера в астанинском вузе. Но остановились на худграфе в Аркалыке, куда и поступил он в 2004 г. Два года проучился очно, а потом после некоторых «приключений» оказался на заочном. Приезжал уже только на сессию, потому что стал работать в Астане

В 2006 и 2008 г. участвовал в международном конкурсе «Шабыт» В первый раз с картиной «Гуляние лошадей», а второй – уже с пятью картинами. Призовые места достались другим. Но его картина «Наурыз» с девушкой, волнистое платье которой Айдос приклеивал к тому, что нарисовано, заинтересовало одну деловую женщину, и та купила ее за 45 тысяч. Здесь уместно вспомнить, что и для маститых художников покупка их произведений не только деньги (что само по себе тоже значимо), но и факт признания: ведь покупатели выкладывают деньги за то, что считают достойным...

Что же касается собственно Астаны, то тут Айдосу довелось работать в разного рода частных организациях. Изготавливал стенды, надписи для магазинов, надписи на бортиках катков, новогодние украшения, гирлянды. Участвовал в создании ледяного городка подле океанариума. Часто бывал в здании Союза Художников. Появились и заказы на настенные росписи и пейзажи для коттеджей нуворишей. По заказам «богатых людей» нарисовал немало картин, которые, - вспоминает Айдос, - в столичной гонке «даже не сфоткал».

А потом..., сам того не ожидая, стал заниматься скульптурой. Случилось так, что вместе с одним из

родственников довелось делать и аквариумы, для скрепления которых в Аркалыке использовали обычный строительный силикон. Айдос и подумал: «А почему бы не покрасить в телесный цвет?» - начал экспериментировать, пробовать.

Сама собой перед ним встала задача: узнать про силикон, как можно больше: и о сего составе, и о разновидностях. Помог Интернет.

Так перед Айдосом открылся целый мир, о котором он готов говорить и говорить, настолько этот мир увлек его.

Для себя он открыл, что, оказывается, бывает двухкомпонентный силикон без запаха. Есть более твердые и более мягкие сорта. Силиконовые формы используют даже на кухне. Но, что еще значимее, так это то, что в мире несколько человек из силикона делают скульптуры. Секреты свои не раскрывают. Но кое-что все-таки становится доступным благодаря Интернету, что-то же Айдос пытался представить сам. Скульптуры эти сродни тем, что можно увидеть в музеях восковых фигур. Но для Айдоса силикон – материал еще более удобный, чем воск: он очень пластичен и при этом стоек («терпит от минус 250 до плюс 300»), фигуры можно выставлять на обозрение и при солнечном свете. Выглядят они при достаточном мастерстве художника очень достоверно. Разве уже одно это не увлекательно? К тому же силикон долговечнее воска и очень пластичен. Из него «каждую деталь можно вытаскивать», что удобно для создания киноэффектов: изображение молодого можно превратить в изображение старика, человека – в зомби.

Направление это сам Айдос связывает с так называемым гиперреализмом, понятие которого было введено в 1973 г. в качестве «французского синонима слова «фотореализм». Как отмечает Интернет, «современный гиперреализм основывается на эстетических принципах фотореализма, но, в отличие от последнего, не стремится буквально копировать повседневную реальность. Объекты и сцены в гиперреалистической живописи детализированы, чтобы создать иллюзию реальности, но это не сюрреализм, так как изображенное вполне могло быть.

«Корни гиперреализма можно найти в философии Жана Бодрийера: симуляция чего-то, что никогда в действительности не существовало...

Гиперреалисты создают ложную реальность, убедительную иллюзию. Как фотореализм симулировал аналоговую фотографию, так гиперреализм использует цифровые изображения».

Магистральным для гиперреализма является точное, бесстрастное, внеэмоциональное воспроизведение действительности, имитирующее специфику фотографии: принцип автоматизма визуальной фиксации...» (1)

Тут, не вторгаясь в сферу искусствоведения, требующую специальной подготовки, все же представляется уместным заметить, что гиперреалистическая «иллюзия реальности», с одной стороны, связана с созданием эффекта достоверности, например, увеличенным, но рекламным изображением консервной банки и т.д., с другой же – имеет очень древние корни. Так, одной из важнейших задач античных изобразительных искусств виделось именно максимально точное воспроизведение реальности. О Мироне, знаменитом скульпторе V в. до н.э., современники восторженно писали, что он «умножил правду», то есть как бы удвоил реальность своими произведениями. Особую же славу Мирону среди его соплеменников, принесла отлитая из бронзы телочка. О ней писали, что так и кажется, будто она сейчас пойдет за стадом (2).

Не менее показателен древний рассказ о состязании двух художников. Один оказался столь искусным, что, птицы, увидев нарисованные на картине ягоды, слетелись, чтобы их поклевать. Когда же настала его очередь оценить мастерство соперника, то он был приглашен в мастерскую, но никак не мог увидеть картину конкурента. Наконец он, подойдя вплотную, попытался сдвинуть занавеску, чтобы увидеть полотно и обнаружил, что занавеска и есть картина. И этот художник признал свое поражение. Ведь ему удалось обмануть лишь птиц, тогда как его конкурент ввел в заблуждение мастера. (2)

Вот эта-то тяга к достоверности поглотила и Айдоса, чей труд требует не только острого глаза художника, но

и кропотливости, и времени: в зависимости от сложности задуманного от шести месяцев до года. Достаточно сказать, что каждый волосок приходится втыкать вручную, используя инструмент тонкий, как игла. Силикон молодой скульптор закупает в Америке.

Но и всего этого мало. Тот, кто стремится к максимально точному изображению, должен как можно больше узнать о том, что он изображает, особенно, если речь идет об исторических личностях, тем более таких, как президент страны.

Особой технологии требуют глаза: «полируешь до блеска. К тому же надо знать анатомию, цвет глаз, как расположены прожилки». Не просто и с головой. Необходимо изучить множество фото, чтобы дать и лицо, и голову в целом в объеме, да так, чтобы достоверность изображенного не вызывала сомнений.

А как быть с соответствием размеров изображенного реальному или восстанавливаемому объекту изображения? Скажем, президента? Мне, например, президент в исполнении Айдоса показался более высоким, чем тот, кого я видел и представлял по фото, теле- и кинокадрам. Да и сам молодой скульптор, не найдя точных данных в Интернете, попытался использовать сопоставление. Нашел в глобальной сети сведения о росте Медведева, Путина, Обамы (не проверяя достоверность деталей, просто воспроизвожу упоминания о поисках). Согласно этим данным, рост Медведева 165 см, Путина – 168 см, Обамы – 187. Поскольку же есть немало совместных фотографий, то рост молодого и зрелого нашего президента получался 174 см.

Иного характера поиски, связанные с восстановлением облика хана Аблая. Здесь Айдосу надо было побывать в алма-атинском музее, получить у директора разрешение на фото. Тут стоит упомянуть, что многочисленные изображения людей прошлого, будь то русские князья либо казахские ханы – лишь образы, за исключением тех, чей облик удалось восстановить по останкам, как облик Тимура и Ивана Грозного. По словам Айдоса, подобное оказалось возможным и при реконструировании Аблая. По скелету, считающемуся скелетом Аблая, рост хана был 163 см. Черты лица

были восстановлены по черепу в Москве. Во всяком случае, Айдос стремится к максимально точному воспроизведению тех черт, которые, по его убеждению, на сегодняшний день признаны достоверными. То же и с одеждой: шил и вышивал сам. Но, полагаясь не на собственную фантазию, а на то, что стремился изучить, как можно полнее.

Есть у Айдоса и незаконченные произведения. Но о них разговор пойдет тогда, когда они предстанут перед глазами публики. Есть немало замыслов, связанных и с использованием обретенных навыков в кино, да и не только. Сегодня Айдос, как говорится, «на вольных хлебах». Он целиком отдается своему творчеству. Остается только пожелать, чтобы рынок не захлестнул его, чтобы и в дальнейшем творчество было неотделимо от стремления глубже и глубже познавать то, с чем имеешь дело. Ведь чем богаче внутренний мир художника и мир его познаний, тем шире его возможности, как творца.

Литература.

1. [http: //liraclub. net/](http://liraclub.net/)
2. Подробнее см.: Бутромеев В. всемирная история в лицах. Древний мир. – М., 1999.

Что есть правда искусства?

ЗАХАРЧЕНКОВ А.В.

Его картины всегда узнаваемы. Узнаваемы особой размашистостью руки художника и динамизмом света. За его плечами немало выставок, а его работы разбросаны по музеям и частным коллекциям не только Казахстана, но и многих стран мира: в Польше, Чехии, Германии, Франции, Англии, США.... Эфиопии. Художник этот – Александр Васильевич Захарченков.

Какие же тропы привели его к искусству, которому оказалась отданной вся жизнь?

Родился Александр Васильевич в Оренбургской области на станции со звучным татарским названием Айдерле, в семье железнодорожника. Отец его – Василий Максимович работал машинистом. Сначала на паровозе, а затем на тепловозе. Мать была связистом на ТТС. Железнодорожником был и один из двух его старших братьев. Крепыш, буквально налитый силой: «Мог держать меня на вытянутых руках». – вспоминает не мелкий Захарченков. Бывший танкист, отдававший, как тогда говорили, долг Родине в Берлине, не пил и не курил Но... трагически погиб в 2002 г. Шел с работы, и был сбит пьяным водителем буквально метрах в пятистах от дома. В память о нем, как отменном работнике, один из тепловозов был назван именем Виталия Захарченкова. С самым же старшим братом разница в годах была слишком велика, и его, уже ушедшего из жизни, Александр Васильевич помнит смутно. А вот отец в свои почти 88 еще бодр. Он – бывший фронтовик. На фронт попал, по сути, с последним призывом. Но так случилось, что война с Германией уже победно заканчивалась и шедший к Берлину эшелон с молодым пополнением развернули, направив его на Дальний Восток. Там был и снайпером, и пулеметчиком. В память о той войне остались награды. Точнее документы о их наличии. Сами же медали, которыми в детстве играли мальчишки, где-то растерялись, как и многое иное.

А вот меткость глаза осталась. Александр Васильевич вспоминает, как в детстве ходили с отцом пострелять из мелкашки голубей. Точнее, стрелял отец, а пацаны глазели. К их восхищению отец попадал с ходу. Годы были не слишком сытные, и стреляли не для развлечения, а для еды.

Правда, тут надо заметить, что само детство Захарченкова прошло не в Оренбурге, откуда вскоре после его рождения семья переехала в Ростовскую область, в город Морозовск (речь идет о Ростове-на-Дону). Город этот был не слишком мал, но поменьше Кустаная, и художественной школы там не было. Так что в школьные годы учился Саша

не в художественной, а в музыкальной школе – по классу баяна. И увлекательно, и практично. Кто тогда не знал, что «гармонист – первый парень на деревне» (и только ли на деревне?) Да и «какая свадьба без баяна»?

В оркестре же играл и на балалайке. Позже чувство музыки помогло и в живописи: «Здесь тоже ритм и даже возможна своеобразная музыкальность произведений»...

«Музыкалку» закончил с отличием. После восьмого класса отправляли учиться в Ростовском музыкальном училище. «Да заартачился».

А как же с «обычной» школой? – Учеба и здесь не казалась излишне утомительной. Особенно увлекали уроки литературы. Вроде и программа не казалась перегруженной, а сколько довелось прочесть. И по сей день Захарченкову близки Анна Ахматова и ныне редко кем вспоминаемый поэт Василий Федоров. Сочинения писал легко и быстро, успевая еще во время урока и проиллюстрировать написанное. Грамотность тоже была для него не проблема. Так что учитель, бывало, показывал эти сочинения всему классу.

Ну, конечно, запомнилось и иное. Жили в частном доме. Во дворе устроили ринг, и всей улицей собирались для тренировок. Поскольку же совсем рядом была замерзавшая на зиму речушка, то в том же дворе хранились и хоккейные ворота. Вообще, спорт был его хобби. Как и многие мальчишки любил футбол, и, видимо, получалось не плохо: стал членом сборной команды города.

Из школьных лет запомнилась и поездка в пионерский лагерь «Восток» на берегу Черного моря. В те далекие уже годы и такие лагеря были совсем не обременительны для семейного бюджета.

Александр вырослел. Школу закончил в 1973-м. А тут и семья переехала жить в Кустанай. Увлечшись всерьез рисованием, Захарченков отправился поступать на «худграф (ХГФ) в Нижнетагильский государственный пединститут. Но должной подготовки не доставало. Поэтому с первой попытки не поступил. Но остался в Нижнем Тагиле, знаменитом центре культуры Южного Урала. Здесь он стал работать в молодежном строительном отряде. Освоил

профессию плотника и получил довольно высокий четвертый разряд. Работал добротнo, «даже вошел в Почетную книгу строителей». Жил в общежитии, и параллельно с работой занимался на подготовительных курсах при вузе.

Вторая попытка поступить в вуз была удачной, и Александр стал студентом. Так что в целом шесть лет жизни, оказались связанными с Нижним Тагилом. В те годы это был довольно крупный город с шестисоттысячным населением. Здесь еще столетия назад создавались Демидовские заводы, поэтому со временем вырос и музей Демидова. Сам Урал дышал особой, самобытной культурой. И нравы здесь были свои, суровые, но «не беспредел». Как-то, еще в бытность стройотрядовцем, Александр зашел в магазин. Откуда не возьмись – целая группа желающих поживиться за счет тех, кто послабее. Казалось, что все кончится мордобоем. Но... «слово за слово». И, когда «агрессоры» узнали, что парни из стройотряда, то есть работяги, то еще и вина взяли для совместного закрепления уз дружеской встречи, и все кончилось без драки: работяги были в чести.

Что же касается собственно вуза, то и учеба, и педагоги вспоминаются добрым словом. Запомнилось (да и как такое не запомнится?), как с заслуженным художником России, ныне проживающим в Москве Владимиром Никитичем Наседкиным в 1978 г. на целый месяц поехали в Набережные Челны- дипломная работа Захарченкова была посвящена строителям Камаза.

Вдвоем ходили «по 20 часов в сутки». А как-то раз, когда совсем юный Александр рисовал у конвейера, рядом остановилась колоритная группа: двое в костюмах и галстуках, а один в джинсах. Художнику к зрителям не привыкать. Так что на первых порах он не обратил на них внимание. Но тут оказалось, что группа эта не совсем обычная. Тот, что в джинсах был инженером из Штатов (в те годы – чуть ли не человек с Луны), а два других – переводчики. Разговор с такими зрителями – целое приключение...

Окончив учебу в вузе, Александр Васильевич приехал в Кустанай... Сначала работал в мастерских при городском парке – в районе пляжа. А потом вместе с товарищами «все

перебрались в художественный фонд» Стали «создавать конкуренцию нашим мэтрам», и при этом были с ними единым целым».

А сейчас? – «Сейчас, – Александр Васильевич говорит без нажима, как о чем-то столь же естественном, как осенний дождь, «к сожалению, молодежь и есть, но за сферой нашего общения. Они появляются только тогда, когда пахнет деньгами (Наверное, не все так, но замечание грустное – Ю.Б.) Мастерские же прежних лет объединяли. И не только организационно, но и духовно...»

Но тут уж ничего не поделаешь. Времена изменились. А творчество осталось. Хотя и здесь изменилось многое. И искусство в чем-то коммерциализируется.

Но творчество – если это творчество, и если человек без него уже не может существовать, остается творчеством в любые времена. Таким вот человеком, который, естественно, рад заработкам, но не может без творчества, как такового, был и остается Захарченков.

Его труд не остался незамеченным специалистами. В 1987г. стал членом молодежного объединения художников Советского Союза. «На излете» СССР, в 1989 г., он стал Лауреатом первой премии Всесоюзного симпозиума молодых художников, а в 1990 году – членом Союза художников СССР.

Захарченков принимал участие в многочисленных, в том числе и авторских выставках. В их числе – 4 всесоюзных, 4 международных и 4 зарубежных. И такая активность не случайна. В год он обычно создает 70 -80 работ (а в 2005 – свыше ста). При этом не устает искать новое, и в определенных сферах является новатором (1). Так, он усовершенствовал меццотинто.

По словам его давнего товарища, опытного и профессионально высоко образованного педагога В.Н.Барabanова, «у Захарченкова художник – всегда поэт. Он сам следует не только традиции, но и особенностям своего характера, мироощущения. Он не только показывает натуру, иллюзорно воспроизводящую реальность, но и (прежде всего!) стремится передать свои ощущения того, что видит.

Стремится показать мир, не имитируя бесстрастный объектив, а, увиденный живым взором. Например, смотришь на фигурку мальчика на картине – и словно сам начинаешь видеть изображенное глазами этого мальчугана

Искусствоведам и художника известно: есть правда природы и есть правда образа. Так вот, Захарченков из тех, для кого значимее правда образа».

Подхваченный разговором, сам Александр Васильевич добавляет: «Если точь-в-точь писать, то лучше взять фотоаппарат и сфотографировать»...

Но... и в искусстве, и в жизни не всегда все так линейно. Бывает и так, что чрезмерное акцентирование на деталях отвлекает от сути. Скажем, увлекись художник сетью морщинок на лице, родинкой или шрамом – и характер изображенного на портрете останется в тени.

Да и сам Александр Васильевич – не ярый противник того, что притягивает в реализме. Просто возлюбленная им природа живет, дышит, оплодотворяемая очеловеченными ветром и светом. Живет, но не эпатирует намеренно, «не выпендривается», и то же дерево остается деревом при всей индивидуальности художественного стиля автора полотна. Что же касается шумных изысков, то, по мысли Захарченкова, к примеру, «Черный квадрат – это миф», и его известность – детище не столько индивидуальности художника, сколько того, что мы бы сегодня назвали «раскруткой» или «пиаром». То есть – это та самая черная кошка, которую можно искать в темной комнате, лишь пока мы не включили свет.

Если же от рассуждений перейти к самим работам художника, то здесь, наверное, уместнее всего дать слово не искусственному в нюансах искусствознания зрителю. Не искусственному, но умеющему чувствовать, воспринимать искусство. Замечательный пример такого зрителя – одна из старейших наших журналисток, автор добротных и мощных по эмоциональному заряду стихов, Лариса Ивановна Кайнюкова. По ее словам, городские пейзажи, улочки на полотнах Захарченкова узнаваемы. «Пейзаж удивительно динамичный и теплый. Ветер и солнце. Они в стволах и кронах деревьев, в траве, облаках, озерной и речной воде...

Ветер на полотнах ощутим...» Изображенное создает ощущение «наполненности и движения...»

При взгляде на любую из работ Александра Захарченкова возникает ощущение простора и свободы – простора и свободы – души, мыслей, воздуха, времени, пространства. И еще - одухотворенности. Нет, это не тот случай, когда говорят, что художник очеловечивает природу. Просто человек присутствует в каждом произведении Захарченкова, даже если его силуэт не нанесен ни единым штрихом, ни одной точкой. Это он идет мимо знакомых зданий..., это он стоит у воды под деревом, это ему в лицо хлещет ветер, он следит взглядом за текущими сквозь синеву облаками».

И, наверное, естественно, что посетители одного из вернисажей художника – от профессионалов до «просто зрителей» отмечали именно «жизнеутверждающее солнечное начало его творчества». «Живописью радости, света. улыбки назвала творчество художника сотрудница областного краеведческого музея прежних лет Галина Медведева. «Я бы, - добавляет Кайнюкова, - сказала, что оно еще и музыкально – целый оркестр со своими скрипками и арфами, литаврами. гобоями. кларнетами и роялями... Творчество Захарченкова – это яркость без приторности, экспрессия без истерики, праздничность без навязчивости, тончайший баланс на лезвии... Его работы втягивают, всасывают взгляд... но не утомляют. Как солнце и ветер. Как облака и озеро, как листва и река...» (2)

Как профессионал, Захарченко – один из тех, кто участвует в создании современного облика нашего города: создает скульптуры, включая и те, что зимою делаются из снега. Работа физически нелегкая, хотя и приносит солидные заработки... (3, с.8)

Но Захарченков не только профессиональный художник, а и педагог. Вполне понятно, что поэтому некоторое время он и сам проработал в Костанайском вузе. Но, увы, в работе современных вузовских педагогов все чаще появляются такие подводные, да и надводные камни, о которые у людей творческих вдребезги разбивается желание «сеять разумное, доброе, вечное на ниве официального образования». Это

– бесчисленные бумаги и электронные отчеты, в огромнейшей мере столь же несовместимые с творчеством (будь это художественное творчество либо наука), как безводная пустыня несовместима с оазисом. Поэтому ныне Александр Васильевич преподает индивидуально. Естественно, за плату. Как, кстати, и те, кто учит детей играть в шахматы и т.д. А одна из его учениц, пораженная тяжелой болезнью (ДЦП), даже стала обладательницей гранта на 50 тыс. тенге и удостоилась персональной выставки (4)

Но, как это хорошо известно, всякий учитель и всякий мастер остается и мастером, и учителем, пока учится и оттачивает свое мастерство сам. Продолжает учиться и Александр Васильевич. Одна из самых памятных форм такой учебы и одновременно работы, связанной с живыми контактами с коллегами – участие в международном симпозиуме в Актюбе, посвященном 550-летию Казахского ханства(5). Организация этой недельной встречи 25 художников оставила у Александра Васильевича самые лучшие воспоминания: хотелось работать, и он сам с удовольствием подарил актюбинскому музею то, что было им создано в дни этой встречи.

Интересные и полезные встречи такого же рода, хотя и пока не международного размаха проводит и Костанайский отдел культуры. Здесь, безусловно, важна и поддержка. Но крайне важно и общение – те живые ниточки, которые наиболее тесно связывают людей во время совместной деятельности. Общение, которое так ценит и сам Александр Васильевич. Ведь художник без постоянного притока свежих впечатлений – все равно, что цветок, который не поливают. Да и разве нам, не художникам, живое общение не нужно так же, как постоянный приток свежего воздуха?

Литература

1. Сам он некоторые журнальные публикации называет преувеличением. Тот же офорт известен и до него. Но это не мешает творчески походить и к известному. Не вдаваясь в тонкости профессионального искусствоведа, лишь приведем здесь одну из цитат из казахстан-

ской печати: «Благодаря ему в казахстанской графике появилось еще два новых вида «офорт» и «меццотинто». Один из них придумал, а другой доработал костанайский художник Александр Захарченков. Офорт выполняется с помощью высокой и глубокой печати. Меццотинто существует еще с древности. Медную пластинку закаляли точками в течение двух часов. У Александра после усовершенствования весь процесс занимает не больше двадцати минут». – Бизнес-премьер, февраль. 2006.

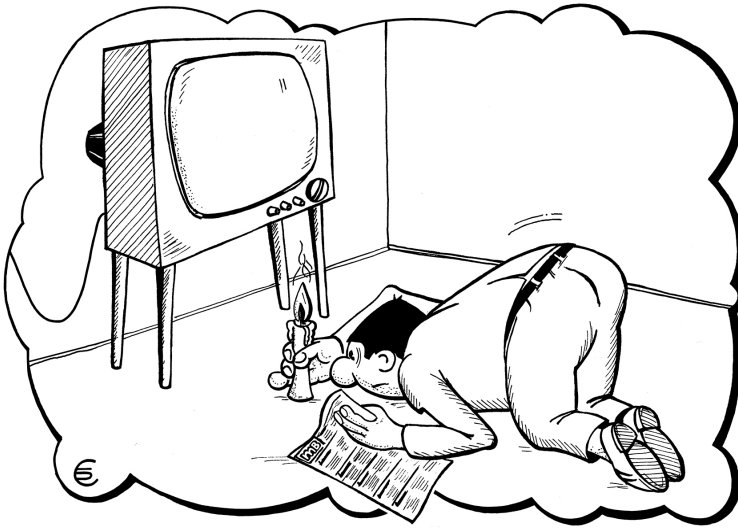
Для справки. Согласно словарю иностранных слов, «офорт» происходит от французского «о-форте» или «азотная кислота». Слово используется в двух значениях.: 1) способ углубленного гравирования, при котором линии рисунка процарапываются резцом или иглой в смоляном слое, покрывающем металлическую доску, и затем подвергаются травлению азотной кислотой; 2) оттиски с доски, гравированной таким образом.

2. Кайнюкова Лариса... Изд. на копии не указано... - 2006, №11 (82), с.163.
3. Набиева З. В снежном царстве, школьном государстве... - Наш Костанай, 26 декабря 2013, с.8. О том, как это делается просто и доходчиво сказано в интервью З.Набиевой с самим Захарченком, которого в декабре журналистка встретила за работой во дворе школы №18, где он ваял гнома : «Сначала, - говорил он, - я леплю фигурки из пластилина, прорабатываю каждую деталь, а потом уже вырезаю, выпиливаю это из снега...»
4. Скоро у нее будет выставка. 50 000 тысяч тенге достались начинающей художнице Насте Чернякиной. – Наша газета, 5 июля 2007 г., с.31.
5. Двадцать пять художников творили под дождем. -, Актюбе тайм, 21. 05, 2015, с.15.
6. Степанова Ирина. Как «Костанай-агро» музой художника стала. - №6 (219), с.13. В этой замечательной своей полудетской непосредственностью статье, статье, посвященной встрече с художником в его мастерской есть один показательный абзац, который здесь уместно

воспроизвести, чтобы добавить штрих к нашему, естественно, очень поверхностному очерку: «В студии художника живут два молодых человека – выпускники детского дома. оставшиеся без жилья. Здесь нашли приют и несколько животных: четыре кошки и одна собака – они раньше были бездомными».

7. Каталог (живопись, графика) «С любовью к тебе, мой город» (Выставка Костанайских художников, посвященная 125-летию Костаная) - Костанай, 2004.
8. Каталог «Природы чуткая душа»...
9. Старшинов Б. Ах, вернисаж! – (Ксерокс без указ источника). О персональной выставке А.В.Захарченко, «Город и край моими глазами», состоявшейся в областной библиотеке им. Л.Н.Толстого в преддверии юбилея города.

Капли в потоке лет

ДУХИН Я.К.

Есть люди, как дома с неброскими фасадами. Можешь ходить мимо них годы и годы и видеть лишь однотипные, с виду стандартные здания, так называемой «современной застройки». Но стоит однажды зайти, и чем дальше ты двигаешься сквозь коридоры и анфилады комнат, тем явственнее ощущаешь то наполнение, которое, казалось бы, никак не могло вязаться с внешне заурядным обликом типичной городской многоэтажки.

Таков и Яков Кузьмич Духин. С виду – типичный интеллигент из постановочного документального кино о «ботаниках» - «серых мышках науки». С образцово четкими чертами лица, в очках, словно подчеркивающих устоявшийся образ интеллектуала и «правильного» отличника, который привык брать свои неаховые высоты, не взлетом мысли, а упорным, пошаговым движением вверх. Хорошего роста с крепко поставленными плечами, которые при этом, может быть, из-за чего-то скрытого, внутреннего, отнюдь не кажутся плечами атлета. Не бойцовскими плечами, заметными разве что для девчонок, когда, к примеру, одна из них, твоя однокурсница, бросая взгляд на еще совсем молодого преподавателя истории, роняет: «Какая фигура!»

А так – ничего не только эпатажного, будоражащего, но и даже без какого-то намека на изюминку. И облик этот соответствует тому, что видится сутью. Специалист по истории девятнадцатого века – самого скучного на мой студенческий взгляд века русской истории, когда кроме разве что 1812 года и Крымской войны и зацепиться-то особенно не за что. Ни тебе фольклорной живости и красочного колорита Древней Руси, ни размаха античного мира. А все какие-то неудачники декабристы, разночинцы, литературные критики, спорящие между собой, а не действующие западники и славянофилы, да какой-то тусклый царизм - без лихости казачьих восстаний, дикостей Грозного или,

хотя бы, чудачеств и размаха Петра и Екатерины Великой. Сплошная проза истории.

Не случайно и занятия самого Якова Кузьмича воспринимались мною, студентом, как чрезмерно сосредоточенные на деталях, а сам он иной раз казался скрупулезно дотошным до утомительности: ну, как бедолаге-студенту можно удержать в голове все то, чем оперировал сам Духин!

Да и наполненные деталями и максимально выверенными нюансами научные доклады Духина подчас воспринимались мною, как что-то, бесспорно добротное, но очень уж частное: какой-то там Тургай, какие-то «третьестепенные» исторические фигуры, которые и в учебниках не всегда упомянуты, какие-то рассуждения известных и малоизвестных публицистов! – Задворки империи. Задворки истории, которая, как виделось мне, студенту, явно творилась не на задворках.

Правда, при всем при этом мы уже вне аудитории могли подолгу говорить с тогда еще молодым преподавателем Духиным об исторических разностях. И герценовский двухтомник «Былое и думы», и Писарева, да еще с множеством пометок, я прочел, возможно, именно благодаря Духину, а подаренные им несколько томов уникальнейшего отечественного историка Евг.Тарле долгие годы украшали мою личную библиотеку, пока не были переподарены в свою очередь.

Но при всем этом, то, чем так скрупулезно занимался Яков Кузьмич, казалось слишком уж местным и увиденным глазами человека из провинции, вынужденного волею судьбы писать о казахских степях и Кустанае, поскольку исторически более значимого рядом просто не было. И вдруг, спустя уже долгие годы, разворачивая областную, а ныне и региональную газету «Костанайские новости» (бывший «Ленинский», а до того, если память мне не изменяет и «Сталинский путь») на целом газетном листе вижу статью Якова Кузьмича о Фоменко – блистательном и оригинальном художнике и эпатажном любителе в сфере истории, попытавшемся лихо, своего рода кавалерийским наскоком перевернуть все привычные представ-

ления о датировке глобальных мировых и отечественных исторических событий. Фоменко, как, впрочем, и иные «переворачиватели устоявшегося», в эти годы стал очень модным. И вдруг «провинциальный историк» четким и при этом живым, человеческим языком осмелился дать свой анализ концепции, претендующей на коперниканскую революцию в истории. Анализ критический и убедительный. Но при этом не погромный, который бы увенчивался благонамеренными воплями: «Ату его, ату!» И мне в память до сих пор врезались духинские фразы, следовавшие за критическими построениями автора газетной статьи, фразы о том, что, не приемля Фоменко, было бы неуместно разыгрывать нередкую в нашей новейшей (да и только ли новейшей?) истории роль погромщика: «Только бы не топором!» «Только бы не топором!» – завершал свои критические очерки Духин. По крайней мере, почему-то в меня вошли именно эти слова, хотя, когда почти через двадцать лет после публикации я вновь взял в руки газету со статьей, внешне она завершилась совсем иначе: «не дай Бог камнем...» (8, с.5) Поразительное свойство памяти – сохранив суть, настрой, совершенно изменила текст, потому что именно в настрой было главное

И вот это: «Только бы не топором!», а точнее «Не дай Бог камнем!» неожиданно вырисовалось, как кредо самого Якова Кузьмича. Чем бы он не занимался, во что бы ни погружался, сам он, познавший с детства нелегкий физический труд, никогда не действовал топором, а только скальпелем, пинцетом и теми инструментами, которые требовали и точности, и исключительной неспешности.

Мало того, в душе Яков Кузьмич из исследователей-поэтов. Да он пишет и стихи. Так, для себя. Или по случаю, либо для близких. Но, тем не менее, он, внешне такой «застегнутый на все пуговицы» Потрошитель архивов, совершенно неожиданно оказывается Историком-Поэтом в буквальном смысле этого слова. Его еще только готовящиеся к печати воспоминания, названные выразительно «Капли моего детства», местами почти публицистичные, нередко отливаются в капельки художественных миниатюр. Очень

простых по форме. Непретенциозных. Но таких искренних, таких точных в деталях. И во многих местах написанных таким добротным русским языком, по которому сегодня уже начинаешь скучать. Судить, конечно, профессионалам, но для меня «капли детства» Духина стали в чем-то и каплями настоящей литературы. Настоящей, потому что в них запульсировала Настоящая жизнь. И значительная часть этих очерков – лишь обрамление и компоновка собственных миниатюр и иных записей самого Духина. Записей, дополненных фрагментами его интервью, в одном из которых, связанным с разговором о его имени, он спокойно, словно шахматную партию разбирает, так характеризует самого себя: «По характеру я, может быть, и безотказный но смотря для кого и где. Если просьба затронула мое сердце, всегда откликнусь. К студентам в аудитории проявляю строгость. А вне аудитории я демократичный...» Решителен ли? – «... так про себя сказать не могу. Всегда думаю. размышляю как поступить. И мне действительно трудно входить в новую ситуацию, обстоятельства, да и друзей предпочитаю проверенных временем...»

Люблю все красивое. Отторжение вызывают у меня люди, поступающие некрасиво или небрежно относящиеся к своему внешнему виду. Я и в институте преподаю курсы по искусству.

Без дома и семьи жизни не мыслю. С Валентиной Дмитриевной более полувека в браке. Она была заведующей кафедрой немецкого языка в пединституте, сейчас на пенсии, работает переводчиком в «Возрождении». Вырастили дочь и сына. Помогаем внукам. Супруга у меня хорошая. Что бы я без нее делал?! А уют в семье создаем вместе.

.... Не терплю... пышных торжеств. Когда меня на 70-летие чествовали, сидел как на иголках... Не жалею, что выбрал историческую специальность. А вот путешествия не для меня. Я домосед. Музыку люблю – классическую и современную ритмическую. В театр не хожу. Считаю, что сейчас в нем много примитива, даже в московских...Много читаю....» (6)

Таков словесный автопортрет Духина. Но откуда он такой появился, какой была жизнь, что накладывала краски на этот портрет?

Яков Кузьмич из семьи переселенцев. Отец его – Кузьма Тихонович родился в России. Его собственный отец и дедушка Якова Кузьмича родом из Воронежской губернии, из тех, кто в первых десятилетиях прошлого века волею истории и в поисках лучшей жизни оказался в Казахстане. Отец же мамы Якова Кузьмича – Прасковьи Фоминичны - вместе со своей большой семьей переехал в Казахстан из губернии Астраханской. (В 10-х годах двадцатого века; это были «стольпинские переселенцы»). Сам же Яков Кузьмич родился неподалеку от Аягуза в поселке Урджар Семипалатинской области 23 августа 1936 г. , откуда уже после окончания седьмого класса вместе с родителями переехал в городок Аягуз – тот самый, где много позже довелось мне самому провести время службы в Советской армии...

Деда по отцовской линии он уже не застал в живых. Умелец Тихон Иванович в годы Первой мировой оказался в прифронтовых мастерских, где занимался починкой оружия. Погиб же он в годы Гражданской. И не в вихре сражений, а застигнутый бураном: «простудился и умер». В тот же период – в 1919 г. ушел из жизни и дед по линии матери.

Так случилось, что отец самого Якова Кузьмича оказался вторым мужем его матери. Первый трагически ушел из жизни – утонул во время рыбалки на Иртыше, когда лодка натолкнулась на льдину и перевернулась. Женщины же того старшего поколения жили дольше. Бабушка Якова Кузьмича – Анна Петровна прожила 94 года.

У родителей Якова Кузьмича родилось восемь детей, шестеро из которых выжили и получили серьезное, особенно для тех лет, образование. Мама же была награждена орденом «Мать-героиня».

А детство было непростым, как и у миллионов советских детей того времени. Какие только виды нелегкой, сугубо физической работы не пришлось перепробовать с самых ранних лет будущему работнику умственного труда, который, казалось бы, и рожден-то был для сугубо

интеллектуальной деятельности! Готовили на зиму кизяк – подсушенный в брикетах коровий навоз, который зимой мог стать приличным топливом. Косили сено. Точнее косил старший брат. А младший – Яша, ступая босыми ногами по колючей стерне, укладывал его на телегу. Эту с виду нехитрую, но утомительную работу осложняло еще и то, что добывать сено, жизненно необходимое для семейной спасительницы и радости – Буренки, приходилось, таясь от возможной встречи с объездчиком. Увы, (может быть, это наша традиция?) но безголовых решений хватало всегда, и сочную траву, которая «росла впустую», просто так, для себя, косить запрещалось. Так что работягу ослика приходилось прятать в овраг, а потом, напрягаясь, вытягивать его оттуда вместе с груженой телегой.

Да и жили не слишком сытно, а то и голодно, о чем безыскусно рассказывают пронзительные миниатюры самого Якова Кузьмича. Зато «лакомствами» становилось то, что сегодня и представить трудно. Например, аппетитные... воробы, которые так нахально и беззаботно грудились у навозных куч. Поставив специальный капкан, сообразительные ребята сумели-таки заполучить вожака добычу. Так что «вечером был настоящий пир!.. Какой суп, какое мясо!.. Ничего подобного ни до, ни после... А птичку, все-таки, жалко...» (1, сс.43 -44)

Да и работа, даже весьма нелегкая, может нести радость. Скажем, обмазка крыши. С берега реки возилась глина, для добывания которой подкапывалась своеобразная пещера. Дело небезопасное. Однажды обрушившийся «потолок» такой самодельной пещерки засыпал девочку, которую спасти не удалось. Но что такое опасность по сравнению с азартным волшебством совместного труда! «Было весело босыми ногами, измазанными глиной, бегать по кругу и месить солому. Но самое интересное было на крыше, где мама размазывала приносимые нами комья глины. Делала она это споро, с видимым старанием и удовольствием...» (1, с.15), вспоминает, как что-то очень светлое Яков Кузьмич.

А сколько тревожно-радостных волнений доставил самодельный марлевый галстук, который маленький

Яша мог надевать только в школе, потому что добрые, но ходившие в молитвенный дом (6), религиозные родители как раз галстук-то принять и не могли. А так хотелось не отставать от других!

Надо сказать, что Яков Кузьмич, как и многие (хотя и не все) из тех, с кем мне довелось говорить, вспоминает свои школьные годы и особенно учителей очень и очень тепло. И это при том, что значимейшая часть предшкольных и школьных лет пришлась на войну, которая оставила в памяти след проводами отца на фронт в 1941-м году, расставанием, завершившимся встречей лишь через долгие пять лет – в 1946-м (1, с.5).

Самым же необычным впечатлением детства, наверное, стали съемки эпизодов известнейшего в прошлые годы фильма «Радуга», поставленного по повести Ванды Василевской. Фильма, который очень понравился «И.Сталину, да и не только ему, а и всем советским людям и даже президенту США Ф.Рузвельту» (1, сс.35 -36). Съемки эти проходили в 1943 г., длились несколько недель и, по словам Якова Кузьмича, взбудоражили весь Урджар. Еще бы, такое и не в каждом крупном городе увидишь!..

Но запомнились и тяжелые моменты. Один из самых тягостных – болезнь, потребовавшая операции на ухе, после которой Духин должен был всю жизнь избегать воды, лишь наблюдая со стороны за плещущимися в реке ровесниками. А случилось это, когда Яша был дошкольником.

Но детство со всеми его радостями, переживаниями и болями, пролетело. В 1956 г. (год переезда моей собственной семьи в Кустанай) Яков стал студентом исторического факультета Казахского государственного педагогического института имени Абая. Но уже в следующем, 1957 г., факультет был преобразован в историко-филологический. Его-то в 1960 году и закончил с отличием Яков Кузьмич, после чего был отправлен «на работу учителем русского языка, литературы и истории в Андреевскую среднюю школу Казанского района Кокчетавской области» (2)

В 1962 году Яков Кузьмич стал аспирантом-историком в КазПи им. Абая, а после завершения аспирантуры

был направлен Министерством на работу в Кустанайский государственный педагогический институт, причем сразу старшим преподавателем, а не ассистентом. В 1968 году он защитил кандидатскую диссертацию «Освободительное движение в России в 20-е годы XIX века и Казахстан». Таким образом, мы, второкурсники исторического факультета Кустанайского педагогического вуза, на занятиях встретились с Духиным, как с молодым кандидатом наук, что в те годы было редкостью.

Спустя два года Духин получил звание ВАКовского доцента, что для преподавателя провинциального вуза тоже было очень значимо, а в 1978 году стал заведующим кафедрой истории, которую возглавлял четверть века. Как было отмечено, в его «краткой биографии», «за успехи в работе кафедра неоднократно становилась победителем социалистического соревнования, признавалась одной из ведущих в институте. В 1986 г. ... Яков Кузьмич» был награжден «почетным знаком «Отличник народного просвещения Каз ССР» и орденом «Знак почета»(2), а в 2006 г. статья о нем появилась в энциклопедии «Костанайская область» (с.329).

Награды не из тех, которыми разбрасывались в те годы. Хотя, казалось бы, что тут необыкновенного? – Трудился человек – и получил по заслугам: и должность, и прочее. Однако, вспоминается, что при всем этом Яков Кузьмич не был членом партии. Здесь есть над чем подумать.

Правда, сам Яков Кузьмич порою вспоминает, что заведование, к которому, как и всему остальному, что было связано с работой, он всегда относился, да и продолжает относиться очень серьезно, сковывало его, как исследователя. Эх, если бы, не заседания, не отсидки на кафедре, положенные всякому заведующему!

Но, думается, в этих искренних вздохах есть и доля неосознаваемого нами лукавства. Яков Кузьмич – трудоголик чистой воды. И по своей трудоспособности, по перелопаченному им материалу, по склонности к анализу, он из тех, кто мог бы дать фору многим официально признанным докторам наук более поздних лет. Но именно этот трудоголизм нередко мешает достижению внешне более

высоких ступеней. С одной стороны – скрупулезность и филигранность при работе с собственно историческим материалом, а с другой, скрупулезность и обстоятельность и в любой иной работе, включая и заведование кафедрой. Та обстоятельность, которой просто не может быть без внутренней тяги к делу, к той работе, которую выполняешь здесь и сейчас, какой бы утомительной она не казалась.

Но при этом прикосновении к подлинному, будь то искусство, спорт, наука или педагогическая деятельность, всегда оставляет чувство неудовлетворенности. Чем больше человек может и знает, чем больше трудится, тем шире видятся ему его собственные горизонты, и тем острее он сознает и то, что не успел сделать или мог бы сделать лучше. Здесь такой неординарный по сути Яков Кузьмич типичен: он не из тех, кто, говоря языком Пушкина, «всегда доволен сам собой». Сам он считает, что и написал-то не так уж и много...

Однако именно эта строгость и в самооценке, и в оценке работы других превратила Якова Кузьмича в одного из ведущих историков-краеведов Кустанайщины, чьи выверенные до мелочей работы публикуются не только в Казахстане, но и в солидных исторических журналах, выпускаемых за его пределами. Духин – автор около восьмидесяти научных трудов. Сам Яков Кузьмич, считает эту цифру не слишком впечатляющей. Но здесь перед нами тот случай, когда цифры сами по себе слишком мало говорят о затраченном труде и полученных результатах. Ведь перед читателем работы, потребовавшие и колоссальной общей эрудиции, и многодневных архивных изысканий, когда написанное становилось лишь зримым итогом колоссальной предварительной работы. Той работы, что роднит историческую науку с поэзией, которую так образно и емко очертил Маяковский: «Поэзия – та же добыча радия. В грамм добыча, в год – труды. Изводишь единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

Среди наиболее заметных и наиболее известных работ Якова Кузьмича – ряд разделов в книгах «Кустанай: вчера, сегодня, завтра», «Кустанайская область в прошлом и настоящем», а также статьи «Зачинатели казахско-польской дружбы» (1966). «Польские ссыльные в Казахстане» (1967),

«Начало Кустаная» (опубликована в 1979 г. в 11-м номере «Вопросов истории»), «Русское окружение Чокана Валиханова» (опубликовано в 2002 г. в 1-м номере «Вопросов истории»), «Типы российских переселенцев в Тургайской области в конце девятнадцатого – начале двадцатого века» (опубликовано в 2008 г. Славянске-на Кубани в материалах международной научно-практической конференции, «Столыпинские переселенцы в Тургайских степях («Вопросы истории», Москва, №10 за 2012 г.) Стоит заметить, что последняя публикация появилась, когда Духину было уже более семидесяти пяти лет. Завидное творческое долголетие! А ведь кроме собственно научных и газетных статей Якову Кузьмичу принадлежит немалое число и работ методических – тех, в которых всякий опытный преподаватель отливает в слова свой собственный многолетний опыт, столь необходимый и его молодым коллегам, и студентам. Здесь и «Методическое пособие по истории СССР (период капитализма)» (1985 г.), и «Проблемно-познавательные задачи... по школьному курсу истории СССР» (1985), и целый ряд иных.

Уместно добавить, что Я.К.Духин оказался в числе тех баловней Фортуны, которым само Время подарило возможность жить в провинции и при этом не быть провинциалом в том деле, которому посвящена жизнь. Он неоднократно выезжал на совещания заведующих кафедрами пединститутов Советского Союза и наряду с этим через ФПК трижды (каждый раз в течение ряда месяцев) повышал свою квалификацию в МГУ им.Ломоносова – вузе, где сосредотачивались одни из лучших в мире специалистов в той области науки, которая оказалась в сфере интересов самого Якова Кузьмича. К тому же, такого рода система повышения квалификации позволяла общаться с коллегами из самых разных городов и республик огромной страны и, конечно же, окунуться в культурную жизнь столицы.

Вполне понятно, что все это помогало и продолжает помогать Якову Кузьмичу сохранить себя и как исследователя, и как педагога. Говоря несколько официальным языком краткой биографии-характеристики Якова Кузьмича, он – «высоко эрудированный историк, основательно знающий свой

предмет... Его занятия отличаются глубокой научностью, логикой построения, убедительностью аргументации, доступностью изложения. Большое внимание им уделяется самостоятельной работе студентов». Поэтому-то и студенты, и «коллеги отмечают его высокий профессионализм» (2, с.2.) Фразы почти стереотипные, но по отношению к Духину они очень точны. Если же выражаться иначе, то уместно вспомнить брошенные мимоходом, словно выдохнутые, слова А.В.Тарасенко, которому довелось студентом заочником слушать Якова Кузьмича: «Духин – мой кумир. Материал отработан. От зубов всегда отскакивает». И это слова человека, знакомого и с тем, что такое Слово, и что такое История, причем не только из чужих книг. Тарасенко сам автор живых и сочных изданий, далеко не провинциальных по самому своему духу.

А выпускник 1970 г., доктор философских наук, зав. кафедрой философии КГУ им. А.Байтурсынова С.А.Колдыбаев вспоминает Якова Кузьмича и с иной стороны. «Меня, ...- пишет он, - всегда изумляла настойчивость Духина Я.К., который мог с ребятами целыми днями и ночами работать над выпуском факультетской газеты. Согласимся, не каждый преподаватель может сохранить такой неподдельный интерес к делам и заботам студентов, работая десятки лет на факультете» (7, с.146)

Конечно, Якова Кузьмича, как и любого исследователя и педагога, различные студенты, и воспринимают по-разному. Кого-то больше, кого-то меньше может увлекать то, чем живет ученый-педагог. Но остается несомненным одно: Яков Кузьмич – из тех, кто не просто работает, а живет работой, живет в деле, которому отдана жизнь. И уже это, какое бы время какую бы эпоху мы не затрагивали, само по себе немало стоит.

Что же касается поверхностности и контурности этого очерка, то, думается, сам Яков Кузьмич сумеет его дополнить собственными воспоминаниями, вдобавок к которым очень хотелось бы увидеть и положенные на бумагу воспоминания о студенчестве, и о первых годах послеузовской трудовой жизни Якова Кузьмича – и как школьного учителя, и как вузовского педагога.

Приложение

Бывшие студенты о Я.К.Духине

Яков Кузьмич – не единственный, кого вспоминают студенты после окончания вуза. Но так уж случилось, что именно упоминания о нем попали в печать и оказались одними из самых живых и богатых, с которыми может соприкоснуться читатель, взявший в руки очерки «Рожден и оправдан временен». Для иллюстрации сказанного воспроизведем здесь фрагменты некоторых воспоминаний такого рода.

«Духин Яков Кузьмич. О нем ходили легенды. Все знали – его предмет надо знать. Не то придется ходить трижды. Удивляло, как можно столько знать, ни разу не заглянуть в конспекты, не спутать цифры. А этот строгий взгляд. Нас перед ним сидело человек 50. Казалось, что он каждого пронизывает взглядом. О нем не хотелось сочинять анекдоты...»

*(Козыбаева К.А., выпускница 1977 г.,
отличник образования республики Казахстан,
преподаватель Костанайского
индустриально-педагогического колледжа. –
«С удовольствием вспоминаю годы учебы. –
В кн.: Рожден и оправдан временем, с.185)*

«Никогда не забуду лекции и особенно семинары Духина Я.К. Многие на курсе, в том числе и я, боялись его и глубоко уважали. Он научил нас не переписывать тома, а находить в тех же томах историков самое существенное по каждому вопросу семинарского занятия. Совсем другим человеком, с сияющими глазами, я видела его, посещая кружок пушкинистов. Здесь раскрылся он, как человек увлеченный, мудрый и глубоко порядочный».

*(Горбунова (Суряднова) Е.А.,
выпускница 1977 года,
зав. отделом Костанайского областного
краеведческого музея. – «Побольше бы таких людей». –
Там же, с.187)*

«... Яков Кузьмич Духин спрашивал строго и справедливо. Все его лекции слушались нами на одном дыхании. Высокая эрудиция. умение четко и интересно преподносить материал. Все это выгодно отличало его от других преподавателей. Моя связь с Духиным Я.К. не прерывается и сейчас, мы обмениваемся по вопросам, связанным с историей родного края».

*(Павловский А.В., выпускник 1980 г., пенсионер . –
«Продолжаю работать по истории края». –
там же, с.190)*

«Запомнились занятия кандидата исторических наук, профессора Духина Якова Кузьмича по истории СССР – период капитализма. Яков Кузьмич читал лекции громко, первое время мы не могли привыкнуть, но записывали почти все, т.к. были заранее предупреждены студентами старших курсов, что Духин Я.К. проверяет записи лекций, семинарских занятий. да и на экзаменах спрашивает лекционный материал (у меня до сих пор хранятся тетради с его лекциями, семинарскими занятиями). Якову Кузьмичу мы очень благодарны за эти занятия, т.к. он, помимо материала, необходимого по программе, давал много дополнительного, особенно по культуре».

*(Жаксымбетова Г.Т., выпускница 1990 года,
старший лаборант кафедры Отан тарихи
Костанайского университета. –
«Где находится озеро Занзибар?» - там же, сс.198 – 199)*

«... в период капитализма мы вступили с Яковым Кузьмичем Духиным. Я никогда не переставала восхищаться этим человеком, который не только в совершенстве знает свой предмет, но также выпускает удивительные газеты, пишет целые поэмы и является заведующим кафедрой».

*(Кифик И.Ю., выпускница 1994 года, преподаватель кафедры
новой и новейшей истории Костанайского университета . –
Там же, с.202).*

Мысли об истории.

Фрагменты из статей Я.К.Духина.

Думается, что о любом ученом, если это ученый всерьез, так же, как и о создателе художественных произведений, написанное и сказанное им, подчас говорит больше, чем перечисление регалий и событий его биографии. Это в полной мере относится и к Якову Кузьмичу, поэтому уместно напомнить здесь кое-что именно из газетных публикаций, которые нередко даже в большей мере, чем публикации в научных изданиях очерчивают духовный портрет того или иного времени.

Так ли проста и общедоступна история?

«Принято почему-то считать, что история доступна всем и всякому, что любой, даже путавшийся когда-то в азах школьной программы, способен в ней сказать «свое» слово, выдвинуть новую интерпретацию исторического события, по- своему его использовать. Иными словами, сложился опасный прецедент, имя которому – мифотворчество.

Когда-то А.И.Герцен в философском трактате «Дилетантизм в науке», определил сущность явления и людей его представляющих словами: они «любят не науку, а именно туманное, неопределенное стремление к ней, в котором им раздолье мечтать и льстить себя». Конечно, дилетанты бывают разные. Одни из них спекулируют историей ради достижения корыстных политических целей, ради выполнения определенного политического заказа. Таковые были всегда, во все времена, и нет надежды, что они переведутся в скором будущем. Другие, отвергая всяческий конъюктурный диалект, всерьез и искренне полагают, что в состоянии предложить новую историческую концепцию и принципиальные открытия, которые почему-то не воспринимаются ретроgrадами и консерваторами от традиционной науки.

Если с первыми все ясно, то вторых обвинять в дилетантизме следует с величайшей осторожностью: они знают исторические факты, используют бездну исторических свидетельств, используют современные методы исторического анализа. Вся беда, однако в том, что к источнику и

свидетельствам они подходят весьма избирательно, отсекают все то, что не согласуется с их установками, и, напротив, обильно щедры на использование свидетельств хоть как-то соответствующих предлагаемым доводам...»

(Духин Я.К. «И мальчики кровавые в глазах...» А был ли мальчик? – Костанайские новости – 5 февраля...)

Мы и история. Отечественная и мировая.

Из диалога «Почему Галилей за истиной пошел до конца, а историки оглядываются на политиков?» (Записала Ольга Абалакова).

В чем специфика истории?

«Галилей остался при своем мнении, поскольку его идея была подкреплена своим опытом, анализом мироздания и естественными законами природы, против которых идти сложно. История же – наука, которая развивается несколько иными путями. Исследователю предоставляется возможность на тысячу ладов комбинировать исторические факты. Например, в период Перестройки советская историческая наука отказалась от марксистско-ленинских постулатов. Что произошло? Историки бросились охаивать то, что когда-то защищали. В смысле верности прежним убеждениям, это, конечно, позорный факт... Но поднимется ли рука осуждать? Появилась свобода – родилось желание самоутверждения. Правда, некоторые исследователи, находя в истории белые пятна, стараются использовать только те, которые на руку определенным установкам. И история вновь впрягается в политическую телегу».

А как быть с осмыслением колониализма и соотношения казахстанской и мировой истории?

«Это проблема острая, дискуссионная, порой искусственно нагнетаемая. В советские годы о колониальной политике откровенно не говорилось и акцента, который бы разделял народы, не делалось. Сегодня позиции российских и казахстанских историков по этой проблеме полярные.. Если коротко, то российский взгляд таков: колониаль-

ный тип завоеваний в России не сложился. В Российскую империю национальные окраины входили без четко обозначенных границ. Включались, как составные части, в единое государство. На них распространялись общеимперские законы, государственные структуры. Россия никогда не денационализировала другие народы. Казахские историки расставляют несколько иные акценты. Наша же задача, как преподавателей истории, на мой взгляд, усиливать вариант толерантности в объяснении межнациональных отношений. И поэтому мне непонятна устоявшаяся модель: русский народ – «старший брат». Это надуманное суждение! Ну, не русский мужик угнетал другие народности, поскольку сам страдал от бездны несправедливостей со стороны всех властей и жил-то он порой гораздо хуже, нежели иные его «младшие братья». Настало, наконец, время перехода от огульной критики к взвешенному анализу...»

Что касается соотношения отечественной и мировой истории в наших учебниках, то, беседовавшая с Духиным корреспондент заметила: «...мне кажется, что «мы в них отдали дань суверенизации в ущерб мировому компоненту. Изучается какое-то национальное явление, а дети не знают, что его подготовило, каковы процессы в той же Европе, России...» На что Духин ответил: «Мне думается, не ошибаетесь. В наших школах действительно образовалась некая тенденция- история Казахстана основательно потеснила всемирную историю (по сравнению с программами советской школы).. Против изучения истории родной страны никто не возражает, но все же следует признать: нарушен баланс, который всегда, в общем-то, должен соблюдаться. Возьмите, к примеру, летописца Нестора: даже он в «Повести Временных лет» историю русскую предварил свидетельствами истории мировой, осознавая тем самым свой народ, как часть общепланетарного мира».

(Костанайские новости. – 25 февраля 2008 г.)

О пересмотре отношения к прошлому.

«Сегодня... пересматриваются многие вопросы.

например, революции, и октябрьской, в частности. Утверждается, что ей была альтернатива – эволюционный путь. Да, эволюция – вещь привлекательная и предпочтительная. Но ведь и революция имеет право быть, несмотря на все ужасы, ее сопровождающие. Революцию не совершают по заказу. И та же Гражданская война в России была развязана не только большевиками, в ней одинаково преступно прославили себя, как красные, так и белые знамена... Поэтому, уверен, должен соблюдаться принцип историзма, предпочтение должно отдаваться объективности, а не продуманному нигилизму. Как-то на канале «Культура» мне довелось посмотреть встречу с читателями в прошлом диссидентствующего поэта Наума Коржавина. Он прочел уже подзабытое гаденькое стихотворение о декабристах, Чернышевском, Герцене, Плеханове, Ленине. И что поразительно: аудитория взорвалась аплодисментами. Уже успели воспитать воинствующее неприятие имен, многие из которых были национальной гордостью. По учебникам истории уже прошла суровая поступь небрежения к прошлому. Это хорошо заметно по студентам, некоторые из них приходят в вуз, лишённые исторической памяти... Хотите несколько примеров? Пожалуйста. Спартак – русский писатель. В Отечественную войну 1812 года Россия воевала с Гитлером. Антон Чехов, оказывается, написал пьесу «Три поросенка». И это не анекдоты. Это уровень развития нашего молодого поколения, предпочитающего знаниям по истории суррогат... В определенной мере за этот результат ответственны и школьные, и вузовские учебники по истории...»

«Почему Европа идет впереди нас?»

Да потому, что там дисциплина и порядок. Вот мы применяем тестирование при вступительных экзаменах. Что оно дает? Мертвые души. Мы не видим лица студента, не имеем понятия о его мышлении. А кто поступает? Посмотрите, у нашего декана сейчас не закрываются двери, приходят родители, знакомые просить за студента. А он не ходит на занятия... Я знаю дореволюционную систему образования, когда из поступающих заканчивала только

половина студентов. Неучи безжалостно изгонялись. Что мы делаем? Чему такой с дипломом научит детей?»

(Сергазинова А. Отличник народного образования Яков Кузьмич Духин по прежнему верен своему делу, которому служит уже тридцать лет. – Кустанай, 4 октября 1996 г, с.7)

Литература

1. Духин Я.К. Капли моего детства. Рукопись.
2. Духин Я.К. Краткая биография и список публикаций. – Кустанай: КГПИ..
3. Духин Я.К. Кустанайская область. Энциклопедия. – Кустанай, 2006.
4. Сергазинова А. Отличник народного образования Яков Кузьмич Духин по прежнему верен своему делу, которому служит уже тридцать лет. – Кустанай, 4 октября 1996 г, с.7.
5. Смагина О. Наш могучий Иаков. – Білім жарысы. – 24 сентября 1999 г., с.2 (№4).
6. Круглова Л. Яков не гонится за славой. – Кустанайские новости, 21 апреля 2011 г.
7. Рожден и оправдан временем. – Кустанай: печатный двор, 1999.
8. Духин Я.К. «И мальчики кровавые в глазах...» А был ли мальчик? – Кустанайские новости – 5 февраля 1997 г.
9. Абалакова О. «Почему Галилей за истиной пошел до конца, а историки оглядываются на политиков? - Кустанайские новости. – 25 февраля 2008 г.
10. Духин Я.К. Опустела земля. – КН, 26 ноября 1997 г.
Духин Я.К. Лежать ли останкам гражданина Романова в соборе? – КН, 24 июня 1998 г.

«Живая душа»

ФЕФЕЛОВА Л.И.

«Не люблю ничего пустяшного...»

Л.Фефелова

Фамилия Фефеловой мне, как и многим костанайцам, которые, пусть и не всегда регулярно, но держат в руках газеты, была известна давно. Но открыл я ее для себя случайно, после горьких, до абсурдности горьких событий – из тех, что, наверное, толком не объяснит вся мировая философия с ее тысячелетними размышлениями о мире и человеке. Накануне нового учебного года вместе с двоюродным братом разбился на мотоцикле один из моих студентов. Хороших и интересных студентов много. Но он был из тех, кого за сорок с лишком лет работы можно буквально пересчитать по пальцам одной руки. И вот в «Костанайских новостях», да еще на целую страницу, статья о нем и его девушке. Написанная Людмилой Ивановной Фефеловой. К таким статьям и подступиться-то непросто: собирать для них «материал» все равно, что касаться свежей, окровавленной раны. А здесь еще и столько далеко не репортерской, пронзительной человечности! Та же человечность дышит и уже не в статье, а в книге «Гибель спецроты» - документальной повести о Султане Еркимбаеве, снайпере 997-го стрелкового полка, погибшем в годы Великой Отечественной на земле Украины (1). И здесь, казалось бы, тысячи раз повторяемая на все лады тема оживает, перерастая и клишированность. и плакатность. потому что Великое Общее органически срастается с личностным, точнее даже личностно-родовым, когда судьбы отдельных людей и семей без излишне высоких фраз рисуются зримо, как нечто неотъемлемое от судеб народа, судеб страны...

Итак, имя запало в меня. Стал следить внимательнее за ее статьями. А тут еще короткие экспресс-опросы, своего рода мини-интервью, периодически появляющиеся на полосах газеты. И когда я совершенно искренне заметил

заведующему кафедрой философии доктору философских наук С.А.Колдыбаеву, как четки его интервью, то он ответил, что вопросы по телефону задавала и записывала та же самая Фефелова. В моих глазах интервью всегда были высшим пилотажем журналистики. Услышать, понять и точно передать другого – такое бывает ой как нечасто! А тут – записи разговоров с представителем философии, той самой, о невнятице и заумности которой сложено столько анекдотов и побасенок, причем с ярко выраженным теоретиком – и изложено не только четко, но и с пониманием сути сказанного...

И, конечно же, замечательной и при этом существеннейшей черточкой, естественно, эскизного портрета журналистки стали ее творческие Интернет-контакты. Здесь и мастодонт еще советской авторской журналистики Кипрас Можейко, и немало других. С одной же из таких вот фигур буквально мирового масштаба та же Фефелова инициировала проведение телемоста в областной научной библиотеке им.Толстого. Встреча эта была с Далем Орловым, известнейшим еще в СССР киноведом, многолетним редактором популярнейшего журнала, посвященного кино и автором толстенной книги «Стальная комната», посвященной размышлениями над творчеством Льва Николаевича Толстого. К тому же человеком, который долгие годы назад, пусть и ненадолго, а был судьбою заброшен в Кустанай. А такие встречи для провинции – все равно, что березовые колки среди иссушенных летним зноем степей...

Но и это еще далеко не все. Людмила Ивановна ко всему прочему еще и автор книг. Какие-то из них документальны по своей основе. Но есть и сугубо художественная книжечка в мраморно белой обложке с синеющими на ней буквами и черным оттиском женского лица, обрамленного двумя обращенными друг к другу мужскими силуэтами. Лица, символически заключенного в высвечивающий его треугольник. – «Мужская школа» или книга коротких рассказов и стихов. И она – не единственная среди ее книг, выходящих за пределы репортажей, интервью и «сугубо журналистских» очерков. Среди лежащих на моем столе

и «Манекенщик», и выпущенные совместно с Юлией Ким «Сказки для женщин без возраста»...

Уже само посягательство на книгу художественную, как и у корреспондента той же газеты А.Г.Ермоловича, только на первый взгляд может показаться ординарным. И в самом деле, многие без труда вспомнят немалое число журналистов – от Хемингуэя до И.Эренбурга, К.Симонова и других, которые равно владели и мастерством журналиста, и пером писателя, а, подчас, и поэта. Но эта ординарность кажущаяся. Хотя и там, и тут мы имеем дело со словом, но слово это принципиально разное. Репортер и очеркист – все равно, что бегун на короткую дистанцию или, в крайнем случае, штангист. Всякий раз от него требуется выплеск взрывной энергии. И выход на помост или газетную полосу происходит жестко по графику. Автор же даже коротеньких рассказов или стихов, не говоря уже о повестях и романах, – своего рода стайер, а нередко и марафонец. Ведь и самые коротенькие стихи, строки которые могут быть рождены мгновенно, бывает, вынашиваются годами. Кстати, между журналистикой и собственно художественной литературой примерно та же дистанция, как между научными монографиями и научно-популярными книгами и статьями. Слишком уж часто одно здесь может мешать другому в сугубо профессиональном плане, плане привыкания к определенному языку и стилю изложения.

Но вот в человеческом плане художественное слово – замечательнейшее расширение горизонтов собственно журналистской деятельности, слишком уж ограничиваемыми текучкой и повседневностью, когда не до фаустовского: «Остановись, мгновенье!»

Рассказы всегда нуждаются в более долгом «переваривании», вчувствывании. А вот стихи впитываются мгновенно: тут уж либо принимаешь, либо скользишь чувствами по их поверхности, либо отвергаешь. Поэтому коснись лишь стихов. Какими бы ни были стихи известного журналиста, ученого, путешественника, общественного деятеля и т.д., если только сам человек интересен, они всегда будут интересны, как новые черточки к его живому портрету, к

портрету Времени и той сферы деятельности, которой этот человек себя посвятил.

С таким же чувством знакомый с Людмилой Ивановной читатель («я Вам не скажу за всю Одессу», но, по крайней мере, такой, как я) подходит и к ее книге. Взять в руки такого рода книгу – это все равно, что войти в дом к тому, кого не раз на бегу встречал на улице или с кем постоянно видишься на работе. Уже немало.

Правда, первое ощущение от книги Фефеловой – оказывается поверхностным. Поначалу она напоминает лунный свет – свет отраженный и вобранный автором в себя, язык нашей классики и серебряного века. Но вот ведь что любопытно: кажущаяся знакомость стиля не затеняет личностного, авторского. Чем более углубляешься, тем явственнее ощущаешь: чувства собственные, не имитационные, не теневые. И при этом книга Фефеловой – образец сугубо женской литературы. Причем той женской, которая заполнена минором, чувством одиночества, кажущимся особенно удивительным у замужней женщины, матери трех детей. Впрочем, наверное, это и не так уж удивительно: жизнь длинна, чувства плещут в нас и до того, как мы пристанем к островкам семейной жизни, и после, когда чувство одиночества неотделимо от поиска понимания, которого многим из нас так часто не хватает, каким бы «успешным» кто-то не выглядел.

Но прикоснемся к самим стихам. Конечно, было бы уместнее просто воспроизвести основные из них без избыточных фраз по поводу написанного. Однако, поскольку это было бы лишь перепечаткой книги, коснемся очень немногого, пожалев, что автором не указаны годы появления стихов на свет. Не мне здесь судить, насколько это – «литература», насколько это «оригинально». Но чувствам верится, как верится тому, что застыло в словах «Тайной невесты»:

Как просто стало отыскать
Того, кто был не мной потерян,
Кто мне не друг,
Кто мне не рад.
Не ждет, не просит и не верит.

Не знает он, что я пишу
Туманные, пустые строки,
Слова созвучные ищю:
Одна! Осколок! Одиноко!
И осень, и осенний лист,
И отгоревшая осина,
И эта общая картина –
Отшельницы, отвергшей жизнь.

Как вам аллея этих слов?
Я их растила понемногу,
Чтоб замести следы к порогу.
Чтоб все сказать. Не про любовь.

А до тебя – рукой подать.
Все телефоны мне известны.
Но остается благодать
Тебе быть тайною невестой. (2,с.102)

А вот еще стихи, менее отделанные, напоминающие найденный в лесу и лишь слегка обработанный корень дерева.

Я с Вами на ты лишь заочно,
Когда просыпаюсь досрочно
Ни свет, ни заря,
Когда я уверена точно:
Все зря (2,с.144)

Или вот эти, прошелестевшие по страницам книги, строки о тайном свидании, которого героиня стихов ждала «сто лет». Но «вечер краток». Остаются блики памяти. И сомненья:

И я не знаю до сих пор,
Каков был смысл того свиданья,
Незавершенный разговор,
Неутоленное желанье.

Все «не» - и это навсегда.
Прошли дожди, пропели вьюги.
Мы видимся лишь иногда.
И так стесняемся друг друга... (2, с.147)

Заметьте: уже в первом стихотворении звучат слова: «Не про любовь...» Но воздух стихов, их аура вливается в нас, и мы чувствуем: про любовь же это, именно про любовь, которая, увы, как поется в песне, верная подруга разлуки... Входишь в мир стихов Фефеловой и появляется странное ощущение, рождается странная аналогия: сколько есть крепких, а то и просто замечательных женских стихов о женщине, бабе, о быте, сколько в них точных замечаний, зорко увиденных нюансов - здорово! А ведь не о любви это. А вот у Фефеловой - о любви. Хотя любовь в ее стихах – словно тень от крыла пролетевшей птицы. Но птица-то настоящая, не виртуальная. Это вовсе не значит, что кто-то обязательно выше, а кто-то ниже. Просто жизнь разная. И, может быть, так неумоляюще чудесно то, что и ощущение этой жизни у разных людей, будь они мужчинами или женщинами, различно. Прикасаешься к лепесткам этого многоцветия, вдыхаешь их запах – и уже кажутся такими мало значимыми рассуждения об элитарном и массовом. Живой стебелек остается живым, будь он ростком изысканного цветка или травинки.

Вдыхаешь – и, подчас, забываешь – литература ли это, поэзия ли, и, вообще все, что так убедительно и логично наговорено о творческой индивидуальности, как, к примеру, в блестяще выписанной «Нобелевской лекции» И.Бродского, отчеканившего, что искусство и литература – «наиболее древняя форма» «частного предпринимательства, оно вольно или невольно поощряет в человеке его ощущение индивидуальности. уникальности, отдельности – превращая его из общественного животного в личность...» (3, с.452)

Но как быть даже с сугубо лирическими стихами, скажем, с такими строками Фефеловой:

Есть два предела у земли.

Их слить нельзя.

В одном - нас двое, я и ты.

В другом – лишь я. (1998 – 4, с.119)?

Здесь – сугубо личное, индивидуальное, пережитое. Но при этом, наверное, пережитое столь многократно и столь разными людьми, что индивидуальное становится неотде-

лимым от того самого «общего», которое так часто рождает бурные протесты. Причем настолько неотделимым, что сами вопросы об авторстве отпадают, как уже, сказавшая свое, опалубка или, оказавшиеся ненужными рамы. Миллионы могли бы сказать подобное, пусть и несколько иначе, да и говорили. И именно поэтому такие строки, будь то строки великих или малоизвестных, становятся надличностными. Как воздух, которым мы дышим, но который бы не был тем, что он есть, без мириадов паров и испарений...

Правда, иной раз (и как же без этого?) сквозь контуры строк времен нынешних явственно проступают века иные. Замечательный образец стихи «Как ты там?»:

Мне известно, как живет Президент,
Какие маршруты он выбрал сегодня...
Я знаю, отчего умерла Клеопатра,
Какой вулкан из пепла воскрес,
Из чего делают абсент...
И сколько стоил Пикассо
На изысканном Сотби...
А соседка поведала,
Кто в подъезде без стыда и без совести.
Для нее не секрет,
Какие яхты у Абрамовича,
И где деньги берут все эти сволочи...

Читаешь – и в памяти сами собой всплывают дразняще глубокие строки Вийона: «Я знаю книги, истины и слухи. Я знаю все, но только не себя». Эпохи перекликаются. Но в этой перекличке звучат новые ноты. Упомянутые вскользь Вийоном слухи оживают уже в новом, сегодняшнем обличье, и это придает стихам живую рельефность. А дальше? – Дальше то, чего нет у Вийона. Тоже о Главном, которое при внешнем обилии знаний может оставаться для нас неведомым. Только здесь это Главное уже не сам пишущий, а Иной, но невыразимо значимый:

Только о тебе мне никто не скажет.
Мы не виделись тысячу лет.
Где ты там? (2, с.161)

Читаешь – и думаешь: «Вот ты, вузовский преподава-

тель философии со всеми тобою излюбленными кладезями мировой мудрости, что ты можешь поведать сидящим в аудитории девочкам об этом Ином, Главном (даже, если только воображаемом) человеке жизни, увлеченно повествуя о «Платонах и быстрых разумом Невтонах»?..

А ведь Фефелова еще и пишет прозу. Но здесь дадим слово профессионалу-литератору, профессору КГУ им.А.Байтурсынова Ольге Григорьевне Кунгуровой, человеку одаренному тонким чувством слова. Вот что она пишет об уже упомянутой книге «Сказки для женщин без возраста»: «Каждая эпоха имеет то, что заслуживает... Смысловая аксиома современного постмодерна: каждый прав и неправ одновременно в своем восприятии мира-хаоса, лишённого классических идеалов прошлых эпох... Аномальный герой, обезличенный автор, фантазмагорически-абсурдная реальность, в которой правит бал одиночество, а в результате – слава безысходности, тупиковости, суицидности! – слагаемым современного монстра-постмодерна. Который, миновав критические дни, заинтересованного прислушивается к своему чреву: не шевелится ли в нем какой-нибудь зародыш?

Шевелится! И сборник добротной прозы Юлии Ким (Гайдай) и Людмилы Фефеловой – красноречивый тому пример. Долой суицид, пьяные разборки с летальными исходами, заказанные убийства, венерические и голодные мучения... НАДОЕЛО! При всей своей чернушности жизнь все-таки продолжается, и уже хотя бы этим она прекрасна. И есть, есть в ней пусть не счастье, счастьешко, только искать его надо, как рыбу в незнакомом водоеме: не там, где Тебе удобно, а где удобно, уютно ... твоей золотой рыбке...»

Героини сборника «НОРМАЛЬНЫЕ женщины нашей ненормальной эпохи. Женщины, которые тихо и неназойливо хотят быть счастливыми. И чуть-чуть таковыми бывают, демонстративно отклоняясь от норм русского постмодернистского менталитета. Они – другие героини другого прозаического постмодерна. В них – дыхание того самого арт-зародыша, которому еще предстоит громогласно заявить о себе: пока он тихий, но уже живой, здоровый, уверенно набирающий в весе» (5, сс.3 -4)

Что ж, посмотрим, что принесет нам дальнейшая наша жизнь, неотъемлемая от жизни литературы и искусства. Нам же здесь остается только добавить, что для самой Людмилы Ивановны особенно трогательны воспоминания о другой ее книге – «Портрет княгини Дуковской». Книги, посвященной истории Костаная, правда, с вымышленной героиней. Но героиня оказалась тем вымыслом, тем неподвластным уже самому автору потоком живого воображения, что затянул и создательницу повести. Затянул настолько, что, все прекрасно сознавая, Людмила Ивановна не раз ходила по Костаная, пытаясь отыскать следы своей героини. И, может быть, без таких, только на первый взгляд, наивных попыток собственно художественная литература была бы физически невозможна? Ведь как убедить другого в жизненности рожденного твоим воображением, если этот плод воображения не становится живым для тебя самого? – Оставим эти вопросы читателю.

Мы же коснемся еще одной грани творчества Людмилы Ивановны, уже неотделимого от ее основной деятельности – деятельности журналиста: это те очерки, те капельки «живой истории», в которых, словно смола в янтаре, застывают детали, без которых не может быть даже относительно объемного портрета какой-либо эпохи. Очерки, в которых собственно журналистика сплавляется и с историей, и с литературой. Казалось бы, противоречие? – Нет, такова диалектика самой жизни. Потогонность и жесткая ритмика журналистской работы, способной притупить чувство слова, да и просто трудной мыслимой без профессиональных клише, в то же самое время одаряет журналиста калейдоскопом впечатлений, поездок и встреч, иные заметки о которых уже сами по себе могут иметь и художественное, и историческое значение. Поэтому-то журналист способен стать еще и своеобразным «Оком Времени». Вот такие, подсмотренные этим «Оком» черточки живой истории мы встречаем и у Л.Фефеловой. Они проступают и в «Людях на дороге», и в «Русских» (4), и в иных заметках, которые, подобно иным наброскам, сделанным художником с натуры, оказываются интересными уже сами по себе.

Конечно, работа журналиста – это не только встречи, письменный стол или компьютер и Интернет, но и житейская повседневность. А здесь, как и у прочих людей, бывает всякое. Особенно нелегкими для выживания и профессионального, и физического были достопамятные 90-е. Вот что пишет об этом сама Фефелова: «До конца тысячелетия оставалось 5 лет, когда у «КН» появилась необходимость «завести» своего собкора в Алтынсаринском районе. За плечами у меня было семь лет журналистского стажа - в районке. Очевидно, меня предложили, как редактора местной газеты («Убаганская заря»), мол, больше некому. Спасибо тем, кто так решил. У меня началась новая жизнь.

Наша семья до сих пор вспоминает тот день, когда я вернулась с первой собкоровской зарплатой – более 6 тысяч тенге (95-й год – учтите!). Мы были совершенно нищие: мужу на целый год задержали милицейское жалованье, редакторской зарплаты (4 тысячи тенге) на 5 человек не хватало.

И вот я приезжаю домой с шампанским, шоколадом и фруктами. Может быть, не это надо вспоминать в первую очередь, но и забыть тот семейный праздник не могу. Чувство благодарности до сих пор живет в душе...» (6, с.225).

Но каким же образом эта хрупкая, женщина, чьи стихи и рассказы дышат грустной лирикой, стала журналистом, человеком по своему публичным, чья жизнь - водоворот общений и бесконечные разъезды?

К этой, слишком уж часто ой какой не женской работе, подвела Фефелову сама же жизнь. Родилась она в 1955 г., на Кустанайщине, хотя корни ее нездешние. Мать – с Харьковщины. Из тех, чьи молодые годы перекорежила война. Как и моя собственная мать, которая тоже родом с Украины и почти ее ровесница, она так и не смогла получить «высокого» образования. Но, как и моя мама, много читала. Чего только не знала по истории, литературе, географии! Маленькая Люда с детства была окружена книгами и журналами, и когда, повзрослев, впервые оказалась в Москве, этот город был для нее уже знакомым.

Не удивительно, что Людмила училась хорошо. Ей с детства прочилось большое будущее. Мечталось о московском вузе. Но жизнь распорядилась по иному. Сначала было жалко оставлять мать одну. И, наверное, на то были причины: мать ушла из жизни очень рано, когда Людмиле было 28 лет. Да и позже многое складывалось не просто. Но призвание не отпускало. Поступила на заочное отделение филологического факультета КГПИ, который в силу разных обстоятельств закончила только в 80-х. В журналистику же пришла, когда ей было уже около тридцати.

Рано это или поздно? – Видимо, для кого как. Сама Людмила Ивановна пишет: «Моя собственная журналистская стезя вообще ничего бы не стоила, если бы ей не предшествовала трудная и трудовая жизнь - потери, утраты, страхи, страсти, ошибки, проблемы и работа...» (7)

Так оказалось, что именно эта жизнь стала ступенями, ведущими и к журналистике, и к той своеобразной литературе, которые стали частью судьбы Людмилы Ивановны. Теми ступенями, что определялись не только запутанным стечением обстоятельств, но и характером, отталкивавшим от поверхностного, наносного. Устремленностью, отчужденной в словах: «... не люблю ничего пустяшного: людей, книг, размышлений. И, конечно, газет... Еще до того, как прийти в журналистику, я была настроена на такую волну – серьезного отношения ко всему вокруг. Попробовать и бросить у меня никогда не получалось. Все, что попадается по пути движения – становится моим, если не отторгается сразу и навсегда...»

Показательно, что и в журналистике Фефелова стала одной из тех, кто стремился и продолжает стремиться не только описывать, фиксировать жизнь, но и глубже окунаться в нее. Так, в рамках своеобразного эксперимента «Журналист в профессии» ей довелось неделю поработать и дояркой, чтобы на себе самой ощутить, что это такое. Деталь? Мимолетные впечатления? Но как же такая «мимолетность» значима для людей творческих профессий и как часто именно этого «личного погружения» в многообразие «форм человеческого бытия» недостает тем, кто сегодня, владея словом, обделен именно полнотою жизни, которая

дает силы сказать именно свое, просвеченное именно собственными чувствами.

Другая же сторона жизни – близкие, семья, «попытки заниматься литературным трудом», «изматывающие поиски счастья... « И поясняюще добавляет: «Изматывают не сами поиски, а мимолетность состояния. Счастье хочется поймать и не отпускать. А оно, как звук, как свет, как цвет, как вода и, особенно, как время – не дается...» (Там же)

И снова мы сталкиваемся с парадоксом, видимым – но простите за наукообразность – диалектическим противоречием самой жизни. С одной стороны, «журналистская поденщина» иссушает, стандартизирует язык. А у кого-то – и душу. Но с другой, работа подлинного журналиста – это постоянное вхождение в мир Других, вхождение, которое, зачастую, невозможно без погружения в глубины переживаний Другого. И вот это-то погружение способно оборачиваться собственно литературой, когда читателю начинает казаться, что автор сам, лично пережил то, о чем пишет. «А я не о себе пишу. – Говорит Людмила Ивановна - Не скажу, что я бесполоя, но излитое на бумагу – это опыт женский, обобщенный, преломление в тексте тех болей, переживаний, страстей, с которыми доводится соприкоснуться именно женщине-журналистке в ходе своей работы. Так, я еще живая душа. Чужое воспринимаю, как свое. Это не достоинство. Так трудней жить. Но для написанного это впитывание, вбирание в себя «чужого» значит немало».

Все так просто. И одновременно сложно. Во всяком случае, работу честного журналиста «идиллией... не назовешь. Ведь с возрастом становишься не только мудрее и опытнее, но и (как бы поточнее выразиться?), – словно давая мастер-класс, подбирает перед читателем слова Людмила Ивановна, - труднее. Да, мало-помалу становишься трудным человеком. Категоричным. Прямолинейным. Это не такие уж плохие качества. Но они не христианские. Иногда я думаю, что журналистика – не лучшая профессия для человека, который хочет, чтобы его считали хорошим, не получится. Никто не хочет, чтобы его подвергли сомнению, никому не нравится критика и язвительность нашей профес-

сии. Ни один человек не прощает нам ошибок, вольных или невольных, а избежать их невозможно. Очень многие допускают ошибки в своей работе, но их не видно. А наши, журналистские, видят все. И тыкают нас носом. Потом никто не видит, как ты не спишь, не ешь, и удручаешь домашних своим скверным состоянием духа. Но зато потом, как награда, приходит хорошая тема, прекрасный герой, вдохновение; и ты снова думаешь, что Бог направил тебя по верному пути» (7, сс.304 – 305).

Литература

1. Фефелова Л. Гибель спецроты. Документальная повесть о Султане Еркимбаеве, снайпере 997-го стрелкового полка. – Костанай: ТОО: Печатный двор, 2009. Сама же Людмила Ивановна особо выделяет и еще одну довольно объемную «заказную» книгу - «Времена Ивана Тимофеевича»: какие личности, какие страсти, какое сплетение народов и судеб! Правда эта книга вышла в свет тиражом 10 экземпляров и стала достоянием лишь тех, кто ее заказал. Но здесь существенно то, что работа захватила саму Фефелову и вспоминается, как замечательное путешествие ее собственной души в мир удивительно интересных людей.
2. Фефелова Людмила. Мужская школа. Рассказы. Стихи. – Костанай: ТОО: Печатный двор, 2012.
3. Бродский И.А. Форма времени. Стихотворения, эссе, пьесы. В 2-х т. Т.2... - Мн.: Эридан, 1992.
4. Фефелова Людмила. – Манекенщик. - Костанай: Печатный двор, 2005.
5. Фефелова Людмила. Юлия Ким. Сказки для женщин без возраста (Профессор Кунгурова Ольга. «Другая проза» в эпоху постмодерна или что есть счастье в эпоху одиночества). – Костанай: Печатный двор, 2003.
6. Харченко С., Черныш П. И каждый день, и целый век... - Костанай: ТОО «Полиграфия, 2010.
7. Фефелова Л. Непреложность непустяковых жанров. – В кн.: Харченко С., Черныш П. И каждый день, и целый век..., с.302.

Флибустьер пера

ЕРМОЛОВИЧ А.Г.

Не понимаю сам, как эти странные слова могли пробиться в мою голову. Наверное, по каким-то тайным тропам подсознания, ведомым только ему самому, в памяти всплыли слова, звучавшей в дни нашей молодости песни: «Пьем за яростных, за непохожих, за презревших грошевой уют. В флибустьерском дальнем синем море люди Флинта песенки поют».

Не берусь утверждать, что Анатолий Григорьевич из яростных, либо из тех, кто пренебрегает уютом – это вне сферы и моей компетенции, и моих интересов. Да и флибустьеры – в том обличье, в каком мы их представляем, люди, сочетавшие в себе тягу к своеобразной романтике и готовность драться за вполне осязаемые сугубо материальные вещи. Так что образ этот многозначен и отнюдь не плакатно плосок. Он, этот образ, навеян спецификой той информации, выражаясь стандартно, того материала, который оказался в руках автора этого очень и очень контурно данного очерка.

Ермолович – заслуженный журналист Республики Казахстан, много лет своей жизни отдавший прежде областной, а ныне региональной газете «Костанайские новости». За своим рабочим столом и перед монитором он напоминает сказочного ежика из «мультика»: весь в иголках иронии, приколов и неиссякаемых телефонных звонков, без которых востребованного журналиста и представить-то трудно.

Но он не только журналист. Он еще и литератор. Его, уже художественная, а не просто репортерская «Желтоглазая ночь» зацепила меня, показавшись в своей живой ироничности своеобразным продолжением портрета автора.

Поэтому не случайно Ермолович напомнил мне еще и вождя маори, портрет, которого некогда нарисовал один европейский художник. Завершивший портрет европеец был весьма доволен тем, что у него получилось. Однако, увидевший это творение вождь маори с пренебрежением сказал

примерно так: « Я – это не то, что ты здесь нарисовал, а вот это». И указал на покрывавшую его татуировку, каждая черточка, каждый завиток которой были повествованием о том, кто же такой их носитель.

То же, наверное, можно сказать и о многих из нас, особенно о людях творческих или к творчеству прикасающихся. Мы – это не детали автобиографий, не странички анкет, не «фигуранты» склок, разносов, тех или иных неурядиц либо официальных чествований, а то – что у нас внутри, то, чем мы живем, и то, что, если повезет, выплескивается вовне, наружу и, что иной раз тоже случается, уже другими людьми может быть названо «творчеством».

Повторюсь, такое сравнение может вольно или невольно родиться, когда касаешься очень многих. Но, так уж случилось, что именно Ермолович, когда зашла речь о подготовке этого очерка, дал мне не контуры «взрослой жизни» человека, освоившего ремесло словесника либо, если хотите, мэтра журналистики, а две книжечки – упомянутую уже книжечку рассказов и сборник размышлений наших земляков-журналистов, среди которых нашлось место и мыслям самого Анатолия Григорьевича. Но, вполне понятно, что этим размышлениям предшествовал и разговор о том, как же Анатолий Григорьевич и к журналистике пришел, и к художественной литературе подступился. Не парадокс ли? – Многие всемирно известные писатели начинали с журналистики, немало местных журналистов по профессионализму, пожалуй, ничуть не уступают своим братьям по цеху из иных, более известных изданий, а вот подступить к литературе художественной решится не каждый. Да и не каждому это удастся: слишком уж различны задачи, а, следовательно, и требования, предъявляемые к журналистскому расследованию, репортажу, очерку, интервью – с одной стороны, и самому маленькому рассказу – с другой.

Но, как говорится, плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Ермолович же оказался из тех, кто с детства «заболел» литературой, особенно литературой приключенческой.

Родился же он в далекой от Кустаная Белоруссии в знаменательную для тех лет дату – 7 ноября 1948 года. Белоруссия, как хорошо известно историкам, стала одним из эпицентров чудовищной по своей разрушительности войны, что завершилась в 1945 г. Поэтому не удивительно, что и по отцовской, и по материнской линии эхо этой, только что закончившейся войны, доносилось и до Анатолия.

Дед мальчика пехотинцем дошел до Берлина. Стоял на ступенях Рейхстага. Многие из тех, кто был рядом, что-то писали на стенах и колоннах, поверженного вражеского колосса. И надо же! Когда позже, уже в гражданской жизни, смотрел кинохронику, то узнавал своих сослуживцев, видел их надписи и, откровенно говоря, пожалел, что не оставил там и свою собственную роспись.

На войне был и отец Анатолия, 1924 г. рождения, который, так же, как и мой собственный отец, прибавил себе год, чтобы попасть на фронт. На фронте, под Сталинградом, был корректировщиком артиллерийского огня. По его рассказам, приходилось сидеть на дереве – «между фашистами и нашими». Во время минометного обстрела ему оторвало ногу. Было это подле села, которое, насколько помнится, называлось Вишневка...

Вот так и окончилась для молодого Григория Максимо-вича фронтовая жизнь. Будучи по сути без значимого образования: за плечами лишь ФЗУ (фабрично-заводское училище) стал со временем главным бухгалтером молочных объединений всей нашей области. «Бухгалтером же и экономистом он, – по словам сына, – был от Бога».

Мама Анатолия – Софья Михайлова тоже была уроженкой Белоруссии (родилась в 1925-м). Из городка Старобин. Отца ее посадили на 10 лет за неосторожное высказывание в адрес Сталина. Вернулся домой незадолго до войны и вскоре умер. Но, когда началась война, все многочисленные братья и сестры матери были на стороне Советов. Один брат погиб, сражаясь в действующей армии. Другой был в партизанах, и его расстреляли немцы.

По словам Анатолия Григорьевича, мать прекрасно помнит, как в город входили немцы. За ней, молоденькой,

гнался мотоциклист. Прямо эсесовец, из тех, что рисовали на картинках: очки, каска, закатанные рукава, автомат. Догнать и не стремился. Гонялся ради куража – нравилось, что она убегает, а он входит победителем.

Запомнилась матери и картина того, как у открытого рва немцы расстреливали евреев. Она стояла на чердаке. Офицер «шарился» по чердакам биноклем, но окошко было маленьким, и тот ее не разглядел, хотя Софья и не отвела глаз. Жертв же, как запомнилось, было много. «Ночью земля ходила» под наспех засыпанными телами.

Познакомились родители не совсем обычно. Почти сразу после войны. Неподалеку от того места, где жила будущая мама Анатолия Григорьевича располагалась авиабаза. Летчики «шалили»: бомбардировщик летал низко над землей, а Григорий сидел, свесив культю из открытого бокового люка и «хулигански» махал рукой, смотревшей на него Софье. Как же можно было проигнорировать такого бравого ухажера?

Сам же Анатолий Григорьевич родился в городке Осиповичи. Впоследствии место обитания менялись, Переехали в город Горки, и Ермолович прекрасно помнит тот дом, в котором довелось жить ему, уже несколько подростку. Это был цех разрушенного молочного завода. Там было просторно и холодно. Шутя, свою обитель именовали «графскими развалинами».

В горках же располагалась знаменитая белорусская сельхозакадемия, созданная еще в 1848 году. Академия эта была за оврагом. Ермоловичи же жили неподалеку от железнодорожной станции. Мальчугану врезались в память сгрудившиеся там штабеля обезвреженных боеприпасов и брошенная рядом с вокзалом пушка.

Поскольку по этим местам не раз прошла война, мальчишки то тут, то там доставали из-под земли, то немецкие каски, то советские пилотки – живую память о совсем недавних сражениях.

Среди же «домашних» игрушек запомнился настоящий, хотя и выведенный из строя, «Вальтер». Запомнились и награды отца, к которым тот относился небрежно, так

что сохранилась лишь особо чтимая солдатами медаль «За отвагу».

В школу Анатолий пошел в Белоруссии, но так уж сложилось, что, когда он учился в четвертом классе, семья переехала в Казахстан. Было это зимой, в январе, как раз в середине учебного года.

Такая смена школы, класса, самого мира, в котором живешь, бывает нередко очень болезненной. Но каких-то особых проблем в отношениях с одноклассниками и товарищами по школе Ермолович сегодня не вспоминает: «В школе был заводила. Да и кем только я в школе не был!» В том числе (что и следовало ожидать) и редактором стенгазеты. Был и привод в милицию - за то, что ябеду поколотил. Словом, обычная «пацанская жизнь». А вот обида, нанесенная учительницей, помнится до сих пор. И не просто, как некий случай, а именно, как обида. Было это на уроке географии. Разбирали, из чего состоит гора, и приехавший из Белоруссии Толя вместо « подошва » сказал « подошва », сделав ударение на последнем, а не предпоследнем слоге. Учительница высмеяла новичка, и как ему показалось, зло. «Я почувствовал унижение», - вспоминает через столько лет Анатолий Григорьевич. Иными словами, учительница сделала то, чего никогда не должен совершать педагог. Казалось бы, аксиома: можно подшучивать над чьими-то слабостями, жестко оценивать и сурово наказывать, сумев убедить школьников в справедливости жестких оценок и наказаний. Но ни в коем случае не унижать... Как легко это сказать, и как непросто следовать сказанному в жизни, особенно, если опыта не хватает, либо наоборот за плечами столько всего, что человек, даже не злой, но бесконечно усталый, может и всерьез оступиться. И эта его ошибка может запомниться другому на всю жизнь.

Ну, а как же сам Ермолович? Путь его дальнейшей жизни оказался бугристым. Было разное: то, что порождала по своему понятая и ощущаемая «юношеская романтика». Сложилось так, что (в те-то годы!) Ермолович не был ни комсомольцем, ни членом партии. А партия тогда в стране была одна – коммунистическая. Не получил и «корочки»,

горделиво свидетельствующей о том, что ее обладатель принадлежит к числу тех, у кого высшее образование. Но при этом с какими только профессиями не пришлось иметь дела Ермоловичу!. Он и сегодня не без гордости вспоминает, что был профессиональным каменщиком высокого, четвертого разряда. Два сезона комбайнером убирал хлеб. Был и аппаратчиком Кустанайского завода химического волокна, завода, настолько пропахшего аммиаком, что проходившее мимо него по тогдашней улице Ленина (ныне Аль-Фараби) практически постоянно ощущали удушливый запах. А ведь Ермолович работал не просто на этом заводе, а в самом цехе медноштапельного волокна, цехе, который считался «опасным» (точнее, наверное, «вредным»), отсюда и выражение «молоко за вредность», которое выдавалось работником подобных производств – Ю.Б.), и поэтому рабочий день длился с 8 до 14-х..

Поработал Ермолович и пожарным, где даже «сделал карьеру»: начал рядовым, а закончил мастером газодымозащитной службы.

Но тяга к слову прорастала сквозь все зигзаги, взлеты и колдобины жизненного пути. При этом, как вспоминает сам Анатолий Григорьевич, он «никогда не уставал учиться», и наступил день, когда Ермолович, оставив работу на заводе, сразу стал сотрудником затобольской газеты «Строитель коммунизма». Писал очень много. Его заметили и через год взяли на работу в областную газету «Ленинский путь». Единственную в те годы масштабную газету в области. Взяли беспартийного, не имевшего ничего, кроме среднего образования. Но... писавшего, и так, что это привлекло к нему внимание.

С тех далеких лет Ермолович – корреспондент, а ныне и заслуженный журналист. Журналистика же – это даже не профессия, а образ жизни: постоянные поездки, нескончаемый круговорот встреч с людьми, погружение в миры чьих-то проблем. конфликтов. «разборок».

Все это и выматывает, и заставляет то рисковать, то плыть в стремнине событий, учитывая силу и скорость течения... Приходилось, да и ныне приходится учитывать

все это и Ермоловичу. Но при этом и драться за истину. Анатолий Егорович вспоминает трагический случай, когда в Алма-Аты, прогуливавшийся с собакой полковник МВД, столкнулся с двумя рабочими «Арасана». В ходе стычки раздалась выстрелы. Стрелял полковник, вышедший на прогулку со служебным пистолетом. Один рабочий погиб. В прессе же появились сообщения, что «полковник защищался от нападения преступников».

Дальнейшие события развивались так, что, Ермолович, вызванный вместе с главным редактором газеты к акиму области, был на три дня командирован в Алма-Ату, «слушал версии», встречался с семьей погибшего... В результате в «Костанайских новостях» был опубликован материал, который «дал толчок новому расследованию обстоятельств той трагедии». Как потом, рассказывал Ермолович уже сам аким, расследование дало свои результаты: «карьеру полковника была прервана и он вынужден был уехать из страны».

Вот и все, – добавляет Ермолович. Стоило всего лишь один раз постараться сказать правду»(1,с.47)

Конечно, иной искушенный читатель здесь может сказать, что подобное возможно лишь при поддержке влиятельных сил. И он будет прав. Я и сам не очень-то верю в голливудски раскрашенные журналистские расследования, когда отчаянно настырному журналисту удастся сделать то, что не по силам профессионалам криминалистам. Конечно, же, одиночка совершающий подобное – это миф. Конечно, же, в подобных, да и многих иных ситуациях журналист вовлекается в столкновение интересов. И журналист, даже с самыми благими намерениями, способен лишь на то, что ему позволяет ситуация, сложившееся на определенный момент соотношение сил и сами возможности доступа к тем или иным источникам информации. В ту же командировку Анатолий Григорьевич поехал не за свой счет... Но в таких драматических и ой каких непростых ситуациях, при таких столкновениях интересов, очень важно оказаться на той стороне, которая более чем противоположная, заинтересована в раскрытии истины. И счастье журналиста, когда ему это удастся.

Однако, и это к счастью, работа журналиста – это еще и уже упомянутые, причем разнообразнейшие встречи с людьми, в том числе и с такими, чьи имена на слуху миллионов. Казалось бы, как это шикарно – ты и вдруг запросто беседуешь с певцом или актером, которого другие видят лишь на экране. Но такие встречи – не просто удача – «везуха», а и награда, награда за то, что тот, кто выбрал стезю журналиста, сумел взрастить в себе самом. Вот что пишет об этом Ермолович, причем настолько просто и при этом увлекательно, что хотелось бы воспроизвести здесь его суждения с максимальной полнотой: «Я брал интервью у многих людей. Это не подвиг. Однако тщеславие подсказывает назвать здесь Анатолия Дмитриевича Папанова, Василия Семеновича Ланового, «штурмбанфюрера» Леонида Броневого, Иосифа Кобзона, Николая Рыбникова, Эдиту Пьеху. В их тени кажешься очень значимым журналистом. Но это миф, который обычно гордится для красного словца.

На самом деле брать интервью у этих людей было занятием рядовым. Таким же, как, когда я брал интервью у малоизвестного сельского ученого-агронома или вора-рецидивиста Вермана по кличке Малыш... Никто из этих людей не стал бы со мной откровенничать, если бы я, в свою очередь, не представлял для них интерес. Дело в том, что вне профессии я человек достаточно закрытый и малокоммуникабельный для посторонних. Но мне всегда было интересно узнавать, как люди становятся бомжами, космонавтами или руководителями партии и правительства...

У журналиста свои правила. Мне нравится, как их сформулировал советский разведчик Рихард Зорге.. Он работал под прикрытием немецкого журналиста в Японии (то есть, будучи разведчиком, прикрывался официальной работой журналиста – Ю.Б.). Зорге там же разоблачили и повесили... Так вот, Зорге приписывают слова: «Чтобы узнать больше, нужно знать больше других, Нужно стать интересным для тех, кто тебя интересует» (1,с.с.48 -49) Постулат, который должен был бы стать основой кредо для каждого, кто хотел бы всерьез связать свою жизнь с журналистикой».

Но, все-таки, остается вопрос: а насколько собственно журналистика совместима с художественной литературой? Конечно, уже репортажи и очерки могут подняться до уровня художественных произведений, а своим документализмом приковать даже большее внимание, чем последние. Есть замечательные примеры этого. Достаточно вспомнить только русскоязычных: «дядю Гиляя» или Гиляровского, «Одноэтажную Америку» Ильфа и Петрова, «Ветку сакуры» и «Корни дуба» Вс. Овчинникова. И этот список можно было бы продолжать и продолжать...

Но... по своей основе, по языку журналистика резко отличается от художественной прозы. Конечно, всякое сравнение хромает, но примерно так же, как подвижная легкая кавалерия от фаланги гоплитов либо гладиаторов, мастерски овладевших искусством индивидуального боя на арене. Журналист – поденщик. Он не может ждать наплыва вдохновения и прилета музыки. Писать, готовить материалы ему, как правило, нужно столь же регулярно, как учителю идти на уроки.

Литература – же нечто иное. Поэтому журналист, который при этом прикасается и к художественному слову, напоминает человека-амфибию, своего рода Ихтиандра, который то окунается в воды повседневности, требующие одного языка, одних форм, то выходит на сушу, для чего нужны уже не жабры, а легкие.

Из таких ихтиандров и Ермолович. Писать рассказы он начал еще до того, как стал журналистом. Многое по сей день неопубликовано. Кое-что вошло в его «Желтоглазую ночь» (2) - маленькую книжечку, которая и подтолкнула меня к этим очень и очень поверхностным заметкам. Я не литературный критик. Но рассказы показались мне настолько живыми, дышащими юмором и при этом далеко не провинциальными, что потянуло к автору, с которым, как и с множеством других, вроде бы, знаком десятилетия, а копни чуть глубже – и окажется и не знаешь, и не чувствуешь ни черта!

Думается, что рассказы эти ждут еще вдумчивого, но не занудливого анализа профессионала. Для меня же они своей ироничностью, своей «приколистостью» явили

некое единство с самим автором, который и в общении, по крайней мере, внешне, напоминает созданный его воображением мир. Такое совершенно естественно. Хотя бывает отнюдь не всегда. И еще одно, что привлекло меня в рассказах уже, как историка – это черточки Времени, те самые черточки, которые уже сама История будет, насколько ей это окажется по силам, соединять в целостностный портрет. Приведем здесь только один штрих – штрих, столь характерный для девяностых с ветром, гуляющим по недостройкам и разрушаемым предприимчивым рынком былым гигантам отечественной индустрии: «Если бы «Парамаунт Пикчерс» задумала снимать фильм о последствиях атомной бомбежки, то она сильно сэкономила бы на декорациях, потратившись лишь на билет от Голливуда до Кустаная. В северо-западной его части, за вулканически чадящей свалкой эпически высились мощи былого красавца, аристократа советской промышленности. Теперь в полукилометровых корпусах комбината завывали гриппозные сквозняки, металлоконструкции с огрызками кабелей устало скрипели о незадавшейся доле, а одичавшие голуби, слышав шаг по битому стеклу, ошпарено шарахались по сторонам и, оседлав арматуру, недоуменно глазели сверху пленчатыми глазами...» (2,с.34 – 35)

Конечно же, время принесло не только это. И не только об этом рассказы и бесчисленные журналистские работы Ермоловича, человека внешне бойкого и постоянно ироничного, почему-то напоминающего мне именно «флибустьера пера»: то эпатирующего, дерзкого, то практичного, как трезвый фехтовальщик, который не будет пытаться шпагой колоть дрова, но всегда активного с глубоко упрятым где-то внутри, так и не угасшим огоньком подростковой «флибустьерской романтики».

Литература

1. Ермолович Анатолий Лишь бы не скисло молоко в деревне Кукуево. – В кн.: Моя судьба – казахстанская журналистика. – Костанай, 2012 г.
2. Ермолович А. Желтоглазая ночь. – Костанай, 2001.

Приложение

Из диалога с А.Г. Ермоловичем

Если пролистать всего лишь одну годовую подшивку газетных публикаций Ермоловича, то сразу же обращаешь внимание на его «всеядность» - он пишет об охоте, о сельском хозяйстве, о театре, о политике, экономике, о человеческих судьбах. При этом его трудно упрекнуть в поверхностности знаний — в рамках газетной публикации он выкладывает на полную, блистая легким стилем изложения и глубоким знанием предмета. Естественно, я не мог пройти мимо его творческой мастерской, не задав вопрос — как это удастся? Ответ стоит того, чтобы привести его полностью:

- Если коротко, то в основе журналистики лежит элементарное человеческое любопытство. Увидеть, понять, сообщить об этом другим — вот с чего начинается моя профессия. Градус этого любопытства должен быть постоянным, как у водки — не ниже определенного уровня. Если сбился, заскучал, потухли глаза — смени, дружок, профессию, не мучай себя и других. У меня всегда была некая планка в журналистике, к которой я тянулся — это работы советских публицистов-очеркистов Анатолия Аграновского, Ярослава Голованова, Юрия Черниченко, Василия Пескова, Анатолия Стреляного... Жаль, что многие нынешние молодые журналисты не знакомы с этими именами.

Вообще, в смысле постижения мира я не на печи сидел. Начнем с того, что в числе моих литературных кумиров детства — наряду с другими авторами приключенческих книг — был и неподражаемый Джек Лондон. Этот человек прожил всего сорок лет, беспризорничал, голодал, пил, искал золото на Аляске, бороздил моря на китобойных судах, стал всемирно известным писателем. Вот почему я тоже беспризорничал (это при том, что жил я в обеспеченной семье), мечтая попасть на моря и океаны. Интерес к неизведанному меня преследовал всегда. Это могло быть что угодно — я с четвертого класса из библиотек таскал все, что ни попадя. И когда мне попались на глаза

прекрасно изданные монографии об искусстве живописи, я листал их с таким же интересом, с каким выкуривал свою первую папиросу в школьном сортире. Но с куревом я не задержался, а вот художественное течение под названием импрессионизм меня захватило на долгие годы. Меня привлекало, что импрессионизм создавался вопреки классикам, вопреки вкусам публики. Я влюбился в работы Камиля Писсарро, Клода Моне, Огюста Ренуара, Эдгара Мане, Берты Моризо, а чуть позднее и Амедео Модильяни. Лет двадцать я собирал о них книги. Фраза философа Шпенглера о том, что «Пейзаж Рембрандта лежит где-то в бесконечных пространствах мира, тогда как пейзаж Клода Моне — поблизости от железнодорожной станции», въелась в меня, как первая татуировка.

Это я вам не для умного вида говорю. Просто многие вещи меня действительно заводили на реальные поступки. Ну, возьмем опять же импрессионистов. Когда однажды я прочитал, что в Москве открывается выставка Вашингтонского национального музея с подлинниками импрессионистов, я купил билет из Кустаная в Москву (это стоило чуть меньше трети моей зарплаты) и в тот же день млея от их созерцания в залах Государственного музея им. Пушкина.

Мне легко собраться. Надеюсь, что это качество сохранилось во мне и поныне, когда я разменял уже 40-й год работы в журналистике.

- Как вы относитесь к деньгам?

С большим уважением. Правда, они этого не знают, потому-то не всегда отвечают взаимностью. До журналистики я перепробовал много специальностей. Я ведь профессиональный каменщик. Хорошая работа. Уже будучи в редакции областной газеты, на время отпуска я сколачивал бригаду человек в пять-шесть и мы ехали в какой-нибудь совхоз строить карды для овец, склады, другие нехитрые конструкции. Это был единственный способ легально добавить рублей 400 к моему корреспондентскому окладу в 135 рублей. Работали с утра до захода солнца. Загорелые до черна, мускулистые и высохшие на солнце, как

копченые лещи, мы действительно вкалывали. Нас называли шабашниками. Не очень лестно: считалось, что у шабашников только одно на уме — деньги. Самое интересное, что в составе бригады месили бетон для фундамента и клали кирпичи врачи, инженеры, а однажды даже милиционер. У всякой семьи, лишних копеек не бывает.

– В вашей книге «Желтоглазая ночь» есть большой рассказ, в котором очень натуралистично описано время пребывания в медицинском вытрезвителе...

– Ну, такое действительно трудно придумать. В вытрезвителе я делил одну маленькую и холодную комнатенку с доцентом не буду называть какого института. На казенные койки мы пришли каждый своим нетвердым путем, но должен признаться, что беседа двух неглупых человек даже в таких специфических условиях — это не зря потраченное время. Оператор шукшинского фильма «Печки-лавочки» Анатолий Дмитриевич Заболоцкий мне рассказывал, как родилась у Василия Макаровича Шукшина идея спектакля «А поутру они проснулись». Все из жизни: один известный и, увы, уже покойный советский артист попал в вытрезвитель и все очень натуралистично рассказал друзьям. Что было, то было.

Ученый и педагог

РУБИНШТЕЙН Е.Б.

Елена Бертрановна — одна из известных ученых не только Костаная, но и Казахстана. Как о ней, так и ею самой написано столько, что, наверное, трудно добавить что-то новое, если не считать того, что добавляет сама жизнь: ведь жизнь и труд каждого из тех, кого затянула в свою круговерть тяга к научному поиску, искусству, творчеству как таковому, неотделимы друг от друга. Более того, у тех,

кто «заражен» бациллой творчества просто нет и не может быть границы между свободным и рабочим временем. Могут только меняться сами грани творчества. Такова и Елена Бертрановна: она и кропотливый исследователь-историк, и профессиональный педагог в истинном смысле этого слова, и человек, увлеченный искусством, причем настолько, что вполне могла бы быть и профессиональным искусствоведом. И хотя о ней на костанайщине писалось немало, любые очерки о нашей культуре, без таких людей, как она, были бы неполны. Поэтому, рискуя повториться, вспомним о том, что уже сделано этим ученым и просто очень увлеченным человеком.

Елена Бертрановна родилась 13 марта 1960 г. в городе Акмолинске (ныне столица РК – Астана) в семье знаменитого железнодорожника, ныне почетного гражданина города Костаная Бертрана Иосифовича Рубинштейна. Отец же Елены Бертрановны – Бертран Иосифович родился в Ашхабаде, в 1923 году. Накануне Великой Отечественной войны с отличием закончил среднюю школу и поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. В годы войны оказался на фронте, исколесив, наверное, тысячи километров и на освобождаемых от оккупантов землях советской Родины, и в Западной Европе, а позже – в Монголии и Китае. Отслужив, в 1946 году продолжил учебу в институте. Там же встретил тоже прошедшую войну и тоже студентку Евгению Сергеевну, с которой и связал свою жизнь. В 1950 г. семья переехала в Акмолу (Акмолинск), где Бертран Иосифович вскоре стал начальником отдела движения железной дороги. С 1960 г. он и его супруга - кустанайцы. «Бертрана Иосифовича назначают начальником отдела ... созданного» тогда Кустанайского отделения дороги (1, с.35) За свой труд отмечен множеством наград.

Мама же Елены Бертрановны – Елена Сергеевна родилась в 1922 году в г. Нерехта Костромской области. Дочь репрессированного, расстрелянного в 1937, она при всем этом «в сентябре 1941 г. (то есть в тяжелейшее для страны время – Ю.Б.) добровольцем ушла на фронт и служила

медицинской сестрой», порою проводя вместе со своей матерью в госпитале по трое суток без сна (после чего на 12 часов их отпускали на отдых). Имела боевые награды, самой дорогой из которых для нее стала награда «За оборону Ленинграда». Как и супруг, свою жизнь посвятила железной дороге. При этом почти сорок лет была донором, сдав за свою жизнь более 40 литров крови. Ушла из жизни в 1997 году (2).

Показательно, что еще на фронте отец Елены Бертрановны фактически профессионально стал заниматься журналистикой. Тягу к слову, к скрупулезному выискиванию фактов и деталей сохранил на всю жизнь. Так же, как и любовь к книге. И сегодня библиотека Рубинштейнов насчитывает более семи тысяч томов, среди которых множество тех, которые окружали Елену Бертрановну с раннего детства: и самые разнообразные детские книги, и исторические. Особенно же привлекали ее еще школьницей книги о Западной Европе, о США: войне за независимость, борьбе за отмену рабства и многое, многое другой.

Любимой же кинолентой маленькой Леночки стал фильм «Подвиги Геракла», который она сопоставляла с прочитанными мифами Древней Греции, подметив, что оказывается возлюбленную героя в фильме зовут иначе, чем в мифах из книжки. Наверное, именно эти легенды и сказки, особенно сказки Востока, зародили в ней не гаснущую любовь к истории.

Любовь эта, как и естественная для ребенка любознательность, подкреплялась и многочисленными путешествиями. Для укрепления здоровья Лену часто вывозили на море. Уже в три-четыре года она была в Ялте, Анапе, Евпатории, Сочи. А еще в Аджарии. Это уже Грузия, страна, где Лена впервые увидела поразившие ее магнолии, которые, как узнала впоследствии, являются ровесниками динозавров, самыми древними цветущими деревьями.

Выезжали и в Рыбинск, Ярославль, санаторий Марьино, где было немало интереснейших людей (это уже курская область). А перед первым классом вместе с детьми других железнодорожников оказалась уже в кустанайском лесу – в

27-ми километрах от областного центра. До чего же было здорово собирать шишки и играть там!

Во втором классе впервые побывала в Алма-Ате. В память врезался лист. Да-да, именно лист, подобранный на дорожке, который оказался размером с лицо девочки. Там же она впервые увидела горную речку, и, уже вернувшись в Кустанай, «без конца рисовала эту речку и эти горы».

Вместе с родителями многократно бывала в Астане, а уже подростком – в 1974 году на теплоходе «Юрий Гагарин» совершила по Волге фантастический по увлекательности круиз. Какие только города не встретились в пути: и Углич, и Саратов, и Казань, и Самара, и Нижний Новгород, и Ульяновск, и Волгоград. И, насколько помнится уже Елене Бертрановне, а не Лене, в каждом останавливались на день. «Экскурсоводы были просто шикарные». В следующем же году семья Рубинштейнов побывала в «Питере», миновав предварительно Екатеринбург и Москву. Таким образом, Лена впервые оказалась в Эрмитаже. А после Питера ее ждали Таллинн и Рига. Случилось так, что тем летом – летом 1975-го года, Лене посчастливилось попасть на феерический праздник. В Таллинне были торжества с грандиозными хорами. Елене Бертрановне на всю жизнь запомнилось множество заполнивших столицу этой республики эстонцев и эстонок в национальных костюмах. Немалое их число приехало из деревень, а потому встречались группы девушек и девочек, которые держали друг друга за юбки, чтобы не потеряться в водовороте тел. И это вполне понятно: такие феерии были очень популярны в Эстонии. Их масштабная организация была оценена и советским руководством. Согласно «Большой советской энциклопедии», главный дирижер певческих праздников Эрис Сакс, помимо прочих наград имел три ордена Ленина и был Героем Социалистического Труда.

... Еще одни из самых памятных детских впечатлений – это те, что связаны с дачей. Запомнилось, как из-под Москвы привезли неизвестные на кустанайщине сорта сирени, а еще – дубки и клены. «Сегодня, - говорит Елена Бертрановна, - вижу родичей этих ростков в разных местах города.

Они приветствуют меня». И так приятно видеть этот след, который сама оставила в городе, ставшем судьбой...

Знаменательно то, что уже с самых ранних лет Лена Рубинштейн не просто вбирала впечатления, а и сравнивала, сопоставляла природу тех мест, в которых ей посчастливилось побывать. Так, книги, фильмы, искусство и путешествия стали не только фоном, но и в немалой мере фундаментом в познании мира.

Не удивительно, что Лена закончила школу с Золотой медалью. После окончания школы поступила на исторический факультет МГУ, где специализировалась на кафедре новой и новейшей истории Европы и Америки. Поначалу юная Лена искала себя. Увлекалась Древней Индией. Занималась санскритом. Влекли ее и Италия, и Испания с их околдовывающим искусством. В итоге же обратилась к новой и новейшей истории Европы и Америки. После Кустаная было очень нелегко с английским. Приходилось упорно заниматься, чтобы наверстывать упущенное. В итоге – блестящая защита диплома.

Получив высшее образование, вернулась в Кустанай, где на протяжении трех лет в Костанайском государственном педагогическом пединституте (КГПИ) им. 50-летия Октября преподавала историю Древнего мира. По ее собственным словам, такая «передышка» в интенсивнейшей учебной и научной работе обернулась благом. Она сумела отдохнуть и восстановить силы и лишь после этого вернулась в МГУ, но уже аспиранткой, проведя в аспирантуре положенных три года: 1985 – 1988-й. К тому же время становилось очень интересным. «Стала появляться запрещенная литература. Сняли с полки Сокурова. Были дискуссии. Баталии. Чуть не до драк. Сегодня, бывает, говорят, что гроссмановскую «Жизнь и судьбу» не заметили. – Полная ложь. Отчаянно дискутировали о том: одно и то же Сталин и Гитлер или нет? Была масса интересных людей с очень глубокими мыслями...»

Что же касается собственно научной работы, то она разворачивалась на прежней кафедре под руководством доктора исторических наук профессора М. Мещерякова.

Защита состоялась 12 июля 1990 г. в день принятия закона о суверенитете России.

После учебы в аспирантуре Елена Бертрановна вернулась в Кустанай, в пединститут, который затем стал университетом. Увидела на студенческом столе «Архипелаг гулаг» и почувствовала, что и в провинции – время перемен.

Здесь она стала работать на кафедре всеобщей истории, где читала студентам новейшую историю Америки и историю культуры Запада. Тут нельзя не добавить, что слушавшим ее студентам удивительно повезло. В провинциальных вузах, да еще при наших нагрузках, не так уж часто бывает, когда преподаватель учит студентов не просто тому, на чем настаивают изменчивые программы, а и тому, чему посвятил годы собственной научной и научно-методической деятельности. У Елены же Бертрановны среди более чем шестидесяти научных и научно-методических публикаций есть целый ряд таких, которые напрямую связаны с тем, что ее довелось преподавать, в частности, «Американская конституционная доктрина и британская политическая мысль в предреволюционный период» (3) и «История культуры Запада» (4).

Сегодня публикацией собственных творений, как бы они не величались: научными или художественными, трудно кого-то удивить, тем более, когда книги изданы в родном городе, в данном случае, в Костанайе. Но обратим внимание на рецензентов уже первой, сугубо исследовательской работы. Это директор Йельского Центра парламентской истории США, профессор М.Дженсен, профессор П.Бушкович (Йельский университет, США), профессор Д.Кинкейд (Лафайет колледж, США) и кандидат исторических наук Л.Ф.Туполева (институт Всеобщей истории РАН, Россия). Ответственный же редактор-кандидат исторических наук Г.М.Степаненко (изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова). И, наверное, вполне естественно то, что упомянутая книга ныне и в английской королевской библиотеке, и в библиотеке Конгресса США, откуда пришли благодарности костанайскому автору (5).

Весной 2004 года в Казахском Национальном Университете имени Аль-Фараби Е.Б.Рубинштейн защитила уже

докторскую диссертацию «Американская конституционная доктрина и британская политическая мысль в предреволюционный период». С 2005 по 2008 год была членом диссертационного совета по всеобщей истории и истории международных отношений в том же КазНУ. В 2008 – 2009 годах была экспертом по всеобщей истории в Комитете по контролю образования и науки (по сути – ВАК).

Любопытно: мы привыкли, и зачастую заслуженно, критиковать нашу отечественную науку. Но Елене Бертрановне многие рецензируемые диссертации показались очень качественными. Особенно, подготовленные востоковедами. К примеру, автор диссертации, связанной с Японией, сама прожила в Японии несколько лет. И этот пример погружения в исследуемый материал – не единичен.

Сама же Елена Бертрановна параллельно с активной научно-экспертной деятельностью продолжала и продолжает поныне работу в вузе. С 2005 по 2009 г. она – зав. кафедрой всеобщей истории, основ права и экономики в КГПИ. С 2009 по 2012 г. – декан факультета истории и искусств в том же вузе. С 2012 г. – работает в отделе науки социально-технического университета им. академика Алдамжара.

При этом в студенческой аудитории Елена Бертрановна отнюдь не выглядит чрезмерно академичной, о чем можно было бы подумать, наслышав о ней, как об ученом. Мне самому довелось быть на ее занятиях (еще в то время, когда коллеги имели возможность посещать друг друга), и, честно говоря, я был удивлен: неброская на улице, академичная в исследованиях, в аудитории Елена Бертрановна преображается. Все, что она излагает, не только четко и, как говорят, «по делу», но и предельно доступно, да еще и с использованием современных технологий и новейших материалов из Интернета. И студенты способны это оценить.

Тем более, что она из тех специалистов, которые постигают изучаемый ими мир не только по книгам. Она – член Международного общества по изучению восемнадцатого века. Являлась участницей двух конгрессов по эпохе Просвещения: девятого Международного конгресса в Мюнстере (1995 г.) и десятого – в Дублине (1999 г.). В 1997 г. американ-

ское посольство в Алматы делегировало ее на конкурс в Вашингтон. В конкурсе участвовали кандидаты, представленные посольствами США в разных странах мира, и Елена Бертрановна оказалась в числе отобранных восемнадцати человек, которые приняли участие в работе летней школы по американскому федерализму в штате Колорадо.

В следующем, 1998 г., используя уже другой грант, провела несколько месяцев в штате Коннектикут. Местом непосредственного пребывания стал Йельский университет в Нью Хавене. Штат этот – своеобразная «колыбель» американских президентов, не случайно в продаже можно встретить майки с игриво многозначительными надписями: «Будущему президенту США». Так, там в свое время родился и учился Буш Младший. Вполне естественно, что демонстрировались и места, связанные с его отцом. Бушем Старшим. К примеру, Елена Бертрановна ходила обедать в греческое кафе, где, подобно тому, как в одном из костанайских кафе, что возле КГУ, можно увидеть цветное фото Валерия Леонтьева и сотрудников этого самого кафе, можно видеть фотографию хозяина кафе, правда, вместе уже не с популярным артистом, а с американским президентом – Бушем Старшим. Впрочем, и тот, и другой – люди публичные. Только сцены у них разные. (Последнее – не слова Елены Бертрановны. Определенное сходство представителей таких, вроде бы, совсем разных профессий подметил еще В.О. Ключевский, писавший о Екатерине Второй: «Она и в жизни была, как на сцене»).

Личные впечатления от этих полутора месяцев в США для ученого и педагога оказались не менее весомыми, чем прочитанные книги.

Интересным было все: и быт, и техника, и культура в целом, и особенности государственного устройства и, конечно же, система образования. Очень и очень многое впечатляло. Многие показались достойным серьезнейшего изучения или, хотя бы, упоминания в многочисленных статьях и интервью Елены Бертрановны после различных ее поездок.

Невозможно воспроизвести здесь все, что достойно внимания, но кое-что попробуем напомнить. Первое – это проблема интенсивности труда и, в первую очередь, в высшей школе. Проблема, увиденная глазами Рубинштейн. Американцы, по ее словам, - работают «не только много, но и интенсивно». Вот почему в Америке так ценится информация.

... Интенсивность американского труда Елена Бертрановна испытала, что называется, на своей шкуре. Три, четыре лекции в день, а потом занятия на компьютере. Узнала, что такое Интернет и научилась отправлять электронную почту. За двадцать минут умудрялась готовить обеды из полуфабрикатов... и бежать на занятия. Неугомонные американцы столь же интенсивно и отдыхают. Если прогулка в горах, то по узкой тропе над пропастью и четыре часа кряду вверх. А потом плавание на байдарках по своенравной Колорадо. Но прежде ты пишешь заявление, что на сей «подвиг» идешь вполне осознанно. Ну и верхом на лошади – тоже впервые. В жизни важно все попробовать – жизненное кредо американца..., для которого очень важна состязательность: «ты должен быть всегда в форме, здоров и на дистанции – иначе завтра успех будет уже не у тебя» (6).

Непосредственно в своей системе образования, рассказывает Елена Бертрановна, - «американцы активно применяют методику так называемого индивидуального обучения. У них нет жесткого расписания занятий, и студент сам выбирает определенное количество интересующих его предметов, но при этом существует довольно высокий уровень требований к знаниям, проверяемых через различные системы многократного тестирования, письменных работ, компьютерного контроля и т.п. Все направлено на усиленное развитие способностей учащихся, на формирование их логического мышления...» (Вот вам и верь после этого именитому российскому сатирику, что «американцы – дураки» Ю.Б.).

Казалось бы, нам у этих деловых и суперактивных американцев только учиться и учиться. Но не так все просто.

Так, например, обращает внимание Елена Бертрановна, в США «практикуется избирательная система изучения учебных дисциплин, что предполагает слишком узкую

специализацию. Я историк, и меня поразило то обстоятельство, что студент может досконально знать избранную узкую тему и иметь слишком общие представления об остальной истории. Сами американцы считают (это я поняла из бесед), что излишняя специализация становится скорее недостатком, нежели достоинством их образования»(7).

К тому же, само использование чужого опыта в иных условиях дело непростое. «Перестройка высшего образования с оглядкой на чужой опыт должна быть очень осторожной, - размышляет Елена Бертрановна. – Слишком многое нас разделяет, чтобы идти по пути слепого заимствования. Нужно, видимо, искать свои варианты строительства высшей школы, опираясь на отечественный потенциал. В нем много полезного...» (7, с.221)

Здесь уместно добавить уже от себя, что и интенсивность интенсивности рознь. И казахстанский, и российский преподаватель высшей школы очень часто работает ничуть не меньше своего западного коллеги, более того, гораздо больше. Пять, семь, десять занятий в день – такое на Западе, пожалуй, и не снилось. Плюс бесконечные бумаги, проверки и отчеты, когда не до творческого роста. Но сама организация труда педагога несравненно менее рациональна. Ситуация такая, словно отечественного педагога сплошь и рядом понуждают без усталости орудовать лопатой, ставя ему при этом в пример его зарубежного коллегу, ловко управляющегося с трактором или экскаватором...

Второе (а, по сути, и первое) на что не могла не обратить внимание Елена Бертрановна – это, естественно, американский федерализм, государственное устройство и сопряженные с ним человеческие отношения. Она вспоминает, как захотела сфотографироваться у Белого дома, но сомневалась, что это возможно. Спросила у сотрудника охраны. Тот посмотрел на нее «в полном недоумении: «Конечно, можно».

«Тогда я поняла, что я действительно в свободной стране. Я могу делать все, что не запрещено» (8).

Впечатлило и помещение суда в одном из штатов, которое словно стремилось своей представительностью наглядно продемонстрировать почтение к закону.

Запомнилось и многое, многое иное. Но в память врезалось и то, что свобода в «свободной Америке» отнюдь не аморфна. Не случайно, еще перед вылетом в Америку советовали: «... никакой вычурности в одежде. Идете на деловую встречу – не надевайте вечернего платья». В Америке, как нам дали сразу понять, правила этикета соблюдаются строго. И никому не позволено навязывать свой стиль общения. (Потом, очутившись в Иельском университете, я в этом убедилась воочию). Приемы на историческом факультете, когда присутствуют крупнейшие умы в этой области, - в шортах и джинсах не являясь. Особым ритуалом обставлен и деловой ленч. Американцы всегда стремятся соединить приятное с полезным. Едят они на удивление очень быстро: время – деньги. И я никогда за ними не успевала» (7, сс.223 – 224).

Казалось бы, перед вами вырисовывается типичный образ «прозападно настроенного либерала». Но жизнь сложнее. Сложнее и люди, тем более те, что стремятся думать самостоятельно. При всем уважении ко многому из того, что Елена Бертрановна увидела в Америке, она так же, как и немало иных, очень критично настроена к нынешним действиям американского руководства, которое словно потеряло чувство реальности. И не мудрено. После далекой битвы при Гастингсе (11-й век) ни Англия, ни затем и Америка не знали на собственной территории войн с чужеземцами.

Показательно: если, говоря о себе самой, Елена Бертрановна лаконична и протокольно точна, то, когда речь заходит об истории, включая и историю современную (простите за банальность сравнения, от которого просто не в силах уйти), оживает и распускается, как утренний цветок под солнечными лучами. Так обстоит дело с людьми творческими. – Как бы ни было значимо внешнее – от их облика до каких-то конкретных эпизодов в жизни – главное для них это то, чем они живут, чему посвящают себя, погружаясь в творчество, как в очищающую и дающую силы реку.

Чувствуется, что с Еленой Бертрановной дело обстоит именно так. Она живет историей. И эта жизнь пульсирует

в ее статьях и книгах. Добротных, богатых и мыслью и «фактическим материалом».

Но, конечно же, Елена Бертрановна – не машина. С детских лет она безгранично любит искусство. Из самых сильных детских впечатлений – телевизионная демонстрация Международного конкурса балета с Павловой в «Щелкунчике». Сидя у экрана, маленькая Лена, по ее собственным словам, «пламенела от восторга».

С детства увлеклась и кино. Вспоминает журнал «Советский экран». Третьеклассницей Лена увидела там статью о Рейгане. Разгромную: как же, актер, который стал президентом! В память врезались, помещенные в журнале кадры из фильмов с участием Рейгана: Рональд «Робкий влюбленный», Рональд – в сцене драк, и Рональд – губернатор. И, видя все это, десятилетняя советская школьница сказала, что тот, кого так разносили, будет президентом: «будет фотография и Рейгана – президента». «Моя мысль детская материализовалась...», – добавляет Елена Бертрановна...

Неудивительно, что и в годы учебы в Московском университете, когда девушке из Кустаная приходилось и думать о бюджете, и осваиваться в метро, и в аспирантуре Елена Бертрановна неустанно стремилась в мир искусства. Она побывала «практически на всех известных спектаклях». На Таганке застала Любимова и Высоцкого, в Театре Сатиры – Андрея Миронова – в «Клопе» и «Женитьбе Фигаро», в театре Маяковского – Доронину в главной роли («Да здравствует королева...»). «С огромным удовольствием» ходила в Большой театр».

Вполне понятно, что сфера таких увлечений, такой околдованности романтикой – сфера небесспорного. Не все бесспорно и в увлечениях самой Елены Бертрановны. Так, например, сегодня критически можно отнестись к ее восторженному отзыву о популярнейшей еще в недавние годы книге Владимира Мегре об Анастасии. Кто-то, может совсем иначе воспринимать Сокурова и т.д., и т.п. Но и за «перехлестами увлеченности» (которые так свойственны многим из нас, да и мне лично) – тяга к реальной, природной жизни, высокому искусству, а не искусственности. И

эта тяга бесценна. Ведь пока человек стремится к высокому, он сам, пусть хоть чуточку, а становится выше. Вдвое бесценна такая тяга для ученого, который в противном случае рискует превратиться не в мыслителя, стремящегося охватить масштабные грани реальности, а в набор файлов для информации, когда, как с сарказмом написал Бенедикт Сарнов, даже ученые-литературоведы способны оказаться « в роли энтузиастов, заливающих землю асфальтом...» вместо того, «чтобы самую плодородную почву сделать пригодной для посева» (9,с.92)

Елена Бертрановна – одна из тех, далеко не столь уж частых представителей науки, которым такая роль не угрожает. И при этом она не впадает в популизм, в поигрывание сенсациями, за которыми пустота либо очень поверхностное понимание предмета разговора. А это, особенно сегодня, дорогого стоит.

Литература

1. Сахметова К. «Без дороги жить не могу...» - В кн.: Бертран Рубинштейн. Честь и судьба. – Костанай: печатный двор, 2013. – 452 с.
2. Боевых друзей не забывают. К 90-летию со дня рождения Е.С.Рубинштейн. – «Печатный двор», май, 2012. Цит. по кн.: Честь и судьба...с.200 – 201.
3. Рубинштейн Е.Б. Американская конституционная доктрина и британская политическая мысль в предреволюционный период. – Костанай, 2001. – 375 с.
4. Рубинштейн Е.Б. История культуры Запада. Учебное пособие. – 259 с.
5. Фефелова Людмила. Елене – от Елизаветы. Вот, что говорилось в письме, пришедшем из Англии: «... Королева поручила мне поблагодарить Вас за отправку ей экземпляра исторической книги о британской монархии. Ваш добрый труд высоко оценен Ее величеством. Королева была очень тронута книгой и выраженными в ней мыслями...». – Костанайские новости. – 24 июля 2014 г.

6. Абалакова Ольга. Костанайские новости. – 20 ноября 1997 года.
7. Костанайские новости, 4 февраля 1998. Цит.по: Честь и судьба, с.219.
8. Моя одноэтажная Америка. Записала Ольга Абалакова. – 30 января, 1999 г. – Цит. по: Честь и судьба, с.225.
9. Сарнов Бенедикт. Кому улыбался Блок. – М.: Аст, Зебра, Владимир:ВКТ, 2010. - -684 с.

За мечтою детства

УГРЕНИНОВ С.А.

Сергей Александрович - один из не очень многих в области, а возможно, и в Казахстане, кого было бы можно, не кривя душой, отнести к современным русскоязычным прозаикам. Казалось бы, как хорошо известно от классиков, «все, что не проза, то стихи», а, значит, все, что не стихи – то проза. Но далеко не вся так называемая проза может быть названа художественной. Сегодня же выделить собственно художественное в океане свободно издаваемого либо размещаемого в Интернете особенно сложно. И вдруг, в далекой от столиц Кустанайщине появляется человек, о котором мы беремся судить, как о прозаике.

Что ж, судить мы и не возьмемся. Такой суд – дело истории и специалистов. Что касается Истории, то она не говорит свое слово второпях, так что тут уместно подождать. Но, что касается специалистов, то их суждения можно выслушать и сейчас. Угренинов – обладатель Литературного Оскара в номинации «Проза», полученного на проходившем в 2012 году в Германии конкурсе-фестивале «Русский стиль-2012». Золотой лауреат и призер в трех номинациях малой прозы Международного литературного конкурса серии «Большой финал» – 2012 (Россия), лауреат Каверинского конкурса -2012 (Россия), лауреат Международного литературного конкурса «Согласование времен- 2011 (Германия), лауреат Международного творческого конкурса рассказов о животных – 2013 (Россия), финалист конкурса детского рассказа «Желтая гусеница» – 2010 (Россия), финалист премии «Импрессион» (?) – 2013» в номинации «Микрорассказ» (Россия).

Он же судья трех Международных литературных конкурсов: «Большой финал» (Россия), «Русский стиль» (Германия) и «Согласование времен» (Германия).

За вклад в русскую культуру за рубежом, укрепление дружбы и сотрудничества награжден георгиевскими медалями «Сибирский казачий крест» 1-й и 3-ей степеней.

Не меньше собственно наград об авторе говорит и то, где публиковалось, им на писанное. Конечно же, это и типографии Кустаная, в котором уже давно живет Сергей Александрович. Типографии, в которых выпущен ряд его книг. Это и костанайские, и республиканские газеты «Костанайские новости», «Костанайский вестник», павлодарский «Бумеранг», «Казахстанская правда», выходящий в Алматы сатирический журнал «Шмель» и многие другие.

Но не только... Произведения Угренинова публиковались в «Литературной газете» (Москва), еженедельнике «Неделя» (Москва), издаваемых в столице России журналах «Юность», «Юный натуралист», альманахе «Охотничьи просторы», казанской газете «Литературный бульвар», литературно-художественном ежегоднике «Побережье» (США), выходящих в Германии альманахах «Русский

стиль» и «Согласование времен» и калининградском журнале «Берега». (1, 2,) А в 2014 г. книга приключенческих произведений С.А.Угренинова «Я просто хотел домой» была выпущена канадским издательством «Альтаспера» (Торонто).

Уже география публикаций Костанайского автора свидетельствует о том, что успехи его не случайны. Но чем он увлечен и что же им написано? – Увлечения и, соответственно, то, что уже написано разнообразно, и, естественно, не все, о чем писал Угренинов, может быть отнесено к художественной прозе как таковой или, если можно так выразиться, к художественной прозе в «чистом виде». Так, среди произведений Угренинова – три документально-исторические книги о казачестве и русском продвижении в Казахстан и Среднюю Азию «Сибирские казаки Пресногорьковской волости» (2006 г.), «Казачьи сотни и казахские отряды: рука об руку» (2007), «О чем пели казаки сибирских редутов» (2009).

Среди его более ранних работ – «Владимир и Зухра» (2000), книга о любви русского паренька и девушки-казашки, произведение, в котором этико-философское еще доминирует над художественным, что, впрочем, не отменяет значимости самой книги. Во-первых, потому, что такой жанр соответствует определенной традиции европейской и мировой литературы, а, во-вторых, потому, что в книге автор попытался нащупать болевые точки переломного времени. С философско-религиозными размышлениями автора связан и его роман «Ругвенион» (2007). Как бы его не оценили специалисты философы и религиоведы, да и просто читатели, книга из тех, которые оказываются важными вехами внутреннего духовного роста автора, его размышлений о человеке и мире.

Конечно же, когда речь идет о сложнейших религиозно-философских проблемах, суждения отдельных людей, да и целых групп, еще не говорят о бесспорной значимости тех или иных конкретных работ или суждений. Но уместно вспомнить, что, согласно сообщениям в прессе, после того, как Угренинов забросил «Ругвенион» в Интернет на сайт

«tekst- XXI», читатели сайта выделили эту книгу из сотен произведений «и разместили в числе 25 лучших литературных работ. Звонили Сергею и из администрации президента республики: говорят, книгу использовали в процессе подготовки очередного мирового форума лидеров религиозных конфессий» (10)

Но, наверное, в чисто литературном отношении самыми заметными и регулярно публикуемыми стали рассказы Сергея Александровича о природе и о тянущихся к ней людях. Прикасаешься к его миниатюрам – и чувствуешь ожившую традицию В.Бианки и иных известных русских и зарубежных авторов (таких, как, например, С. Томсон). Все просто, естественно, органично и... занимательно. И что представляется крайне важным: эти рассказы могли бы стать и уместной школой для нынешних молодых, надеющихся проложить свой путь в настоящую Литературу. И не потому, что Угренинову надо подражать – ни в коем случае. В литературе и искусстве можно подражать лишь на самой ранней стадии – стадии ученичества. А почему же? – Потому, что у Угренинова есть то, что было у лучших российских авторов прошлого и позапрошлого веков, но чего так часто не хватает у молодых: желание и умение видеть, подмечать то, мимо чего могли бы пройти другие. Без этого самое виртуозное владение словом останется лишь игрой, своего рода театральным, а не боевым фехтованием, разминкой мускулов на пути к Литературе, но, за редчайшими, очень талантливыми исключениями, так и не станет самой Литературой с большой буквы.

Герои его рассказов неожиданны и многообразны. как сама природа. Вот – невесть как попавший во двор «Колючий гость» – малютка ежик, с которым никак не может совладать дворовая собака. Кроха, которая, оказавшись в доме, сразу повела себя по хозяйски. А вот – «поросята-йоги». Рядом с ними и «Старая ива», и «Хмель-квартирант» (3) и многие, многие другие.

И что бросается в глаза? – То, что философия, раздумья о мире как-то ненавязчиво, словно сами собой сливаются с живыми картинками обыденного, теряющими в глазах

читателя свою обыденность и незаметность. Вглядимся в того же самого «Куцего пескаря», который и с обрубком хвоста сумел выскользнуть в воду из рук рыбака: «Славный пескарь! Молодцу из сказки, который прошел огонь, воду и медные трубы, мой новый знакомый теперь несколько не уступит: в щучьих зубах побывал, на металлическом крючке сидел и из рук рыбака вырвался!» (4) (5, сс. 14 - 15)

Или всмотримся в стрекозу, неведомо как залетевшую между оконных стекол и непонимающе бившуюся о неведомую миллионолетней природе непроницаемую прозрачность стекла: «Шло время, а стрекоза упрямо бодала глазастой головкой стеклянную стену. Так летят навстречу вечности. Космический корабль, запущенный во Вселенную, имеет теоретический шанс когда-то, в немыслимо длинные сроки достигнуть планеты, дающей экипажу жизнь. (Но) у этой стрекозы не было шансов попасть в свой зеленый рай, а значит, и не было шансов выжить.

Я распахнул окно, и его пленница понеслась к зеленой гряде деревьев, теперь ее полет обретал осмысленность движения каждого обитателя земли, создающего этим движением жизнь»(5, с.17)...

Как же Сергей Угренинов пришел в литературу? Каковы истоки этой тяги к творчеству и этой веры в себя?

Вопросы эти непростые, потому что не было у него ни окружения из маститых писателей, ни даже изначально мощной школьной подготовки. Родился он 21 марта 1959 года в селе Речное Пресногорьковского района Кустанайской области. Отец его был энергетиком – сначала мастером, а затем и начальником районной электросети. Мать - медсестрой. Подростала и сестра, которая была тремя годами младше. Все, как обычно. Впрочем, не совсем. В самом раннем детстве – года в два Сережа пережил настоящее потрясение. Отец взял его на мотоцикле с собой в поездку. Когда мотоцикл остановился, показался приближающийся трактор, и «один взрослый придурок «пошутил»: «Вон едет трактор, чтобы тебя задавить». В будущем не робкий мужчина, но тогда еще малец так испугался, что лишился речи. К каким только врачам его не возили, а

выводы были неутешительны: если мальчик и станет говорить, то не скоро, а то и вовсе не заговорит... Но подсказали, что на отделении есть бабушка, к которой отец и стал возить сына по утрам. Та становилась лицом к восходу солнца, читала молитву и... спустя несколько «сеансов» малыш стал разговаривать! – Что же тут помогло? – Вопрос. Но речь вернулась

В остальном же все, как обычно. Сначала деревенский садик, где все свои. Обижать некому. Из тех лет особо запомнились рисованные диафильмы, которые показывались фильмоскопом.

Потом школа. Обычные мальчишечьи проказы и битвы самодельными мечами. Правда, в школе ребята бывали всякие, и хулиганистые. Но Сергей рос не слабым и, хотя трудно поверить, но этот достаточно рослый, худощавый человек, не наживший к пятидесяти шести годам ни животика, ни лысины и при этом внешне очень мягкий, в детстве мог постоять за себя. Сам не понимал, как это можно просто так обидеть, дразнить или ударить, но обидчиков поколачивал. И крепко. Чем заслужил уважение, и на всю жизнь понял, что бывает и так, когда без силы никакое убеждение не поможет.

Но случилось так, что, когда Сергей перешел в восьмой класс, семья переехала в Сибирь, и оказалось: прежняя подготовка Сергея очень слаба. В результате, если не считать четверки по истории, пошли сплошные тройки. «Ну, куда ты с такими оценками, кроме ПТУ?» - рассудил отец. Так Сергей пошел учиться на электрика в Томское ПТУ, где тоже приходилось учиться стоять за себя – народец-то там был «оторвижный». Однако со многими из прежних пэтэушников добрые отношения сохранились до сих пор. Сергей Александрович вспоминает, как уже через много лет они встретились втроем – один современный миллионер, второй – священник православного храма, и он сам, посвятивший себя литературе.

Позже, уже в г.Аркалыке Сергей учился на сменного бурового мастера. Фактически трудовую жизнь начал с шестнадцати лет. Работал и слесарем в автоколонне, и

сменным буровым мастером в Тургайской геологоразведочной экспедиции. А народ и там разный: и карты, и драки, и пьянство. Но обретался и жизненный опыт... И хотелось писать.

А тут подвернулся случай – и уже двадцатилетний Сергей отнес два своих первых рассказа в Тургайскую районную газету «Колос». Редактору понравилось. Он дал Сергею задание. Тот справился. Так вот и стал корреспондентом, а затем и зав. отделом районной газеты.

И вдруг – как гром среди ясного неба! – Редактор узнал, что у Угренинова образование всего-то восемь классов. У него шок. Как же это? - Надо было срочно учиться. Он поступил в вечернюю школу и экстерном закончил ее за три года. Поддерживали. Но и сам старался изо всех сил...

Казалось бы, перед нами счастливый случай, удачно выпавший лотерейный билет судьбы. Но так ли? – Нет. К Слову, словесному творчеству Сергей шел с самого детства. Во втором классе сочинил первую сказку. В 8 лет – первые стихи. Да кто не сочиняет в детстве? Только Сергей уже лет с десяти знал, что будет писать. Даже читателем в свои школьные годы он был не совсем обычным. Ему казалось, что, «читая книжки, он всегда видел, как их можно сделать лучше, смешнее, интереснее». Что-то, может быть, только казалось, но эта детская тяга к со-творчеству уже сама по себе значила немало, и, не случайно, первые свои «взрослые рассказы» написал в 13 и 14 лет. Спустя десятилетия один из них, написанный 14-летним, был опубликован в «Юном натуралисте» уже зрелым Сергеем Александровичем.

Еще в младших классах Сергей обладал интуитивной грамотностью, а затем мало-помалу росло и чувство слова, так что даже считавшийся слабым учеником Сергей, в восьмом классе неожиданно удивил учителей сочинением, которое оказалось лучшим. Впрочем, российские учителя просто не знали, что и в годы учебы в Казахстане, его сочинения всегда были из лучших.

И это – не просто дар вроде дара Ильи Муромца, просидевшего на печи тридцать с лишним лет, а потом вдруг начавшего творить богатырские подвиги. Это – и результат колоссального

труда, который для Сергея был столь же естественным, как для пловца движение в воде. С 13 лет Сергей, а затем уже Сергей Александрович вел и продолжает вести хранимые и ныне дневники. И здесь стоит отметить нечто очень важное: «Когда говорят, что талант – это девяносто процентов труда», то это не совсем так. Талант или, если скромнее, просто способность добротнo делать свое дело, это труд с любовью, труд, который самим творцом воспринимается не как нечто навязанное извне, а как часть собственной жизни.

Подтверждение этому и крутые повороты на жизненном пути Угренинова. Будучи уже работником со стажем, он поступил на факультет журналистики, где и учился с 1981-го по 1986 год. Поступить, как так называемому льготнику-стажисту, было нетрудно. Но учебе отдавал все силы. К тому же стал старостой группы. И на удивление себе самому, бывший троечник-пэтэушник учился на одни пятерки. Поначалу удачливому студенту казалось, что это случайность. Но нет. Просто удалось нащупать свой путь. И не только нащупать, но и стать участником совещания молодых писателей (1982 г.)

Оставляли работать в университете. Но судьба распорядилась иначе. В одном из любимых им походов Сергей познакомился со своей будущей женой Мариной. Женился, и молодая семья ждала ребенка. Работавший в Кустанае отец супруги, известный в области специалист Анипченко Н.Г. предложил переехать в Кустанай. Так, Сергей Александрович стал, по его собственным словам, «преподавателем политической истории» в кустанайском пединституте. Но здесь проработал лишь несколько лет. Потом начались драматические девяностые. Зарплату преподавателям платили мизерную и нерегулярно. Коллеги Сергея до сих пор вспоминают, как в иные месяцы приходилось вставать чуть свет, чтобы, отстояв очередь, успеть получить заработанное. Жена работала в банке, где все было куда стабильнее, чем в образовании. Вот и порешили они всей семьей, что зарабатывать будет она, а Сергей займется семьей и литературным творчеством и, отчасти, журналистикой, которая позволяла работать и на дому, где одно время

Сергей Александрович вместе с одним из самых литературно одаренных журналистов области Анатолием Григорьевичем Ермоловичем. выпускал газету «Курьер». Было это в 1992 году.

Веривший в свою звезду Сергей Угренинов писал, пытался публиковаться в газетах и журналах, издавать крохотными тиражами собственные книги. И при этом немало сил отдавал семье. А семья его не совсем обычная. Скорее, очень даже необычная. Словно живое продолжение «Владимира и Зухры». В ней, семье Угрениновых, три девочки: Марина, Юля и... Дана. Дана – казашка. Она – приемная дочь. Как это случилось? – «Настоящее индийское кино» - вспоминает Сергей Александрович. Марина и Дана почти ровесницы. Случилось же так, что, когда супруга Угренинова была в роддоме, ей на кормление приносили девочку, «на которую мать написала отказную...» Позже, уже после выписки, стали искать ту, которую Марина Николаевна вскармливала своей грудью. Пришли в сиротский приют. Но, как пишет друг семьи Ермолович, «той, которую искали, не было». И вдруг навстречу Угрениновым выбежала кроха «с широко открытыми радостными глазками. Невероятно...

Знающие люди им советовали: оформите на себя опеку-ство Даны, будете за это еще деньги получать... Угрениновы отказались – только удочерение. Они пошли в церковь и там крестили Дану... Зачем?» Сергей ответил: «Мы знали сотни примеров, когда приемные родители отказывались от взятых детей. И по закону все чисто. Мало ли что – болезни, несовместимость. Но перед Богом высшая ответственность, и мы ее на себя приняли» (6)

Позже супруги Угрениновы нашли и родную маму Даны, которая в силу давящего обычая и жизненных обстоятельств (ее бросил тот, кому она поверила) вынуждена была оставить ребенка в доме малютки. Познакомились, и поныне в добрых отношениях. Дана же, теперь повзрослевшая и закончившая университет, вместе с двумя другими девочками живет в семье, ставшей для нее родной. Так жизнь и литература переплелись воедино.

Сплелись воедино с литературным творчеством и те нити жизни, которые уводят далеко к предкам. Для славян, особенно казахстанских, в отличие от казахов, явление это не совсем типично. И в силу других традиций, и в силу того, что в иные годы многие были переселенцами не по своей воле и бывшее старались как-то не подчеркивать. Угрениновым же в этом отношении повезло. Они из тех, чьи предки поселились в степях Кустанайщины еще в дореволюционные годы. Поселок Песчанка (затем Речное (?), по словам Сергея Александровича был первой в области казачьей станицей. Чуть позже появилась и Пресногорьковка, в которой со своими семьями обосновалось полсотни казаков. Трое из этих пятидесяти были Угрениновыми. Да и мать Сергея Александровича – из потомственных казачек (7).

Так что интерес к истории казачества у него самого не случаен. Для него эта история – и история собственной семьи. А она богата и драматична. Тут романы бы писать! – Сергей Александрович с гордостью показывает, выпущенную в итальянском издательстве «Верона», книгу «Тобольск и вся Сибирь. Сибирское казачье войско». В ней несколько колоритных фотографий из его личного семейного альбома. На одной из них – прадед, получивший георгиевский крест в Японскую войну. Крепкий был казак. «Самый уважаемый в селе». Одно время был даже атаманом. В годы Гражданской то белые к нему «подкатывали», то красные. Он же – ни к тем, ни к другим. В 1921 же пропал без вести. По рассказам, взял винтовку, шашку, сел на коня – и исчез, словно растворился в степи.

Сложная была жизнь, запутанная. Кто-то из казачества вместе с частью казахов сражался против красных, восстал против большевиков. Кто-то – наоборот. Так, один из родичей Сергея Александровича, доживший до 50-х годов прошлого века сам участвовал в подавлении антисоветского восстания в Пресногорьковке в начале двадцатых.

Но тема казачества привлекла Угренинова не только личной близостью и драматичностью коллизий, а и своей проблемностью. Он взялся за нее с глубоким убеждением в том, что история требует разносторонности, и, прежде

всего, при описании таких сложнейших «материй», как межнациональные отношения. Опираясь на доступный ему документальный материал, Сергей Александрович постарался показать, что отношения эти не были линейными отношениями колонизаторов и подчиняемых. В социальных бурях и множестве военных столкновений казахи и казаки очень часто действовали плечом к плечу. Даже убийства вождей тех или иных казахских национальных движений и восстаний, по словам Угренинова, осуществлялись не русскими. И в подтверждение этому – многие факты истории, хотя, конечно, собственно исторический анализ такого рода документалистики требует историков-профессионалов, специализирующихся на соответствующих периодах отечественной истории. С какими-то выводами Угренинова, наверное, можно полемизировать, какие-то дополнять, но сами по себе акценты на взаимодействии казачества и казахов представляются очень важными, как в сугубо исследовательском, так и в идеологическом отношениях (8)

Не случайно в опубликованной в «Костанайских новостях» статье об этой книге было сказано: «Впервые в Казахстане предпринята попытка объективно рассказать о боевом сотрудничестве казаков и казахов»... (9)

Как видим, Угренинов автор ищущий, наблюдающий и размышляющий. Таковым он остается и как читатель, слушатель, зритель. Причем, как члену жюри (а он, напомним, участвовал в судействе трех конкурсов) приходилось на протяжении полутора месяцев читать сотни авторов. По наблюдениям Угренинова в подобных конкурсах «всегда бывают и откровенно слабые вещи». Профессионально же пишущих «средней руки» очень много. А жемчужины встречаются редко. «Бывает, переписываешься с другими членами жюри: 150 авторов, а тянут максимум на семь баллов из десяти. Ну, что это за уровень? А бывает вдруг горстка хороших.. Но в среднем уровень невысокий - «середняков очень много».

Что же касается наиболее значимого из прочитанного «для себя», - то здесь диапазон широк. Тут и «Певцы» Тургенева, и не самые известные рассказы Чехова, и Библия,

и Коран, и Тибетская книга мертвых, и Бхагаватгита, и Свами Вивекананда, и Шопенгауэр, и лермонтовский «Герой нашего времени», и Арсеньев, и Бунин, и Достоевский. и, конечно же, Бианки.

Любит музыку. Особенно фольклорные песни самых разных народ. Правда, здесь диапазон очень широк: от песен Высоцкого – до классики и рока...

Из фильмов Сергей Александрович предпочитает советские. «Вы не поверите, - восклицает он, - а на первом месте у меня фильм о Буратино!» До сих пор приковывают к экрану советские комедии. А вот современные российские фильмы с нескончаемыми сериями убийств не впечатляют. Не влечет и экстрим. Сам Сергей Александрович считает себя человеком не робким. Любит приключения. Но риск ради риска – не для него. Впрочем, люди, знающие жизнь с разных ее сторон, люди, знакомые с настоящими трудностями не слишком часто будут увлекаться поисками того, что искусственно щекочет нервы. У таких людей нет эмоционального голода.

Что же касается автора художественных произведений, то он, уже в силу поразительных перепитий самого творчества погружается в такие глубины, которые невольно могут потрясти и самого сильного с виду человека. Как вспоминает сам Сергей Александрович, когда он писал повесть о Грише- гармонисте и подходил к тому моменту, где герой повести должен был потерять пальцы, у него самого начались нарывы на руках. Лечение не помогало. Но Угренинов успокаивал жену, и оказался прав: как только драматический эпизод был описан, пальцы автора зажили. Таким оказалось повторение эффекта, известного, как эффект мадам Бовари.

О себе он говорит: «Я очень боюсь в своих произведениях убивать кого-то. Разве что само событие может быть взято из реальности. Но сам создавать подобные ситуации не хочу: остается ощущение крови на руках. Не понимаю тех авторов, которые льют кровь, не раздумывая. Для меня это сатанизм какой-то. Говорят, правда, ну что ты пишешь? На этом не разбогатеешь. Надо бы писать боевики, детективы...»

Но Сергей Александрович пишет то, что пишется. Да и может ли быть иначе, если человек увлечен собственно творчеством?..

Таков он, по детски восторженный и сумевший сохранить свое детское увлечение в такой «прозаической» взрослой жизни. Что из написанного им переживет наши суматошные дни, а что нет – покажет время, которое, увы, не всегда бывает разборчиво. Так что не будем гадать. А зададим простой вопрос: многие ли из нас оказались способными сохранить в себе детскую мечту и стремиться всею своею взрослой жизнью воплотить ее в реальность?

Литература

1. Из досье.
2. «Оскар» приедет в Костанай. – Наш Костанай, 6 декабря 2012 г.
3. Ленинский путь. – 2 марта 1985 г.
4. Кустанайский текстильщик, 14 ноября 1986 г.
5. Юный натуралист, 2010, №10..
6. Ермолович Анатолий. Сизокрылый голубь в малиновом окошке... Костанайские новости, 20 апреля 2012 г., с.12.
7. Сибирские казаки и другие этносы. – Костанайский вестник. – 9 марта 200... г. Статья посвящена выходу в свет книги С. Угренинова «Сибирские казаки Пресногорьковской волости» По словам автора, «исследуя родословную сибирской казачьей семьи, диву даешься: чего только в ней не намешано. В ней вы можете найти не только русских, белорусов, украинцев, но и немцев, французов, поляков, литовцев, башкир, татар, мордву, калмыков, киргизов (казахов), бурятов. Казаки – общее дитя этих народов, которое впитало от родителей лучшие качества и сумело эти народы примирить (пусть угрозами и уговорами) и подружить. То, что сейчас люди на огромной евразийской территории живут в мире и согласии, в немалой степени заслуга казаков, воплотивших собою в реальности единство славян и тюрков». – Мысль дается без комментариев, просто, как заслуживающая серьезных размышлений.

8. См.: Угренинов Сергей. Казачьи сотни и казахские отряды: рука об руку. – Костанай, 2007, сс.5, 9, 95 и др. Естественно, на что-то сейчас можно попытаться взглянуть шире, на какие-то формулировки, например, на с.193, посмотреть, исходя из архивных иных возможностей сегодняшнего дня, в частности, на реальные причины периодов жуткого голода в годы советской власти. Но это вопрос, требующий специальных углубленных исследований, а не громких деклараций.
9. Как подружились казаки и казахи. Костанайские новости. Без даты.
10. «Не рассчитывай на скорые успехи...» – Костанайский вестник, 17 марта 2005 г.
11. Реальные награды в виртуальной реальности. – Костанайские новости, 6 сентября 2012 г.
12. В международном конкурсе рассказов о животных, в котором участвовали более двухсот авторов из 12 стран, казахстанец вошел в десятку лидеров. – Костанайские новости, 16 февраля 2014 г., с.3.
13. Встреча с писателем. – Знамя труда (Северо-Казахстанская обл., г. Мамлютка). – 5 августа 2004 г.
14. В гостях у есикчан. – Газета «Иссык», Июль, 2005 г.
15. Ермолович А. Не зарывай свой талант в капусту! – Костанайский вестник, 21 октября 2001 г.
16. Ермолович А. О чем пели казаки. – Костанайские новости, 23 июля 2009 г.
17. Ермолович А. Жил-был художник один. – Костанайские новости 9 августа 2009 г.
18. Новости. Состоялся «День юношеской книги». («Ежик, 2004 г.) Отвечая на вопрос «Какую книгу бы Вы назвали книгой юношеской поры?»», читатели детской областной юношеской библиотеки (в опросе принял участие 51 человек) наряду с книгами В.Гюго, М.Булгакова, Р.Толкиена, Дж.Роулинг ... назвали и книгу Угренинова «Владимир и Зухра». Уместно заметить, что до этого проводилась его встреча с читателями. Но каждая ли подобная встреча западает в память?

УЧИТЬСЯ – ВСЮ ЖИЗНЬ

ШАБЛЕЙ П.С.

Учиться всю жизнь – вот фактический девиз молодого выпускника КГУ им. Байтурсынова Павла Шаблея. Худенький и высокий – он уже самым своим внешним видом – живое воплощение образа ученого. Того, кого, говоря языком поэта, жжет «одна, но пламенная страсть» – страсть к познанию истории. Корреспондент «Костанайских новостей» Людмила Круглова пишет: «Слушаешь, как быстро, без запинки, течет его речь, (и) на ум приходит ... – «ходячая энциклопедия». Ей богу, наш костанайский Паганель!..» (1)

Конечно, тот, кто еще успел в детстве прочесть Жюль Верна, возможно, помнит, что жюльверновский ученый Паганель – персонаж комический. Но не только – он еще и очень трогателен в своей беззащитности перед «прозой мира» и каверзами обыденности. Но Паганель, хотя и добрый, а шарж. В Павле же нет ничего шаржированного. Однако эта паганелевская беззащитность ощущается и в нем. И, наверное, не случайно чудным сентябрьским днем 2014 г. именно его выбрала троица для выбивания денег: слишком уж интеллигентным и невоинственным при всем своем росте выглядит Павел. Выбить не выбила. Но горечь и недоумение остались надолго. Именно не страх, а горечь оттого, что в своем родном городе, недалеко от дома – и вот такое! Что ж, подобное чувство было знакомо и мне, когда и у меня самого, но уже зимним днем в самом центре Костаная иная троица требовательно «просила» «двадцать тенге». Это казалось настолько диким, что и я оставил их без искомого. Однако, увы, и тут и там, подтверждалась известная криминалистам истина: такие типы знают, когда и кого выбирать в виде вероятной жертвы.

Впрочем, во всем, что касается его дела, Павел практичен и организован. К тридцати годам, он после долгих лет увлеченнейшей работы защитил диссертацию и стал кандидатом исторических наук. Более того, его работы

выходят в серьезнейших научных изданиях. Так кто же такой, этот молодой ученый?

Павел Сергеевич Шаблей родился 24 октября 1983 года в поселке Вишневый Федоровского района. Отец его, Сергей Павлович, закончив ПТУ в Озерном, до самого распада СССР был электриком. Позже регулировал подачу воды в совхоз, а с 1998 года занялся хозяйством на своем подворье. Мама же – урожденная горожанка. Родилась в Кустанае. Окончила среднюю школу, и основной ее профессией стала профессия почтальона, хотя до этого, в городе, мама Павла была телефонисткой. Выйдя замуж, переехала в деревню. Это было в 1982 году, когда вернувшийся «из армии» отец Павла некоторое время был в Костанае. После 1995 года и поныне мама Павла работает поваром в школе.

Предки же Шаблея – из России. Все родственники – и по материнской, и по отцовской линии – приехали в Казахстан в 50-е годы на освоение Целины. Родившийся в 1934 году, дедушка Павел был шофером. «Повоевать не успел». А вот доживший до девяноста прадед оказался участником Великой Отечественной войны, и по смутным рассказам долгое время был в плену, что, впрочем, не афишировалось, и потому в своем детстве Павел об этом не знал. Второй же прадед погиб летом первого года войны. По рассказам бабушки, он был шофером, и в его машину попала то ли бомба, то ли осколки снаряда. Еще запомнилась Павлу прабабушка, жившая почти всю свою жизнь в Копейске. Единственная из родичей была учительницей.

Самой же близкой для него стала Мария Ефремовна – бабушка по материнской линии, рожденная в 1921 г. Родилась она в Белоруссии, недалеко от Бобруйска. Пережила и коллективизацию, и голод. Рассказывала, как в начале войны в одном платье пошла в лес за грибами. Когда же услышала о приближении немцев, то в ужасе кинулась к колонне отступавших советских войск. Даже не попрощавшись с родителями. Так дошла до Тулы. Добровольно пошла в армию, и была направлена в службу охраны аэродромов. Закончила войну в Чехословакии. После армейской службы по найму поехала в Магадан. Позже вернулась на родину

– в Белоруссию, а в 1957 г. вместе с дедушкой отправилась на Целину. Здесь работала на почте: почтальоном и начальником отделения связи. Однако с жильем было туго, и уже немолодой – почти сорокалетней – пошла на стройку, что позволило получить трехкомнатную квартиру в Кустанае, ту самую, в которой живет сейчас и Павел. И прожила она при всей своей нелегкой жизни 93 года.

Таковы близкие Павла. Сам же он учился в сельской школе, которую закончил в 2001 г. Учился, по его собственным словам, не блестяще. «До четвертого класса еще был хорошистом, может быть не совсем справедливо. Потом троечник». Были запущены математика, химия. Правда, некоторые иные предметы давались лучше. История же «пошла» только с восьмого класса. Как раз тогда появился новый преподаватель. При нем Павла даже несколько раз посылали на районные олимпиады. Но добираться до них как-то не удавалось – «не хватало места на транспорте». Как-никак, а в первую очередь везли отличников и тех, кто «рядом с ними». Но школу вспоминает Павел очень по добром: «багаж хороший получил». Хотя позже приходилось очень многое наверстывать, особенно «в плане языка», потому что с шестого класса преподаватель немецкого уехал.

Казалось бы, откуда взяться будущей тяге к знаниям, к науке? – Но мир тогда был таков, что в доме «обычных сельских работяг» было множество журналов: «Волга», «Москва», «Сибирские огни». «Моделист-конструктор», «Приусадебное хозяйство».

«Я – вспоминает Павел, - начинал со всего художественного. Потом подходил к публицистике. Потом уже к ... научному... Знания по истории формировались хаотически. Задачи систематизировать свой досуг не ставил. Читал то, что интересно. Старый учебник по истории для пятого класса уже и в седьмом перечитывал неоднократно. И еще классе в седьмом зачитывал до дыр научную книгу большого формата о Великой Отечественной Войне. А в восьмом классе в журнале «Москва» познакомился с Карамзиным... Но, вообще в деревне было мало книг...

Стоп! Суховатым, почти лишенным красок языком Павел вспоминает о «пробелах» своего личного школьного образования: с научной литературой он соприкоснулся лишь в седьмом-восьмом классах, да и учеником был не ахти! – Казалось бы, вот карты в руки троечников: середнячок, а диссертацию-то защитил! Но не спешите с выводами. Сельский школьник в восьмом классе узнал о Карамзине и уже в седьмом-восьмом классах прикоснулся, да так и прирос ни к какой иной, а к научной литературе. Для сравнения: я, учившийся, как узнал впоследствии, в элитном городском классе, дышавший историей чуть не с рождения и считавшийся здесь бесспорно первым, соприкоснулся с Карамзиным лишь в вузе! Да и история манила меня, школьника, скорее хороводом полусказочных образов, а не «научностью». У Павла было и это. Но не только. И, заметьте, какую высокую планку он ставит себе – как и в этом, да и иных кратких упоминаниях о чем-то! Так что серым середнячкам тут радоваться рано. Увлеченный и при этом, как и всякий истинный профессионал, знающий, что всегда есть кто-то и что-то выше того, что узнал и чему научился он сам, Павел из тех, чья скромность в самооценках коренится в понимании масштабов самого познания. И в этом понимании удивительная сила. Ведь именно в ней те точки, те зоны роста, без которых не может быть ни ученого, ни художника, ни литератора, ни инженера. . .

Правда, нынешняя увлеченность к Павлу пришла не сразу. Когда заканчивал школу, особых пристрастий, тех, которые бы связывали с будущей профессией, еще не было. Советовали «идти на телемастера». Но, тем не менее, когда с мамой приехали в город, пошли в университет. В Главный корпус с колоннами. Поднялись на второй этаж. Навстречу – ныне доктор исторических наук Дмитрий Максимович Легкий. Завел в аудиторию. Стал пропагандировать историю – «прочел минилекцию», после которой абитуриент, не колеблясь отправился в приемную комиссию и подал документы на специальность, связанную с историей и географией. Самооценка была невысокой, и особых успехов от себя Павел не ждал. Результаты тестирования помнит

до сих пор. Историю Казахстана сдал на 25 баллов (из 30). Примерно тот же результат по языку. А вот всемирная история, которую знал куда слабее, дала лишь 15 баллов. По математике же – лишь 9. Но была еще сельская квота. И хотя Павел никогда не считал себя везунчиком, а тут повезло: набрал 73 балла, тогда как для гранта необходимо было 72.

Когда поступил в университет, поначалу думал: поучусь здесь немного – и переведусь на другой факультет. «Но через несколько недель точно убедился: переводиться не буду».

Не избалованному общением с педагогами сельскому пареньку, в университете пришлось по душе самые разные вузовские преподаватели. И не то, что бы он был всеяден. Нет. Просто умел брать от учивших то, что ему самому казалось полезным и необходимым. Говорят же на Востоке: «Учитель появляется тогда, когда ученик к этому готов».

И среди таких, особенно запомнившихся учителей был Дмитрий Максимович Легкий, приходивший на лекции с грудой самых разных книг. Скажем, говорит о Гумилеве, и обязательно продемонстрирует его работы. Случалось, Дмитрий Максимович разбрасывался, но это разбрасывание, это разнообразие было для Павла «очень интересным».

А вот совсем молодая Елена Викторовна Подзюбан, «читавшая прекрасно» лекции по самым разным предметам, привлекала именно четкостью, строгим следованием плану.

Как «очень хороший преподаватель», остался в памяти и Айдар Абаевич. «Не помню, - говорит Павел, - чтобы на своих занятиях он когда-нибудь был прикован к ксероксам или конспектам». Особенно теплые воспоминания – о рано ушедшем Валериане Георгиевиче Мартышкине, который в последние годы своей жизни был одинок и находил бесценную «отдушину» в живом общении со студентами, приходившими и к нему домой. Он «с первого курса заложил самую важную основу – культурологию (увы, предмет ныне не изучающийся в ун-те Ю.Б.), давал мне свои книги. С ним на Пасху даже в церковь ходили...»

Запомнилась и преподававшая философию Бахитжан Хамитовна Альшанова. Владением предмета и тем, что, именно следуя ее заданию, прочел Бердяева и Владимира

Соловьева. И, опять-таки, заметьте: задание заданием, а всякий ли следовал тому, что задавалось?

Для Павла же это было естественным. Он увлекся книгами, к покупке которых потянулся после лекций Дмитрия Максимовича. Из своей не слишком большой стипендии, которая сначала составляла 1800, а затем и 2200 тенге (тогда и цены были совсем иными), на покупку книг выделял до половины. Средняя цена добротной книги тогда была 300 – 400 тенге. Что-то покупалось в магазинах, что-то – на развале в Толстовке. Именно там приобрел философские словари и... «Былое и думы» 1938-го года издания. Что-то до сих пор не прочитано.

Да и каталогов дома нет. Так что, бывает (как и у меня самого), легче взять книгу в библиотеке, чем отыскать ее дома. Ну что ж, это – нередкие издержки увлеченности...

Что касается подступов к собственно творчеству, то они начинались со студенческих конференций и курсовых. Темы тут были самыми разными. На первом курсе, в соответствии с тем, что изучалось, курсовой стала «История пунических войн». Собрав все, что только мог, написал за зимние каникулы страниц 120. От себя добавлю, что по объему это кандидатская диссертация. Правда, оценивавший работу преподаватель никак не хотел ставить выше четверки. Но тут, хотя Павел и не помнит, чтобы спорил когда-нибудь из-за оценок, вмешались другие педагоги и работа, все-таки, была оценена на отлично... На втором курсе без особого интереса, но добросовестно написал про «Гидрографический режим рек Костанайской области», на третьем – о «Колониализме, как факторе развития Костанайской области». На четвертом же курсе темой курсовой стал «Неофашизм в Италии после Второй мировой войны».

Учился упорно. Каждый день до 19 часов в библиотеке. Час отдыха и чтение дома. Часто и ночью. Не столько для семинаров, сколько для себя. Сами собой стали вырисовываться сплошные пятерки. «Просто непонятно было: и как это я с троек перескочил на пятерки», - роняет Павел. Даже математику, с которой в школе были нелады, и ту умудрился

сдать на отлично. «И как меня угораздило сдать ее на пять?» - «Повезло». Что ж, без везенья не обойтись ни на экзаменах, ни в спорте. Но и готовился-то Павел к этой математике отчаянно, целый месяц перед сессией, отдав именно ей.

Подошло время написания дипломных работ. Обратился к Еркену Аманжоловичу Абилю. Вместе остановились на предложенной самим Павлом теме «Роль суфизма в общественно-политической жизни (средневекового) Казахстана...» - вплоть до конца 17-го века. Об Абиле спокойно, как о чем-то совершенно естественном говорит: «Он, как творческий генератор идей. Просто бесподобен. Да и вообще без окружавших людей не было бы и меня, нынешнего».

Правда, с самой защитой возникли сложности. В огромной мере, чисто технические, но стоившие волнений. Научный руководитель с кафедры истории Казахстана был переведен на кафедру истории всемирной и формально, вроде бы, уже и не мог руководить работой по истории Казахстана. Так, перед самой защитой Павел не обнаружил себя в списках. Но и тут вмешался «человеческий фактор». Декан Иван Кондратьевич Терновой не только дал добро расстроенному Павлу, но и сам председательствовал на комиссии.

А ведь были сложности и иного рода. Обострилась «проблема с глазами»: отслоение сетчатки. Операцию сделали в Челябинске. Но и здесь Павел остался верен себе. «Попутно зашел на истфак», но продолжение учебы в России оказалось связанным с чисто техническими сложностями. Так, в 2005 –м году поступил в магистратуру КГУ, где акценты делались на самостоятельной работе, основанной на уже «имеющемся багаже». Темой магистерской диссертации стала «Этноконфессиональная политика Российского государства по отношению к мусульманским народам Северного Казахстана».

Закончив магистратуру, сразу же начал работать в костанайском филиале ЧЕЛГУ. Чего только не приходилось и не приходится здесь вести! Семь предметов из самых разных областей знания; чуть-чуть философию, концепции

современного естествознания, историю России (один год), основы научных исследований, а с 2013 г. и культурологию, которая в ЧЕЛГУ еще сохранена.

По самому своему духу Павел скорее «кабинетный ученый», исследователь, а не преподаватель и тем паче – трибун. Но удачные занятия, как и у любого живущего работой педагога, согревают. «Вот вчера на «Основах научных исследований» удалось сочетать и собственный рассказ, и работу студентов. Вообще, когда остается время, я стараюсь рассказывать что-то интересное о самих ученых». А этим «интересным» сам Павел буквально переполнен. Но студент есть студент. Особенно сегодня, когда столько метаний и в жизни, и в подходах к истории, а книга все реже становится желанной гостьей в руках «типичного» молодого человека. Вот и рождаются перлы – по сути изюминки для тех, кто когда-нибудь возьмется за изучение нашей сегодняшней культуры. На вопрос «Кто такой Герцен», будущие менеджеры отвечают: «Партийный деятель». А на, казалось бы, совсем детский вопрос, откуда название улицы Бородина, звучит ответ: «В честь Бородинского сражения». И что ж тут удивляться? – О Бородинском сражении можно слышать постоянно, тогда как кто из молодых может знать, что гремело когда-то в области, да и не только, имя Первого секретаря обкома партии Бородина? – Как, все-таки, быстро-летна известность власть предержащих! Многих ли губернаторов, эмиров и беков иных времен вспомним мы сами? – А ведь для молодежи двадцатый век – уже век минувший.

Правда, есть и классика. Взять хотя бы Ивана Сусанина, колоритного героя оперы Глинки «Жизнь за царя». Кого и куда он завел в темный лес? – Молчание. Видно, лес и в самом деле был слишком уж темен. Но вот один студент, особенно одаренный, вспоминает: «Да был мужик, французов завел...» Потом поправляется: «Ну не французов... шведов»...

И грустновато, и занятно, и поучительно.

И все же Павел в первую очередь ученый в самом прямом и полном смысле этого слова. Уже учась в аспирантуре он опубликовал 15 статей (для сравнения: для защиты кандидатской диссертации в советские годы аспиранту

требовалось до двух-трех публикаций. (У меня самого было пять, что считалось более, чем достаточным). Много самых разнообразных работ публиковал и в первые годы после окончания магистратуры, так что к тридцати годам научных публикаций оказалось около 60. Писал на разные темы. Были даже статьи по интеллектуальной истории, публиковавшиеся Обществом интеллектуальной истории при Институте Всемирной истории в Москве. в которое Павел вступил в 2008 г. Писал даже по русской религиозной философии (Достоевскому, Соловьеву), о которой много и с интересом читал. «Сейчас так не разбрасываюсь, - добавляет Павел, - и публикую три-четыре статьи в год». Зато, можно добавить за него, в солиднейших научных изданиях.

Но публикации – это только вершина айсберга. Основная же работа ученого в библиотеках и архивах. А тут даже в век интернета не усидеть на месте. Приходиться выезжать. Первой такой поездкой за пределы Казахстана стала поездка в Екатеринбург в марте 2008 года. За ней последовали и иные. Обучающие семинары в киргизском Бишкеке и турецком Измире, где очень многое давалось на русском языке. Замечательные занятия со специалистами мирового уровня в уже казахстанской Алматы. А затем... Голландия, где Павел оказался в феврале 2011 года. Руководителем же его стал всемирно известный исламовед Михаэль Кемпер.

Воспоминания о Голландии остались самые светлые. Жил в Амстердаме, в отдельной комнате в студенческом общежитии. Кроме того, для него было выделено специальное рабочее место в университете, с Интернетом и всем полагающимся. Плюс – неограниченный доступ в библиотеки, книги из которых можно было брать с собой. Работал при «Факультете изучения Восточной Европы», где русский язык был одним из главных. Но, конечно же, очень пригодился и освоенный Павлом английский, помимо которого Павел освоил чтение татарского, и казахского в арабской графике (изучает и арабский) (2, с.12)

Люди в Голландии приветливы. На различия в одежде и облике не обращают внимания. Жизнь размеренная, не видно суеты, «высокой озабоченности». Ходить по улицам

(вспомните случай в Костаная) можно спокойно в любое время суток.

Нет там обилия билбордов. Не слышал Павел и «пищалок» для незрячих, вроде тех, коими утыкали центр Костаная.

А вот научный уровень высок. Могут работать с языками и текстами с утра и до десяти вечера...

Интересной и полезной оказалась и совсем недавняя – лета 2014 –го – поездка в Венгрию. Миллионник Будапешт выглядит очень компактным. По крайней мере, Павел везде мог пройти пешком. Запали в памяти хорошо сохранившаяся часть старого города и музей с залом тоталитарных режимов, где размещены экспозиции, посвященные нацистской Германия и СССР, которые тем самым как бы «поставлены на одну доску». В том же музее и отдельный зал холокоста, посвященный жертвам германского нацизма.

Не совсем понравилось (и это мягко говоря), то, что где угодно люди без определенного места жительства: и в парке, и на улицах, и в метро. Некоторые даже со своими собаками...

Но главное и тут – расширяющиеся горизонты познания.

Как видим, «современный Паганель» во всем, что касается науки и очень практичен, и активен. Он не только окунается в глубины библиотек, но и действует, сам ищет научные контакты, и уже затем его приглашают к участию в солидных научных изданиях и проектах. И это, наверное, тоже знак времени. Как всегда непростого, а в чем-то и куда более непростого и нелегкого, чем сравнительно недавние времена. Но не зря же сказано: «Ищите и обрящете». Павел из тех, кто ищет. И обретает. Прежде всего, знания, общение с титанами современной научной мысли в той сфере, в которую он погружен, что уже само по себе дает возможность включиться не в «местечковую», а подлинно мировую науку. А успехи или то, что ими принято называть? – Они вторичны. Даже с защитой диссертации Павел по нынешним меркам не очень спешил. Для настоящего ученого главное – не форма, не регалии, а суть того дела, которым он увлечен. И, перефразируя известного юмориста, можно было бы

сказать, что пока есть такие люди, слухи о смерти современной отечественной науки «сильно преувеличены» ... Если б только не в меру ретивые чиновники не мешали тем, кто может и желает работать.

Время идет, и за время минувшее со дня появления этих заметок, Павел, как и герои иных очерков, добился немало. Так, он побывал не только в Венгрии, но и в Японии. Но это уже темы для отдельного разговора.

Литература

1. Круглова Л. «Пергаменты не утоляют жажды...» - КН, 15 сентября 2005 г.
2. Аронова Д. Павел Шаблей: «История необходима, потому что дает обществу идеалы и ориентиры». – КН, 25 сентября 2014 г.
3. Шевченко С. « В Амстердаме изучают казахстанский ислам...» - КН, 21 мая 2011 г.
4. Маренинова В. Павел Шаблей: «Переселение татар и башкир способствовало формированию мусульманских общин в Казахстане». – Костанай- АГРО, 23.05.2013., с.16.
5. Шевченко С. Сегодня тоже началась война. – КН, 23 июня 2012 г., с.6.
6. Шаблей П. Государственная политики и реальная жизнь уммы. – в кн: Ислам на краю света. Истории ислама в Западной Сибири. – Москва, 2015, стр. 9-164.
7. Шаблей П. Распространение накшбандийа-муджадидийа в Казахской степи в XIX в кн: Суфизм и мусульманская духовная традиция: тексты, институты идеи и интерпритации. – СПб, 2015, стр. 227-239.

Приложение.

Голландия глазами молодого казахстанца.

(Из беседы С.Шевченко с П.Шаблеем. -- КН, 21 мая 2011 г.)

«В университете Амстердама работает один из крупнейших востоковедов, Михаэль Кемпер, поэтому, - говорит Павел, - именно тогда я решил поехать, выиграв грант... Сам

профессор Кемпер регулярно бывает в Казахстане и помимо гостепреимства не устает удивляться отсутствию в сознании казахстанцев национальных конфессиональных барьеров, негативных стереотипов. А в апреле на одной из публичных лекций моим соседом «по парте» оказался голландец, бывший наблюдателем в Астане на президентских выборах. От нашей столицы он в восторге, хочет приехать еще раз, чтобы более детально ее осмотреть. Сейчас голландцы тоже учатся вести межкультурный диалог, ведь примерно треть жителей столицы – выходцы из африканских стран. Поэтому Нидерландам очень интересен опыт других многонациональных государств.

Вообще, мы недооцениваем тягу европейцев к традициям. Кстати, в воскресенье большинство голландцев посещает церковные службы. Но и исламом они интересуются серьезно. Например, в здании церкви XVI века, которое сейчас используется как музей, прошла выставка исламского искусства. И не было никаких нареканий, споров, возмущений. На факультете истории многие голландцы учат восточные языки.

А как вообще живет университет Амстердама?

- Дух свободы в нем очень ощущается. Как вольнослушатель ты можешь свободно зайти на любую лекцию. (Думаю – это черта не только Голландии. Во второй половине семидесятых, будучи стажером-исследователем МГУ, я мог также совершенно свободно посещать любые лекции самых маститых ученых Ю.Б.). Профессора ведут себя очень просто. Студентов не «строят», хотя те порой этого заслуживают. Многие занятия с мультимедийными технологиями превращаются в настоящий университетский пикник – иногда даже с вином... Основная работа профессора – научные исследования, а потому они ведут всего два-три занятия в неделю, остальное время проводят в своих кабинетах за компьютерами, в библиотеке, которая только в семиэтажном здании истфака занимает два этажа. А специализация у преподавателей очень узкая: к примеру, по истории СССР один отдельный человек читает курс по сталинскому времени. По XIX веку он специалистом уже не считается».

Звенья одной цепи Русина Г.М. и Русин Л.И.

РУСИНА Г.М.

Галина Михайловна Русина – та, кто оказался у истоков самого раннего по времени своего появления национально-культурного клуба «Сударушка». Колоссальную поддержку в ее увлеченной и разнообразнейшей работе в годы своей жизни ей постоянно оказывал ее супруг, в последние десятилетия более всего известный в городе, как директор художественной школы – Леонид Иванович Русин.

Брызжущая энергией и буквально «комсомольским задором», пенсионерка Галина Михайловна несмотря на проблемы со здоровьем кажется гораздо моложе тех лет, которые словно по какому-то недоразумению отмечены в ее метриках. И эта фонтанирующая энергия, эта готовность с головой уходить в дела – наверное, главная черта ее непростой, но такой богатой жизни.

Родилась Галина Ивановна буквально накануне Великой отечественной войны – в 1940 году. 24-го мая в рабочем поселке Корсун Ульяновской области, получившим позже статус поселка городского типа. В том самом Поволжье, в котором десятилетиями было, если не голодно, то голодновато.

Корсун – место работы ее отца. Отец имел образование экономиста, по ее словам, и по тем временам был высокообразованным. При этом был он офицером и работал в военкомате. Мать же имела четыре класса церковно-приходской школы. Да и какое уж тут образование, если, судьба распорядилась так, что она, одна из пяти сестер «на выданье», в 18 лет «высочила замуж» за будущего Галининого отца? Но вот матерью оказалась хорошей. Повезло Галине и в том, что ее отец не пил и не курил. Даже на фронте свои «законные фронтовые» отдавал. Не курящими и практически не пьющими оказались и будущий муж Галины, и ее сын. Что это за «везенье» в полной мере могут оценить лишь те, кто в своей собственной личной жизни вплотную сталкивался с обратным.

С началом войны отец оказался на фронте. По ее воспоминаниям, как человек, сведущий в экономике, в должности интенданта. Тоже очень непростая работа. Галине Михайловне запомнилось, как однажды школьницей она учила стихи про Ржев; и отец, который, как и многие из фронтовиков не любил рассказывать о войне, тут неожиданно сказал: «Я ведь Ржев освобождал». Освобожденный город был целиком разрушен. Отцу же, как интенданту, нужно было в этом разрушенном городе обеспечить бойцам и построй, и питание. Задача головомная.

Самой же девочке война почти не запомнилась. Была слишком мала. Разве то, как мама однажды несла ее, кроху, в больницу. Было так, что очень недоедали, хотя девочке и полагался паек. И вот однажды, когда взрослые отлучились, она добралась до «взрослых» лепешек из лебеды и иной смеси, не слишком подходящей для детского животика. Вот и пришлось ее, орущую благим матом, «бегом» тащить к врачу.

Правда, ее семью, как и многодетную семью, в которой рос мой собственный отец, выручали переводы денег с фронта. Но, судя по иным из сохранившихся документов, не всегда это удавалось. Один из них – пожелтевшая «почтовая карточка» - открытка: «Здравствуй Маруся и дочка Галя... Я послал тебе денег 500 рублей...» Но «в этот месяц я тебе денег не вышлю. Ввиду того, что были расходы: за нижнее (белье) 250 р., за сапоги 75 р. за брюки 75 р, за гимнастерку - 50 р. И за питание стали удерживать 200 р. В следующий месяц вышлю...»

Но, так или иначе, а войну пережили, и послевоенная демобилизация отца запомнилась, как великая радость. А тут и время учебы в школе подошло. Семилетку Галина закончила в одной из школ поселка, а с восьмого по десятый включительно училась уже в другой. И случилось так, что с самых первых школьных лет влюбилась в литературу, да так и сохранила эту любовь на всю свою жизнь, оказавшись одной из тех счастливиц (и счастливцев), которым удается посвятить себя тому, что любишь.

Училась Галя хорошо. Но математику не особенно любила. А вот литература ее зачаровывала. Так же, как и самая первая учительница в младших классах, казавшаяся старенькой Анна Ивановна. Учительница вообще виделась богиней, и целым потрясением стало, когда однажды маленькая девочка увидела учительницу, идущей ... в туалет. Вернувшись домой, взхлеб делилась увиденным: «Мама, оказывается и учителя ходя в туалет!»

Но ореол остался. Наверное, сохранить его помогала сама атмосфера школы тех лет. И уже малышкой Галина страстно захотела быть именно учительницей, и ни кем иным. Еще бы! – «На учительницу все смотрят. Ее все слушают». Она своего рода повелительница. «Видимо, уже тогда во мне были задатки и тяга к лидерству», - с улыбкой вспоминает Галина Михайловна.

Старшие классы тоже оставили ощущение света. Галина была активной пионеркой, а затем и комсомолкой – сразу же комсоргом выбрали. Ее посылали на слеты. С ранних лет она с увлечением читала стихи, и, как считали учителя, очень удачно писала сочинения. Одно из них даже зачитывали в классе. Но это было так неловко, что Галина предпочла слушать за дверью, в коридоре.

Запомнились и поездки. Да и как же иначе? – В четвертом классе «от школы» на грузовике – и в Ульяновск. В театр. Настоящее потрясение! А в пятом – класс возили в Куйбышев (ныне Самара). И снова - «где только не водили!» Особенно памятным стал цирк.

С особым теплом вспоминаются школьные учителя. Правда, советовали они разное. Учительница немецкого советовала непременно учиться дальше иностранному языку. Учительница литературы – русскому языку и литературе. Влюбленная в поэзию Галя выбрала последнее. Да и как могло быть иначе? – Со школьных лет она была активнейшей участницей всех литературных вечеров, организовывала «комсомольские четверги». Сколько было проведено встреч, посвященных одним только фронтовым поэтам!

Но вот поступление в вуз оказалось целой эпопеей. Дело же было так. Школу Галина закончила в 1957-м. «А тут

целина! У нас дома был репродуктор. Как гремел!» Отца же как раз отправили в командировку – отвезти на целинные земли молодых комбайнеров и трактористов. Но в те годы туда попадали и зеки. Обстановка была непростая. Отцу пришлось подзадержаться.

Галина же оказалась еще и по своему практичной. Заканчивая школу, подумала, что именно на Целине поступить в вуз будет легче. В Ульяновске-то пединститут один и конкурсы такие бешеные, что даже те, кто хорошо учился, пытались поступить в вуз по два, а то и три года – с первого раза не удавалось. Из справочника же узнала про «Кустанайский пед». Вот и стала настаивать на переезде родителей на Целину. Те и сами сочли это уместным: Поволжье слишком уж часто недоедало. А тут Целина-такой размах! Так и отправились на кустанайщину. Поэтому, заканчивавшая десятый класс Галина, последний год в Поволжье жила у тетки.

Закончив школу, приехала к родителям в целинное село. И тут все было сделано четко: на лето отец устроил девочку работать на току в селе Жангильды. Справка о работе на Целине очень даже может пригодиться для поступления в вуз.

Справки и прочие бумаги и сегодня в цене. Но обратите внимание на то, что сегодня может быть незамеченным. Справка не была самодовлеющей бумажкой. За справкой, как правило, стояла реальная работа. Не случайно ряд одноклассников автора этой книги, детей высокопоставленных родителей, уходили в вечернюю школу, чтобы параллельно зарабатывать стаж – именно зарабатывать, а не просто получать либо покупать некую бумажку, которая бы, подобно средневековой индульгенции, сулила бы некие блага, правда не в небесном, а в этом мире. Так и Галина свою целинную справку отработывала сполна.

Но вот незадача: вызов из вуза все не приходил. Отец же как-то открыл газету: прием в вузы заканчивается. Что делать? – Галина сама, без родителей поехала в Кустанай.

Приезжает – списки поступивших уже висят. А как же с вызовом? – Она не получила его потому, что по

ошибке его отослали по месту прежнего жительства – в Ульяновскую область. Вместе с растерянным секретарем девчушка ринулась на прием к ректору, которым тогда был К.М.Туманшин. в дальнейшем зав. кафедрой философии того же вуза.

Казалось бы: опоздала так опоздала – впереди еще годы. Но... чего только не бывает! «Уломала», точнее, наверно, своими слезами, распущенными косами и напором побудила ректора пойти на уступки. Тот ей: «Беги, если успеешь, на свой первый экзамен, прямо сейчас!»

Вот так, с корабля на бал, и кинулась туда, где практически завершилась «сдача истории». Но повезло. Экзаменаторы оказались заядлыми шахматистами и увлеченно резались в шахматы. Потому и задержались. Так что абитуриентке позволили вытянуть билет. Вытянула – и от волнения ничего не помнит. Благо сообразила, что есть развернутая программа. А еще и карта – спасительница сообразительных. Так что ответила, а когда дошло до восстания Степана Разина, то даже про расписные челны спела. Ей даже похлопали – экзаменаторы тоже люди. И они не прочь встряхнуться от рутинной нудятины. Правда о том, как отвечать на третий вопрос, понятия не имела. Но сказать об этом не успела. Вот так и получила пятерку по истории.

На следующий же день предстояло сдавать вместе с заочниками сразу три экзамена: сочинение, литературу и русский устно и немецкий. Ночлег нашла в казахской семье у знакомых знакомой матери. Знакомство, особенно по нынешним временам, мягко говоря, не близкое. Но встретили радушно, напоили чаем. А кто из живших в СССР не знает, что такое чай по русски и по казахски? – Это еще и ужин, а для мужчин нередко и кое-что сверх того. Спала же – и это экзотика! – в коридоре на сундуке.

Что касается экзаменов, то они были сданы. Так и поступила на историко-филологический факультет пединститута. Но тут – новый барьер. Едва успела сдать, как оказалось: буквально завтра, да еще в девять утра, сбор для отправки на сельхозработы. А у Гали-то и было с собой лишь то, в чем приехала. А надо бы и одежду, и

кое-что еще из дома взять. И тут – целая одиссея, но только в бешеном ритме. Поскольку автобусы к селу, где жили теперь родители, не ходили, выбежала на трассу – голосовать. Тогда этого не боялись. Да и повезло. Пожилой водитель ехал в том же направлении. Правда, не до самого ее дома. Поэтому, когда тот ее высадил у Тобола, скрутила платье в узел, узел – на голову, и вплавь через реку. Платье все равно намокло. И, переплыв реку, прямо в мокром платье четыре километра «бежала» домой. Прибежала уже ночью. Мама срочно принялась собирать, что надо и печь. Отец, благо должность позволяла, выписал местному водителю путевку в Кустанай (в райцентре дела всегда найдутся) и дочь утречком, к назначенному сроку оказалась в институте. Но, как это у нас нередко водится, можно было обойтись и без такой стремительности. Транспорт для отправки к месту сельхоз работ прибыл лишь под вечер. Так что просидели, его ожидаючи, целый день. Песни пели.

Когда же началась учеба, то в институте нравилось все. Вся студенческая жизнь. Тем более, что в город попала. Единственно, что было не по душе чистейшему гуманитарии – это изучение комбайнов и машин. «Ну, обучаться на медсестер, как она думала, - это еще в жизни может пригодиться. Но зачем нужны были нам, литераторам, комбайны?» Но, что поделывать, у Целины была своя специфика.

С учебой оказалась слита и ее личная жизнь. В 1961 году, еще студенткой вышла замуж за студента того же вуза, хотя и другого факультета, Леонида Ивановича Русина, человека, чье имя в Кустанае со временем стало легендарным. Но тогда кто ж мог это знать? Да и спешное замужество как-то не слишком прельщало: мечталось о поездках, бурной жизни. Поэтому, когда будущий супруг сделал Галине предложение, она так ему об этом и сказала. Тот, ожидавший, что его предложение будет принято «на ура», поначалу даже обиделся. Но вскоре примирились, и Галине было обещано, что путешествия ее не минуют. И свое слово Русин сдержал.

Поскольку же семейная жизнь, да еще и новорожденный ребенок, не всегда способствуют блестящей учебе, то

госэкзамены сдавались уже постольку, поскольку, вообще, было до них: Галина сдавала. а супруг с живым сверточком – крохотулей дочкой ожидал под дверями.

При распределении же, по своему повезло. Намеревались направить в Садчиковку, еще и уговаривали: «Там сады», на что Галина думала: «Я что. на садовода училась?». Но одна из отличниц сама предложила поменяться. Так, уже Галина Михайловна попала в школу-интернат номер три. Правда, не учителем литературы, а воспитателем – перспектива, явно не устраивавшая девушку, предложившую обмен: « Я что им в интернате трусы буду считать?»

Но для Галины Михайловны и это было удачей. Правда, поначалу уроков было только шесть в неделю – совсем мало. Но - прошелестели бумагами проверяющие, занятия Галины Михайловны всем понравились, и она стала учительницей литературы на полную ставку. Вот уж раздолье! К тому же стала проводить все школьные вечера.

Прошли годы и годы, а ученики той школы-интерната и по сей день вспоминают Галину Михайловну с любовью, несмотря на всю ее учительскую строгость.

Когда же открывался, гремевший на весь Союз, комбинат костюмных тканей, стали создавать ОПУ – отраслевое профессиональное училище. Там среди предметов была введена производственная эстетика, включавшая и литературу. и музыку, и знакомство с театром и живописью, и правила поведения за столом.

Русина ушла туда. Когда же жизнь в стране начала резко меняться, то после закрытия ОПУ стала преподавателем русского языка и литературы в текстильном ПТУ №16. И всюду, где бы она ни была, из Галины Михайловны буквально фонтанировали энергия и фантазия. Она стала заметной фигурой в области. И не только, как организатор, но и как лектор. Не случайно о Русиной не раз писали в газетах, целая статья – «Воспитывать прекрасное» была посвящена ей в красочном плакате районной организации Всесоюзного общества «Знание». И сегодня поражает неказенность, живость этих публикаций, которые было бы уместно напомнить и здесь. В них отмечено, что, начав

свою работу на комбинате в 1970 г. и будучи со временем не просто рядовым преподавателем, но и заместителем директора по учебно-воспитательной работе, стала выступать с лекциями «В мире прекрасного»: «Трудно найти человека равнодушного к прекрасному. но особенно чутка к нему пора юности, молодости, когда совершается процесс духовного формирования личности. Лекции Галины Михайловны помогают учащимся узнать о творческом пути наших поэтов: Константина Симонова, Роберта Рождественского, Расула Гамзатова, Муссы Джалиля, Сергея Есенина. поэтессы Юлии Друниной. Тематика лекций по искусству очень разнообразна: «Скульптор Вера Мухина», «Композитор Александра Пахмутова», «Природа в творчестве Левитана», «Пейзажи Куинджи», «Эстетика моды», «Творческий портрет актрисы кино Людмилы Гурченко», «Звезды зарубежной эстрады», «Советские вокально-инструментальные ансамбли» и другие.

К своим лекциям Галина Михайловна готовится очень тщательно. Лекции ее эмоциональны, насыщены, она прямо завораживает слушателей. У нее прекрасная дикция, она отлично владеет аудиторией, особенно молодежной. Готовясь к лекции, она прочитывает огромную массу литературы. привозит из поездок книги по искусству, журналы, поэтому в ее лекциях всегда имеются интересные факты. Галина Михайловна Русина ведет большую общественную работу. Несколько лет подряд была председателем местного комитета училища, ... организует в училище лектории «Школа здоровья», «В мире прекрасного», «Университет правовых знаний». В училище руководит дискоklubом» (1, 2.с.2)

Не удивительно, что в 1989 г. Русина, с ее колоссальным жизненным потенциалом, оказалась среди тех, кто стал депутатом местного Совета народных депутатов(3).

Но активный – это еще и равнодушный, это и тот, кто нередко острее других подмечает и чувствует и «мелкие» недостатки (4), и боли времени. Отсюда и публикации самой Галины Михайловы. Острые и нелицеприятные. Тем более, что и депутатом-то ей довелось быть в переломное и для

огромной страны, и для сотен миллионов людей, время. Вот одна из этих публикаций, подписанная Русиной, как депутатом горсовета и вышедшая 29 мая 1991 года под горько-пророческим названием «Все для богатых?»: «Не нужно быть академиком. чтобы понять: реформа цен – это всего-навсего их многократное повышение, а компенсация оказалась насмешкой. По нынешним ценам хватит только на богатых.

Установив немислимые цены на детское питание, обувь, книжки, тетрадки, ручки нас родителей, дедушек и бабушек даже не освободили от пятипроцентного налога на этот товар. Заложниками оказались дети. Плачут, просят мороженое или лимонад в магазине, а раздраженные, издерганные мамы на ходу отвечают: «Это дорого, у меня деньги только на хлеб».

Показательная картинка. Но этим автор статьи не ограничивается. «Пища телесная» для нее неотделима от «пищи духовной». И вот уже Галина Михайловна размышляет о том, что в часы дневных сеансов почти пустуют кинотеатры (а их тогда в городе было множество). Так почему бы раз в месяц не демонстрировать для детей бесплатно хорошие фильмы, предварив их добротной рекламой? Почему бы здесь не использовать благотворительность? (5)

... Неумная энергия Русиной нашла свой выход и в удовлетворенной жажде к путешествиям. Ей удалось побывать и в Германии, и в Чехии, и в Швеции. («На комбинате при СССР профсоюзных путевок было, как говорили: «Попой греб!»)... Но на особом счету – Польша. Невесткой оказалась полячка. И сегодня сын ее и внучка Яночка – граждане этой страны. Живут они в Гданьске. Для Европы Польша страна небогатая, но в сравнении с другими странами, уже Европы Восточной в Польше живут неплохо, и как страна, Польша Галине Михайловне очень даже приглянулась. В общении с обычными людьми не почувствовала никаких проблем и никакой неприязни к русским. Как очень хорошее, дружественное отмечает и отношение поляков к сыну на месте его работы: ценят трудолюбие и мастерство, а не национальность. Такие вот ее личные наблюдения...

И нет ничего удивительного, что, выйдя на пенсию, Галина Михайловна просто не могла остаться без дела и без общения с людьми. Так вот, в нелегкие девяностые и появился клуб пенсионерок – «Сударушка», первый из трех клубов, пустивших свои ветвистые корни в филиале №3 городской библиотеки, что на КСК. Сама Галина Михайлова подумывала о другом названии - «Славянка». Но так сложилось, что закрепилось «Сударушка», и сегодня оно воспринимается, как очень даже уместное. Девиз клуба – броский вызов времени:

Ни шагу к старости!
Ни шагу к горести!
А только – к радости!
А только – к бодрости!

Конечно, в жизни бывает всякое, а годы не обманешь. Но и настрой значит очень и очень много. Настрой же – боевой. Как писала Оксана Лукаш в своей, посвященной пятилетию клуба, статье «Эх, сударушка!», здесь есть и «негласный девиз – в его члены принимаются исключительно старушки оптимистки, с веселым нравом и чуждые склок и скандалов. Возможно, поэтому здесь всегда так красиво и уютно».

Всю свою неиссякающую фантазию и огромный опыт прежней работы Галина Михайловна использует и здесь. Тут и романсы, и викторины, и совместные культпоходы в театр, да еще и с общими фото. Ну и, конечно же, общие праздничные торжества, общие дни рождения. «Вообще почаевничать в клубе обожают. Всякий раз встречи в клубе заканчиваются чашкой чая с бабушкиной сдобой и обменами рецептами. А начинаются эти встречи всегда хорошей песней».

Русина, как замечает корреспондент, «большая выдумщица. Кроме всевозможных серьезностей, в клубе существует масса ... забавных поводов для свиданий. К примеру, 1 апреля в «Сударушке» проходит праздник «Вход-анекдот». И чего тут только не бывает! Иногда история из жизни оказывается сродни анекдотичной ситуации». А кто не знает что, смех и общение с близкими по духу людьми лечат? так что «Сударушки» по праву «называют свой клуб «пенсионерским лекарством» (6, с.4)

Недаром люди творческие с большой охотой шли и продолжают идти на встречи в клубы этой библиотеки, а известный не только в области поэт и переводчик Абдурахман Досов шутливо назвал себя придворным поэтом – поэтом при дворе Галины Михайловны. А бывшая наша землячка Инна Клименко вспоминает супругов Русиных и опыт «Сударушки» в своей книге, вышедшей в 2010 г. в Санкт-Петербурге (7)

Русин Леонид Иванович.

Сама же Галина Михайловна с болью и нежностью в голосе вспоминает ту поддержку, которую при всей своей занятости, оказывал в годы своей жизни ее супруг - Леонид Иванович Русин. Ее ровесник, выросший сиротой после гибели отца на фронте Великой отечественной, он был человеком разносторонне одаренным. Как и супруга, родился он в 1940 году. Родился в нашей области. Но так сложилась судьба, что школу закончил в поселке Аксай области Ростовской (Ростов-на-Дону). Здесь же в годы ученичества осваивал азы искусства в художественной школе. Позже его старший брат поехал на Целину и обосновался на станции Тобол. За ним потянулся и Леонид. И уже отсюда поступил учиться в Кустанайский пединститут, на редкий для юноши факультет «Методика начального образования». Женился, как Вы уже поняли рано, и, чтобы содержать семью, весь отдавался не только основной работе, но и тем, что у нас называется «подработками». Тут-то оказалась очень кстати его многогранность. Главным же его детищем стала открытая в 1983 году Кустанайская художественная школа. Он был и ее первым директором.

Но неутомимый в работе, в жизни он был человеком мягким. Как с самоиронией вспоминает Галина Михайловна, которая, как это нередко случается, была реальной главой семьи, сын как-то разоткровенничался и сказал отцу: «Я в детстве маму боялся больше, чем тебя». На что отец полушутя ответил: «Я ее тоже боюсь». А если всерьез, то и в работе они с женой органично дополняли друг друга. Как и жена, он, отличник народного образования, отличник не

только «по форме», то есть по официальному признанию, но и по сути, был любимцем своих учеников. Вот что писали о нем ученики:

«...Мечтатель по натуре, Леонид Иванович учит и нас мечтать. на уроках истории искусств мы совершаем увлекательнейшие путешествия в «страну искусства»... Добрый и в то же время строгий, требовательный и целеустремленный, фантазер и выдумщик, он поражает своей жизненной энергией. Ни одна выставка, ни один праздничный вечер не остаются без его внимания и участия... Вместе с нашим Леонидом Ивановичем мы поем, танцуем. участвуем в конкурсах. И даже сочинили про него частушку:

В нашей школе есть директор.
Очень симпатичный.
Очень добрый и веселый.
Он – демократичный!

Мы любим и уважаем нашего директора и очень ценим его заботу о нас. Леонид Иванович всегда заботится прежде всего о том, чтобы в наших классных комнатах было светло, тепло и чисто. А как он радуется успехам своих учеников! А радоваться есть чему». Лишь за три года «дипломантами международных выставок, проводимых в различных странах дальнего зарубежья стали свыше сорока учащихся СХШ». Свыше десяти из них получили серебряные и памятные медали. А в конкурсе на лучшую эмблему фирмы, проводившемся Германо-казахстанской фирмой «Преко», учащиеся школы заняли все три первые места и получили денежные премии

«Не все из нас станут профессиональными художниками. Но тот лучик тепла, который исходит от Леонида Ивановича все годы учебы в школе, будет долго согревать наши сердца»(8)

Искренние и теплые воспоминания о Леониде Ивановиче оставила и кандидат философских наук, Б.Х.Альшанова, которая, будучи уже взрослой, окончила художественную школу, и не только окончила, а сумела подготовить выставку своих работ в областной библиотеке им.Л.Н.Толстого. По ее словам, «Леонид Иванович сам всегда был примером великого труженика. Он участвовал во всех выставках

школы, перед началом учебного года ежегодно проводил свою персональную выставку. Но основное его предназначение – огранять детские таланты. Надо было видеть, с какой любовью встречали его ребята, как загорались их глаза, с каким вниманием и уважением слушали они дружеские наставления Леонида Ивановича. И директор отвечал им тем же: уважением и любовью... Леонид Иванович Русин был глубоко порядочным человеком, скромным интеллигентом, примерным отцом и прекрасным дедом... он создал самого себя, его помнят и о нем говорят...» (9)

И не только говорят, но и пишут. Известный костанайский автор и человек, который долгие годы знал Русиных, Борис Алексеевич Старшинин в одной из серии своих книг о культуре Костанайщины опубликовал замечательный очерк о Леониде Ивановиче. Живой и информативный. Очерк, с которым в библиотеках города может познакомиться каждый, желающий подробнее узнать об «отце нашей Художки» (10) И как же замечательно, что такие люди, как Русин, оказались причастными к жизни и национально-культурных клубов!

Литература

1. Плакат: «Это их вторая профессия». – Районная организация общества «Знание» Кустанайского камвольносуконного комбината имени 23-го съезда КПСС. – Кустанай, 1981.
2. Нарышева Н. Лектор Галина Русина. – Кустанайский текстильщик, 12 июня 1981 г.
3. Вот что писалось о ней тогда: «... она работает преподавателем русского языка и литературы, имеет высшее образование. Ее трудовой стаж – 27 лет. Щедрая и общительная, энергичная и активная, она охотно и умело передает свои знания учащимся, делится своими наблюдениями и опытом со своими коллегами и друзьями. С желанием занимается общественными делами, является председателем первичной организации общества «Знание», обладает организаторскими способностями. Она – заботливая мать и жена. Среди

коллег и друзей, среди учеников пользуется неизменным уважением и авторитетом». – Кустанайский текстильщик, 7 декабря 1989 г., с.1.

4. Русинова Г. Дождь для нас – беда. – Кустанаец, 9 октября 1991 г.
5. Русина Г. Все для богатых? _ Кустанаец, 29 мая 1991.
6. Лукаш Оксана. Эх, сударушка! – Костанай, 23 февраля 2001 г.
7. Клименко Инна. Усталый менеджер, или Прогулки измирской кошки. Книга-настроение. – Санкт-Петербург, 2010, сс.53 – 64.
8. Учащиеся специализированной художественной школы для одаренных детей. Очень симпатичный, он демократичный. (Наш директор – самый-самый!). – Видимо, газета «Костанай» или «Учительская плюс», без указания даты... с.4.
9. Альшанова Б. Всегда первый. – Учительская плюс. – 24 мая 2013, с.10.
10. Старшинин Б.А. Высокое призвание – быть педагогом. – В кн.:«Душа культуры – культура души». Изобразительное искусство. - Костанай, 2011 г., сс.36-39. Он же в изданной в том же году книге «От рассвета до заката» опубликовал, посвященные Леониду Ивановичу стихи «На юбилей друга». Не обошел своим вниманием Русина и «придворный поэт» А.Досов. Правда, стихи его по доброму ироничные, автор шутливо говорит о том, как, подчас, бывает небезопасно чересчур отдаваться «бурной трудовой деятельности»:

Седой красавец знает, как подъехать.

Землячек много, есть и земляки.

И возраст наш совсем тут не помеха –

Жить бурно всем прогнозам вопреки.

Но одного я, все-таки, боюсь:

Галина Русина барьеры все берет.

Что будет с Вами, Вы простите, Русин,

Коль кто-то Вашу Галю украдет...»

Журналист с душой философа

ШИБАРШИН Е.В.

В конце девяностых Евгений Васильевич стал известен всей области, как ведущий по своему уникальным для нашего региона телепередач: «Обратная связь» и «Ре-Акция». «Обратная связь» стала попыткой анализа новостных сюжетов, мелькавших на экранах «от субботы до субботы», что уже само по себе было интересно. «Ре-Акция» же ворвалась в жизнь своей «интерактивностью», энергичным вовлечением зрителей в разговор, начатый на телеэкране. В этом смысле телевидение тех лет, наверное, было привлекательнее и живее современного. Достаточно тем, кто постарше вспомнить «Рептайм» - своеобразные викторины, которые начинались с телезаданий для всех желающих, а кончались встречами в районе телевизии, где не только состязающиеся, но и весь зал, мог участвовать в игре с призами. Помнится, даже мы с дочкой, как-то выиграли постельное белье. При этом рядовые участники подбирались не специально, а из тех, кто по телефону ответил на вопросы, прозвучавшие с телеэкрана. Так что по всему городу звучали телефонные звонки, знакомые спрашивали друг у друга: «А так ли ...?», будоража и мысль, и память, и оживляя собственную жизнь.

Такой вот, интерактивной стала и «Ре-Акция». Правда, интерактивность ее оказалась иной. На эту передачу с прямым эфиром приглашались самые разнообразные люди - от акима города, сенаторов, депутатов, руководителей разного ранга до священников, представителей мечети, директоров филармонии и бывшего тогда на взлете местного футбольного клуба «Тобол», местных же ученых и педагогов... Поначалу беседа велась с одним приглашенным. Позже с двумя, чтобы те могли высказывать разные точки зрения. При этом (по словам Евгения Васильевича, впервые) телезрители получили возможность не только задавать свои вопросы, но и голосовать за один из трех, предложенных им вариантов ответов. Поразительно, но

бывало, что количество активно включавшихся в голосование превышало либо почти не уступало количеству голосовавших в аналогичных передачах московской телезвезды – Владимира Соловьева.

Правда, костанайскую передачу начинал вести не Евгений Васильевич, но очень скоро она стала его личной и неотделимой для зрителей от образа Шибаршина. И образ этот не растворялся в круговерти образов даже самых именитых ведущих, а в чем-то, при всех несовершенствах, передача особенно импонировала. В чем? – В сдержанности самого ведущего. в его работе на приглашенных, а не на себя, что, увы, нередко можно увидеть на московском телевидении. Не случайно на одной из телепрограмм В.Соловьева, ее участник Евг.Хазанов, выдержав словесный водопад, бесспорно, колоритного ведущего, заметил: «Наконец-то, Соловьев свое соло закончил». Евгений Васильевич на телеэкране никогда не рвался в солисты. Когда я как-то заметил, что это выгодно отличает его от многих маститых, он просто ответил: «Но ведь у меня не так велик круг тех, кого мог бы приглашать. Если я стану забивать других и, прежде всего, демонстрировать себя, то ко мне просто не будут приходиться».

Вроде бы деталь. Но она говорит и о человеке, и о нелинейности шкалы оценок. Оказывается кое в чем провинциальное телевидение, именно в силу специфики провинции, может иметь преимущества перед телевидением столичным. Точно так же, как, к примеру, у автора, пишущего в стол или для узкого круга знакомых, могут зазвучать такие интонации, которых не услышишь у того, кто привык к большой сцене.

Конечно, желательные и так привлекающие зрителя дискуссии «не всегда получались». И было это по разным причинам. Кто-то просто робеет перед экраном. А кто-то, особенно из чиновников и не хотел приходиться, потому что его личные взгляды могли не совпадать с тем, что ему пришлось бы говорить «по чину». Да и работа телеведущего у Евгения Васильевича в прошлом. Но остался опыт. Незаменимый и для анализа того, что мы видим на уже сегодняшних экранах.

В наши дни Шибаршину из массы ток-шоу больше других нравится соловьевский «Поединок» и кое-что на ТВЦ. А вот «на «Время покажет» телеведущий не нравится» – слишком уж вмешивается в ход дискуссий. «Пусть говорят» и подобное смакование «бытовых дрызг» ему неинтересно. Смотреть он предпочитает более близкие ему по духу политические дискуссии. Но при этом «Рожденные в СССР» стали неинтересны. Евгений Васильевич не любит, когда люди творческих профессий начинают «поливать грязью советский период нашей истории». Слишком уж выглядит это «дубово», примитивно. Взять ту же цензуру, вспоминая которую, иные «творцы» так любят стенать.

«Цензура может быть не только официальной. Но и неофициальной. И у каждой – своя мотивация. Сегодня редактора тоже выбирают. Даже исходя из рейтинга, из того, что будет по вкусу так называемому среднему, массовому зрителю. Так что и о чем-то значительном, интересном, могут сказать: «Это не наш формат».

Да и сам творческий человек может ошибаться. Но почему-то у некоторых личные обиды отливаются в политические оценки. Смотришь и думаешь: «Такой умный человек, а так у него глупо...»

Что же касается требований к собственно ведущему и соответствующим программам, то Евгений Васильевич замечает: «Я, может быть, вел себя и непрофессионально, бывал слишком дипломатичен, тогда как на телевидении ценится, когда «режут», когда сталкиваются мнения». Подчас даже скандал. Но, все-таки, какие-то общие критерии есть. Первый – это простой язык. Витиеватость может прятать не только суть, но и ее отсутствие. Как писали на Востоке: «Слова листе подобны, А где она густа, там вряд ли плод таится под сению листа».

«Относительно же поведения ведущего, можно сказать, что его задача – не навязывать свое, а «раскачать», побудить собеседника сказать нечто требуемое, не демонстрируя свои собственные взгляды. Иными словами, «идеальный» телеведущий в чем-то напоминает Сократа с его «майевтикой» или

«родовспоможением»- он помогает собеседнику родить и выразить словами то, к чему подводит нить разговора.

К сожалению, сегодня мы чаще видим обратное. При этом встречаем массу бездоказательных утверждений.

Другое дело, когда перед нами авторские программы, такие, как леонтьевская «Однако» или «Бесогон» Михалкова, который блестяще ведет передачу. Это откровенная публицистика. Мы можем соглашаться или спорить. Но тут они говорят со зрителем один на один. У интервью же совсем иная задача...»

Как видим, перед нами практик, причем практик, думающий, анализирующий и сделанное им самим, и сделанное другими. Причем такой практик, который не ограничил себя теле-и газетной журналистикой, а и выплеснул свои размышления на страницы книг с красноречивыми названиями: «Угар перестройки» (Кустанай, 1996), «Цена свободы» (Тогда же), «Записки соотечественника» - две книги, соответственно 2004-й и 2013-й год. Последние написаны в достаточно оригинальном жанре сплава анекдотов с анализом тех или иных реальных жизненных ситуаций.

Язык Шибаршина живой и острый, временами даже хлесткий, и при этом он в своих статьях и книгах тяготеет к аналитичности, к поискам ответов на вопросы, которые мучают и его самого, и многих из нас. И это не случайно. Евгений Васильевич единственный в области журналист с философским образованием.

Как же это так случилось, что «в одном лице» журналистика слилась с философией? И как сам Шибаршин самой своей жизнью колдовал над этим сплавом?

Все было естественно и органично, хотя жизненный путь Евгения Васильевича, и, тем более, его родителей прямолинейным не назовешь. Отец будущего философа и журналиста был арестован буквально за десять дней до начала Великой Отечественной войны – 12 июня 1941 года. Уже в последние годы благодаря Интернету Евгений Васильевич узнал о книге тайшетских историков о гулаговских лагерях, книге, которая включала и описание отдель-

ных судеб узников ГУЛАГа. Дело было так. Отец его жил в Сибири, в Тайшете. После девятого класса пошел служить в Красную Армию, откуда попал в летную школу. Проучился месяца три-четыре и был взят НКВД по делу тайшетских школьников. Суть же этого дела в том, что еще году в сороковом тайшетские школьники создали кружок юных марксистов. Собирались в библиотеке, где с подростково-юношеской искренностью и горячностью обсуждали жизнь страны. Основной мыслью ребят было то, что, как им виделось, страна отступила от Ленина: сколько лет минуло после Гражданской, а жили голодно-вато, да и финская война казалась непонятной.

Подошло время и детские размышления дали толчок появлению «дела об «антисоветской агитации». Организатору дискуссий дали 12 лет. Отцу же – меньше всех, «только» семь. Так он и оказался в Тайшетлаг, откуда за хорошее поведение был выпущен на год раньше срока. В Тайшете отец познакомился и с будущей матерью Евгения. У матери же была сестра, вышедшая замуж за работника МГБ, и тот как-то сказал отцу: «Василий, уезжай. У нас привычка брать по второму разу». Шибаршины, не медля, последовали совету: снялись и поехали в европейскую часть Союза, откуда были родом их предки. В поезде узнали о возможности получить хорошую работу в Башкирии. Так вот, буквально на ходу Шибаршины изменили свои планы и осели в Башкирии, в городке Октябрьский. Там-то 12-го июня 1949 года и родился Евгений, старший в довольно многодетной семье, насчитывавшей шесть детей.

Правда, в сентябре 1949-го отца вновь арестовали и сослали в поселок Сосновка Кустанайского района. Запомнилось (да и как могло такое забыться?), что директором Сосновского совхоза был отец знаменитого лыжника Ивана Гаранина. Во всяком случае жизнь стала налаживаться. Евгений сначала учился в совхозной школе, а в старших классах ездил в соседний город Рудный, который и поныне славится своими школами. После школы поступил в Славянское авиационно-техническое училище Донецкой области. Мечтал стать летчиком. Но здоровье подвело: страст-

ный любитель футбола, игравший в известных местных командах, Евгений не уберег горло: форенгит. Поскольку же в летчики хотели все, а желающих стать техниками было гораздо меньше, в медкомиссии и наемкнули Евгению, что ему было бы резоннее поступать учиться именно на техника. К тому же и его отец был электриком, освоившим свою профессию еще в Тайшетлаге. Вот абитуриент и «дал слабину»: будучи скорее гуманитарием, пошел учиться на техника-электрика по наземному оборудованию. Одним из аргументов в пользу такого, менее рискованного выбора стало то, что курсанты училища были на полном государственном обеспечении, а Евгений рос старшим из шести детей. Так что и «материальные соображения» значили немало.

Но гуманитарные склонности давали о себе знать. Во время переписки один из знакомых подсказал: «А не пойти бы тебе в журналистику?» - И вот, уже в Кустанае пошел в школу рабкоров («рабочих корреспондентов») при «Ленинском пути» (ныне «КН») Но писать репортажи о передовиках ему было неинтересно. Поэтому поехал поступать на филфак в МГУ, перечитав уже взрослым многое из классики, которая школьником воспринималась совсем иначе. Однако, когда приехал, почувствовал, что в сравнении с другими слабоват в иностранном языке: в школе учил один язык. в училище другой. Так и забрал документы. Но поездка не прошла даром. Купил в Москве «Краткий очерк истории философии». Позже стал покупать и другие книги: Юма и иных... Хотя в то время их еще практически не читал. Но что-то запало в душу. К тому же в аэропорту стал работать секретарем комитета комсомола.

Так вот и выбрал местом дальнейшей учебы философский факультет Уральского университета (г. Свердловск), который соответствовал и характеру работы, и характеру самого Шибаршина.

Одним из откровений в годы учебы стали лекции немолодого преподавателя о культуре. Казалось бы, все просто. Ведь говорим же мы: «Этот человек культурный, а

этот -нет. Это – культура, а это – антикультура». И вдруг на занятиях прозвучала мысль, что культура – все, что создано и создается человечеством: и хорошее, и плохое, и «так себе».

Тут можно было бы сказать, что это же азбука культурологии. Но недаром на Востоке родилось выражение: «Учитель появляется тогда, когда ученик к этому готов». Евгений Васильевич оказался из тех учеников, в которых сказанное пробуждало собственную мысль, а, вроде бы и банальное, подталкивало к самостоятельным размышлениям. А это ли не подарок для педагога?.. И не говорит ли уже этот маленький штрих о том, что факультет был выбран удивительно точно.

Позже Шибаршин работал заместителем командира летного отряда по воспитательной работе, а с 27-ми десять лет проработал секретарем парткома. В этот же период два года был почасовиком, преподавая философию в пединституте.

Позже оказался в горкоме партии, где и проработал до 1991-го года. После этого один год, уже будучи в штате, преподавал в пединституте. Но договор был лишь на год.

Затем какое-то время «занимался политикой». Что же касается журналистики, то заметки в газеты стал писать, еще работая в комсомоле. В годы перестройки, по собственным словам Евгения Васильевича, у него стали появляться «статьи с претензией на аналитику». При всей присущей ему мягкой самоиронии статьи были не только «с претензией», но и с аналитикой, причем живой, написанной хлестко и не академично. Но для него самого стало главным - не стиль, не сам язык, а желание, излагая нечто, понять суть, стремление, сохранившееся и по сей день.

Это оказалось интересным не только для самого Шибаршина, и в 1993 г. тогдашний редактор газеты «Кустанай» Лев Николаевич Лузин пригласил его работать к себе. При этом Шибаршин «немного» работал и собкором в «Республике». Потом был редактором рудненского «Твоего шанса» и даже издавал с коллегами газету социалистической партии «Трибуна», которая, правда, как и многие другие газеты области, просуществовала недолго.

Работая на телевидении, писал и колонки для становившейся тогда особенно популярной «Нашей газеты».

Работая в газете, он оттачивал и умение не только писать статьи в колонки, аналитические обзоры, но и брать интервью, вести круглые столы, посвященные особенно забористым, злободневным темам. Конечно, не все было идеально, но Евгений Васильевич оказался в числе тех представителей своей профессии, которые, слушая других (а это особое искусство!) стремятся не только передать суть, но и специфику, колорит речи и сам образ мысли собеседника, что по силам далеко не каждому.

Ну и, конечно же, публицистика – это и своего рода драка, бой за то, что видится значимым. И только ли самому автору? – В скользкие девяностые одна из статей Евгения Васильевича повлияла на судьбу аэропорта, который мог осесть в частных руках так, что «скорее всего от него ничего бы не осталось».

При этом с конца 90-х Евгений Васильевич несколько лет проработал директором Центра поддержки демократии (в НПО г. Костаная) и был включен в состав казахстанской делегации из пяти человек (от Костаная был еще В.И.Рубинский) для изучения опыта развития общественной инициативы в малых городах. Во время двухнедельной поездки довелось побывать в Вашингтоне и Нью-Йорке, и еще в городах трех штатов. Особенно запомнились «лунный камень», хранящийся в штаб-квартире ООН, и Вашингтонский музей авиации и космонавтики с аналогом модуля, побывавшего на Луне и подлинником капсулы, в которой астронавты спускались на Землю.

Среди памятных снимков, оставшихся после поездки, фото Евгения Васильевича на фоне печально знаменитых башен-близнецов. Пройдет каких-то сорок дней, и уже, находясь на Международной конференции в Болгарии, Евгений Васильевич вместе с сотнями миллионов людей, находящихся в разных уголках планеты, увидит на телеэкране таранящие их самолеты и трагедию гибели нескольких тысяч человек. Знаменательно, что последняя из серии статей, опубликованных после поездки, но написанная до трагедии, когда автор еще

и не подозревал о ней, тем не менее, называлась «Мир очень хрупок» (опубликовано 13 сентября 2001 года).

Как видим, именно разнообразие сфер деятельности дало Евгению Васильевичу возможность шире взглянуть на мир.

Но это все «работа». А как же увлечения? Среди них, конечно же, футбол, в который, по словам самого Евгения Васильевича, он «играл всю жизнь», мягко заметив: «не так много футболистов, которые стали бы журналистами».

К тому же с 1986 года – уже почти двадцать лет занимается в атлетическом клубе «Самсон», где есть и штанга, и гантели, и тренажеры. Крепкий и при этом сухой Шибаршин замечает, что силой он не отличался (здесь, наверное, уместно было бы добавить: по меркам атлетов), но «для себя это замечательно. Повлиял на выбор «железа» пример Юрия Власова». К тому же атлетика укрепляет не только тело.

Любит Евгений Васильевич и «в земле покояться», просто сажать, быть на природе. Это, добавляет он, – «не увлечение. Просто другой вид деятельности, человека, который занят умственным трудом».

И все же, главные увлечения – то, что связано, слито с основным трудом пишущего человека. Среди них – любовь к добротной литературе. Как уже мы вскользь заметили, Евгению Васильевичу по своему очень повезло. Готовясь к поступлению в вуз, классику он перечитывал уже взрослым. Отсюда – и то ее восприятие, которого просто не могло быть у школьников. Толстовскую «Войну и мир» проглотил буквально за три дня, на одном дыхании. Книга потрясла его. Читая, он словно слышал голос за кадром из уже виденной эпопеи Бондарчука. Вторая потрясшая книга – «Тихий Дон». Она стала откровением, хотя до этого и фильм смотрел.

Позже стала привлекать публицистика. Эренбург с его описаниями поездок по миру. Много читалось иностранной литературы. Особенно запомнился Хемингуэй.

Из поэзии притягивали Пастернак, Маяковский, Есенин, к которому, правда, «пришел не сразу».

А вот современную литературу, по его собственным словам, Евгений Васильевич «не знает вообще». Наверное, это не совсем так. По крайней мере, Акунин и сегодня

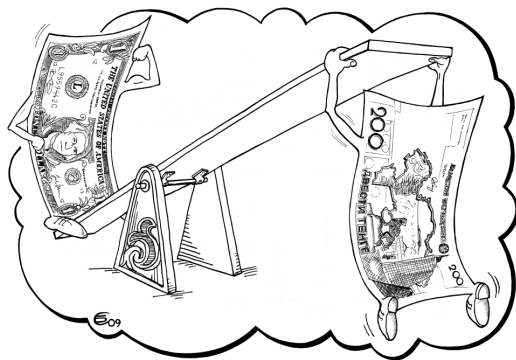

захватывает и своим языком, и текстами. Конечно, и к Акунину можно относиться по разному, но и я сам вижу в книгах, выходящих под этим именем очень любопытное развитие детективного жанра, вплетающегося в социальную философию и реальные исторические события.

А вот в Солженищине Евгению Васильевичу видится литератор довольно средний. Не приемлет он и «фактической стороны» его произведений о Гулаге, потому что цифры, которые из них в свое время обрушились на массового советского читателя сами по себе, хотя и эффектны, но непонятно откуда взяты и на чем основаны.

Зато снова, безо всяких «партийных установок» взялся для самого себя перечитывать... Ленина. С самого первого тома.

Сегодня мы можем по разному относиться и к советскому прошлому, и к «вождю мирового пролетариата». Но тяга к познанию, к поискам истоков всегда достойна самого искреннего уважения. Думаешь об этом, вроде бы, как о банальности, но становится грустно, что сегодняшнему молодому поколению и наша система образования, и Интернет, при всех реальных плюсах, слишком уж явно прививают тягу к «духовному фастфуду», к скольжению по поверхности океанов знаний. И, как, все-таки, значимо, что и сегодня есть люди, тяготеющие к глубине. Ведь пока такая тяга жива «у старших», она, наверняка, передастся и кому-то из молодых. А значит, можно верить, что есть будущее. И у философии. И у журналистики.

Таким лишь и работать на ЖД

ТРАЧЕНКО Н.И.

Николай Ильич Траченко не был педагогом по формальному образованию. Но по склонностям и по талантам он, несомненно, был Учителем, Созидателем и Организатором с большой буквы. В шаткие девяностые, когда, с одной стороны, город стал заполняться заброшенными недостройками, с другой – отделениями и филиалами вузов, плодивших несчетное число юристов и экономистов (специалистов, которые сами по себе в должном количестве тоже совершенно необходимы), он оказался у истоков созданного при «железной дороге» Костанайского «Межотраслевого учебного центра», который сумел сохранить и укрепить. Иными словами, задолго до деклараций и правильно-красивых слов о том, что стране нужны специалисты рабочих специальностей, он на практике стал заниматься непростым делом их подготовки и переподготовки. И при этом Траченко был человеком фонтанирующей энергии (которой, как говорили, хватило бы на пять или шесть человек) и неукротимой фантазии, с творческим, технически ориентированным мышлением. Он сумел одноэтажное старое здание еще «дореволюционной» постройки уберечь от судьбы очередных руин и превратить буквально в «конфетку», в Центр, обеспеченный всеми удобствами (причем далеко не только в расхожем сантехническом смысле) и оснащенный по последнему слову техники.

Каковы же истоки его неудержимой тяги к творчеству, его фантазии, являвшей себя и в крупных делах, и в деталях, на на которое многие другие, может быть, и не обратили бы внимания?

Родился Коля Траченко 11 августа 1952 года на станции Сары-Шаган Карагандинской области. Рядом с озером Балхаш. Неподалеку был расположен и испытательный полигон, который с годами, вероятно, сыграл печальную роль в судьбе матери Николая.

Собственно рождение Николая именно на этой станции стало делом случая. Отец его – Илья Фролович был строителем, а строители, как и военные, могли зачастую сказать о себе популярной когда-то советской песни: «Мой адрес – не дом и не улица. Мой адрес – Советский Союз». Старший сын Ильи Фроловича родился в Тбилиси, а младший – в Миассе. Дочь же от второго брака – в Кустанае.

Сам же Илья Фролович был из рода переселенцев, перебравшихся в Казахстан из России в годы столыпинской реформы и родился уже в Уржарском районе Семипалатинской области в сотне километров от китайской границы (1925 год). Так что торговля с Китаем была делом и практически достижимым, и доходным. Поэтом дед Николая Фрол сопровождал шедшие в Китай обозы. И не случайно. В селе, по рассказам, он был единственным грамотным, к тому же владевшим украинским, казахским и китайскими языками.

Будущий же отец Николая Илья оказался одним из шести братьев и сестер. Он вырос крепким и мощным. Помню, что в детстве он в своем зимнем полушубке казался мне чуть ли не великаном, но уж богатырем во всяком случае.

Правда, для фронта Илья Фролович оказался слишком молодым, но Великая война не миновала и семью Траченко. Воевал его брат, Павел. Причем зигзаги судьбы последнего, пожалуй, были бы достойны иного, лихо закрученного романа. Павел, как и многие из молодых тех лет, поступил в военное училище. Но, случилось так, и, как говорили, к этому была причастна НКВД, что его отчислили. Начинать войну пришлось штрафником. Но уцелел, и к концу войны был уже старлеем (старшим лейтенантом). Что по тем временам, когда чинами и воинскими званиями не разбрасывались, было немало. Достаточно вспомнить, что мой собственный отец со своими ста тридцатью боевыми вылетами тоже закончил войну, а затем и службу старшим лейтенантом. Бывший же штрафбатовец Павел сумел впоследствии закончить и военное училище. Стал полковником, а затем и военкомом в Перми.

А Илья Фролович? Свою срочную службу проходил на турецко-грузинской границе. Там он был ранен и комиссо-

ван. После чего и выбрал стезю строителя. Уже в Кустанае он был начальником отдела снабжения строительного-монтажного поезда 731 СУ 214, который был тогда филиалом Магнитогорского управления. Прожил он 48 лет и ушел из жизни в 1974 году. Из-за болезни сердца, ставшей бичом семьи.

Мать Николая была из рода военных Отец ее – Вилин Николай Тимофеевич возглавлял Тбилисский, а затем львовский военный округ. Родив трех сыновей, она заболела тяжелым онкологическим заболеванием и прожила только 40 лет. Звали ее необычным, но характерным для тех лет именем: Идея Николаевна. И тут вспоминается нечто почти мистическое: моя семья и познакомилась-то с семьей Траченко, когда после смерти супруги Илья Фролович женился вновь (от второго брака и родилась единственная и прелестная девочка). Потребовалась жилплощадь большая, чем небольшая двухкомнатная квартирка в типичной трехэтажной хрущевке. Мы же до этого семь лет жили «на общей кухне» с интернациональной татарско-русской семьей. Вот и разменялись. Нам и нашим бывшим соседям – жилью отца Николая и его новой супруги, а Траченко переехали в трехкомнатную квартиру, смотревшую окнами прямо на вокзал. Обмен естественный. Но когда моя собственная мать зашла в кладовку, то обомлела: там оставался ящик от посылки, предназначенной Идее Николаевне. Так же звали и мою собственную маму. Совпадение редкое... и ошарашивающее.

Вот так мы и познакомились. Поначалу не близко. В школы ходили разные. Знал только по слухам, что еще мальчиками Траченко ухаживали за своей больной матерью. А это вызывало уважение.

Да и у самого Николая не все было гладко со здоровьем. После первого класса из-за туберкулеза шейных позвонков он год пролежал в корсете, после чего фактически заново учился ходить. Но, наверное, у болезней такого рода, которые на какое-то время отгораживают от массы сверстников, да и «от всего мира», может быть и обратная сторона. Утрачиваемые связи с миром внешним подчас

компенсируются развитием мира внутреннего, фантазии. Любопытно, но изучающие мозг современные физиологи замечают, что для таланта (если хотите, гениальности) и просто даровитости значимы не столько размеры мозга и даже не количество нейронов и связей между ними, сколько их характер. Когда исследовали мозг Эйнштейна, то обнаружили, что количество связующих элементов (своего рода белых проводков) у него меньше обычного. Иначе говоря, у тех, кого относят к одаренным, меньше разброса, меньше «засорения», отвлекающего от сути, и больше концентрации в определенных направлениях. Здесь есть над чем, поразмыслить. Но, как бы то ни было, а значимость вольной или (как в данном случае) невольной концентрации мы наблюдаем многократно, о какой бы сфере деятельности не шла речь.

Правда, при этом в самом Николае пульсировало и нечто семейное, может быть в какой-то мере, наследственное. Как вспоминает его сестра, самая младшая из Траченко, «все мои братья были прирожденные технари и интеллектуальные хулиганы. Только старший, Владимир, больше увлекался химией, а средний – Николай и младший из братьев – Сергей физикой и математикой.

Николай же при этом был еще и особенным выдумщиком. В чем-то подобным многим мальчишкам тех лет, которых тянуло смотреть, как взрывается карбид. В чем-то же и куда более оригинальный, хотя, естественно, тоже «в рамках» мальчишеской фантазии. Так, из чистого «научного интереса» как-то провели эксперимент с кошкой, посадив бедолагу в коробку, к которой был прикреплен своего рода парашют – абажур, и спустили перепуганную хвостатую с четвертого этажа, после чего, приземлившись, та прямо с абажуром стремглав побежала от «экспериментаторов».

Эксперименты продолжались и на кухне. Учил младшего брата варить борщ, добавляя в традиционное варево, опять-таки в качестве эксперимента, то клюкву, то чего-нибудь еще этакое, чего не найти ни в одной кулинарной книге.

Да и в школе со всеми своими фантазиями, легко схватывавшие все налету, братья не всегда были удобны

учителям. И что тут скажешь: «продвинутые» в чем-то ученики, бывают столь же нележки для школьного педагога, как и обычные «трудные» лоботрясы. Ведь и они – из ряда вон. Не случайно, сестра Николая Ильича вспоминает, что, когда Елена Павловна, учительница географии, открыв журнал пятого класса, дошла в списке до буквы «Т», то без особого восторга увидела, что опять «Траченко», и добавила: «Слава богу, девочка!».

О множестве увлечений Николая мы еще вспомним. Быть может, при способности концентрироваться в определенные моменты на конкретных задачах, это самое множество и ему, как и другим, достаточно разносторонним людям, в молодости не только помогало, но и мешало. Так, закончив школу, он вслед за старшим братом поступил в Горьковский политехнический институт. Поступить-то поступил, но почувствовал: «Это не мое». Бросил вуз. Пошел работать стропальщиком на железную дорогу. Работа физически нелегкая и требующая концентрации – ведь приходилось иметь дело с тяжеловесными грузами – контейнерами (на ветру и в дождь, и в холод). Но хорошо оплачиваемая. Однако деньги для Николая никогда не были самоцелью: как получал, так и тратил. Купил мотоцикл «Урал» (вещь по тем временам престижная), ездил к морю, к братьям, к деду во Львов.

В семидесятых же, не вспоминая о детских болезнях, ушел служить в армию. В инженерно-технические войска, где был наводчиком мостов, понтонером. Во время службы в армии освоил и сугубо гражданскую специальность: научился класть печи. До того никогда не имел с этим дело, но «почему бы и нет», другие-то делают?

Уже после службы в армии поступил заочно в Целиноградский железнодорожный институт. Но так сложилось, что заканчивал свой вуз уже в Алма-Ате, где и защищал диплом. Кроме вуза с отличием окончил школу марксизма-ленинизма, которая в те годы давала людям думающим и новый круг общения, и пищу для ума, и возможности карьерного роста.

Работал инженером по технике безопасности механизированной части Кустанайского отделения железной дороги.

Потом старшим инженером. В 1976 г. женился. Родился сын Максим, который пошел в отца – и с теми же склонностями, и с похожим разбросом интересов. Сын закончил спецшколу при Новосибирском Академгородке, отслужил в армии, связав свою жизнь с компьютерной техникой. Но это уже веяние нового времени.

Сам же Николай Ильич свою собственную жизнь отдал железной дороге. Его заметил и оценил легендарный на Кустанайщине Б.И.Рубинштейн (1). Какое-то время Траченко даже стал у того замом по труду и зарплате. Но ненадолго. Опять-таки, это было не его. Вот работа инженера – это другое дело!

Заметьте: и в этих деталях перед нами человек, перед нами характер, когда перетягивает не карьера сама по себе, не внешний «престиж», а дело, которое увлекает, дело, в котором ты чувствуешь себя «в свой тарелке». Казалось бы, как все просто. Но сколь многие не могут сказать себе: «Это не мое» и тратят себя, свои годы на нечто чуждое, по сути живут не своей жизнью.

Случилось же так, что еще в 90-м, предпоследнем году существования Союза при кустанайской железной дороге было создано ТОО «Межотраслевой учебный центр. В мае 1991 г. Николай Ильич стал заместителем директора этого хозрасчетного учебного пункта Целинной железной дороги. В силу обстоятельств уже в сентябре того же, драматичнейшего года, стал директором этого центра. Это было время бурления, развала и становления одновременно. Дотаций не было. Приходилось окупать себя самим. Но центр не только выжил, а и окреп, десятилетиями занимаясь подготовкой и переподготовкой кадров СМУ (строительно-монтажных управлений), стропальщиков, операторов газовых котелен, кочегаров-машинистов и т.д.

Таковым он и оставался до конца своей жизни: руководителем, хозяйственником, созидателем-дизайнером и педагогом в одном лице. И при этом человеком, умеющим держать удар, и творческим одновременно. Своего рода – «локомотивом-тягачом». И, конечно же, специалистом с широким кругозором. Близкие называли его «ходячей

энциклопедией». По словам жены, «ночью спроси – на все ответит. Но никогда не принимал, если чего-то не знаешь».

Прирожденный лидер. Лидер не по части мероприятий и вращения в «высоких сферах», а по духу, по заразительности. С детства «был заводилой во всем». Когда же повзрослел, то, бывало, спорившие во дворе мальчишки в качестве последнего, решающего аргумента выкладывали: «А мне сам дядя Коля сказал».

Знаменательно, что фантазия и поиск у него самым естественным образом сплетались с рациональностью. Сам был рационален и при этом учил других рационально использовать время. Выстраивать алгоритмы собственных действий, чтобы не топтаться на месте, не возвращаться к одному и тому же.

В организации рабочего места был «ученым педантом»: вещи и рабочие инструменты: отвертки, резак... все на своем четко определенном месте. И сейчас в его небольшой, но уютной квартирке на пятом этаже стандартной пятиэтажки за зеркалом прихожей – как за потаенной дверцей в каморке папы Карло уютно пристроилась миниатюрная кладовая, где все это пристроено в поразительном порядке (увы, так чуждом автору этих строк).

Этот «педант-выдумщик» проявился в нем и когда он сам строил дачу – сооружение с массой придумок. Здесь, как и во многих иных случаях, расчет и фантазия, организованность и умения шли рука об руку.

Знания и организованность ценил и в коллегах. Новых работников тестировал на эрудицию и нестандартность мышления. Вполне естественно, что играл и в шахматы. Увлекался головоломками, ребусами, кубиком Рубика. Были годы, когда этим кубиком увлекались многие, но не многие могли так, как он, стремительно и виртуозно выстраивать его грани.

«Жуткий книголюб», он поглощал все – от классики до фантастики и научно-технической литературы. Чтение доставляло ему истинное наслаждение. Бывало читает – и смеется. И это не привычный юмор, а... Ландау, «книга по

физике». И как не смеяться, если физика так занимательна, да еще и остроумно написана?

Любимейшим журналом был «Наука и жизнь». А губермановские «Гарики» мог цитировать до бесконечности. Впрочем, как и вспоминать к месту те или иные анекдоты. Но чтение было не самоцелью, а своего рода топливом для собственной мысли, мысли человека с аналитическим складом ума. Его влекли попытки решить математическую либо иную задачу проще, рациональнее.

Не удивительно, что при этом, как преподаватель, он был чужд академизма, стремился к доходчивости и любил повторять: «Умей рассказать о сложном на языке домохозяйки». Поэтому и лекции его, и ответы на вопросы были интересны.

Но, конечно же, он, как и все мы оставался не небожителем, а человеком. С ним можно было бы потолковать и за рюмкой, и за бокалом пива. А его любимой шутливой поговоркой было: «Человек выпьет – становится другим человеком, и этот другой человек тоже хочет выпить». О диване же шутил: «Мой четвероногий друг».

Любил праздники, встречи, ведь и они давали простор для фантазии. Когда доводилось собраться вместе всем трем, братьям разбросанным судьбою по огромным просторам, называл такую встречу «сходкой Ильичей». Обожал делать дорогие подарки...

Был влюблен в технику, любил погонять на машине, в былые годы мог на «Запорожце» состязаться с иномаркой. Правда, мастерство в вождении не стало панацеей от серьезнейших ДТП, в которые он попадал дважды. Однажды это случилось под Челябинском, когда по вине другого водителя авто Траченко буквально вошло в «Камаз», превратившись в одно мгновение в груды металла. И каждому, кто мог хотя бы бросить взгляд на фото этой искореженной машины, казалось чудом, что супруги остались не только живы, но и почти здоровы, если не считать корсета на шее, который после этого почти полгода пришлось носить жене Ирине...

Легко контактируя с людьми, он был при этом всегда независим. Не терпел, когда на него давили, когда ему указывали. «Давить на него, вообще, было нельзя. Любой запрет рождал протест. Еще со школы». Но при всем при этом товарищи его очень любили, называли его: «Наш Васька». Казалось бы, при чем тут Васька, если Траченко от рождения Николай? – Но вспомните басню Крылова: «А Васька слушает да ест», то есть, Траченко, что бы ни говорили, а делает свое дело.

«Лев, родившийся в год Дракона», он и в одежде был самостоятелен. Подбирал сам. Любил все светлое и яркое. Впрочем, при его высокой и стройной, но, пожалуй, чрезмерно худой фигуре выбор одежды не был делом слишком мучительным. А что до худобы, то она, пожалуй, была следствием затяжной болезни – астмы, истончавшей, казалось, сами кости. Болезни, с которой он жил двадцать лет. Но не мешавшей шутить даже в самые драматические минуты.

Внешне напоминавший кавказца, особенно, когда носил эффектные черные усы, вспоминал как забавный эпизод, как однажды, в купе грузин заговорил с ним о чем-то на своем языке и был поначалу возмущен тем, что тот не понимает языка своего народа. А дело было лишь во внешнем сходстве. Сколько подобных занятных сценок бывает в жизни каждого из нас. Да каждый ли вспомнит их, да еще с такой безобидностью и живостью?

Что же до серьезных проблем, то он умел терпеть и боль, и невзгоды, и находить выход из трудностей, которые выпадают на долю каждого руководителя. Впрочем, он не был просто «каждым». В чем-то типичный, в чем-то неповторимый, он был тем, кто не взлетел в свое кресло, а прошел путь от стропальщика до старшего инженера и руководителя учебного центра, то есть тем, кто не из одних только книг, досконально и разносторонне знал то дело, которому учил других.

И опять-таки, наверное, естественно, что один из его старых друзей посвятил ему простую, но искреннюю эпиграмму:

Медальный профиль, прищур Ильича.
Спокоен, точен и т.д.
И никогда не рубит он сплеча.
Таким лишь и работать на ЖД.

Таким он и запомнился, вплоть до ухода из жизни в декабре 2013 года. Таким помнится и сейчас. Своим родным, близким и тем, кому довелось его знать...

Конечно, это очень краткий и поверхностный очерк. Очерк об уходящей натуре. Об одном из тех «совков», над которыми еще совсем недавно было принято посмеиваться, как бы свысока. Но какими же нештампованными и разнообразными, внутренне многогранными были эти люди. Сколь многому можно было бы поучиться у них и сегодня.

Примечания.

1. По словам Бертрана Иосифовича, человека, которого, как профессионала, знает весь Казахстан, «Траченко – один из (его) близких учеников и друзей. Очень скромный, уважающий и уважаемый человек», со своеобразной, неповторимой походкой. Он, добавляет Бертран Иосифович, - был для меня «очень авторитетен».

«Говорил и делал»

ИЛЬЯЩЕНКО В.И.

Автор выражают благодарность А.М.Щербакову, без которого этого очерка просто не появилось бы.

Соавтором этого краткого очерка, причем ведущим, является доктор ветеринарных наук, профессор Валентин Иванович Пионтковский. Именно он несколько десятилетий был близким знакомым и добрым товарищем Виталия Ильича и щедро поделился как своими записками, так и воспоминаниями об Ильященко.

Сам я был знаком с Виталием Ильичем очень и очень поверхностно. Разве что встречались мимоходом на праздничных торжествах, либо где-нибудь на бегу. И профессии у нас слишком разные. И увлечения. Тем интереснее и значимее оказалась встреча на ветеринарном факультете КГУ. Точнее даже не встреча, а своеобразный вечер, посвященный памяти Ильющенко. Своего рода мини-конференция. Но конференция не совсем обычная. Никаких намеков на помпезность. Ни малейшего налета официозности. А просто заполненная людьми, не слишком просторная, жаркая и светлая учебная аудитория. Экран, на котором мы видим коротенький, но ставший достоянием республиканского телевидения фильм об Ильющенко. Стенд с его дипломами и некоторыми из трудов, среди которых выделяется красочная «Хрестоматия для начинающих. Плетение из ивы» - книга, которую успел вычитать сам автор, но издать помогли его друзья и коллеги. И разве уже одно это – готовность продолжить начатое дело - не становится памятником человеку?

И еще звучат выступления. Где-то, в ином месте и по иному поводу какие-то из них могли бы показаться затянутыми. Но не здесь. Потому, что люди совершенно искренне говорят и об Ильющенко, и о том, что в них самих. Словно размышляют вслух, и оттого не боятся быть утомительными. Когда же при всем этом не слишком долгая встреча заканчивается и мы направляемся по домам, я совершенно произвольно говорю: «Как это по-человечески, как это здорово, когда товарищи, включая и руководство факультета (словосочетание-то какое казенное!), могут так вспомнить человека. А один из спутников замечает: «И каким же должен был человек, чтобы его так вспоминали!»

Так каким же был и что оставил Виталий Ильич Ильющенко?

Родился он в военном 1942 в Талдыкурганской области, в семье железнодорожника. В разгар оттепели, в 1959 году, закончил школу. После ее окончания поступил в Семипалатинский зооветеринарный институт. Закончил вуз с отличием. Вместе с окончившим тот же вуз

В.И.Пионтковским по распределению был направлен сотрудником в кустанайскую НИВС (научно-исследовательскую ветеринарную станцию), где проработал три года. В 1967 – 68 годах служил в рядах Советской Армии. И где бы Вы думали? – В Московском военном округе, в музыкальном подразделении. Маленький, но заметный штрих - свидетельство удивительной разносторонности этого человека.

А затем? – Затем выпускник, казалось бы, провинциального вуза становится аспирантом Московского Всесоюзного научно-исследовательского вуза ветеринарной санитарии. В 1972 году защитил диссертацию кандидата ветеринарных наук, после чего вернулся в Кустанайскую НИВС, где, говоря сухим языком документов, «прошел путь от научного сотрудника до заведующего лабораторией паразитологии, заместителя директора по научной работе».

Сама по себе карьера еще мало говорит как о самом человеке, так и о его творческом потенциале. Мало ли кто не достигал куда больших карьерных высот? Но всегда ли мы, даже углубляясь в архивы, способны вспомнить всерьез о реальных, конкретных делах многих из таких людей?

Но значимость Виталия Ильича не в должностях, а в том, что и как он делал, как отдавался тому, что делал. Обратимся опять к документу – своего рода справке, предоставленной Валентином Ивановичем Пионтковским: «Основные направления научной деятельности (В.И.Ильященко) – разработка профилактики и мер борьбы с арахно-энтомозными заболеваниями животных и птиц. За научные разработки удостоен 5-ти авторских свидетельств на препараты «Аэрозоль-циодрин», «Аэрозоль-дифезил», «Вальфатрол», «Вольфазоль», которые внедрены в ветеринарную практику. По его инициативе в 1980 году завезен из Швейцарии препарат «Ивомех», который в настоящее время широко используют в борьбе со многими паразитарными болезнями животных и птиц.

Им впервые в СССР получены и опубликованы фотографии различных половозрастных фаз и видов саркоптоидных (чесоточных) клещей в сканирующем электронном

микроскопе, которые позволили получить новые сведения по морфологии и биологии этих паразитов. К его исследованиям проявлен интерес многих зарубежных ученых и научно-исследовательских центров».

При этом Виталий Ильич не был кабинетным ученым. Да и как можно было оставаться таковым при его характере и профессии? Один из тех, с кем ему довелось совместно решать очень непростые задачи, бывший главный ветврач Сулукольского совхоза вспоминает, как, когда однажды зимой у элитной отары появилась чесотка, приехавший в совхоз Ильященко не только подсказал казавшийся невероятным способ лечения, но и сам, лично участвовал в этом очень нелегком деле. По его настоянию в декабре решились купать овец с использованием простых, но действенных средств. Делалось это на базе размером 120 метров на 18. Как же такое стало возможным? Ведь на улице минус сорок!

Для того, чтобы необычный замысел воплотился в жизнь, привезли из Кустаная генераторы для разогрева самолетов и на протяжении трех дней купали овец отары. И все это время, от начала и до конца, в деле участвовал и сам Ильященко. «Не то, что иные нынешние спецы, которые приедут, дадут «ценные советы», и на этом гордо сочтут свою миссию законченной. У таких спецов «пальцы веером», а «он все своими руками делал». А тогда «мы применяли препараты с использованием обыкновенного дуста. Сейчас бы такие за десять метров обошел. Но тогда... это все прошло через его руки».

«Сейчас же овцеводы белоручками стали. Никто не купает овец». Он же и показывал, и делал. С напряжением и полной отдачей. «Он не был любителем вина. В тот же раз, когда удалось спасти отару, сказал: «Ну, сегодня ты что-нибудь нальешь?» - Слишком уж велико было напряжение и необычно решение поставленной задачи.

И таких необычных решений у мыслившего нестандартно Ильященко было немало. По словам того же главного ветврача Мустафина, Виталий Ильич всегда нес с собой что-то новое. «Он мне впервые показал клещей». Он же как-то сказал: «Поступил уникальный препарат». Какой же?

– Клей - склеивать живую ткань». Это казалось невозможным. Но все же мы попробовали провести эксперимент: насажали раны и склеивали. Получилось!

Тяга к новому, нестандартному и при этом практически значимому, наверно выразилась и в увлечении лозоплетением. Да и не только. Знавшие его вспоминают придуманный им «нужный чемодан», внутри которого были своего рода «клеточки», среди которых нашлось местечко и для стеклянной посуды.

А чем еще только не увлекался Ильященко! Любил историю. Замечательно читал стихи, хотя в деле был немногословен. И этот немногословный человек, но крупный специалист, автор свыше 85 научных работ, включая и серьезную монографию «Скорая ветеринарная помощь» (2005) самой логикой жизни был вовлечен в преподавательскую деятельность. Он стал работать в Кустанайском СХИ – вузе союзного значения, а после объединения СХИ с Кустанайским государственным пединститутом – в КГУ – Костанайском государственном университете им. А. Байтурсынова. В 1997 – 2002 годах «возглавлял кафедру технологии переработки продуктов животноводства», с 2007 по 2011 год – «кафедру клинических дисциплин... По результатам научных исследований в 1993 году в Санкт-Петербургском ветеринарном институте успешно защитил диссертацию на соискание доктора биологических наук».

При этом он оказался не только востребованным преподавателем, но и заметным научным руководителем. Как отмечает его многолетний друг и коллега В.И.Пионтковский, под руководством Ильященко «выполнены и успешно защищены три кандидатские диссертации, целый ряд научных и дипломных работ студентов, получивших высокую оценку, на студенческих конференциях и заседаниях кафедры ГАК».

Благодаря высокой эрудиции, принципиальности, добросовестности Виталий Ильич Ильященко снискал к себе глубокое уважение студентов, магистрантов, докторантов, преподавателей, сотрудников университета, руково-

дителей и специалистов и не только Костанайской области». «Это – совесть нашей кафедры. Несгибаемый правдолюб, - вспоминает о нем одна из коллег.

По словам недавнего декана ветеринарного факультета, доктора наук Н. Тегзы, отдельная тема – его подбор учеников. Бывало, кого-то заметит – и берет, а кто-то и пять – десять раз может подойти – не возьмет. Один из примеров тех, кого он в свое время взял себе в ученики – Любовь Степановна..., особенно тепло встреченная студентами на вечере, посвященном его памяти. Маленький штрих, а говорит о многом. Знал, кого брать...

В этой невысокой женщине самого обычного, отнюдь не профессорско-университетского вида юношеский восторг сливаются с искренней увлеченностью. «Мне было под сорок, - вспоминает она, когда я пришла в вуз. Да к тому же многодетная мать. К кому из профессоров не подходила, мне отказывали все. И вдруг, не кто иной, как он, спрашивает: «Любовь Степановна: «Вы хотите быть моей ученицей?»

Так началась работа, одним из этапов которой стала защита диссертации кандидата наук этой многодетной матерью. Работа была не из легких. «Он строго все проверял». Одни только тексты могли перечитываться по 7, по 10, по 12 и 14 раз.

«Как он знал русский язык! – восклицает Л.С.- При работе над диссертацией год я на стилистику потратила. Мой муж в Питере учился. Так он с мужем словарями обкладывались, спорили, что и как писать, как уместнее и точнее выражать свои мысли.

Когда же диссертация была, наконец, написана, и подошло время защиты в Уфе, то после Виталия Ильича, вопросы на защите «звучали, как детский лепет». У него чутье было научное, и никогда не было такого, что чего-то не хватает из препаратов или оборудования. Всегда что-то придумает».

Слушаешь, и вспоминаешь, как мне самому повезло уже с московским научным руководителем Юрием Филипповичем Борунковым, который долго ходил в доцентах МГУ, видимо оттого, что слишком уж «копался» в своей теме.

Тоже не слишком многословным. Суровым с виду. Но после работы с ним, которая, правда, не была слишком изнуряющей, исправлять уже при обсуждении диссертации было практически нечего...

Конечно, в такого рода восторгах, может что-то показаться наивным. Узкий спец мог бы сказать, что знатоком языка Виталий Ильич мог выглядеть в глазах провинциала. Что ж, вполне понятно, что речь идет не о лингвисте и филологе. Но в словах, звучавших на вечере, посвященном памяти Ильященко, был невольный восторг перед той мощью былого образования, когда и ветеринар мог так чувствовать свой язык, как сегодня, увы, его чувствует далеко не каждый журналист и историк. Ильященко же вдобавок обладал еще и скрупулезностью, и тягой к точности, которая характерна для людей, имеющих дело с конкретным расчетом, с практикой, экспериментом. Здесь, как в шахматах и шашках, – одними приблизительными и эффектными фразами либо игрой в термины не отделаешься. Фантазия и творчество неотделимы от расчета: сделай ошибочную перестановку ходов или допусти простейший ляп – и партия проиграна. И, наверное, в своем сочетании общей образованности и профессионального мастерства, помноженного на способность служить своему делу, Виталий Ильич мог бы быть, да и остается одним из образцов.

«Это все интересно, - мог бы сказать тут иной читатель, - но какое отношение все сказанное имеет собственно к сфере культуры?»

Вопрос резонный, хотя уже увлеченность музыкой, книгами и стихами могла бы стать особой темой. Разве такие увлечения представителей самых разных профессий не достойны того, чтобы и с интересом, и с пользой рассматривать их, говоря о культуре? – Думаю, что достойны. Тем более, что было бы вновь уместно вспомнить слова его товарища В.И.Пионтковского, отмечающего, что «Ильященко был разносторонне развитым человеком, он отлично играл на баяне, инструментах духового оркестра, прекрасно рисовал, хорошо знал историю и не только Казахстана»

Но Ильященко замечателен не только этим. Ветеринария была лишь частью его насыщенной жизни. Другая же часть, ведущее хобби – лозоплетение. Возможно, толчком к расцвету этого увлечения стало шоковое состояние девяностых с его ощущением краха, когда, случалось, «зарплату выдавали не банкнотами, а выписками и третьесортными продуктами питания». Но даже при этом руководители старались, насколько это было возможно сохранить штат.

Вот в те годы Виталий Ильич и погрузился в плетение из ивы, открыв в этом тяжелом физическом труде отдушину для себя самого. «Пережить девяностые помогло ремесло». В годы, когда столь многое крушилось и обесценивалось зачастую так не хватало чисто человеческого. Вот и получилось, что изделия из ивы, оказавшись подспорьем для жизни известного профессора, одновременно стали и делом для души. «Он видел в людях, которым продавал результаты своего труда, искреннюю благодарность». А сколько созданного было раздарено! Не было на кафедре женщины, которая не получила бы от профессора подарок, сделанный его собственными руками.

Так, Ильященко стал подлинным мастером плетения из ивы, создателем 13 тысяч изделий, среди которых было немало авторских. А многие его работы разлетелись по разным странам мира: в Германию, Болгарию, Израиль... По воспоминанию коллеги, «он был участником презентации города Астана в 1998 году и многих городских и областных выставок».

И все это было сделано даже без мастерской, в обычной квартире. Работа колоссальная и физически нелегкая. Сам Виталий Ильич считал, что для лозоплетения нужны терпение и руки, чувствительные, как у молодой женщины, подвижные, как у музыканта и сильные, как у кожемяки. Сам он обладал именно такими руками.

При всем этом профессор с руками рабочего был очень скромным, не публичным.

К тому же, по словам специалистов, Ильященко вместе с Баян Б... (знаменитая женщина – скульптор), был среди тех, кто поднял мощную волну ремесленников в нашем городе.

Как тут не «зазвездиться» и какова же профилактика от звездной болезни? – Рецепт, может быть, не уникальный, но подтвержденный всей его жизнью. «Надо, - говаривал Виталий Ильич, - чтобы хвалили то, что сделал человек, а не его самого».

А чтобы жизнь была полна, «любое дело, которому ты посвятил себя, - был уверен он, - должно быть тебе интересно. Но отдавать себя ему надо полностью».

Эта отдача чувствуется, буквально пульсирует и в последнем, любовно подготовленном труде его жизни – «Плетении из ивы», где ученый и мастер остается в то же время и педагогом. Поэтому и мы завершим наш краткий и далеко не полный очерк фрагментом из предисловия, предоставив слово самому Виталию Ильичу для которого обретение навыков творчества, азов мастерства – это еще и средство воспитания, и путь обогащения личной жизни каждого, кто входит в его волшебный мир:

«Научитесь плетению из ивы. Приобщите к этому делу своих детей, внуков. Плетение всегда было семейным ремеслом. Этим вы оторвете подростков от дурного влияния улицы. Они чаще и дольше будут отсиживаться дома, занимаясь полезным трудом. А все вместе вы будете сохранять и совершенствовать народное ремесло. Не упускайте случая показать работу подростков гостям и похвалить их прилюдно. Это укрепляет уверенность в себе, побуждает взяться за новое, более сложное изделие. У вашего подростка, да и у самих не будет проблем с поиском подарка друзьям, родственникам и к празднику и ко дню рождения. Корзиночка, хлебница или вазочка, не покупная, сплетенная своими руками – оригинальный подарок, с которым вам приятно будет встретиться через какое-то время в чужом доме.

Можете не сомневаться: ваш мальчик или девочка увлекутся плетением и у них чуточку изменится характер в лучшую сторону. Он будет бережнее относиться к делу рук других людей, не позволит зря испортить вещь или природу.

У людей с ограниченными физическими возможностями, овладевшими мастерством плетения из ивы, будет

возможность дополнительного, а, может быть, и основного, заработка, укрепится сознание своей пользы для общества» (1,с.с.4-5).

Конечно, кто-то станет судить обо всем этом иначе. Кто-то предпочтет другие увлечения. Но Виталий Ильич прав, наверное, в главном: человек без увлечений, без разнообразных возможностей самореализации слишком часто может оказаться птицей с одним крылом. По крайней мере, здесь есть, над чем всем нам поразмышлять. А это дорогого стоит.

Литература

1. Ильященко В. Плетение из ивы (Хрестоматия для начинающих). – Костанай, 2015, - 203 с.

Где начинается искусство?

КУСКОВ О.В.

Я вопрошаю ум и чувства,
Но разгадать мне не дано:
Где начинается искусство
И где кончается оно?

Олег Витальевич Кусков – один из братства художников Костаная. Средневысокий. С колоритной цыганистой внешностью, о чем сам шутя говорит: «Случалось оденусь с иголки: костюм, галстук... Ни дать, ни взять – цыганский барон». Да и за кавказца принимали.

Художник же он для Костаная не совсем обычный. «Непрофессионал», если судить по дипломам и тому, где, как и чему учился. Но при этом Кусков – активнейший участник не только «тусовок Костанайского бомонда», но и

выставок, «его картины в фондах краеведческого музея...., областной картинной галереи, в частных коллекциях.... США, Германии, Болгарии, России, Казахстана». (1, с.16) А в 2016 году он стал обладателем престижной премии «Казына». Да и те беглые записи, которые можно прочесть в книгах отзывов на его собственных выставках, очень теплы. Так что же такое «профессионализм» и где начинается искусство?

Не будем спешить с рассуждениями на эту, наверно, вечную тему, а познакомимся с самим Кусковым и тем, что на десятилетия стало стержнем его жизни.

Олег Витальевич коренной костанаец. Родился он 9 февраля 1962 г. в поселке Затобольск, а в просторечьи - в Затоболовке. Как сказали бы астрологи, под знаком Водолея, располагающим к мечтательности и творчеству, что, впрочем, в самом Олеге проступило не сразу. Да и не случайно. Семья, да и ближайшие родственники были от того, что принято называть творчеством, довольно-таки далеки. Отец Виталий Семенович – геолог. Был начальником Центральной лаборатории города Кустаная, а затем «освобожденным» председателем профкома Севказгеологии. Уйдя в 55 лет на пенсию, поехал поднимать Аркалык и там спустя три года умер из-за болезни сердца.

Хобби у отца, по словам самого Олега, никакого не было, разве что дача – «как отдушина». А вот книги читал запоем. Имея «феноменальную память и словно фотографируя текст», мог прочесть за вечер 500 – 600 страниц. Особенно любил книги про войну. Правда, тогда найти хорошую книгу было проблемой. И не оттого, что книг таких было мало, а оттого, что поклонников книг и чтения было множество. Даже существовало общество книголюбов, в которое записался и отец, и сам Олег. Именно «через это общество» удавалось приобрести дефицитные и подписные издания, такие, как сочинения Лермонтова, Пушкина. В те годы в книгах виделась непреходящая ценность. Думалось, что не только самим, но и детям пригодится. Хотя, «если честно, – добавляет уже сам Олег Витальевич, - я не любитель просто читать. Нужно, чтобы понравилось. И для

сюжетов. А так не могу читать...Особенно после Достоевского. Кажется бедною речь. Понимаю: надо, но не часто попадается». Вот прочел «Алхимика». Понравилось. Взялся и за другие книги Куэльо. Прочел десять томов Кастанеды. Но, опять-таки, не как ярый адепт, а в поисках искорок для собственных художественных работ.

Но вернемся к семье художника. Мать его – Альфия Ахметовна. Как видно из имени, – татарочка, но из семьи сугубо интернациональной: ее сестра вышла замуж за украинца, а братья женились на украинках. Впрочем, это было не редкостью. Мне самому, когда я был еще школьником, довелось семь лет прожить «на общей кухне» с полутатарской семьей, где муж был татарин, а жена – русская, и до сих пор, когда вижу с их сыном, встречаемся как родные. Что же касается самой Альфии Ахметовны, то она вместе с отцом Олега работала в Центральной лаборатории, «через которую прошла вся (их) родня». После службы в армии там работал и сам Олег, оказавшийся средним среди детей Кусковых. Младшей была сестра Маргарита, вышедшая замуж за штурмана морской авиации и прожившая немало лет в Симферополе. Старший же брат Игорь окончил мореходку в Таллинне и три года на рыболовецких судах выходил в море. Тоже как-то от собственно творчества далек. Правда, если приглядеться, не совсем. Любил Высоцкого, «для себя» писал стихи и песни. «Мне казалось, что талантливо», – говорит Олег Витальевич со свойственным ему уходом от категоричности. «У меня тоже один момент был. Я выплеснул из себя, как фонтан. Но это так, отсебятина. А вот сейчас и несколько строчек не свяжу».

Что ж, наверное, трудно найти того, кто в детстве или молодости не «связывал» эти самые «несколько строчек». Это – как гимнастика или бег, да и просто физкультура в той или иной ее ипостаси – то, через что проходят взрослея совсем не обязательно для того, чтобы стать спортсменами. Чем-то похожим для Олега Витальевича довольно долго было и рисование – так, казалось бы, увлечение, среди прочих. Случалось увлекаться и иным. Запомнился Новый год, классе в пятом, когда он, Олег, вместе с другом пел

«Червону руту» - ту самую песню, которая стала взлетной полосой для Софии Ротару. Добрую службу сослужила песня и кустанайским мальчишкам: выиграла приз и Олег получил игрушечный трактор. Больше же всего запомнился футбол, в который играли возле школы.

Бросая, сквозь годы, взгляд из настоящего на свои школьные дни, Олег Витальевич роняет: «Классное время. До того беззаботное... И не без впечатлений. Так, в восьмом классе школьники ездили в Батуми - «родители спонсировали». Отдыхали на турбазе «Зеленый мыс». По пути оказались в Москве. Выстояв «километровую» очередь, оказались в мавзолее Ленина. Запомнилось, как, то ли от усталости и избытка впечатлений, то ли от неосознаваемого волнения при подходе к мавзолею Олега стал разбирать смех – сражаясь с ним, «аж руки кусал», все-таки, совсем неуместно. И не было ни в том эпизоде, ни в упоминании о нем, ни бравады, ни горделивого диссидентства, а лишь констатация: и чего только с нами не случается, подчас совершенно неожиданно и помимо нашей воли.

В 9-м и 10-м классах увлекались уже тем, что, наверное, захлестывало чуть ли не всю страну. Да и только ли одну страну? Обменивались записями западной музыки. Когда же кто-то пришел в школу в джинсах, сразу же оказался в центре всеобщего внимания...

После же школы вслед за братом дважды пытался поступить в мореходку. Второй раз не хватило совсем чуть-чуть, как говаривали тогда, - «полбалла». «Проходной»-то набрал, но в первую очередь шли по направлению... А до сих пор вспоминается: редко когда так хорошо писал сочинения. как в тот раз: и про «Целину» Брежнева», и про то, что сам вдохновенно придумал... Правда, можно было бы, следуя совету брата, подождать: вдруг не все из зачисленных подъедут. Но... потянуло домой.

Вернувшись в Кустанай, стал работать связистом на телефонной станции. Затем армия. «В армию пошел сознательно». Попал в Алма-Ату в электротехническое подразделение стройбата.

А как же рисование? – Рисование входило в жизнь Олега Витальевича как-то само собой, как в наши легкие входит воздух, незамечаемый, пока нет проблем ни с ним самим, ни с нашим здоровьем. - «Всю жизнь рисовал для себя в школе, был в редколлегии школьной газеты». В армии занимался оформительством. Прослужив полгода, стал зав. клубом, художником и по совместительству почтальоном. Научился готовить трафареты, писать плакатным пером, хотя, честно говоря, черчение само по себе никогда особенно не любил. Казалось делом нудным.

Демобилизовался в 21 год, и, используя обретенные навыки, «где-то подрабатывал рисованием», «но к искусству это не имело отношения». Работать же пошел «в геологию». Пилил и шлифовал камни, став камнерезчиком довольно высокого пятого разряда (в отличие от спорта здесь, как, скажем, и у токарей, более высокая цифра свидетельствует и о большем мастерстве).

Молодым и женился. Жена – Людмила Александровна – воспитательница, закончившая заочно педучилище, которое в свое время было одним из лучших средних специальных заведений области. Поскольку супруга и родив ребенка, «академический отпуск» не брала, постольку и самому Олегу приходилось «вертеться»: и работать, и с ребенком сидеть. Всего же в семье Кусковых родилось две девочки. Первую в честь племянницы назвали Юля, а вторую, убрав бесхитростно палочку, - Оля.

Уже семейным человеком закончил заочно механико-технологический техникум. Работал электриком на химзаводе. Потом так называемым монтажником – не «монтажником-высотником», как в знаменитом старом советском фильме, а специалистом по охранной пожарной сигнализации в «Севспецавтоматике». Но это все не по призванию...

Грянула Перестройка, а затем и девяностые. Фирма закрылась. Работы нет. Пришлось и охранником побывать, и в кинотеатре «Кустанай» поработать художником, где писались афиши и плакаты. Приходилось исхитряться и тут. Дело вроде бы и понятное, но информации о фильмах

поначалу было маловато. Так что выдумывали: если речь шла о комедии, использовались яркие краски, в противном случае – совсем иные.

Жизнь то текла спокойно, то бурлила. Но старое влечение, пробилось сквозь обыденность, как трава сквозь асфальт. В 27 лет взял кисть и старые краски. Нарисовал свою первую, наверное, еще далеко несовершенную картину (да и многое ли из нами созданного рискнем назвать совершенным?). – Затянуло. Лет десять рисовал, что говорится, для себя. А потом товарищ купил три картины. Оказалось, что это еще можно продать! А значит и жить тем, что любишь. И в самом деле: картины стали увозить в Германию... Друзья... Друзья друзей. В начале двухтысячных стал свободным художником, влившись в братство «профессионалов». И не просто влился. Его работы можно было увидеть и на персональных выставках, таких как «С любовью к тебе, мой город» (1999) «Я благодарю» (1999), «Цветы и листья» (2001), «Флора и фауна» (2002), «Мелодии цвета», «Мартовские коты» (2004), «Визуальный монолог», (2007), «Неотделимое» (2009), «Дорога в бесконечное, это...» (2009), «К 125-летию Костаная», и из самых последних – «О легендах Костаная», закрывшаяся лишь в сентября 2014 г. Уже сами названия иных его выставок – неброские свидетельства остроумия и самоиронии. Те же «Мартовские коты» или «Made in podval» (ноябрь 2004 г., Выставочный зал г. Костаная).

Но кто же он, Олег Кусков, как художник? – Наверное, ни о художнике, ни о писателе, ни о поэте нельзя судить только исходя из того, о чем он пишет. Если ограничиться лишь этим то останутся бесконечные штампы типа «певца родного края», «доброто и вечного» и т.д., и т.п., напоминающие пустые коробки недостроенных зданий - без оконных рам, дверей, да и собственно обитателей. Но и то, **о чем**, тоже может быть очень значимым. Скажем, Гогена невозможно представить без его таитянок, а В.Шаламова без «Колымских рассказов».

Так и Кусков. В Костанаяе он более всего известен, как один из тех, кто с особой нежностью относится к его

истории и стремится сохранить для будущего стремительно уносимые временем образы настоящего, которые - не успеешь оглянуться - и становятся образами прошлого, исчезающей натурой. Размышляя об этом в беседе с Екатериной Горбик сам Кусков говорит: «Часто бывает так, что я напишу картину, а через какое-то время этого вида уже и нет. Порой мне уже начинает казаться, что я предчувствую, то чего не будет», - грустно улыбается Олег Витальевич.

Нет уже остановки на углу улиц Баймагамбетова и Ленина. Как, впрочем, и самой улицы Ленина... Оказывается остановка эта в восьмидесятых годах была излюбленным местом молодежи, где каждый вечер обсуждали музыкальные новинки.

«Думаю, - молодежи будет интересно посмотреть, как выглядел город раньше, а моему поколению будет приятно вспомнить... ведь это очень важно сподвигнуть человека к диалогу, к воспоминаниям...»

Кусков убежден, что очень важно «напомнить костанайцам забытые имена основателей города... Действительно, что о них знаем? Какие-то обрывки фраз и фрагменты судеб из сухих учебников истории. А это и полковник генштаба царской армии Тилло, приехавший первым «в наши края на разведку местности», и военный губернатор Константинович, усилиями которого и был заложен Костанай именно как город, и именно на этом месте (2, с.8). Но, как заметил сам Кусков уже на круглом столе «КН» в феврале 2012 г., «... улицы основателя города нет» (3, с.4)

Заметьте: Кусков – не оратор, не «общественный деятель», а самую логикой жизни и своего собственного творчества, как и многие иные художники, литераторы, музыканты, и не только в Костанае, втягивается в собственно «общественную деятельность», даже тогда, когда упоминает о прошлом. Не случайно молодой Вознесенский восклицал: «Художник первородный – всегда трибун...».

Но вот как соотносить легенды с реальностью, а создаваемое с искусством? И как разобраться в шелковистых покровках самих легенд? – Вопросы непростые. Какие-то

легенды, как заметил на одной из его выставок известный наш поэт А.Шаяхмет, могут звучать и восприниматься иначе, чем это мы видим у художника. Но на то они и легенды, чтобы, вливаясь в различные культуры и языки, преображаться, обретая все новые версии и толкования. Ведь и всемирно известная «Песнь о Роланде» далека от описания реальных исторических событий, но при этом остается памятником мировой культуры. С легендами же все еще туманней. Но, возможно, именно этот туман и придает им особое очарование...

Непрост и вопрос об основе изображений, часть из которых – старые фотографии. Да и как иначе воспроизвести на полотне то, чего уже нет в нынешнем городе? И все же, насколько допустимо в собственно искусстве использовать фотографию, как основу портрета или пейзажной работы? – Не берусь давать личный ответ на этот вопрос. Но почему-то вместо ответа на него у меня рождается вопрос встречный: «А почему в таком случае банку, мастерски вырисованную в духе гиперреализма, либо просто писюар, два ряда кирпичей, а то и публично делаемый разрез на нагом женском теле можно отнести к так называемому «современному искусству» или искусству вообще?»

Здесь огромное поле для нескончаемых дискуссий. Мне же хотелось бы привести лишь горстку фрагментов из «Книг отзывов» тех, кто посещал выставки Кускова. Вот, например, запись, оставленная библиотекарями городской библиотеки имени Н.Островского: «Ваша выставка – щедрый подарок к юбилею города. Вы истинный художник-патриот!». А вот слова гости из Санкт-Петербурга: «Спасибо за ту атмосферу, которую дарят ваши картины. Глядя на виды Кустаная, невольно проникаешься уютом, теплотой и спокойствием.

Желаю вам новых картин и выставок! Пусть вдохновение не покидает вас! Удачи!»

А вот впечатления гости из Алматы: «Каждая картина – это не только кусочек истории ..., это – биография нескольких поколений. Сколько доброй энергии в каждом полотне. Сколько света, тепла и любви...»

Но, как пелось в старой советской песне, «любовь никогда не бывает без грусти», хотя это и «приятней, чем грусть без любви». Так и с посвященными Костанаяу картинами Олега Витальевича. Тепло воспоминаний сливается с грустью о том, чего уже нет и о том, что, может быть, так необдуманно было стерто с лица нашего города. Вот, например, «Ностальгия», так поэтично описанная в живом и насыщенном мыслью интервью с художником молодой журналистки Кати Горбик: «Картина посвящена снесенному вопреки немалому числу протестов кинотеатру «Кустанай», бывшему долгие годы «визитной карточкой города»: «на холсте изображено здание, поверхность которого потрескалась, как разбитое стекло, движение – и оно рассыпется. На холсте этого, конечно, не произойдет, а в реальной жизни уже случилось» (2,с.8)»

Как видим, как бы мы не спорили о собственно художественной стороне дела, а работы Олега Витальевича уже бесспорно стали социальным явлением, частицей той самой истории родного края, которой он так предан. Но, только ли социальной? – Ведь зритель может быть и далек от понимания искусства, как такового. Не будем докучать читателю собственными суждениями не специалиста, а предоставим слово Г.Медведевой, в прежние годы заведовавшей отделом живописи и графики Костанайского областного краеведческого музея, человеку, достаточно профессионально разбирающемуся в искусстве. По ее словам, «каждый может найти в творчестве этого художника что-то свое, затрагивающее струны его души. Это не случайно и не приходит сразу...

Олег всегда искренен в своих работах, никогда не лукавит, отсюда эта естественная красота его пейзажей, которая трогает зрителя не только вызываемыми ими приятными ощущениями, но и пробуждает мысли.

Олег Кусков умеет видеть и любить природу. Детали, частности, вынесенные им на свои полотна, он ощущает в гармонии большого... И зритель интуитивно чувствует это. Для того, чтобы почувствовать работы Кускова не надо иметь специальной подготовки и объяснений искусствоведа, а нужно просто довериться своему чувству...»

Лирично сказано. Но... стоп. Кусков отнюдь не всегда прост. И в его внешне непретенциозной речи, и в его картинах пульсирует ищущая мысль. И, увы, я, как педагог, ой как не уверен в том, что всякий современный студент (не говорю об иных) запросто поймет все им нарисованное. Замираю в его довольно-таки миниатюрной мастерской, то перед одной, то перед другой картиной, вбирая в себя многообразие тем и жанров. Вот сидящий человек, над которым, как на насесте, светлый ангел – с одной стороны и демон зла – другой. Казалось бы избитая, вечная тема. Но приковывает чисто изобразительная ее подача: непрорисованный лик сидящего. Не потому ли он непрорисован, что борьба сил добра и зла за душу сидящего еще незавершена и тем самым, мы «зрители» словно становимся участниками этой борьбы? А вот полотно без названия. Смотрю и думаю: «Как было бы здорово привести студентов в эту маленькую мастерскую, но все ли они могли бы сразу понять о чем речь? – Ведь перед ними что-то странное: каменистая почва с полусухими клочками травы, а на ней: круг из колючей проволоки, в котором лишь тот, кто знаком с Евангелием, может угадать терновый венец, изогнутые гвозди, у некоторых из которых на концах виднеются следы крови, а подо всем этим что-то дощатое со словами на непонятном языке. Это же орудия казни после самой казни Христа! Мне приходилось видеть множество произведений на религиозную тему, но подобного не припомню. Спрашиваю по скайпу дочь – профессионала-культуролога, защитившую диссертацию в МГУ, описывая словами увиденное, - и она не вспомнит. Возможно, и мы что-то упустили – всего знать невозможно. Возможно, нечто подобное уже где-то было. Но, как бы то ни было, изображенное западает в память, будит воображение, мысль и чувства.

Показательна и серия, посвященная семи смертным грехам. Так и тянет отцифровать картины, и уже на экране демонстрировать студентам в качестве заданий: попробуйте-ка догадаться, о чем здесь речь! Тема, конечно, не новая. К тому же, что-то, будь я художником, наверное,

представил бы совсем иначе. Скажем, «Чревоугодие». Вроде бы и грех, и мысль понятна: изобилие еды давит на Библию, на сам дух человеческий. Но слишком уж сочно. Не отталкивающе. Чем-то напоминающее иные «неприличные сцены», когда смотришь на непристойно неодетых женщин и вместо неприятия, в тебе начинает шевелиться ощущение, что неплохо было бы погрешить и самому. Однако это мое личное. Но в целом, сколько бы раз не поднимали эту тему, она неисчерпаема, а образное решение цепляет за живое, побуждает задуматься. И не просто задуматься - вбирать в себя сами образы.

Вот «Гнев» в виде обнаженного торса, увенчанного головой- кувалдой. И все это словно проламывается сквозь кроваво-красные осколки, напоминающие осколки зеркала или просто стекла, пламенеющие на безмятежном голубом фоне.

В вот «Сребролюбие»: контуры получеловека-получертика с рожками, напоминающие свинку- копилку, заполненную золотистого цвета монетами, а перед ними – молитвенно сложенные ладони.

А вот «Гордыня»: сморщенное зеленое яблоко, которое будто глядится в зеркало. А там... Сочный красный плод. Не бывает ли так и с нами, когда мы видим себя совсем не теми, кем являемся на деле?

А вот «Прелюбодеяние». На верхней части полотна на темном фоне – щепотка, в которой, словно нашкодивший котенок, фигурка человечка. Мгновение – и он упадет вниз – в пламя огненного цветка, лепестки которого – откидывающие призывно головы нагие женские фигурки, а в центре – жала копий, готовых пронзить бедолагу... На темном же фоне проступают уже испепеленные страстями, обугленные лица жертв собственного сластолюбия.

И каждая картина снабжена вязью афоризмов, ненавязчиво проступающих на том, что нарисовано. И думается, сколько бы не касались этой темы, а каждый раз будет, что увидеть и что сказать даже когда какие-то мысли, какие-то образы, независимо от того, что уже изображалось и звучало, будут варьироваться, как варьируются мелодии и

шахматные комбинации. Возможно, именно в этом сочетании вечного, из века в век повторяющегося и сегодняшнего, вплоть до сиюминутного и скрыта магия того, что мы называем творчеством и искусством? – Возможно, и Олег Кусков для меня самого стал в чем-то открытием, тем, что рождает и мою собственную мысль. А это уже так немало.

Литература

1. Старшинин Борис. О Костанайе – с любовью. – Костанай – АГРО, 2 августа 2012 г.
2. Горбик Екатерина. Диалоги со старым городом. – Костанайские новости. Субботние встречи. 15 августа 2009 г
3. Наш город: важно, чтобы он для каждого был свой. – КН, 25 февраля 2012 г..
4. Старшинин Борис. «Неотделимое...» - Костанай, 2009. – 20. 08, 2009.
5. Олег Кусков: мои картины – моя жизнь. Беседовала Валентина Ищенко. – В мире прекрасного. Без указ. издания.

Вся жизнь – вузу

САМАМБЕТОВА (САМАМБЕТ) М.К.

Мансия Калмагамбетовна из тех, чья жизнь и работа неотделимы, как кроны и стволы деревьев. И где тут ствол, где тут – крона, пожалуй, и сказать трудно, а то и вовсе невозможно, настолько все слито воедино. Работа же эта связана со студентами, с вузом, а, значит, и с неугасающей готовностью постоянно учиться, постоянно узнавать что-то самой. Встречаешь ее в узких коридорах вуза и первое, что так часто слышишь: «А Вы читали...?» Сама же она, читает захлеб. Вторая страсть - путешествия, поездки по разным

странам, которых она, по подсчетам ее сестры и коллеги Мензады, посетила немало – от 25 до 30, что для педагога, преподающего, помимо прочего, и страноведение, весьма значимо. Заметил же когда-то Ницше, что учитель, что бы он не узнавал, узнает именно как учитель, чтобы передать это ученикам. Преподает же Самамбет цикл предметов, связанных с английским языком, художественной литературой и культурой ведущих англоязычных стран. Хотя, как вспоминает она сама, такой выбор был довольно случаен. Как и у многих из нас, так получилось, что жизнь оказалась связанной именно с этим.

Родилась Мансия Калмагамбетовна 4 января 1947 г. в кустанайской области, поселке Большая Чураковка. Отцовский род был байским и, как и многие такие же роды (да и только ли такие?), хлебнул лиха после революции и в годы становления советской власти. Что имели, было конфисковано. Отцу Мансии, как сыну бая, пришлось покинуть родные места и уехать в Россию - неподалеку от границ Казахстана. Так сложилось, что в духе традиции дед Омербай имел три жены. Первые, как нарочно, рожали девочек, и, в конце-концов, старшая жена деда сама «рекомендовала» деду третью, молодую жену-токал, которая в 1907 году и родила ему сына и будущего отца Мансии. Когда появилась возможность Калмагамбет – Калмагамбет Омербаевич вновь вернулся в Большую Чураковку. Отсюда сын репрессированного (таковы непростые пути истории) ушел на фронт, защищать свою страну и советскую власть. Об этой, фронтовой жизни отца, о котором Мансия Калмагамбетовна всегда говорит с любовью и чисто восточным, но очень естественным пиететом, вспоминает очень смутно. Не помнится почти ничего. Увы, фронтовики не любили живописать войну... Знает только, что отец был на фронте четыре года. Какое-то время, как шофер, возил кого-то из командиров в армии Рокоссовского. Имел медали и грамоту от командования. Да запомнилось еще, что, по словам матери, передававшей рассказы отца, и фронтовикам случалось недоедать: бывало, приходилось есть и желуди. Запомнилось и то, через всю

фронттовую жизнь отца вместе с ним в нагрудном кармане гимнастерки прошла, как талисман-оберег, первая рубашоночка одного из его младенцев (не каждому из которых было суждено до жить до зрелых лет). Почти такую же, но уже собственную рубашечку до сих пор хранит и Мансия Калмагамбетовна, выкладывая рядом с ней малюсенький камзол трех- четырехлетней девочки-казашки прежних лет, весь унизанный просверленными монетами, включающими и монеты с изображением Николая Второго, и раннесоветские монеты, и подвески, и, опять-таки, как оберег, крохотную пуговицу с фронттовой гимнастерки отца.

Ему, вернувшемуся на родину фронттову, было непросто. Непросто еще и потому, что начальное образование получал у муллы и учился казахскому на основе арабской графики. Он и позже писал друзьям по казахски, но арабской вязью.

Одно время на арабской вязи даже выходила газета). Кириллице же впоследствии учил его собственный сын. Но при этом отец освоился и в «мирной жизни». Работал водителем, потом заведующим гаражом, а впоследствии – до самого выхода на пенсию руководил в поселке заготовкой зерна.

Мама Мансии Калмагабетовны – Мугульсум Мухамедьяровна работала учительницей начальных классов. Она была на десять лет младше отца . Так сложилось, что дети в младенчестве умирали. Выросли лишь трое. Старший брат Мансии - 1928 года рождения хлебнул, что говорится лиха, в годы войны, когда тяготы тыловой жизни в огромной мере ложились на плечи женщин и детей. Приходилось трудиться, сопровождать обозы, и в такие холода, когда лица целиком, покрывались тканью, исключая лишь отверстия для глаз и рта.

Мансия же родилась уже после войны. А младшая – Мензада – лишь в 1959, когда отцу было 52. а матери – 42.

О детстве рассказывается скупо. Запомнились соседи. С одной стороны украинская семья, с другой – немецкая. В немецкой семье дедушка играл на скрипке, и, случалось, соседские дети заходили послушать. Мансия с детства

говорила по казахски, «но знала кое-что и по русски», и как-то, лет в пять с естественным для ребенка любопытством спросила старшую дочь соседа, как ее зовут. Та шутливо ответила: «Угадай». И еще долго маленькая Мансия, понявшая буквально ответ как имя, звала соседку «тетя Роза Угадай». Знаменательно, что сын скрипача – Виктор Карлович стал со временем директором Чураковской школы. Один штрих. Из многих. Но и он свидетель того, что в Казахстане многие ссыльные немцы могли получить значимое по тем временам образование, встать на ноги и получить достойную работу...

Из раннего детства запомнилось и то, как брат делал снежную горку, заливая ее водой, а отец по-своему боролся с дефицитом игрушек в селе: делал кукол из свернутой белой ткани, на которой химическим карандашом рисовал головки.

Поселки менялись. Отчасти и потому, что не везде была средняя школа. Училась Мансия легко. «Наверно, трудяшка», - шутливо роняет она сама. Интересно, что школьные голы, особенно ранние, вспоминаются, прежде всего, елкой, когда сами делали и бумажные цепочки, и игрушки, что и сегодня, спустя годы, уже не Мансие, а Мансие Калмагамбетовне представляется делом куда более увлекательным, чем покупка игрушек в магазине.

Что касается школьных предметов, то самым любимым стала стереометрия. Нравилась пространственные фигуры. Влекли геометрия с ее теоремами и доказательствами, физика и неорганическая химия. Кстати, в довольно-таки, большом классе была единственной казашкой, что, впрочем, никак не отразилось на учебе.

После школы – в Кустанай. Как и у многих выпускников, «миллион планов». Но далеко от дома уехать не могла: отец – пенсионер, да к тому же серьезно болевший. Решено было поступать в Кустанайский педагогический. Но сомневалась: на физмат или иняз?. Девушка в приемной комиссии посоветовала на физмат, потому что конкурс меньше. Но тут взыграло самолюбие: «А что я других хуже?», и «из чувства противоречия» подала документы на иняз. В школе учила немецкий и поступала, не зная ни слова по англий-

ски (в качестве одного из вступительных экзаменов можно было сдавать и немецкий). И надо же! Если по немецкому на выпускном экзамене в школе была четверка, то на вступительном попала та же тема и ответ оценили на пять. Сочинение тоже написала очень удачно (5 и 4 – за содержание и грамотность). Пятерки были и на устных экзаменах по истории и литературе. Так и стала студенткой.

В первом семестре было очень нелегко: Мансия понимала далеко не все, из того, что говорили преподаватели. Но уже после второго курса, как обладательница самого высокого балла, была направлена из Кустанайского педвуза (педагогического вуза) в Ленинградский педагогический институт имени Герцена. (Еще две ее однокурсницы попали в вузы других городов, но они после учебы в Казахстан не вернулись).

О ленинградских педагогах Мансия Калмагамбетовна вспоминает буквально затаив дыхание. Это были светила мирового уровня. Ильиш Борис Александрович – почетный доктор Кембриджа и Оксфорда, звезда номер один в СССР. К нему Самамбетова ходила на кружок художественного перевода, где переводили знаменитое селинджеровское «Над пропастью во ржи». Секретаршу его звали Бетриче Бенедиктовна. Но студентки знали не только это. Их «сарафанное радио» вешало, что, будучи евреем, Борис Александрович влюбился в украинку, родители которой выступили против их брака. Увы, долгую часть своей жизни им пришлось провести лишь, как друзьям. В брак же, скорее уже чисто дружеский, вступили лишь в возрасте, когда у профессора появилась возможность поехать за рубеж для чего надо бы было быть женатым.

Запомнилась и куратор – Петрова Елена Николаевна, связанная «Домом Дружбы» с Великобританией и поражавшая приходивших к ней домой обилием книг (начиная с прихожей, книги и книги), какие-то из которых можно было взять с собой, чтобы почитать). Остались в памяти и замечательные спецкурсы по страноведению и «по Шекспиру». Курс по страноведению. Читала Мария Алексеевна Боровик, бывшая одно время и деканом факультета. Поскольку

ректором был Боборыкин, то на юбилее декана шутиливо пели:

Нам не страшен Боборык.

С нами наш декан Боровик.

После Ленинградского вуза Самамбетова вернулась, как и следовало, в Кустанай. Отработала, как и следовало, три года (1970 – часть 1973-го) и была направлена в аспирантура, но уже не на иняз, а на филологический факультет, учебу на котором завершила в 1976 году. «Я попала, вообще, на потрясающую кафедру», - вспоминает Мансия Калмагамбетовна. Темой диссертации стало «Жанровое своеобразие «Северных рассказов» Джека Лондона». Руководитель – Григорьев Алексей Львович консультировал дома. У себя в кабинете. Двери открывал сам. И был абсолютно бескорыстен. Готов был консультировать людей с улицы.

Читая текст, негромко говорил: «Холодно. Холодно. Замерз. Теплее». Последнее звучало, как одобрение...

Что до подарков, то запомнилось, что дарили мужчинам лишь на 23-е февраля, но и сами были «отдарены» через две недели – 8-го марта. В целом же это было совершенно не принято.

«Хочу, – добавляет Мансия Калмагамбетовна, - к своему рассказу, – отметить добрым словом и соседку по комнате – Ц.П. Еврейка, она вышла за муж за бурята, который учился на худграфе, и благодаря ей я особенно близко соприкоснулась с искусством. Так, еще на пятом курсе иняза субботы у нас были свободны. И каждую субботу мы – в музей... С того времени очень нравятся импрессионизм и постимпрессионизм». Наверное, с двадцать суббот только на пятом курсе было посвящено Эрмитажу. Влекли еще и театр, опера, балет, встречи с блиставшими на сцене именитыми актерами. В годы учебы в аспирантуре у Самамбетовой был специальный абонемент в филармонию на цикл «Ария, песня, романс». Студентка, а затем и аспирантка из далекого от «Питера» провинциального степного городка жадно вбирала в себя то, что являло для нее отечественную и мировую культуру. Эти слова могут звучать несколько выпенденно и даже штамповано. Но именно они передают

ту тягу, к постижению мира культуры, которая была так свойственна провинциалам тех лет, оказавшимся в годы учебы в больших городах. Очень многие (хотя, естественно, не все) ехали туда не за карьерой, не за собственно материальными благами, а за знаниями в самом широком смысле этого слова. За знаниями, само приобщение к которым уже ценилось, как величайшее богатство.

У Мансии эта тяга сохранилась на долгие годы. Круг ее чтения очень широк, а то, что читает, разнообразно. Хотя сама специфика работы неотделима от увлечений: «Больше читаю западную литературу. Но и восточную. Японскую. Турецкую. Сказать, кто особенно любим, было бы трудно. А вот в этом (2014 году) снова стала любить Чосера. Его «рассказы» - энциклопедия всех существовавших до него жанров. А сколько остроты в обрисовке церкви..., да и не только!

Обожаю Шекспира. Он – школа жизни. Нигде не читала, но думаю, что его 66-й сонет – своего рода план всех его будущих трагедий. Сравните: «Измучась всем, я умереть хочу» и гамлетовское «быть или не быть...» Сравните общий настрой: в каждой трагедии побеждает зло... Пять шекспировских вещей я заставляю студентов учить наизусть. Это и тот же 66-й сонет, и 140-й сонет, как гимн земной красоте женщины, и монолог Гамлета, и монолог Катарин из «Укрощения строптивой» и тоже гибнущей Эмили из «Отелло», утверждающей, что недостатки женщин спровоцированы самими же мужчинами. Иными словами, выбраны «вещи» с мощнейшим эмоциональным зарядом и острейшими смысло-жизненными проблемами.

«Очень нравится Умберто Эко. О постмодернизме у известных теоретиков не читала ничего, что было бы понятнее и интереснее, чем у него».

Здесь можно спорить о чем-то, в чем-то смотреть на мир иначе, чем Самамбет, но уже сам выбор и сами акценты, побуждают думать и искать собственные ответы, что так значимо в учебе.

И, конечно же, заразительная увлеченность самого педагога. Вот Мансия Каламагамбетовна берет с книжной

полки толстенный том. Это - подаренная магистранткой книга скандального Салмана Рушди. «Жаль только, - добавляет она, - что «Сатанинские стихи» (те самые, из-за которых он уже десятилетия вынужден скрываться), - еще не читала»... Проходят буквально считанные дни - и Самамбет(ова) не только находит «... стихи» в Интернете. но и успеваает их прочесть...

Вторым крылом в полете в бескрайний мир знаний стали уже упомянутые путешествия и учебные поездки, тягу к которым зародил еще отец, любившим вспоминать казахскую поговорку: «Уважай не того, кто много прожил, а кто много видел». Среди стран, о которых Самамбет знает не понаслышке, и Турция, и Китай, и США, и Великобритания, Южная Корея и «очень понравившаяся» при всех ее контрастах Индия, и Германия, где вместе с сестрой Мензадой провели целый месяц на учебе в Дрездене с его всемирно известной картинной галереей.

«В Англии - каждый кустик, каждый камень - момент истории. Смешно сказать, - словно извиняясь, продолжает Самамбет, - но понравилась и Финляндия», в которой довелось побывать еще в советские годы. Своим бережным отношением к природе. Запомнилось и то, что в каждом городе, который довелось посетить, был музей Ленина, ратовавшего за право наций на самоопределение.

Австрия же поразила иным. Вена увиделась, как имперский город. Что касается Италии, то сначала прочла Дэна Брауна, а потом сверяла прочитанное с увиденным «в собственно Италии и в Ватикане», поражающим «гением художников и скульпторов».

Париж же оказался очень грязным. Лувр, естественно, впечатлил, но Мону Лизу после многочасового стояния в очереди Мансиа видела еще в Москве. Так что сам этот шедевр в Париже воспринимался уже спокойно.

В Африке довелось побывать в Египте, и буквально в 2014 г уже не юная, сухонькая и миниатюрная Самамбет побывала в Тунисе, на развалинах Карфагена и в Эмиратах, - «футуристическом мире», выросшем в пустыне за какие-то пятьдесят лет...

Конечно, сегодня, когда любой, кто с деньгами, в силах объехать полмира, самими по себе туристическими и иными поездками мало кого удивишь. Но для Самамбет – поездки – это та составляющая ее образа жизни, без которой она не чувствовала бы себя педагогом.

Мало того, мобильность и страстная тяга к соприкосновению «с основами» здесь срастаются. Так, стоило появиться в Астане знаменитому Шекспировскому театру «Глобус», как вся семья Самамбет, устремилась туда, чтобы еще раз встретиться с Шекспиром, увиденным глазами самих англичан.

А как же вузовская наука? – Об этом судить специалистам. Не лингвист и не филолог-профессионал мог бы только заметить колоссальную трудоспособность Мансии Калмагамбетовны, чья научно-методическая работа. напоминает кропотливейшее нанизывание бусинок при сотворении своеобразных картин из бисера. Общее количество ее публикаций, вроде бы, невелико. Вместе с книгами, наверное, с тридцать. Статьями «увлекалась не особо». Но за каждым из учебных пособий, которые не просто лежат на полках, а используются студентами, – колоссальный по объему труд. Здесь и «Этот чудесный мир слова» (2009), определения в котором даны на трех языках (438 страниц), и пособие по страноведению, (254 страницы), и выпущенный на английском языке двухтомник «Очерков английской литературы» (2011 г.)... Изданные же в 2014 г. «... Пословицы» (356 страниц). Последние включают поиски не просто буквальных соответствий, а смысловых аналогов сопоставляемых русских, казахских и английских пословиц. Работа только над этой книгой потребовала не меньше пяти лет и погружения в мир словарей, включая и словарь русских пословиц восемнадцатого века.

А как все это было оценено? Двадцать лет Мансия Калмагамбетовна была деканом. Требовательным, а, подчас, и жестким, как всякий человек, отдающийся своей работе почти без остатка. Были и другие должности. Были и награды, что тоже совершенно естественно. Среди них – орден «Курмет», юбилейная медаль 2002 года, еще

более ранняя медаль им. И.Алтынсарина, знак «Отличник народного просвещения Каз ССР (декабрь 1989 г.) и, конечно же, грамоты. Но это все сегодня кажется вторичным. Главной же остается увлеченность своим делом. Не знающая ни чинов, ни возраста. И, может быть, один из ключиков того, что мы называем «реальным успехом» - именно эта возможность отдавать свою жизнь тому, что любишь и умеешь делать?..

И при этом, как воспитанная в духе традиций казашка, Самабет не забывает и о близких. Не случайно ее младшая сестра Мензада, игравшая в детстве на виолончели в знаменитом в свои годы симфоническом оркестре А.Зарубы и с не менее известным хором Граба, в итоге пошла по ее стопам и теперь, уже защитившей кандидатскую диссертацию коллегой работает вместе с ней в КГУ, а племянница Мансия учится в магистратуре этого же университета. Конечно, жизнь ее, как и жизнь любого из нас, далека от идиллии. Но и при всем этом жизни таких людей, как мне кажется, наглядно свидетельствуют, какими порой условными, оказываются границы между «провинцией» и «центрами большой культуры». Здесь есть, над чем задуматься молодым, сетующим на обстоятельства, время и преграды, встающие на их пути. Преграды преградами, а увлеченность и труд, оказывается, тоже значат так немало.

Разминка мускулов?

ШЕВЧЕНКО С.Ю.

Сергей Юрьевич или просто Сергей Шевченко еще очень молод. Рожденному в 1987, ему в 2014 г. было лишь 27, что, конечно же, тоже не детство. Но, все-таки, пока это время – время разминки и наращивания мускулов, когда еще очень непросто сказать, что судьба пошлет человеку и чего

сможет добиться он сам, уловив попутный ветер судьбы или, выражаясь проще, обстоятельств, которые позволяют, а то и требуют действовать именно здесь и сейчас.

Однако, при всей своей молодости, Сергей, пожалуй, из тех счастливицков, которые, как бы ни складывались обстоятельства, знает сам, и уже давно, к чему же тянет его лично. И этой тягой стала для него философия, сплавленная с общей эрудицией. Не случайной. Ведь так сложилось, что его растили бабушка и мама – профессиональный филолог, и он с раннего детства смог почувствовать вкус Слова и вдохнуть воздух Настоящей Литературы. К философии же потянулся еще школьником-подростком. Лет в 15 – 16 взялся за Шопенгауэра. Даже пытался читать «Мир, как воля и представление», и, как показалось самому, даже кое-что понял. Позже, уже юношу влекли экзистенциалисты... А тому, кто, - как шутит он сам,- подпал под чары философии, уже трудно выбраться из их для многих странного мира.

Не удивительно, что, ведущий не один год работу с магистрантами, доктор философских наук, зав. кафедрой философии КГУ им. Байтурсынова Сапар Абдугалиевич Колдыбаев вспоминает, что во время своей учебы в магистратуре КГУ Сергей в области философии был «двумя головами выше других магистрантов». Поэтому-то не случайно и то, что сегодня Сергей уже аспирант-философ РАН (Российской Академии наук). Учеба его связана с сектором биоэтики, а диссертационная работа – с проблемами ее философского обоснования. Учеба доставляет наслаждение. И разве это не удача – видеть воочию и слышать тех людей, чьи имена прежде доводилось встречать лишь на обложках и страницах тех или иных изданий? Причем люди эти просты, контактны, а сам дух РАН - дух сотворчества с аспирантами, а не выколачивания из них денег... Правда, параллельно приходится и работать. Иначе в таком городе, как Москва, просто не выживешь. Но и работа эта связана с медицинским изданием и, в какой-то мере, с теми проблемами, которые приходится Сергею осмысливать уже как аспиранту.

Но формально путь к собственно философии оказался и у него не прямым. После окончания одной из лучших

школ города – «двенадцатой» школы-гимназии, Сергей стал студентом-экологом КГУ. Закончив бакалавриат, стал магистрантом-биологом того же вуза. После завершения учебы в университете оказался журналистом – представителем профессии, которая в сравнении с философией может показаться и легковесной, и легкомысленной: чем-то вроде порхающей актрисы оперетты рядом с солидной оперной певицей.

Однако, во-первых, как философия, так и журналистика, могут быть многоликими. Во-вторых, и журналистика учит вглядываться в жизнь, а подчас и дает нам образцы глубокой и точной мысли. Как бы то ни было, а для Сергея не слишком вроде бы серьезная журналистика при всей своей рутине и прочем стала хорошей школой работы с людьми и со словом. Он трудился корреспондентом в «Костанай-АГРО». Позже перешел работать в региональную газету «Костанайские новости».

Примечательно, что и здесь Сергей сумел не просто «влиться», но и дать свое. Может показаться невероятным, но среди прочего Шевченко сумел опубликовать и статью о Хайдеггере – не просто светило философской мысли прошлого века, но и одном из самых трудно читаемых, буквально «зубодробильных» философов. И статья эта читалась, не выглядела на страницах газеты чужеродной, как, скажем, могли бы выглядеть фрак или бабочка в ковбойском салуне или казацком курене. Мало того, Сергей опубликовал уже большую, на целую газетную страницу статью об очень интересном и неординарном человеке – Вячеславе Николаевиче Дьякове – учителе физики по профессии и подлинном философе по духу. Том самом, кому в числе особо значимых для него учителей наш земляк (он окончил Костанайскую 10-й школу), а ныне широко известный в России выпускник МГИМО Владимир Романович Легойда, посвятил свою книгу о вопросах веры, книгу с живым и даже лукавым названием: «Мешают ли джинсы спасению? (1)» Да и сам Сергей сегодня вспоминает, что именно Вячеслав Николаевич стал по сути его духовным учителем, обратившим детский взор Шевченко к философии.

Знаменательно, что статья - интервью о Дьякове была признана в редакции одним из лучших материалов года. Таким образом, уже журналистские работы Шевченко свидетельствуют о том, что тяга к философии, глубокой мысли и живое, доступное слово могут быть совместимы. Правда, совместимость эта не приходит сама собой. Она – итог труда (который при увлеченности и как труд-то не всегда воспринимается), поисков, экспериментов, а в случае с Сергеем и игры со словом, смыслами и звуком. Игры, которая его, как и многих, влекла еще со школьных и студенческих лет. Сергей посещал костанайский поэтический клуб «Ковчег» (региональное объединение литераторов), печатался в областном литературно-художественном журнале «Берега», печатался в местных и республиканских изданиях. Его стихи вошли в «Антологию современной Костанайской русскоязычной поэзии» (2) и «Хрестоматию книгохранилища»(3).

В «Антологии Костанайской поэзии» он упоминается, как «поэт, публицист, журналист..., обладатель Гран-при 11-го Международного конкурса молодых поэтов им. Анатолия Коштенко, дипломант международного конкурса «Шабьт» в номинации «Литература», лучший поэт Костанайской области 2007 г., лауреат премии «Шабьт» Костанайского клуба меценатов в номинации «литература» (2, с.141).

Сегодня сам Шевченко вспоминает, скорее, как игру, которая хороша в определенном возрасте, но становится самопародией когда слишком уж затягивается. Тут, он, наверное, прав. И дело не в высокомерно-снобистском отношении к увлечениям и успехам более ранних лет. Что было – то было. И кому не греют сердце воспоминания о тех или иных, пусть подчас и неожиданных, успехах школьных и студенческих лет? Но, будучи с детства знаком с подлинно высокой литературой, с тем, что «отстоялось», Сергей, естественно, не может не чувствовать, как высоки слова «поэт», «литература», и как условны иные звания, да еще вроде такого, как «звание» «лучший поэт области». Как говорится, «а судьи кто?..» и «чины людьми даются...»

Поэтому и мы здесь не будем погружаться в выяснение того, кто поэт и литератор. а кто не поэт, а лишь коснемся

литературной грани жизни и взросления Сергея Шевченко, той грани, без которой (тут уж можно сказать твердо и без всяких оговорок) не может быть и Шевченко, как специалиста, ступившего в мир философии.

Показательно, что и в царстве философии, и в царстве собственно художественного текста Сергея влечет само слово. Не случайно купленные им томики философско-постмодернистов буквально исчерканы его собственной рукой. Постмодернизм же не отделим от иронии и самоиронии. Ирония, в умеренных дозах и когда она уместна, - нечто вроде снадобья или, выражаясь иначе, медицинского препарата, очищающего организм от шлаков самоуверенности и забронзовевших истин. Правда, в молодости представления об «умеренности» могут разительно отличаться от представлений куда более поздних лет.

Так или иначе, а любопытнейший образец этой юношеской, фонтанирующей иронии, которая при этом облечена в уместное слово, мы встречаем в «Жизни литератора», опубликованной в 2009 г., когда Сергею было немногим более двадцати лет. Вспомним вместе с читателем несколько фрагментов из этой миниатюры. Персонаж этой своеобразной фантазии «в 14 лет... испытал неожиданную тягу к художественному слову и написал первый рассказ – подражание Дюма и Шолохову одновременно. Произведение было жестко раскритиковано цензурой, в качестве которой выступал отец, в первую очередь за несостоятельность и отсутствие глубокой социальной тематики...»

Но позывы к творчеству не исчезли. В 18 к герою миниатюры «пришла и социальная тематика». Но, увы, в обществе назревали «большие перемены»: «Никто не чуял беды, но незаметно к советской стране подкралась трезвость, и как сознательный писатель и гражданин, Николай принялся пропагандировать эту могучую идею оздоровления народа. По счастью соседи варили самогон, поэтому пропагандировал он пламенно, так как ходить за вдохновением было близко и безопасно...» (4, сс.23 -24)

Иронично, но очень просто, и в этой своей простоте традиционно. А вот стихи Сергея совсем иные: это целые

каскады и причудливые сплетения образов, аллитераций и намеков, преображающихся в нечто иное, словно цветные стеклышки в стряхиваемом калейдоскопе. Создается ощущение, что это – одна из тех игр молодости, где цель – не внешний результат, а разминка мускулов, проверка того, на что способно слово и что можешь ты сам.

В этой игре Сергей Шевченко мне лично напомнил Маяковского и Вознесенского. Временами словно так и слышишь отзвуки их поэтических шагов, эхо их строк. Но все мы кого-то и в чем-то напоминаем, даже, если сознательно отнюдь не пытаемся подражать. И все же для прикасающегося к Слову, значимо о каком подражании идет речь. Лермонтов, Есенин, Некрасов и даже отчасти Пушкин крайне опасны для начинающего тем, что вспаивают его слог внешне простыми ритмами и пропитывают его собственные строки дыханием иного времени. Отсюда – нескончаемые цевницы, лиры, алмазы и многое, многое иное, чего современный автор сам-то не видел, не осязал, и, следовательно, вторичность или то, что грубовато именуют «литературщиной». Почему? – Да потому, что так называемые стихи, «спечены» из своего рода полуфабрикатов, изготовленных прежде, а их авторы не вглядываются в мир своими собственными глазами, а глядят на него сквозь окошечки, а то и бойницы, «прорубленные другими». Вроде бы и гладко, но не только нет «той езды в незнаемое», о которой трубил Маяковский, но и просто собственного, личного мироощущения. Более того, повторение размеров, ритмов может любого из нас подвести к невольному воспроизведению уже известных образов и даже ненароком застрявших в памяти обрывков фраз.

В этом отношении Маяковский и Вознесенский иные. Строки вздыбливаются, а язык насыщен реалиями, черточками и предметами уже иного времени. Они словно пробивают огромные бреши в бастионах устоявшихся, слов, канонов и ритмов. По большому счету, следование им – это уход от бутафорности поэтического антуража, устремленность в бреши, продолжение попыток использовать предметность и реалии уже своего времени. Вот эту-то устремленность мы видим и у Сергея Шевченко.

Устремленность же эта у Сергея неотделима не только от иронии, но и от самоиронии – бесценное качество, которого так часто не хватает провинциальным, да и не только, служащим Калипсо или, если хотите, Муз. Образец – книжечка со скоморошье-ерническим названием «Хроники моей бездуховности», на обложке которой вызывающе указано «Самиздат» (5)

Выхватим из нее почти наугад несколько горсток строк. Вот «Ночь эпического поэта»:

Одного за другим -
                                  нас гудки увозили-
у подъезда молилась
                                  «скорая помощь»;
мои ногти
                                  в поисках анестезии
царапали скучную полночь

Одиссей заходил во все сны,
                                  как в пивные...
он Итаку искал,
                                  он вытягивал выю,
чтобы дома пополнить баланс
и закончить гешефт.

Не поймать уж подушку,
                                  не стиснуть –
Она выпорхнет,
                                  как махаон;
моя ночь есть подобие Стикса.
Одиссей – это тот же Харон.

Для ботинок не надобно щеток,
милый Цербер, прошу, не лижись;
я забылся костяшкой на счетах,
чтобы больше не вздрагивать в жизнь (5.сс.8-9)

Среди отсылок к Рунету, Интернету и прочим причиндалам современности мы, как нечто совершенно естественное для самого Шевченко, вырастающее из самого его нутра,

встречаем множасьиися, словно фракталы, образы и лики мировой культуры. И все это тоже насквозь пропитано иронией. Как в «Попытке к оде»:

Люблю Еременко хорей великолепный,
его строки большую проходимость,
поэт прославлен в сотне поколений
ремонтom боевого крокодила.

В автобусе, сортире иль на паре
питайся рифмой, ешь ее изюм-
чабан, шахтер и прочий карбонарий
люблен в Иртеньева высокую стезю (6).

Прикасаешься к написанному Шевченко и чувствуешь себя на площади, где разворачивается феерическая словесная клоунада, актеры которой увлекают и нас пожонглировать словами, поиграть в созвучия и шаловливую текучесть смыслов. Но и здесь, в мире игры и иронии то там, то тут неожиданно проглядывает философия, сбрасывающая с себя покрывало актрисы мюзикла. Как, например в таких строках из «Неопубликованных стадий мысли»:

7 + 6

Древние спорили:
существует ли пустота – мы спорим:
существует ли что-то кроме
пустоты... (5, с.11)

Закрученные, перенасыщенные метафорами и аллюзиями строки Шевченко и цепляют, и озадачивают. Не удивительно, что он один из тех, кому посвящены и прозаические размышления составителя «Хрестоматии книгохранилища» А.Тарасенко, и пародия одного из старейших костанайских авторов Н.Кочина, которую, кстати, сам Сергей воспринял вполне лояльно, несмотря на явную колкость. И это разумно: ведь пародия – это своеобразная тень, а то и кривое зеркало. И если рождается пародия, значит, есть от чего быть тени, и есть, что отражать.

Думается, что что-то из написанного Сергеем, может быть уже сегодня отнесено к тем взмахам словесной кисти,

которые в совокупности рисуют очередной портрет очередного «нашего времени». Бесспорно и то, что упражнения со словом будут незаменимы и для его занятий философией.

Но сохранит ли он и спустя годы тягу к художественному творчеству и станет ли это творчество Творчеством с большой буквы? – На этот вопрос ответит только жизнь. Пока же у Сергея, как и у многих, многих молодых, включая и иных из тех, кому за сорок и за пятьдесят, собственная еще нерастратенная сила, потенциал, неотделимы и от слабостей.

Сила в свежести мысли, эрудированности, готовности крушить заскорузлость канонов. А слабости? – Они в том, что может либо придти, либо не придти с годами в наполненности жизнью. Если жизнь, пусть даже это будет не жизнь, насыщенная галопом «внешних» событий, а жизнь, нарастившей мускулы эрудиции, но собственной мысли, то возможно, и творчество. Если же нет – то прикосновение к нему так и останется игрой юных лет. А ведь и это само по себе не плохо. Сказал же поэт: «Блажен, кто в юности был молод».

Литература

1. Мешают ли джинсы спасению? Опыт современной апологетики. – Фома Центр. М., 2006
2. Время озарения. Антология современной Костанайской русскоязычной поэзии. – Костанай 2013, сс.141- 144.
3. Хрестоматия книгохранилища. Русскоязычная литература Костанайщины. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2013. сс.175 – 176.
4. Сергей Шевченко. Жизнь литератора. – Берега, 2009, №5. сс.23 -25.
5. Сергей Шевченко. Хроники моей бездуховности. Самиздат. Б.г. Подарено автору очерка в 2008 г.
6. Сергей Шевченко. Попытка к оде. – Берега, 2010, №2,с.19.

Приложение.

Н.Ф.Кочин о поэтических опытах С.Шевченко:

Сергей Шевченко ворвался в поэтическую элиту Костанайщины. ошеломив всех немислимой игрой в слова и игрой в слове, обилием всевозможных комбинаций и рекомбинаций рифм, образов. способностью с обескураживающей легкостью вплетать в стихи сложнейшие понятия (допустим. геометрии Лобачевского) и при этом с юношеской непосредственностью заявляющего, что своих произведений намеренно не усложняет, а только использует символы, категории и образы, которыми мыслит. Тем самым разделил читателей на тех, кто хоть что-то понимает или хотя бы делает вид, и на тех, кто даже обложившись со всех сторон толковыми и бестолковыми словарями и энциклопедиями, вообще ничего не понимает в его творчестве.

(*Кочин Н.Ф. Пикантная соль. Ироническая смесь. – Костанай, 2009, с.95*)

Пародия на С.Шевченко.

Доигрался.

*С.Шевченко – автору стихов
«Хеопсы ритма», «Куб Гекубы,
Цукат Гекаты» и цикла стихов
«Игра в слова. Игра в слове» и т.д.*

Ты для меня, Сергей, Орфей,
Признаюсь кстати и некстати
Среди бесчисленных друзей
Я твой бесхитростный читатель.

Прочел стихи и раз, и два,
Потом смущенно улыбнулся,
Решил, как ты, играть в слова,
Но поиграв, гекубанулся.

(*Кочин Н.Ф. Пикантная соль... сс.19 – 20. См. также с.13).*
Кстати, сам Сергей оценил пародии высоко.

«Сны о чем-то большем»

КОРОВИНА (ОЛЕКСЮК) Н.С.

«Сны о чем-то большем». Так названа выставка работ Нины Коровиной (Олексюк), открывшаяся в областной библиотеке им. Л.Н.Толстого. Первая персональная выставка за тридцать лет жизни. Выставка необычная, дышащая фантазией и в то же время демонстрирующая тот уровень мастерства, без которого любая фантазия напоминает птицу без развитых мышц и перьев: вроде бы контуры пернатой в наличии, а не полетит.

Здесь, на развешанных по библиотечным стенам работах, и то, что более известно костанайцам – иллюстрации к детским книгам стихов, и собственные «воображариум». Именно так задумывала первоначально назвать выставку сама Нина. Но потом согласилась с советом супруга Алексея и назвала ее «Снами о чем-то большем», словами, взятыми, по уже ее собственному упоминанию, из песни Б.Гребенщикова. Почему? – Да потому что в изображенном, вроде бы, и сны, игра распеленутого Ночью подсознания. Но только ли? Здесь и мысль, и воображение, согретое светом Дня. Вот и отлилось: «Сны о чем-то большем».

Вообще же, созданное воображением Нины поразительно непровинциально. Для непрофессионала (а за профессионала судить не берусь) ее иллюстрации к детским книгам по своей живости, выразительности и точности рисунка ничем не уступают тому, что можно было бы назвать «классикой жанра». Ее же «фантазийные» работы, которые-то и работами назвать язык с трудом поворачивается, - слишком уж они естественны, как детская игра, как дождевики, стекающие с листьев после неожиданно нагрянувшего ливня. Ее работы - как приоткрытый занавес в миры детской, именно детской фантазии. Вот перед вами прорастают необычные стога сена, превращающегося в движущихся улиток. А вот - опоры ЛЭП, обрета ноги, словно ажурно-стальные великаны, размашисто шагают по степи.

А кошки? – Такие очеловеченные. Недаром в нарядах, напоминающих об украинских и многих иных сказках, в которых животные не чураются человеческих одежд. Глядя на них, поневоле вспоминаешь и обряженных по-человечески домашних животных Никаса Сафронова.

Казалось бы, дорожка проторена. Но в том-то и магия творчества, что тот, в кого запала его искорка, идет по этой дорожке сам. Так и у Нины. Ее кошки выразительны и милы совершенно по своему. Ни в каких известных иллюстрациях к сказкам, ни в каких изображениях прошлого вы не увидите на мордочках этих шкодливых созданий именно тех эмоций, которые почувствовала и передала Нина.

... Но не все рожденное ее фантазией по детски безмятежно (хотя бывает ли даже самое радужное детство таким уж безмятежным?) Вот перед зрителем «Русалка». Приходилось ли вам видеть таких русалок? - На небольшом полотне человеческий череп и, как его продолжение, обглоданный до основания рыбий «скелет». Кости – как основы некогда погибшего корабля. И в довершение всего обычный рыбий хвост.

Это уже не детская фантазия. Может быть, образный взгляд на экологические проблемы? А, может быть, и горький взгляд на всю нашу «прагматическую» цивилизацию (замечание Г.М.Сокова), обгладывающую, подобно этой русалке, мир детских фантазий и непрактичной, а оттого и такой незащищенной красоты?

Так откуда же этот непровинциальный мир фантазии вошел в наш костанайский быт? Каковы истоки этого? Что перед нами – чудесный оазис в пустыне или нечто иное, возвращенное самой жизнью?

Чтобы хотя бы попытаться ответить на этот вопрос, прикоснемся к биографии. Нина, Нина Сергеевна Коровина, родилась в Кустанае первого сентября 1985-го года. Как нередко говаривает ее мама, в шесть утра, «под звуки гимна Советского Союза». Родилась она в большой по нынешним меркам семье: стала четвертой из шести детей.

Отец ее Коровин Сергей Георгиевич, урожденный костанец, хотя корни его предков – в Чувашии. В старших

классах отец – мамин одноклассник. Так что, познакомившись в школе, после ее окончания сразу и поженились. По роду своей деятельности отец не гуманитарий. Он – токарь и фрезеровщик высокого разряда. «О нем даже в газете писали», - упоминает Нина.

Но при этом отец с детства любитель книг. Правда, своеобразный. Представьте только, когда в школе доходило до сочинений, мог написать не, как обычно принято, а примерно в таком духе: «Я и Лермонтов». И ведь зачитывались же написанным! И, наверно, не случайно. Обычная мальчишеская непосредственность. Но не стандартная...

А еще отец – любитель шахмат. Он и в соревнованиях по шахматам и шашкам играл.

Увлекался и увлекается фантастикой. Фильмами. Сколь многое он советовал Нине. Целые списки передавал...

Но особенно любит природу: дачу, лес, рыбалку. Эта любовь с раннего детства вошла и в Нину.

Однако с детьми, конечно же, больше была мама – Татьяна Александровна, родившаяся в Харьковской области далекой от Казахстана Украине и переехавшая вместе с родными в конце пятидесятых годов в Кустанай. Украинские корни давали о себе знать, и дома мама всегда говорила на украинском. Может быть, от этого и у Нины, как и у ее супруга Алексея, с раннего детства любовь к певучей и сочной украинской речи.

Мама работала в бибколлекторе. Но после рождения очередного ребенка ушла в почтальоны. Работа на ногах. Сумки с корреспонденцией тогда были увесистыми. Но график более свободный. Вот так и проработала около тридцати лет.

При этом мама Нины очень любит читать. Особенно книги по истории. Но не только. Среди ее «любимиц» книги приключенческие, классика и, конечно же, детские. С самых ранних лет она буквально обволакивала детей любовью к книге. Читала детям вслух. Писала и сама: детские стихи.

«Мне кажется, - добавляет Нина, - с нее бы получился очень хороший педагог. Или воспитатель в детском саду. Она находит подходы к детям. Фантазерка. Придумала

карточки, напоминающие кубики: сами разрежали открытки, на обратной стороне которых были написаны цифры. И складывали.

Из прочитанного в память запала фантастика. Дома читался Кир Булычев: «Тайна третьей планеты». И многие, многие другие: от Пушкина до Чехова, Жюль Верна, В. Катаева А. Гайдара, Н. Носова, Э. Успенского, Дж. Радари... Мама читала, а Нина с сестрами рисовали. Потом сравнивали рисунки.

На Новый же год делали целые представления, благо народу было много. Во время «спектаклей» маленькие актеры обыгрывали то, что дома происходило за год. Зрителями были старшие.

«Я, – вспоминает Нина, – очень любила придумывать фокусы. Вообще, я театральный человек. Ходила в студию. И в собственно школьную (руководитель Антонина Ивановна Олейникова), а потом – целый год – в городскую, в ту, которой руководила актриса театра Алевтина Викторовна Котельникова. Очень любила ходить в театр. С двумя подружками знали весь репертуар своего театра. Всех актеров».

Мало того, и школьную научную работу о театре писали. В театральных архивах рылись. Места на конкурсе не получили, но запомнилось не это а то, что, выступая, даже обыграли сценку, когда один из персонажей выступал в защиту театра, а другой – против и утверждал, что в будущем театр отомрет. Сама Нина исполняла роль Восторженного Мечтателя, которого противник, со словами: «Умри, Восторженный Мечтатель!», протыкал шпагой.

«Я с таким воодушевлением умирала!»

Запомнились и другие роли. Например, кота Леопольда. Нина сама и его голову с бантом шила. - Костюмы изготавливали сами.

В школьном спектакле ей довелось играть Вредную Даму, роль, которая очень нравилась. Правда, в спектакле была еще наивно глупенькая Машенька. Поначалу Нину пробовали и на эту роль. Но глупость никак не получалась. Актриса подобно Станиславскому кричала: «Не верю! Вот так и стала, причем с удовольствием, Вредной Дамой...»

Но вот ведь что любопытно, при всей любви к театру, Нина не хотела быть профессиональной актрисой. И, пожалуй, не случайно. Как и ее супруг, она своего рода образец непубличности. Увидите ее – и перед Вами даже не молодая женщина, а девочка с чистой нежной кожей, без броских следов макияжа, без изысков претендующей на моду одежды. И даже не очень – то красноречивая. Своеобразный контраст типажам вроде Никиты Михалкова, где внешняя колоритность и умение говорить очень часто действеннее того самого авторского искусства, о котором так красноречиво говорится. За Коровину же говорит лишь то, что она делает. Что ж, люди разные. А, значит, и художники в широком смысле этого слова тоже не могут не быть разными.

То же, что Коровина делает, неотделимо от так и не покинувшей ее детской фантазии, когда еще маленькая Нина сочиняла сестренке истории о гномиках и феях: «Они все со мной дружили». Потек от побелки на балконе был волшебной палочкой. Игрушки оживали: «Любимой из них был Домовенок, которого, как в мультике, я назвала Кузей. Клала перед ним хлеб в детской. Потом потихоньку съедала сама и убеждала сестренку, что Домовенок его ест. И очень переживала, что мама скажет – врунья». Да так замечательно было играть!..

Когда Нина стала побольше, ее отдали в Художественную школу, которую оплачивал дедушка. Рисовали все сестры, но родители решили, что Нина увлечена больше других. Было это в девяностых. И за Нину, как за девочку из многодетной семьи, уплачивалась половина положенной суммы. Запомнилось, что во втором классе рисовала Пушкина с Ариной Родионовой. Нарисованное получило второе место в области, и на целых полгода семья Коровиных была освобождена от уплаты за учебу в школе. Интересно, что в «художке» с первого по четвертый класс рисунком, живописью и композицией с Ниной занималась Людмила Петровна Кочина – сестра известного в области барда Пыжевского. Сама Людмила Петровна закончила художественную профшколу по специальности

«лаковая миниатюра», и, видимо, поэтому Нине больше всего запомнились уроки композиции именно по лаковой миниатюре...

Из самых же ранних впечатлений запомнились спортивные кольца, висевшие дома. Малышка Нина – годика в 2 - 2,5 очень их любила: «Такое ощущение полета!»

Что касается обычной школы (средняя школа №19), то здесь все шло, как у других. Разве что после своеобразного «экзамена» при поступлении в начальную школу Коровину, как достаточно подготовленную, отдали в ускоренный класс, и потому учиться было нелегко: после Нового года, то есть после второй четверти, «скаканули» сразу во второй.

Удавалось не все. Простую, казалось бы, басню, «Стрекоза и муравей» никак не могла запомнить. И вдруг – открытие: «обнаружила, что, стоя на голове, лучше запоминается». Так оно или нет – утверждать не будем, но метод был опробован.

После окончания школы сразу поступила в педучилище (педколледж), на отделение дизайн-интерьера, учебу в котором завершила в 2005 году. Иные знакомые удивлялись: почему не сразу в институт? – Однако именно педколледж дал основу. Больше всего запомнились уроки Александры Ильиничны Суловой: «Для меня она – идеал педагога. Я сидела на первой парте и смотрела на нее влюбленными глазами». Впитывала, вбирала в себя, как она держится. как говорит.

И, конечно же, подарком стали занятия с Георгием Михайловичем Соковым. «Живой. С юмором. Где-то пошутит. На кого-то рукой махнет: если человеку не надо, то к чему тратить время? А с кем-то будет упорно заниматься... Благодаря Сокову я стала серьезно относиться к рисованию, которое до этого было для меня просто увлечением...»

Очень много дала Нине и Татьяна Михайловна Кошкина, закончившая институт культуры в Санкт-Петербурге. Все, что узнавалось потом, «ложилось на ее основу».

Позже был пединститут, где тоже изучают искусство. Здесь Коровина училась ускоренно и, поступив в 2007-м, уже

в 2010-м закончила факультет истории и искусства, появившийся в результате объединения факультетов истории и искусства как раз во время учебы Нины в вузе. Но воспоминания о нем бледнее. К тому же, начиная еще с колледжа, Коровина параллельно работала в мультипликационной студии, которую курировал Кокчетавский университет. Создавали мультики по культуре, истории Казахстана. Ряд художников ездил даже на раскопки... Именно там Нина освоила компьютер, фотошоп. И, наверное, не случайно отблески «мультичности» легли и на ее иллюстрации к детским книгам.

Там же, в этой студии, Нина познакомилась с художником Андреем Хамзиным, чей отец Хасан, по ее словам, окончил «Репинку». Андрей был главным художником, «очень интересным», как мастер.

Правда, в студии существовало разделение труда. Хотелось рисовать персонажей, а приходилось – фон: облачка, обстановку.

Довелось Коровиной участвовать и в проекте международного масштаба: с 2007-го по 2011-й потрудилась в фирме «Вендел гэймс» («Vendel Games»), где «вместе с Америкой» создавали компьютерные игры, имеющие хождение по всему миру. И это стало хорошей школой. По словам самой Нины, команда там «подобралась очень интересная, дружная, в ней было много талантливой, яркой молодежи. Позвал меня в эту фирму Андрей Хамзин, с которым мы до этого около четырех лет работали в мультстудии. (И примерно столько же в «Vendel Games»). Андрей очень талантливый и самобытный художник. Думаю, что его тоже, в какой-то степени, можно назвать моим учителем. Ведь невозможно 8 лет работать рядом с талантливым человеком и ничему у него не научиться».

Ну и, конечно же, замечательной школой и одновременно личным успехом стала для Нины работа над иллюстрациями для детской книги стихов ее в недавнем прошлом любимой учительницы, разносторонне одаренной Александрой Ильиничны Сусловой...

Сегодня же Нина, теперь уже Нина Сергеевна, сама работает с малышами в художественной школе. Так вот и учит, и продолжает учиться: работать и видеть мир, подмечая то, что, проходя, видят все, но по настоящему доступно лишь глазу Художника.

Первые ступени

КОВАЛЬСКАЯ ТАТЬЯНА

Впервые Татьяну я встретил студенткой русского отделения социально-гуманитарного факультета КГУ. Крохотное отделение это, точнее группа, была уникальной – наверное, сильнейшей за последние годы. А Таня выделялась и среди своих. Когда же она как-то, после занятий по философии, показала свои стихи, то они сразу удивили тем, как написаны. Уже это первое, что я увидел, не смотрелось «самодельным», «любительским». Было чувство слова, причем такое, какое довольно редко встретишь у профессиональных литераторов студентов и выпускников филфаков, которые (да простят меня корифеи!), «как собака, все понимают, а сказать не могут», либо говорят в своем собственном творчестве серо, штампами. Обыденная речь Тани тоже не очень сочна, но стихи насыщены образами и при этом замечательно иллюстрируют своеобразие поисков молодых, которые, в отличие от большинства старших, ищут не просто смысл и звучность, а свое слово.

Откуда же пришло это чувство своего, пусть, быть может, пока еще неокрепшего слова и как вообще родилась эта тяга к нему?

Таня совсем молода. Она родилась 4 мая 1990 г. в городе Оренбурге. Отца практически не помнит. Родители развелись, когда она была совсем маленькой, и «по суду» две девочки - Таня и ее старшая сестра остались с матерью,

а два брата – с отцом. С братьями Татьяна в контакте. Они оба учатся на агрономов, занимаются спортом – вольной борьбой. Так что тут, по ее словам, незнакомый и чужой ее отец оказался молодцом – сумел их вырастить и воспитать.

А мать? – Мать – Марина Николаевна из-за замужества так и осталась с незаконченным высшим образованием. Правда, помимо того было еще множество разных курсов. Какое-то время – лет десять – пыталась заняться бизнесом. До тех пор, пока не остались без ничего. Ведь это были крутые девяностые, когда кто-то богател «на ровном месте», а у многих обламывались крылья. Покончив с попытками влиться в ряды отечественных бизнесменов, Марина Николаевна стала штукатуром-маляром. К этому времени семья давно уже обосновалась в Казахстане, в городе Рудном – месте, где жили родители мамы. Да и дед, что в годы целины ветрами времени был занесен из-под Полтавы в Костанай, работал строителем. Рано ушел на инвалидность: при падении крупного блока, чтобы спастись, пришлось прыгать с небезопасной высоты. Так что всерьез пострадали ноги. Правда, бабушка – Фисенко Нина Алексеевна закончила педагогическое училище в уральском Кунгуре. Оттуда тоже приехала на целину. Она работала воспитателем, а затем и методистом в детском саду...

Но откуда же при всем этом тяга к литературе, откуда стихи? Конечно, здесь можно было бы вспомнить Ахматову: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Не будем спорить, стихи, может быть, из сора и растут, а вот увлечение стихами, увлечение словом – навряд ли. Просто внешнее, событийное не всегда совпадает с внутренним, с миром устремлений и с миром семейной культуры. Так случилось и с Татьяной. Мама, по ее словам, очень любила стихи и с детства вместо колыбельных стихи читала. Дома была огромная библиотека: «Мы с сестрой глотали все подряд. Сколько себя помню, читала. Уже классе в пятом начала сама читать. Точнее, выбирать для чтения. Очень рано прочла «Анну Каренину», «Идиота». Конечно, не все укладывалось в голову. Позже о таком раннем чтении

пожалела. Потом, когда перечитывала, восприятие было уже не очень свежим».

Мимоходное, но существенное замечание, над каким было бы уместно задуматься составителям школьных программ, которые всегда оказываются между Сциллой и Харибдой значимости включенного в программу и доступности. С одной стороны, кажется, что школьная программа без «Войны и мира» и «Анны Карениной» будет ущербной. А с другой? – Сколько бывших школьников, и именитых, вспоминали, что, когда они выросли, классика видилась знакомой, и возвращаться к ней уже казалось делом ненужным, а то и просто скучным. Так и осталась эта сама классика для очень и очень многих «пройденной» когда-то «знакомой незнакомкой». О времени же нынешнем надо вообще говорить особо.

Но вот для Тани и сестры потребность в чтении классики, да и не только, сохранилась. Она полюбила Серебряный век, Цветаеву, Ахматову, Мандельштама. Любила и Достоевского – «наверное, потому, что не очень поддавался пониманию». А вот вспоминать свою школу-гимназию любит не очень. Школьные годы помнятся, как постоянный, изматывающий своей заорганизованностью труд: конкурсы научных работ, сочинения, олимпиады. В десятом классе было даже первое место в области по русскому языку и литературе. Литературу очень любила всегда и школьные русоведы, как светлое пятно в памяти о собственно школьных годах, о которых не вспоминается «ничего такого, душевного». И это при том, что сама Татьяна жизнь тех лет была очень насыщена: ходила в театр-студию, год посещала цирковую гимнастику и ... «на тяжелую атлетику ходила», о чем, не зная, никак не догадаешься, глядя на ее стройную, даже, с первого взгляда, хрупкую фигурку: «я очень быстро переключала свое внимание. Единственное, чем занималась довольно долго – пауэрлифтингом – четыре года. И сейчас еще тянет к железу».

Однако стержневым увлечением осталась литература, и после окончания школы вопросов о том, куда поступать, не было. Таня поступила в КГУ, где уже на отделении журналистики училась ее старшая сестра Надя. С Надей, к

большой удаче, какое-то время довелось жить и в студенческом общежитии. Учеба в университете и интересы девушки совпали. «Здесь я чувствовала себя, как дома. Мне все нравилось. Мне хотелось сюда приходить. Вот и сейчас тянет» (само то, что наш разговор проходил в КГУ, навевало ей приятные воспоминания).

В годы учебы в университете Таня вместе с двумя подругами по совету преподавателя отправилась в «Ковчег» - литературное объединение, известное в области, да и за ее пределами. Правда, в отличие от подруг-однокурсниц ходила не постоянно, «а через раз». Но писала стихи, причем именно там стала писать уже иначе, чем прежде. В «Ковчеге» было очень интересно: обсуждения, конкурсы, семинары, некоторые из которых Татьяне доводилось проводить самой, и с удовольствием. «Я душой приросла», - вспоминает Ковальская о «Ковчеге». К тому же на конкурсах были отмечены и ее первые успехи. Она два раза участвовала в конкурсе «Весенние голоса». Второй раз ее подборка стихов заняла первое место. Были и две престижные награды на Международном конкурсе, посвященном Коштенко: сначала третье место, а затем, в 2010, и гран-при.

Но, - вздыхает Татьяна (как, к сожалению, и немалое число других, ходивших в это объединение), к сожалению, я не все смогла принять... И при всем при этом в «Ковчеге» было сделано очень многое (1).

Что же касается Татьяны, то главным ее обретением стали стихи. Множество в рукописи. А две подборки, в маленьких, элегантных книжечках «Краски сомнений и тревог» и «Напоминание о жизни». С первой из них в 2012 г. была связана встреча с читателями, прошедшая в областной библиотеке им. Л.Н.Толстого. Встречу прекрасно организовали, и приятно было видеть, с каким искренним увлечением молодежь – учащиеся колледжа – воспринимали и стихи и то, что говорила Татьяна. Ведь они видели не мэтра, не того, кто с высот далекого от них опыта, вещал что-то, а почти ровесницу, уже выпустившую в свет свою собственную книжечку.

Но что же это за стихи? Что за книжечки? – Ведь не секрет, что опубликовать сегодня можно что угодно. Были

бы деньги. Не будем долго рассуждать, а прикоснемся к самим строкам, к тем поискам слова, которые просвечивают сквозь них. Хотя к стихам Татьяны сложно прикасаться именно в кратенькой статье-очерке. При всей «закрученности» образов они дышат тем чувством, что очень непросто передать, выдергивая те или иные строчки. Развернутое же цитирование в маленьких заметках просто невозможно. И все же мы попробуем прикоснуться хотя бы к некоторым из ее стихов.

Стихи эти очень женские. Даже в тех не слишком частых случаях, когда говорится о внешнем. Вот одно из тех, что цитировать по частям, все равно, что препарировать живое тело. Это стихи о Рудном, точнее – «Рудному»:

Ласкает солнце теплые ладони,
Приветливые лучики на плечи.
Такой неповторимо чудный вечер,
И свет за горизонтом томно тонет.

И улицы, как будто просят осень
Раскрасить все в оранжевый и красный.
Во власти этих запахов и красок,
Веселых тополей, угрюмых сосен

Летят года. Обманываю время.
Недавно мне исполнилось шестнадцать,
И надо будет с детством распрощаться...
Куда там? Мне бы прежние проблемы.

А у заката цвет такой медовый,
И скоро звезды просыпаться станут...
Свет фонарей, зажженных слишком рано,
Глядит глазами города родного. (2, с.5.)

Уже здесь ясно ощущаются поиски своих созвучий, рифм, и кажется удивительным, что пока еще не увлекавшаяся шестидесятниками и поэзией Евтушенко, Вознесенского, Рождественского..., Татьяна идет к звучанию и образности своих стихов дорогой близкой по самому духу своему их дороге. Но что существенней (хотя, точно

ли здесь это слово?) так то, что форма не самодовлеющая. Она и здесь, и во многих иных стихах Татьяны – не яркий макияж либо эффектная прическа, а своего рода кожа собственных чувств. И смысла. Всего того, что, как и определенные плоды – дары природы, может быть рождено лишь в свое время. Кто из нас, считающихся более зрелыми, сможет передать это ощущение перелома жизни, разлома Времени при переходе из детства во взрослость?

А вот иные стихи, из которых, как необъезженный скакун из удил, рвется молодость с ее грустью, неприятием сороки и ожиданием любви:

Мы когда-то были слишком сильными.
Тратились на принципы дешевые
И скупыми были на любовь.
Кляксами останутся чернильными
На бумаге – старое и новое...
Призраки невысказанных слов...

В чудеса наивные не верили
И швырялись чувствами бумажными,
Как макулатурой – на развес...

А теперь, кому и что доказывать?
Муравьи... Мы в кучки ладно собраны.
Паутина – это тоже нить!
Мне не надо страсти одноразовой.
В каждом стуке слышится под ребрами:
Я УМЕЮ... Я ХОЧУ ЛЮБИТЬ!!! (2, с.12).

Та же нерасплесканность чувства и в уже более поздних стихах:

Зима впивалась поцелуем
В мои обветренные губы
И что-то жарко мне шептала,
Прижав к промерзшим стенам стан.
Прошу, читай меня, листай
Мои страницы. Жизни мало

Одной. Когда-нибудь наступят
И мне на горло. Запятую

Поставь. Люблю твой ровный почерк.
Я так хочу гореть, пылая,
Лежать бессильно под ногами,
Целуя мертвый, грязный снег.
Я неба чище и честней,
Я – непрочитанный пергамент.
Я не горю. И замерзают
Сплетенья слов и многоточий. (3, с.42)

Приостановитесь над строками. Вдумайтесь. Вчувствуйтесь, вникните в этот, такой нередкий, особенно для молодости контраст желаемо возможного, нерастраченного потенциального и реальной недовостребованности: «так хочу гореть» - и «не горю»...

По сути, все написанное Ковальской – чистейшая лирика. Весь ее мир это пока еще только мир ее собственных чувств. А стихи – окошечки в этот сугубо личный мир. Но вот что удивительно: хотя на земле это чудо повторяется тысячекратно, оно продолжает и продолжает удивлять – личное, если это свое, а не заимствованное, оказывается частью огромного мира, той капелькой, в которой целый океан бытия. Хотя, конечно же, и в «своем собственном» любого и самого именитого автора можно найти струи потоков уже рожденной до него культуры. Так же, наверное, как и в этих строках Тани:

Вгрызаются шпильки в промерзшую почву.
Я чувствую время иного начала.
В моих измерениях, резких и срочных
Непрочного, страшного, странного мало...
И первые дни снежно-белые плачут
И тает в грязи их немая невинность
Так много в моем одиночестве значат
И вкус мой соленый, и запах мой винный (2, с.37).

«Запах... винный» навевает смутные воспоминания о Блоке, серебряном веке. Но, заметьте, и здесь строкам

Ковальской тесно в привычной литературности, они рвутся за их пределы. И в этом порыве сугубо личное сплавляется с вечным или, по крайней мере, многократно повторяющимся стремлением молодости вырваться из липко-серой обыденности: «Непрочного, страшного, странного мало». Поразительно, но в двадцать лет и у меня самого были такие же настроения: «Как красиво, как скучно, как обыденно все!» Правда, в этих строках не было той поэзии, что словно воздух оживотворяет стихи Татьяны...

Нельзя, хотя бы мимолетом, не коснуться и языка образов Ковальской. Выхватим из потока строк наугад лишь несколько примеров: «Я- только блики в отражении витрин» (2, с.49), «Мне одиночеством болеется чуть легче, и память впитывает пасмурные дни...» (2, с.20), «Выпей меня, чтобы я о тебе не мечтала. Я утолю твою жажду на тысячу лет...» (2, с.10). Или вот это, из еще неопубликованного в сборниках:

Пахнут улицы сиренью и ментолом
Город дремлет на ладонях у весны.
Наши честность, суеверия и голод
Были приняты. А были ли нужны?

... Лирические стихи – всегда интим, всегда обнажение души. И какой же беззащитной кажется душа, раскрывающаяся в строках таких безоговорочно женских стихов. Сколько неуютa испытала она за, казалось бы, такое недолгое время! Да и студентками такие, как Таня, нередко рождают чувства опасливой грусти: сколько этих умненьких девочек, какова бы ни была их внешность, остаются неустроенными в личной жизни и не востребованными в полной мере тем самым обществом, которое осознанно или нет, но так немало сил отдало возвращению их потенциала. И так приятно видеть, что, по крайней мере, на сегодня, Татьяна не осталась серенькою мышкой лишь мечтающей о любви, как о некоем «туманном далеко». Яркое платье, губы, ногти – все, что прилагается не к затворнице в слоновьей башне поэзии, отчаянно пытающейся восполнить то, что недодала жизнь, а молодой женщине, у которой и семья,

и вечно повторяющееся чудо жизни – ребенок, маленькая дочурка.

Каким будет жизненный, да и творческий путь Ковальской сегодня трудно сказать. Но то, что уже выплеснуто на бумагу, на странички скромных, миниатюрных книжечек, уже останется частицей и ее, да и нашей жизни. А уже и это не так уж мало.

Литература и примечания.

1. Здесь личные суждения Татьяны. Естественно, есть и другие суждения. Сам автор, хотя и бывал на ряде встреч и конкурсов, не настолько компетентен, чтобы выносить собственные суждения. Но проблемы есть. Так, если в спорте желательно и совершенно естественно, когда ученик обходит тренера, то в сфере «прекрасного» не всегда так. Оттого и остаются «ученики», а не те, кто начинает перерастать «метра».

Но еще сложнее вопрос о самом характере и самих возможностях обучения. «А судьи кто» и кто учителя? И в музыкальных школах, и в школах живописи с детьми и молодежью работают профессионалы. А вот в сфере «местного слова» сегодня руководят люди очень далекие и от специального филологического, и от педагогического образования. Как быть? – Вопрос не риторический. Ведь многие литераторы, поэты в самом высоком смысле этого слова не только не заканчивали Литературный институт, но и вообще не имели формального гуманитарного образования. Однако сам уровень творческих контактов таких авторов был, а у многих и остается очень и очень широким. А как у нас? Достаточно ли быть хорошим организатором и автором стихов и статей для того, чтобы ощущать масштабы собственно художественного слова и того, что такое литература? – И этот вопрос не прост. В той же местной прессе можно встретить живо и по своему талантливо написанные статьи-интервью, где молоденьких девочек, написавших совсем немного, на полном серьезе спрашивают: «Как вы пришли в литературу?» - А пришли ли

или только соприкоснулись с ней? – Здесь есть, над чем всерьез поразмышлять.

2. Татьяна Ковальская. Красками сомнений и тревог. – Костанай, 2011.
3. Татьяна Ковальская. Напоминание о жизни. – Костанай, 2013 г.

«Я ЭТИМ ДЫШУ»

ТАСМАГАМБЕТОВА Р.М.

Разия Мухтаровна Тасмагамбетова – заведует библиотекой: филиал № 3 СП «Северный». Но я лично познакомился с ней, именно как с координатором деятельности трех национально-культурных клубов: русского – «Сударушка», казахского – «Шанырак» и корейского – «Мугунхва». Деятельность этих клубов не просто координируется, но и переплетается, и при этом по-своему неотделима от работы библиотеки.

Такое начало очерка звучит суховато и даже несколько официозно, но собственно деятельность клубов, которую и работой-то в обычном смысле не назовешь, жива и разнообразна. Здесь и встречи с интересными людьми, и совместные праздники – то естественное, незаформализованное общение, которое так значимо для тех, кто, и уйдя на пенсию, не может жить без того, что еще недавно называли «коллективом». И что интересно: с кем бы из «клубников»

не доводилось говорить автору этих строк, все в один голос восклицали, что мотором, живым стержнем работы этих клубов стала именно Разия Мухтаровна – сгусток энергии и динамичной жизненной силы.

Что же и как привело ее к такой непростой и не очень-то видной работе с пожилыми, немало повидавшими и пережившими людьми, работе, которая стала частицей ее собственной жизни? Откуда такой живой интерес и такое внимание к старости?

Казашка Разия Мухтаровна – уроженка России. Родилась она в 1966-м году в поселке Красненский Верхнеуральского района Челябинской области. По разному воспринимают сегодняшних уральцев выходцы из нынешнего Казахстана. Но Разия Мухтаровна запомнила их, как народ своеобразный, однако сильный: «Это люди со стержнем, ими не покомандуешь... Уральцы с особенным чувством справедливости. Открытые. Улыбаться не любят. Но и камня за пазухой не держат. Если что - скажут напрямую».

К тому же и деревня, в которой выростала Разия была не просто уральской, а той, где осело казачество. Называли их «дутовцами», что в советское время звучало далеко не как похвала. Но как-то это название местных и не коробило. Население было в основном русско-украинским. Казахов было очень мало, и Тасмагамбетова вспоминает, что выростала на русских и украинских песнях. «Все лучшее заложила во мне малая родина...»

Собственная же ее семья была «обычной», сельской. Отец – Мухтар Рахметович Рахметов – чабан. Мама – Калима Икбаевна – домохозяйка, родившая десять детей, восемь из которых выжили

Многое, что с раннего детства было заложено в Разию, по ее собственным словам, от папиной мамы – бабушки, женщине с интереснейшей и нелегкой судьбой – о таких бы романы-эпопеи писать. И, наверное, немало нашлось бы таких, кто, вспоминая судьбы своих собственных близких, всплакнул бы над таким романом.

Но начнем по порядку. Бабушка Разии - Рисаде Бердалинова была на много младше своего мужа, выходца из извест-

ной и богатой семьи, представлявшего «белую кость» степи. Поэтому нет ничего удивительного, что ее муж или дедушка Разии попал в одну из ранних волн репрессий. Пятого марта 1930 г., в разгар коллективизации он был арестован за «антисоветскую агитацию» и «недосбор» зерна – недособрал 220 пудов. Его, уже 65-летнего старика, осудили на три года заключения, за которыми должны были последовать три года ссылки. В это время Рисаде – его второй жене было только 34.

Первые полгода дедушка провел в Кустанае, после чего его след затерялся. Как позже узнали, он умер в заключении. Пришло время, и Разия, следуя настойчивым просьбам отца, пошла в КНБ. Было это уже в 1999 году. Дав подписку, что ни она, ни ее близкие не будут мстить доносчикам - виновникам ареста деда, Разия Мухтаровна прикоснулась к личному делу своего деда - Мананова Рахмета, которое, как врезалось в память, так и называлось «Дело Мананова Рахмета и других». Дедушка к тому времени был уже реабилитирован, но сами документы далеких прежних лет буквально перевернули все внутри самой Разии. Она, по ее собственным словам, впервые почувствовала себя внучкой человека, которого ей так и не суждено было увидеть. Она узнала, что до революции дедушка был волостным со своей тамгой – печатью. Был он и судьей-бием. Увидев лист бумаги, исписанный дедушкой, Разия сразу почувствовала, что это он – ее дед. Так тот мелкий красивый почерк походил на почерк ее отца...

Его же сын, отец Разии стал чабаном, но сохранил тягу к знаниям и любовь к чтению, которая, вместе с привычкой к физическому труду, передалась и Разии. «Нас, - вспоминает она, - воспитывали через труд. Все лето помогали пасти скот. Так что детство прошло в седле и с кнутом. Приходилось и коров доить, и сено косить, и в стога его метать. Наверное, благодаря этому я и состоялась», - добавляет она.

Поскольку же в семье, где она оказалась седьмой, было лишь две девочки, а остальные мальчишки, то и в куклы как-то особо не играла – тянулась за братьями. Именно Найдар, который был на 15 лет старше ее, взял за руку и

повел маленькую Разию в библиотеку; и девочка, которая в первом классе читала очень плохо, уже во втором буквально преобразилась. И это преобразование, наверное, было столь значимым для нее самой, что она до сих пор помнит: к концу второго класса читала со скоростью 136 слов в минуту.

Со временем любимыми ее предметами стали история и литература. Любила и приключения. Зачитывалась журналом «Вокруг света». Отец ее очень любил читать. Он выписывал массу разных изданий, среди которых постоянным гостем был и этот журнал. Запомнился и издававшийся в Казахстане, но известный и в тогдашней России журнал «Простор».

Что касается авторов, то уже в вузе Разия Мухтаровна открыла для себя Достоевского, который стал ее любимым писателем.

«Мне, - говорит она, - очень повезло с учителями. Советская школа – матрица. То, что мы потеряли. Тогда все было по настоящему... Я очень благодарна учителям литературы Шаровой Зое Николаевне и Моисеевой Галине Михайловне. Это была когорта. Если б не они, вряд ли во мне окрепла бы такая любовь к литературе. Но самой любимой была Клавдия Николаевна Горбунова. Всегда хотела на нее походить, и уже студенткой стремилась поздравлять ее с праздниками, памятливыми датами».

С величайшим трепетом через столько лет вспоминается и Надежда Михайловна Мелованова. «Вот это были учителя!»

Правда, однажды, классе в пятом – шестом, Разия испытала настоящий шок. Ведь учителя казались ей чуть ли не небожителями. А тут... Она увидела Надежду Михайловну в цветном летнем платье. Ее, постоянно являвшуюся в школу в строгих темных нарядах. И вдруг – такое... Прямо, как небеса разверзлись.

Но трепетное отношение к школе от этого не исчезло, а память о тех учителях не только светлая. но и с горчинкой, с горечью о том, чего, по мысли Разии Мухтаровны, недостает уже сегодняшней школе. «Тогда же не просто учили, а знали, как это делать. В школе были учителя. В универси-

тетях – преподаватели. Сейчас же и школьных учителей учат преподавать. Разве можно, к примеру, в первом классе требовать реферат?»

«Другое дело, что и сейчас и тогда были и есть дети, которые стремились и стремятся к знаниям»...

Что ж, это личный взгляд Тасмагамбетовой, для которой школа прошлого, ее личного прошлого – это и мир ностальгии...

Самые теплые воспоминания остались и о детстве в целом, о тех, кто был рядом: «Соседи были шикарные. Я их вспоминаю с благодарностью». Особенно запала в память тетя Маруся Климова. Так случилось, что однажды, когда мама Разии несла на коромысле воду, то оступилась, упала и сломала руку, и тетя Маруся крепко их поддержала: и коров доила, и приходила к ним в дом, пекла, и маме заплетала косы. На всю жизнь в памяти остались ее пирожки с кисляткой. Марусина же дочь – Галя, которая была лет на семь – восемь старше Разии, всегда ее опекала - в русской деревне не смотрели на национальность.

Собственно годы школьной жизни по большей своей части – с четвертого по десятый класс - прошли в интернате, так как там была школа-десятилетка. Вполне понятно, что детство есть детство. А какое детство без дразнилок? – «Мы, интернатские дразнили сельчан дутовцами, а те нас хохлами». И какая разница, кто там отпрыск казаков, кто из хохлов - было бы какими словечками переброситься.

В самой же школе Разия была не только прилежной ученицей, но и, как говорили тогда, активисткой. Общественницей: председателем совета отряда, а в девятом-десятом классах – председателем учебного комитета. Так что задатки лидера прорастали уже тогда.

Да и мечты были не рядовыми. Мечтала стать следователем. Но поступить в юридический вуз не удалось – без стажа это было практически нереально. Поэтому, поработав с год в селе и проучившись девять месяцев на рабфаке, поступила уже на филологический факультет Челябинского университета, который, после пяти лет учебы, закончила в

1990-м году. Лидерские качества и бурлящая энергия дали себя знать и в университете: Разия Мухтаровна была и членом профкома университета, и председателем профсоюзного бюро, и председателем комиссии общественного контроля профкома Челгу. Была даже корочка, позволявшая проверить любую точку «городского общепита». «Когда шла в столовую, все старались встать в очереди за мной - надеялись, что тогда и порции будут посытнее».

А как учеба? Шла своим чередом. Были и подруги, которых теперь разбросало по миру, и замечательные преподаватели. Среди них «деканесса» Галина Яковлевна - идеал и предмет обожания Разии, и правдолюб – куратор Вячеслав Павлинович Тимофеев. Тоже Идеал: «У него всегда была своя позиция... По-моему, – добавляет Разия Мухтаровна, – он в какой-то степени относился... не столько к диссидентам, сколько к «либералам» или в этом духе... Ходил в сапогах. Как беззлобно шутили, «косил под Есенина».

А Марка Иосифовича Бента просто боготворили. Был живой легендой. «Как он читал лекции по зарубежной литературе!» Запомнился и внешне, тем, что уже тогда не был «огалстучен» и ходил в джинсах и свитере...

А сколько было встреч и того, что принято именовать таким казенно-скучным словом «мероприятия!». Это и хождения на спектакли, и встречи со знаменитостями : Джигарханяном, Гундаревой, Костолевским! Особенно запомнилась встреча с Золотухиным. Было это в 1985-м году, и Разия с подругой даже поехали его проводить и уже на вокзале успели к нему подбежать... Разве это не событие?..

После университета Тасмагамбетова год проработала школьной учительницей русского языка и литературы. В 1991-м же по семейным обстоятельствам переехала в Кустанайскую область. Здесь тоже работала в школе. Ухаживала за малюткой дочерью. А в 1996-м перешла работать в библиотечную систему. Сначала была главным библиотекарем в Киевском поселке, а с 1999 г. оказалась в филиале библиотеки № 3. Параллельно, в 2015 г. окончила

ускоренно Институт дополнительного образования, давший уже официально вторую специальность – библиотекаря.

Казалось бы, все так буднично и просто, как уже накатанная лыжня. Но так может только показаться со стороны. «Если честно, - вспоминает Разия Мухтаровна о том времени, когда она впервые переступила порог библиотеки, - то пришла я временно, пересидеть зиму». А поначалу даже и это не привлекало. И в самом деле, что в тот памятный 1999 г. предстало перед глазами выпускницы университета с дипломом учителя? – Старый деревянный дом, половину которого занимала та самая библиотека, где и предстояло «прозябать». Первой мыслью было: «Да я сюда и не зайду». Но...

Впрочем, тут мы прервемся и обратимся к очерку самой Разии Мухтаровны под, вроде бы, самым обычным названием «Верность любимому делу», но дышащему завораживающей теплотой. «Прекрасно помню, - пишет она, – в тот момент, когда взялась за ручку двери библиотеки «Богом и людьми забытого» поселка Киевский, уже решила, что никогда не стану здесь работать. Открываю дверь. И вдруг... О Боже!.. Что может сотворить энергия Улыбки?» Особенно, если это улыбка не просто красивой, а привлекательной женщины, словно лучащейся внутренним светом. «Так я впервые увидела Веру Павловну (Терентьеву), и волею случая вошла в мир, который постепенно стал моим миром» (1, с.41) ... И осталась в этом мире навсегда.

Позже были разные предложения, в их числе и предполагавшие то, что называется «карьерным ростом». Но выпускница филфака уже «прикипела» к библиотеке и неотделимым от нее национально-культурным клубам.

А конец 90-х был нелегким для библиотек временем «оптимизации». «Было очень сложно, не говоря о том, что в самом помещении не было даже косметического ремонта. Да «голь на выдумки хитра». Устояли.

К тому же буквально через каких-то три дня после прихода Тасмагамбетовой в библиотеку зашла Галина Михайловна Русина – известный своей энергией и богатой

фантазией руководитель уже существовавшего к тому времени клуба «Сударушка» и высказала настойчивое пожелание, чтобы и при новом заведующем «клубники» (члены клубов) могли себя чувствовать, как и прежде.

Что ж, пришлось постараться, чтобы «Сударушки» не пожалели о том, что остались именно при этой библиотеке.

Они же натолкнули Разию Мухтаровну на размышления: «Какие же молодцы! Так почему бы и нашим бабушкам-казашкам также не приходиться в библиотеку, чтобы собираться вместе?» – А тут как раз появился Казиев Касымхан-ага. Задумку поддержал. Вот и родился второй клуб. А за ним и третий.

«Клубы, - говорит Разия Мухтаровна, – часть моей души. О них могу говорить бесконечно. Я этим живу. Этим дышу. Наверное, работа со старшими – ностальгия по бабушке, прожившей 92 года и бывшей для меня очень близким человеком. Свою тоску о ней я переливаю в работу. Да и «клубники» такая благодарная аудитория. И мне так хочется, чтобы они не сидели дома, не замыкались в своем возрасте и четырех стенах. И они чувствуют, что здесь мы не просто проводим дежурные мероприятия, и в ответ сами благодарят нас своим теплом. Мы у них учимся очень многому. Наверно, не столько мы им нужны, сколько они нам».

И, конечно же, библиотека – это не только клубы, но и книги. На то она и библиотека. Хотя читатели – сегодня проблема. В Интернете много разговоров о том, нужны ли библиотеки вообще, есть ли у них будущее? – Ведь достаточно сесть за компьютер – и открывается целая вселенная

«Но откуда информация?» – спрашивает сама себя Разия Мухтаровна? – Из библиотек. Книга дает источники информации. А это крайне важно. «Я считаю, - добавляет она, что библиотека была, есть и будет. Главное в ней – то, что библиотека – книгохранилище, то, что связует поколения. Любая книга имеет свою душу. Можно читать, перечитывать, соглашаться, спорить... Сказки, к которым ребенок прикасается в детстве, учат различать добро и зло. Думаю,

если дети будут больше читать, а не играть в стрелялки, в мире будет больше добрых людей». К тому же, по мысли Тасмагамбетовой, «библиотека – один из немногих общественных институтов, который сейчас общедоступен».

Да и личный рост самих сотрудников и руководителей библиотек – ой, как немаловажен. А разве постоянное общение с людьми – не дорога личного роста? К тому же жизнь, подчас, одаривает удивительными встречами. Так, в 2006 году Разии Мухтаровне посчастливилось участвовать в форуме «Библиотечная столица». Специально поехала туда, чтобы увидеть и услышать Олжаса Сулейменова. О нем спорят. Его не все принимают. Но как же приятно было видеть переполненный зал, где люди даже сидели на ступенях. Значит, легендарный поэт и публицист интересен и сейчас. Значит, и сегодня люди тянутся к слову. Надо только его найти, это слово и произнести так, чтобы цепляло за живое. Особенно памятным стал автограф поэта, оставленный им для ее библиотеки на своей книге «Определение берега». Столь же памятной оказалась встреча и с Муратом Ауэзовым.

Особенно же запомнилась встреча с уроженцем нашего, Урицкого района Нургожей Оразовым. В, мягко говоря, зябкое время, Разия Мухтаровна с цветами и книгой для подписи отправилась на вокзал. Заледенела. Едва отыскала тот самый вагон, в котором отъезжал писатель с супругой. На всю жизнь запомнила она, как протянула книгу для подписи. Писатель словно застыл, а потом повернулся к жене и сказал: «Вот сейчас понимаю, что не зря прожил...»

Какие простые, но искренние слова! Ведь писатель без читателя, все равно, что небо без птиц. А библиотекари – те связующие нити, без которых и сегодня, в век Интернета, и авторам, и читателям не всегда легко найти друг друга.

Один из таких служителей библиотечного дела – Разия Мухтаровна, для которой жизнь неотделима от главного дела этой жизни. Дело это – и океан забот, и одновременно опора. Вторая же опора – супруг – Валерий Алексе-

евич Цхай, чье надежное плечо тоже так важно. Хирург и врач-исследователь, чье имя известно далеко за пределами Костанайщины.

Литература

1. Тасмагамбетова Р.(Составитель). Верность любимому делу. – В кн.: О нашей работе – писательским словом (Сборник конкурсных работ «Призвание библиотекарь». – Костанай, 2004.

Женщина со строгими глазами

МИКУЛЬЧИК Н.И.

Наталья Ивановна Микульчик из тех, кто практически всю свою жизнь отдал школе. Может быть, именно поэтому и в 90 лет она сохранила ясную память о прошлом. Вот что ей запомнилось о прожитых годах.

Родилась Наталья Ивановна 9 ноября 1924 г. В селе Островка Кустанайской области. Ныне, по ее словам, этой деревни уже нет.

Родители ее родом из Украины, и приехали в Казахстан в начале 20-х. Тогда в Казахстан украинцы ехали целыми семьями. Отец – Иван Дмитриевич Деркач. Мама – Варвара Михайловна Штых. В Казахстане они и поженились, оказавшись поначалу в Кокчетавской области, и лишь несколько позже попали на Кустанайщину.

В начале 30-х ей было только шесть, но «я все помню», - говорит Наталья Ивановна. С 1932 года семья оказалась в Глазуновке.

«Была коммуна, начали организовывать колхоз. У всех поотбирали коров, а урожая, как такового, в 1933 году не было. Голодный год. Когда Сталин узнал об этих вещах, которые официально были названы «перегибами», была

опубликована его статья «Головокружение от успехов». Коров вернули. (Даты даны так, как они отложились в памяти Микульчик. Собственно статья Сталина была опубликована в газетах 2 марта 1930 года. («История СССР с древнейших времен до наших дней». – Т.8. – М.: Наука, 1967)

В следующем же, 1934 году, был урожай. Родители – на уборку. А маленькая Наташа вместе со старшей сестрой Аней оставалась дома. Отец был бригадиром и однажды, разгрузив 12 высоченных бричек с сеном, напился холодной воды и прилег отдохнуть на сырую землю. Простыл, заболел «скоротечной чахоткой» и умер той же ночью – как раз тогда, когда мама с «красным обозом» пшеницы отправилась за 36 км в Кустанай. Так, мама Наташи и осталась одна с двумя девочками-погодками на руках.

В Глазуновке семья прожила до 1939 года. В школе там было только четыре класса и поэтому Наташе пришлось, до переезда в Кустанай, дважды ходить в четвертый класс. Поразительно, но на всю жизнь запомнился один из первых учителей – появившийся в Глазуновской школе Георгий Дмитриевич Балашов. «Молодой, красивый парень». Много лет спустя, в 80-х, когда Наталья Ивановна уже сама давно работала в школе, она вновь встретила бывшего красавца Балашова, ходившего после возвращения с фронта с бадиком. Он оказался на партучете в той самой школе, где довелось работать и Наталье Ивановне.

Из раннего детства ей особенно врезался в память голодный 1933-й год. Есть было нечего, и Наташа со старшенькой (1923 года рождения) Аней ходили в степь. «Каких только растений не ели!» - Одуванчики, степной чеснок, анютины глазки... Выкапывали сладкие луковицы степных тюльпанов. Во дворе рос спорыш, и сестренки ложились животами на землю и выщипывали эту траву. «Не знаю, как мы тогда только выжили. Один раз два с половиной дня ничего во рту не было», спокойно, без надрыва, как о чем-то столь же бытовом, как вытирание пыли с мебели, говорит Наталья Ивановна. И добавляет: «Почему я в детстве, да и до самой пенсии никогда не болела, в поликли-

никах никогда не была? – Травой питались. Там много витаминов».

Когда семья переехала в Кустанай, Наташа пошла в пятый класс уже переростком. Но о своих годах ни тогда, ни потом не думала. Всегда выглядела девчонкой. Правда, учиться было непросто – ведь дома говорили на украинском, а я по собственному отцу знаю, как нелегко было ему, украинцу, осваивать правописание на родственном, но ином, русском языке. Да и странным казался маленькой школьнице, этот очень похожий, но другой язык и поначалу она говаривала сестре: «Буду я тебе ще ломати свой язык».

Однако учителя «были очень хорошие» и Наташа вскоре полюбила и русский язык, и литературу. Даже диктанты писала на четыре-пять. Еще полюбились ботаника и география.

Запомнился и классный руководитель Григорий Львович Эйдинов. Как хороший человек и сильный физик и математик. Жена же его – Зоя Григорьевна в старших – девятом и десятом классах вела у Наташи русский язык.

Была Наташа бойкой и, как сейчас бы сказали, «очень активной» школьницей «со строгим лицом». Была старостой и пользовалась авторитетом у одноклассников. Сама проводила в классе обязательную тогда пятнадцатиминутную зарядку: «приходили все и четко становились по своим местам...»

Как заметила на общем собрании учительница (Александра Артемьевна Панаева, жена известного в Кустанае вузовского преподавателя Европейцева), «Наташа Деркач сидит – и весь класс сидит, а нет – и класс соответственно».

Но вот к учителям сама никогда не походила-стеснялась. Интересно, что в школьные годы ни пионеркой, ни комсомолкой не была, что не помешало комсомольскому секретарю (комсоргу) класса – Ольге – стать ее лучшей подругой. Даже прозвища они получили близкие. Наташу прозвали «бугор», а Олю – «бугор на бугре». Поскольку целый ряд лет учебы пришелся на годы войны, школьницам довелось немало поработать и физически: пололи морковь, а в 1942 г. даже прервали экзамены и послали в Сергеевку на

уборку хлеба в несобранных еще осенью, но уже подсохших валках. «Было интересно». Запомнилось, как однажды нашли под валком перепелиное яйцо. Собирали и урожай ранеток. «Яблок тогда на Кустанайщине не было». Ездили в лес за дровами...

Запомнилось и то, что в годы войны ввели отдельное обучение девочек и мальчиков. Но было здорово: девочки в своей школе готовили концерты и приезжали к мальчикам. Мальчики в своей (14-й школе) – тоже готовили концерты и приезжали к девочкам.

Школу Наташа закончила в победном сорок пятом. Встал вопрос: а что дальше? Сначала сдала документы в сельхозтехникум. Но вскоре забрала и поступила в двухгодичный учительский институт «на математический факультет». Но там надо учить историю ВКП (б), которую Наташа никак не могла понять. Поэтому через полгода институт бросила. На следующий год снова поступила в этот же институт. Уже на естественно-географический факультет. «Преподаватели были блестящие», и история партии, видимо, не показалась слишком мучительной, потому что начисто забылась.

Читала же Наташа запоем. Запомнилось, как во время учебы в «учительском» перед самым экзаменом по биологии попал в руки «Граф Монте Кристо». Книгу на следующий день надо было вернуть. Вот и просидела над ней всю ночь. Но экзамен каким-то чудом сдала...

А жили бедно. «По существу, из одежды была лишь фуфайка, одно платье, связанные мамой чулки из овечьей шерсти, сшитый из шарфа башлык на голову. Да еще запомнились выданные по талонам ботинки. «Я, - комментирует сказанное Наталья Ивановна, - как-то тогда на это не обращала внимание. На это смотрели не особенно критически. Кто в чем мог, тот в том и ходил».

Правда, после войны стало полегче. К тому же сестра, начавшая с пятнадцати лет работать санитаркой, в годы войны оказалась в прифронтовом госпитале, вместе с которым попала и в Германию, откуда и прислала несколько посылок, позволивших «немножко приодеться»...

Сама же Наташа, уже Наталья Ивановна, после окончания Учительского института была направлена в Введенский район, в село Надеждинку. Село, по ее словам, «было чисто немецким». Русских и украинских дворов – лишь семь. И не удивительно: Надеждинка стала одним из разбросанных по Казахстану пристанищ для высланных в годы войны немцев Поволжья.

«Мы там, - вспоминает Наталья Ивановна, - зажили неплохо. Обосновались. Наелись хоть хлеба досыта». Даже в неурожайном 1949 году учителей поддерживали. Давали бесплатно пуд овсяной муки.

Здесь она, как и многие сельские (да и только ли сельские?) учителя тех лет была и пионервожатой, и агитатором, и вела «для начальства» занятия по истории ВКП (б): «хотя в политике не особенно разбиралась, но сидела, учила».

Здесь же встретила своего будущего мужа Анатолия Микульчика. Поначалу не очень-то стремилась к близости, скорее наоборот: любила свободу, любила побыть одна. Но недаром говорится: «Суженого и на кривых оглоблях не объедешь». Натиск Микульчика оказался упорным и в 1954 г. вышла замуж. Случилось это 7 августа. Безо всяких громких свадеб, марша Мендельсона. Заехали в загс – и расписались. И этого оказалось достаточно для долгой совместной жизни.

А жизнь эта пошла на подъем. С обустройством быта учителям помогали. Коммуналка практически бесплатно. К тому же муж уже тогда выделялся своим профессионализмом и образованием. Он, Анатолий Филиппович, имел несколько высших образований. Уже до приезда на Кустанайщину закончил механический факультет Донецкого заочного горного института. Позже окончил в Москве институт метрологии и стандартизации, экономический институт в Целинограде. Два года учился в аспирантуре (в Москве). В годы же войны работал сначала на военных заводах, а «затем в освобожденных районах». Рвался на фронт. Но был оставлен в тылу. Для Победы такие, как он специалисты, нужнее были там. В Надеждинку же он

приехал главным инженером. Работа была непростая – не только с техникой, но и, прежде всего, с людьми. Тем более, что на Целине далеко не все было гладко. Особенно в засушливый 1955-й год, когда немало целинников стало уезжать из Казахстана. Приходилось убеждать остальных. И Микульчику это удалось. Следующий же год оказался урожайным. Замечательно! Но какой напряженный труд требовался, чтобы собрать невиданный урожай! Труд этот был оценен. «Наеждинская МТС (машинно-тракторная станция) была удостоена чести участвовать в ВДНХ... Директору И.Островскому и главному инженеру были вручены малые золотые медали ВДНХ, денежная премия и техника (автомобиль «Победа», мотоцикл «Иж») (1, с.18). Позже было немало наград и достижений, но эти – одни из самых памятных. (Тут уместно вспомнить, что и сама Наталья Ивановна помимо множества грамот имеет четыре правительственные медали)...

Да и быт все более обустроивался. Микульчики получили дом, участок, где появились и свиньи, и коровы, и куры, и гуси. За всем этим хозяйством следила жившая с ними мама Натальи Ивановне. Сама же Наталья Ивановна была «на подхвате» - основные силы отдавались работе.

В 1959 г. семья оказалась в Кустанае. «А.Ф.Микульчик перешел на работу в Кустанайский совнархоз начальником Центрального бюро технической информации. Здесь он возглавил работу по переводу иностранной технической литературы на русский язык». Наряду с этим он был и автором многих изобретений и немалого числа публикаций (1, с.18)).

Наталья Ивановна продолжила работу в школе, которой и отдала больше пятидесяти лет своей жизни. Наверное, здесь тот случай, когда Судьба и Труд сплелись воедино. Хотя, конечно же, когда-то Наташа хотела бы быть и артисткой. А кто из девочек не хотел? – Но это влечение оказалось мимолетным. «У меня, - вспоминает она, - и в мыслях не было жалеть, что выбрала эту профессию. Помню, однажды я рассказала своим ученикам о своей детской мечте стать артисткой. И одна из учениц сказала: «Наталья Ивановна, а ведь Вы не ошиблись в выборе профессии» (2, с.1).

Но любовь к пению сохранилась на всю жизнь. Особенно любимы романсы. Да и стихи – романтические, в дымке 19-го века, свои стихи, написанные собственной рукой ровными строчками улеглись в заветной тетрадке – тетрадке для себя. Но, наверное, без таких вот тетрадок «для себя» не было бы и того, что столько лет отдавалось другим и Натальей Ивановной, и такими вот, с виду суровыми служителями своего дела.

Что же до пения, то бывало и такое: Наталья Ивановна во время «окон» между своими уроками так забористо распевала, что учителя попросили: «Не пойте, пожалуйста, а то ученики слушают не нас, а как вы поете». Но при этом, когда в одной из местных газет о ней написали «женщина, которая поет», то «страшно рассердилась: что я Пугачева?» Хотя в хорах участвовала с удовольствием. Но и это было «для себя», для души, а не для галочки и того, что сегодня обозначили бы таким модным словечком «успех».

Строгая, но справедливая Наталья Николаевна Микульчик никогда не знала особых проблем с дисциплиной... С детства у нее были «строгие глаза», которые и сейчас глядят на нас с фотографий прошлых лет. Ученики и побаивались ее, и уважали, и любили. И это при том, что она на них никогда не кричала. Так же, как и те ее коллеги, о которых она, как о Генриетте Елисеевне Коршун, вспоминает с особым теплом.

Думается, что и уважение, и любовь учеников неотделимы и от любви к своему делу. Наталье Ивановне довелось немало поездить: была с семьей и в Болгарии, и в Румынии, и в Молдавии, и на Украине, и в Прибалтике, Ленинграде, под Сочи... А для учителя географии такие, не книжные впечатления значат очень много. Но все не объедешь... И тут уж без книг никуда. Без книг и собственного воображения. Особенно влекли книги о Беринге, Пржевальском... Не случайно во время одного из уроков, на котором Наталья Ивановна рассказывала о Камчатке, ученик спросил: «Вы там были?» - «Нет». «А рассказываете так, словно видели все собственными глазами». – «Так для этого и дано нам воображение», - ответила она.

И, все-таки, для работы уже в старших классах одного Учительского института было мало, и в 1960 году Наталья Ивановна поступила в Челябинский пединститут. Заочно. Но так случилось, что с год проболела – 8 месяцев была на бюллетене. Случилось же это так. Вместе с учениками работала на участке. Сильно простыла. В школе же была новая котельня, которая не грела. Дети на уроках сидели в верхней одежде. Оказывается, строители не заметили камней, набившихся в трубу и мешавших подаче тепла. Позже школу подключили уже к центральному отоплению. Но это было потом. В тот же год Наталье Ивановне пришлось долго и упорно лечиться, а потом еще и восстанавливать силы – вплоть до отпуска в дни летних каникул. Так и пришлось в следующем, 1961-м начинать вновь свою учебу в том же вузе. А ведь было уже за тридцать пять. Но поступила и успешно закончила. И это при том, что была и семья, и то, что называлось, да и сейчас называется общественной работой. Не бывшая ни пионеркой, ни комсомолкой, исполнительная и активная Микульчик четверть века была секретарем школьной партийной организации, о делах которой писалось даже в областной газете (3,с.2).

Как учительница сама работала с учениками в трудовом лагере, с гордостью вспоминая, что мальчики, трудившиеся на стройке, сумели заработать по 60 рублей, а сама она – 80. Уместно напомнить, что в те годы 120 р. были неплохой месячной зарплатой. И заметьте: и учительница, и дети не просто получили деньги, а заработали их собственным трудом, что было особенно значимо.

Как видим мир, в котором Микульчик обрела себя был во многом очень не похож на наш, сегодняшний. Правда, и он не был одноцветным, Что-то сегодня воспринимается, как курьез, а то и наивность. Так, Наталья Ивановна вспоминает, как однажды семьей отдохали в Болгарии. Отдых был организован замечательно. Их встретил гид, владевший русским языком (он, оказывается, учился в Ленинграде и подрабатывал на каникулах). поселили в гостинице с видом на море.

Естественно, встречали и иностранцев. Однажды израильяне спросили, можно ли у них купить фотопленку.

Поскольку фотоаппарат у них был советский, проблемы не было. Супруг Микульчик взял их «Зенит», пошел с пляжа в гостиницу и зарядил его пленкой. Те хотели рассчитаться и долгое время не могли понять, как это, можно такое подарить. Их просто изумило то, что такая помощь незнакомым оказалось бесплатной.

Другая же встреча самими Микульчиками была воспринята, как более драматичная. Как-то на пляже увидели даму с детьми, собиравшими моллюсков. Дама оказалась из тех, кто некогда эмигрировал из России, и хорошо говорила по русски. Она объяснила, что, если моллюсков сварить, да еще с лучком, то они будут очень вкусны. И пригласила Микульчиков на ужин. Но дама-то была не наша. А что, если начнут вербовать? Не говоря уже о том, что, как знали Микульчики, в заграничных поездках и среди наших были не только обычные туристы, а и «глаза и уши государевы». Ситуация казалась патовой. Но выход нашелся. Поехали в Варну. Вернулись оттуда поздно. Так под благовидным предлогом и опоздали на чреватый опасностями ужин. Реальными ли, мнимыми ли? – Так ли это важно, если подобные опасения гнездились в головах людей?

Но в реальной жизни не обходится и без совершенно реальных проблем и испытаний. Так, после немалого числа лет супружеской жизни Наталья Ивановна узнала, что у ее супруга до их брака уже был сын. Не сказал же сразу потому, что, сватаясь, боялся ее отказа. И так случилось, что сын заболел. И что бы вы думали? Сын этот, Алик, очень талантливый, по словам Микульчик, приехал на полгода в семью отца. Строгая и даже суровая с виду Наталья Ивановна с ним сдружилась и до сих пор вспоминает его с теплом. Маленький штрих, а как много говорит о человеке! А, может быть, и о времени, которое рождало таких людей.

Еще более тяжким испытанием – испытанием, растянувшимся на десятилетия, стала беда, постигшая ее собственного сына. В семидесятые, уже после окончания техникума, он оказался в армейских рядах. И, наверное, почти каждый, кому довелось служить в эти годы, знает, что такое «дедовщина». Где-то легкая, как бриз, где-то – уродливо жестокая. Сыну Натальи Ивановны не повезло.

Он столкнулся именно со вторым, и после жесточайших избиений остался инвалидом на всю жизнь. Потрясающий поворот судьбы и чудовищная несправедливость: образованные родители, которые столько сделали для области, ничего не смогли сделать для своего собственного ребенка, «отдававшего свой долг Родине». По горькому стечению обстоятельств случилось так, что немногим позже из того же подъезда кустанайской многоэтажки отправился на армейскую службу паренек, который просто-напросто был убит. И это еще в те годы, когда криминалитет не успел, как в 90-е, захлестнуть улицы наших городов...

Но, как бы то ни было, а жизнь продолжалась. Наталья Ивановна ушла на пенсию. Уроки остались в прошлом. А потребность опекать других осталась. Вот и сейчас, по мере сил, Наталья Ивановна спускается из подъезда, и окрестные кошки сбегаются к ней, как по призыву пионерского горна. Каждый день она любовно подкармливает их. И, может быть, такие капли доброты делают хоть чуточку добрее и наш нынешний, такой ершистый мир?

Литература

1. Свой след на целинной земле. – Костанай-агро. – 20.11. 2014 г., с.18.
2. Изгаршева Юля. «Не представляю себя вне школы». – Зеленое яблоко. – 30 сентября 1999 г.
3. Вполне понятно, что писалось языком своего времени, тем несколько казенным языком, в котором нам сейчас не достаёт живинки. Но существенно, что писать-то было о чем. Поэтому вспомним здесь фрагменты написанного: «...заслуживает внимания деятельность объединенной партийной организации школы № 4 г. Кустаная. Здесь работает шесть коммунистов и все они активно участвуют во всех общественных мероприятиях, проводимых в школе и вне ее. На партийных собраниях здесь обсуждались жизненно важные вопросы... Школа перешла на кабинетный метод обучения.... Много внимания парторганизация уделяет укрепле-

нию связи школы и семьи, выработке единого подхода к воспитанию юного поколения...»

Коллектив школы стремится заинтересовывать «учащихся общественно полезным трудом», отвлекая их «от пустого времяпровождения. В летний период в школе № 4 были созданы трудовые бригады, которые работали в «Зеленстрое», на строительных участках, на комбинате хлебопродуктов. По решению совета дружины заработанные деньги пошли на приобретение инструментов для школьных мастерских и туристические поездки учащихся. Средняя школа №4 установила тесные шефские связи с Джамбульской средней школой...» - Ленинский путь. – 29 ноября 1974 г., с.1.

Приложение

Одним из свидетельств не только личных успехов Наталии Ивановны, но и жизни сменяющихся эпох являются медали: «Отличник народного просвещения Казахской ССР». (1969); медаль к столетию со дня рождения В.И.Ленина; юбилейная медаль «50 лет целины»; медаль «70 лет победы в Великой отечественной войне».

Музыкант и певец

НАМ О.В.

Известный в области, и не только, музыкант и певец. Те крохи, которые здесь упомянуты, собраны благодаря его жене Тен Надежде Николаевне и Ольге Матвеевне Огай, за что им огромное спасибо. Остается надеяться, что в дальнейшем те, кто его знал, смогут обогатить эти беглые и далеко неполные заметки.

Олег Владимирович – человек, который жил корейским хором и, образно говоря, поднял этот хор на ноги.

Родился он в Ташкентской области Узбекской ССР 18 июля 1950-го года. Семья была обычной. Хотя, наверное, (если полученные сведения точны) не совсем. Отец его, Нам Владимир Терентьевич, был фронтовиком, а такое выпадало на долю не многих корейцев, депортированных в массе своей с Дальнего Востока. Так что, можно сказать, что отцу Олега повезло дважды: и в том, что довелось стать фронтовиком, и в том, что вернулся живым. Мать звали Верой Васильевной. В их «простой» семье родилось две сестры и три брата. Старшим оказался Олег, который, по словам его супруги, «всегда чувствовал ответственность за родных».

«В детстве всегда отличался своей любознательностью... с малых лет увлекался музыкой, играл на гитаре, всегда был лидером, отличался своей харизмой». В годы, которые он провел в интернате, его звали Тыгари, что в переводе с корейского означает *Золотая пуля*. И, наверное, не даром. Однажды, когда спустя годы и годы, его, уже взрослого встретила одна из тех, кто в детстве был с ним вместе в одних интернатских стенах, она вспомнила и его детское прозвище, и то, что он всегда делился с нею куском хлеба.

Среди увлечений были и история, и спорт: теннис и дзю-до. Со временем в дзю-до даже появились ученики. Но главным – всегда была музыка.

Казалось бы, музыка должна была стать его стезей. Но жизненные пути не всегда бывают прямыми. Так и молодой Олег сначала выбрал дорогу агрария, и первое его

высшее образование оказалось связанным именно с этим: в 1973 году он окончил Московскую Академию сельского хозяйства им. Темиряева. «Работал агрономом в колхозе «Правда». Позже получил второе высшее образование: закончил в Москве Институт культуры» и стал работать зам. отделом культуры... Дружил с музыкантами группы «Ялла» и молодым Закировым. По словам Надежды Николаевны, даже их гримерки были рядом. Трудясь в Узбекистане, побывал с концертами не только в стране хлопка, но и за пределами Союза: в Румынии, Венгрии... Таковы контуры не случайного успеха. Ведь это было уже его, родное...

После распада Советского Союза местная ассоциация корейцев пригласила его в Костанай. Именно здесь он и организовал в 1992-м году корейский хор «Мугунхва». И не просто организовал, а и учил его членов с азав, потому что в то время он был почти единственным, кто знал и корейский язык, и основы корейской культуры. Он положил начало изучению основ песенной культуры корейцев. Появилась воскресная школа по изучению корейского языка.

Дело это было нелегкое и неблагодарное, если бы его оценивать лишь с финансовой стороны: долгие годы, по словам жены, Олег Владимирович вел свою колоссальную работу совершенно бесплатно и лишь в последние годы жизни получал свои, довольно-таки, условные деньги – десять тысяч тенге в месяц. Прирабатывал же «на стороне», но такое положение его не смущало: он любил повторять: «Талантом не торгуют».

К тому же колоссальную поддержку оказывала жена – Тен Надежда Николаевна, в прошлом преподаватель французского языка в училище, а затем и поныне – предприниматель.

Да и работа в хоре увлекала - и результатами, и расширением круга общения с интересными, творческими людьми. Так, «первым руку помощи и дружбы протянул ему известный музыкант и композитор, лауреат Премии меценатов», человек с музыкальной фамилией Сергей Борисович Кобызев. «И все 19 лет их связывала творческая дружба».

Вместе с тем расширились и горизонты самого Олега Владимировича. Он прошел двухгодичную стажировку в Пхеньяне, где рядом с ним в одном «классе» сидели посланцы самых разных стран: негры, чехи, румыны, чехи.

Но главное – это сама музыка и сцена. По словам супруги, талант Нама «был всегда отмечен». Кстати, в том же Пхеньяне он участвовал и во Всемирном фестивале исполнителей народных песен, где вошел в десятку лучших. Он – «дипломант ВДНХ 1977, 1984, 1985-го годов, лауреат фестиваля «Апрельская весна», проходившего в 1989 году. Лауреат, проходившего в Санкт-Петербурге, Международного конкурса «Глобус». Обладатель Гран-при в Алматы и Чимкенте. Он же стал обладателем третьей премии на, проходившем в Москве, Международном конкурсе «Золотой соловей», где председателем жюри был Иосиф Кобзон. И сегодня мы можем видеть фото, где наш земляк рядом с Кобзоном. Среди фотографий тех лет и еще одна, очень трогательная – рядом с миниатюрной и очаровательной Анитой Цой, подписанной на память: «Дорогой Олег Владимирович! Берегите себя, будьте счастливы и здоровы!»

Еще одна памятка с того конкурса – миниатюрная статья сотрудницы «Костанайских новостей» Елены Преображенской», которую уместно воспроизвести здесь целиком.

«На Первом Международном конкурсе исполнителей корейской песни «Золотой-Соловей – 2006» ... лауреатом стал наш земляк.

Костанаец Олег Нам вошел в состав немногочисленной казахстанской делегации – всего три человека представляли в Москве нашу страну. Олег Владимирович не профессиональный певец. Работает агрономом, но он обладатель Гран-при 8-го республиканского фестиваля корейской песни, проходившего в прошлом году в Алматы. Этим и была предопределена поездка на международный конкурс. а на нем выяснилось, что исполнением песен на корейском языке среди конкурсантов не выделиться. И Нам включил в репертуар песню на казахском языке «Айнаши».

Национального костюма в костюмерных ДК, печально известного трагедией «Норд-Оста» (а именно там проходил конкурс), не оказалось. Может, это и повлияло на решение жюри. Но когда среди его оценок – десяток затесались две девятки, зрительный зал – все 1400 мест – проскандировал: «Мало! Мало!» И все же мнение жюри, в составе которого были заслуженные артисты республик СНГ и даже генконсул Кореи, оказалось решающим...»

Но особую радость Наму доставила родная, костанайская Премия клуба меценатов: «Наконец-то, меня оценили...» Премия эта стала наградой не только за талант, но и за упорный, подвижнический труд: концертные поездки по области, выступления перед детьми, солдатами, инвалидами...

Жизненный путь этого крепкого, рослого для корейца своих лет человека был на подъеме. Но... 8-го января 2011-го года произошла трагическая случайность: в момент, когда он находился в своей «Волге», в него с ходу врезалась другая машина. «Волгу» ударило о столб и буквально искорежило, но травмы поначалу казались не слишком опасными. Нам сам позвонил жене, да и позже, в палате оживленно говорил с соседями по палате. Потом же наступило резкое ухудшение и на четвертый день после несчастного случая его не стало...

«При жизни его мы не всегда ценили, – вспоминает близко знавшая его Ольга Матвеевна . А сейчас его так не хватает – словно рыбе кислорода на берегу. А сколько песен он только для меня одной переписал! И сколько сам сочинял! Сколько делал для хора!»

Впрочем, песни продолжают жить. Под записанную им музыку танцуют и сегодня.

Остались и дети – два сына и дочь, и еще пасынок, которого он любил, как родного. По запискам супруги Олега Владимировича, «старший Сергей – предприниматель, имеет свою техстанцию. Женат. У него самого двое детей. Жена – Ира, юрист по образованию. Лера, внучка Олега, занимается бальными танцами, выступает в больших концертных залах Алматы и за рубежом. Внук, Владик,

студент, серьезно занимается спортом, имеет свои успехи и достижения.

Второй сын, Игорь, закончил театральный институт, работал актером, сейчас – переводчик (знает корейский и английский). Высокий, красивый, умница, эрудит. Жена – Наташа. Сын – Артур... Дочь Татьяна, замужем, проживает в Корее.

Пасынок же Павел, добрый и трудолюбивый, любивший Олега Владимировича, как родного отца и гордившийся им, погиб. Такова жизнь, где взлеты, достижения и радости сплетаются с невыносимой болью. Но при этом жизнь не уходит, не оставляя следа, и след этот сам становится частицей того, чему суждено продолжаться.

Сельская учительница

БАЙМУХАМБЕТОВА (КУРГАНБЕКОВА) Н.А.

История любой организации, а тем более организации общественной – это история не только структур, а и людей, и зачастую. прежде всего. людей. Одной из тех, без кого не было бы существующего уже 15 лет клуба «Шанырак» по праву называют Нуркамал Абдурахмановну Баймухамбетову – Куранбекову. Последняя фамилия – по мужу.

В библиотеку, что на КСК она, бывшая селянка, пришла уже горожанкой и пенсионеркой. «После тяжелого физического труда на селе в городе просто не знала куда себя деть. Я до сих пор встаю в 5 часов по старой привычке – доить корову», - говорит Нуркамал-апай. Придя же в библиотеку, прикипела к ней. А тут и национальные клубы начали создаваться. Одним из них стал клуб «Шанырак». Нуркамал же Абдурахмановна – его первым секретарем.

Было это, кажется, совсем недавно. Но путь в такую жизнь начинался давно. Попробуем проследить лишь некоторые его вехи.

Нуркамал Абдурахмановна (а согласно ряду почетных грамот прежних лет – Зинаида Абдурахмановна) родилась 25 июня 1938 г. в поселке Терсак Челябинской области. Отец ее был из «раскулаченных» баев. Так случилось, что, раскулачивая, помимо прочего, конфисковали и заметный по тем временам деревянный дом. Дом этот перевозили на четырех быках в поселок Абай Ленинского района. Там на его основе построили семилетнюю школу, в которой, по словам Нуркамал-апай, «получили образование многие заметные представители казахского общества. Со временем кто-то стал кандидатами наук, профессорами, кто-то – пошел по другой стезе». Среди выпускников этой школы Баймухамбетова вспоминает профессора К.Ш.Оразбаева, полковника милиции Тулегена Жаксымбетова и многих других.

А как же отец? – Поскольку был грамотным. умел хорошо писать и по арабски, и по русски, стал советским служащим, работал в районном отделении министерства заготовок. Мать же, тоже по тем временам образованная – за ее плечами было семь классов - являлась домохозяйкой. В семье был четверо детей – два брата и две сестры, младшей из которых и оказалась – Нуркамал - - Лучистый Верблюжоночек (?)

Детство Нуркамал, о котором она вспоминает спокойно, без надрыва. как о данности, оказалось тяжелым. Мать умерла, когда ей не было еще и пяти. Отец ушел из жизни в 49 лет в 1943 году. Тогда Нуркамал должна была идти еще только в третий класс, и проживали они в то время уже в селе Ксеневка Узункольского района Кустанайской (ныне Костанайской) области.

Нуркамал-апай вспоминает и как младшенького братишку ей доводилось носить привязанным к спине, и как с десяти лет пришлось по-взрослому работать. Случилось так, что она крутила ручку у сепаратора, отделявшего молоко от сливок.... Эту нехитрую, но нелегкую работу удалось получить, потому что заведованием работала

бабушкина племянница и ее двоюродная сестра. Работа эта, выражаясь сегодняшним языком, была своего рода эксклюзивом. А вот другой вид работы – почти всеобщим. Это труд на сеноуборке, на волокушах, которые представляли собой несколько связанных вместе березовых стволов. На них быками и перетаскивали сено, чтобы собирать его в стога. Тогда-то она и научилась управляться с быками. До сих помнит: окрик «Цоб!» означал то, что быки должны поворачивать в одну сторону, а «Цобе!» - в другую. И быки понимали, что от них требуется. Любопытно, что это самое «Цоб-Цобе» еще и годы спустя продолжало звучать в украинских семьях.

Работы эти велись летом. Осенью же, как и у иных детей, начинались занятия, и Нуркамал могла на заработанные ею самой деньги купить и платье, и черный и белый фартучки для школьной формы.

Из тех далеких лет особенно запомнилось, как было встречено окончание войны. Люди выходили на улицы, одевая самое лучшее, что у них было. Радовались. Смеялись и плакали одновременно. Целовали друг друга. Размахивали красными флагами И, конечно же, слушали радио – маленькое радио на батарейках, которое по такому случаю было вытащено на улицу из школы. Таким и запомнился Нуркамал День Победы – как поистине всенародный праздник..

От самой же войны остались в памяти детская боязнь гула самолетов, низко пролетавших над землей. Казалось бы, далеко был Казахстан от фронта, а гудение небесных моторов пугало. Дети, пугаясь, прятались под чапаны, которые на полу заменяли отсутствовавшие кровати. Да так и засыпали. Совсем маленькой Камал запало в память и то, что мама в те годы вязала носки и перчатки для солдат: три пальца вместе и два отдельно – чтобы стрелять было удобнее.

Запомнилось и то, как запрягали в круги коров, которых для этого по очереди брали то в одной, то в другой семье.

Запомнилась и смерть Сталина. Линейка в школе. То же радио на батарейках. «Все плакали».

А как же учеба? – С учебой было непросто. И подготовленных учителей не хватало, да и дети могли быть жестокими. Так, когда в школу пришел учитель математики казах, не очень хорошо владевший русским (а школа была русскоязычной) дети его донимали. Как-то так туго заткнули бутылочку с чернильницей, что, когда учитель рванул затычку, чернила залили весь классный журнал. В конце концов учитель не выдержал и покинул школу. Математику вести стало некому, и весь класс остался на второй год.

Еще тяжелее было учительнице немецкого языка – Вере Павловне, фамилия которой была чем-то вроде «Шварц». Немецкий язык – «язык врага» учить не хотели. Особенно доводил учительницу мальчонка, чей отец погиб на фронте: «У меня из-за тебя отца убили», – мог бросить в лицо учительнице «Жакай». Пожилая учительница уходила и плакала.

Сегодня бесплодно морализовать по поводу подобного. Таковыми были зерна той горечи, которые в душах детей взращивала война, и сколько же понадобилось лет и душевных сил для того, чтобы казахстанские немцы смогли твердо становиться на ноги, завоевывать искренней уважение окружающих, создавать прочные хозяйства, получать солидное образование, занимать видные должности! Но ведь и этого удалось достичь, и в этом заслуга не только немцев, но и живших с ними бок о бок других казахстанцев.

Что же до Камал, то детские «шкоды» не испугали ее, не помешали выбору будущей профессии, которая стала делом всей ее жизни. К тому же Камал еще в школе очень полюбила русский язык и русскую литературу. Правда, продолжить учебу после последнего школьного звонка довелось не сразу. В вуз не прошла по конкурсу, и лишь на следующий год удалось поступить в Рудненское педучилище. Училась заочно. Окончив училище, получила специальность учителя начальных классов. Учителем оказался и ее муж. Только он преподавал труд и физкультуру.

Работу в школе так и начала - учителем начальных классов. Позже стала преподавать казахский язык и литературу – со второго по 11-й класс. Эта тяга к литературе

крепла исподволь еще и до школы. Бабушка Нуркамал Абдурахмановны, хотя и была безграмотной, но могла наизусть рассказывать и «Козы-Корпеш и Баян Сулу», и «Кыз-Жибек», и «Тюлегена». Пела песни. А отец Нуркамал «мог сочинять» и сам, и при этом был остер на язык. Бывало, женщины в селе торопились прятать от него свои грязные платя - боялись, что осмеет в мгновенно рождавшихся острых стихах...

А многими годами позже, уже на курсах повышения квалификации впервые встретилась с известным не только в области, но и в Казахстане поэтом Акылбеком Шаяхметом. Поэт поразил ее, и после лекции учительница протянула ему открытку с просьбой написать несколько слов с пожеланиями для сыновей. И тут же, спонтанно, на казахском родились строки, которые в русском переводе звучат примерно так:

Дорогие Самат и Амангельды!
Будьте умными, здоровыми,
Чтобы люди (глядя на вас) могли удивиться.
Чтобы эти слова остались в вашей памяти,
Протянула открытку ваша мама.

Тут уместно вспомнить, что Нуркамал Абдурахмановна была не только труженицей, но и многодетной мамой. Познакомившись с мужем в 1957 г. (точнее выражаясь, их познакомили), она родила пятерых детей: трех девочек и двух мальчиков, что, по советским законам, дало ей право выйти на пенсию в 50 лет. Но и после этого еще восемь лет она отдала школе.

Так случилось, что из-за неизлечимой болезни, муж ее прожил немногим более пятидесяти. Но дети выросли и стали на ноги. Все они получили образование. Так, одна из дочерей – третья окончила агрофак Кустанайского сельскохозяйственного института. Старший сын получил экономическое образование, работал на таможне, был в звании капитана. Его же дочь ныне учиться на историка в КГУ им.Байтурсынова. Младший сын Самат занимается бизнесом в Алматы. Женат на русской, и у него с женой двое детей: мальчик и девочка.

Дочь же Шахиза стала выпускницей художественно-графического факультета казахского национального педагогического университета им. Абая. Кандидат исторических наук, доцент искусствоведения. Только к 2011 году ей опубликовано свыше 50 научных статей, увидевших свет в солидных научных журналах Казахстана, России, Узбекистана и Киргизии. Помимо прочего, ею в Барнауле опубликовано в 2011 г. добротное и четко написанное учебное пособие «Основы композиции» (1) Пособие посвящено родителям.

Как видим, в семье Кураганбековых дали детям не только жизнь, но и сделали все для того, чтобы дети в этой жизни могли достичь большего, чем их отец и мать. А жизнь-то, особенно в годы после развала Союза, была непростой. Не было в совхозе ни света, ни воды: «детям негде было мыться». Да и просто надо было выживать. Летом стала торговать молоком, которое из Джамбула (в эти годы жила уже там) привозила в Костанай. «Даже удивляюсь, как я могла все это», – вспоминает невысокая и худощавая женщина, сумевшая столько вынести на себе.

Тут помогли и дети: сложившись, купили матери в городе квартиру. Но мелкие дела не могли сравниться с прежней, наполненной тяжелым трудом жизнью. Вот так и появилась в уже новой жизни бывшей учительницы та самая библиотека, о которой мы уже упоминали. Впрочем, бывших учителей, если, конечно, это учителя по сердцу, наверное, не бывает. Так и Нуркамал Абдурахмановна. Она и сегодня излучает мягкость, слитую с твердостью, со стремлением к четкости, к правильному донесению собеседнику собственных мыслей. Библиотека же дала и возможность «быть у дел». Библиотека и Касымхан-агай Казиев, который и стоял у истоков клуба «Шанырак».

Что же касается жизненного кредо учительницы, то, судя по словам, Нуркамал Абдурахмановны, оно до сих пор не изменилось. В руках у нее пожелтевшая страница (простите за штамп, но это так) районной газеты декабря 1988 г. Статья эта названа просто, но с глубоким смыслом: «Мир держится добром. Статья эта – отклик, написан-

ный самой Нуркамал Абдурхамновной. Отклик на письмо девушки Гульнар, сетовавшей на грубость иных представителей других национальностей. Что ж, подобное – не выдумка, когда различия национальные подливают масла в огонь бытовых раздоров и мелких стычек.

Но вот, что написала обо всем этом не штатный идеолог, а сельская учительница. Она вспомнила и то, как после переезда в совхоз «Притобольский» и утраты мужа ей было тяжело, и как помогали люди самых разных национальностей: «Если бы не соседи, коллеги-учителя, которые разделили мое горе, мне бы, наверное, не пережить. Сама на учете с хроническим заболеванием, сын болен – сколиоз позвоночника. А жить надо. А еще хозяйство. Как в селе без него?..»

И при чем тут чья-то национальность? – Ведь меня поддерживали разные люди. «Летом (же) я была на Украине. Возила сына на лечение. Женщина-врач, которая нас принимала, назвала нас земляками. Оказывается, она родилась и выросла в Караганде. Сама русская. Мне показалось, что я встретила родную сестру, так тепло вспоминает она о своей родине – Казахстане...»

Да разве можно описать все хорошее? Не в национальности дело. Среди всех национальностей, среди всех народов есть люди хорошие, и люди плохие. Но хороших людей всегда больше! Мир и наша планета держится на всем светлом, добром, прекрасном и человечном...» (2)

С тех пор, как были опубликованы эти строки прошло немало лет и очень, очень многое изменилось, что-то безвозвратно утеряно, что-то возродилось или заменило прежнее, но, если и по сей день хранится эта газета, значит, человек не отказалась от былых своих убеждений (3). А это немалого стоит в нашем таком, неустойчивом мире, где, как нередко бывало и в иные времена, и малая искра может стать причиной большого пожара. Но, думается, можно добавить, и малые с виду дела могут питаться большими чувствами, теми чувствами, без которых сегодня не в силах выжить ни одно человеческое сообщество, каким бы технически оснащенным оно не было.

Литература и примечания

1. Тургенбаева Ш.С. Основы композиции. – Барнаул, 2011.
2. Строитель коммунизма. Орган Кустанайского райкома компартии Казахстана и совета народных депутатов. – 10 декабря 1988 г., с.3.
3. При этом Нуркамал Абдрахмановна отнюдь не прекраснородушная идеалистка. Она умеет быть и наблюдательной, и критичной, пример чему ее вопросы, которые прозвучали на телепередаче «Бабье Царство» в студии Алматы. Сама она вспоминает их так. Первый вопрос: «Как понять объявления типа: «Требуется 25-летний работник со стажем не менее пяти лет?» «Почему при сорокалетнем стаже равны пенсии у людей с образованием и без?»... Вопросы эти были признаны самыми интересными и в награду достался памятный приз – майка с надписью «Бабье царство».

«Гаяне, ты моя Гаяне»

МАРТИРОСЯН Г.Х.

Впервые я встретил Гаяне во время одной из совместных поездок по области. Миниатюрная и яркая, словно капелька солнца, она с первого же взгляда привлекает той необычной красотой, которую не объяснить лишь чертами лица и трудно описать подходящими для привычных портретов словами.

Последний год она работает на местном телевидении, но почти вся ее жизнь неотделима от сцены – песен и танцев. Для нее сцена, цветы, аплодисменты – такие же частицы ее самой, как лепестки для цветка.

По меркам нашей книги очерков она еще очень молода. Родилась Гаяне 22 сентября 1989 г. в Ереване, где и получила свое имя, означающее на русском «Придет любовь». Отец ее – Хуршуд ответственный и немногословный, посвятил

себя своего рода семейному бизнесу – изготовлению чехлов для салонов авто. А вот мать – Рачуи Геворгян и многие ее близкие оказались напрямую связанными с искусством.

Предки ее из Карса, из тех мест, по которым беспощадными волнами цунами прокатился геноцид армянского народа, оставшийся в памяти будущих поколений. Слушаешь, переданные бабушкой Гаяне воспоминания о тех жутких днях, и изумляешься горькой точности этой памяти. Столь многое совпадает с тем, что еще в годы учебы в Москве я сам прочел в не переводившейся тогда на русский язык книге одного из величайших философов истории А.Тойнби «Армянская резня. Убиение нации». Тойнби был первым, кто дал мне понять механизм действия массового убийства. По словам же Гаяне (и этого я сам не встречал прежде) накануне резни и погромов турки в девять вечера выключили и погасили свет в своих домах, чтобы тем самым отделить свои жилища от освещенных домов ничего не подозревавших армян. Армян, мужчины которых были собраны якобы на военные сборы и перебиты отдельно.

Каким-то чудом беременная пра... бабушка уцелела. Так потом появились и те, кто дал жизнь сначала ее папе, а потом и самой Гаяне.

Мама Гаяне - Рачуи тоже из Еревана, хотя ее собственная мама (бабушка Гаяне) - армянка из Тбилиси. Разносторонняя и учившаяся, учившаяся непрерывно лет до тридцати, почему и замуж вышла сравнительно поздно, особенно для тех лет. За ее спиной и медучилище, и, что естественно, музыкальная школа, консерватория (отделение фортепиано), факультет эстетического воспитания Ереванского педагогического ун-та. Там же писала свою студенческую научную работу по психологии, связанную с музыкальной подготовкой детей, обучающихся в музыкальных школах. Вдобавок ко всему этому училась и в театральной студии. При этом еще и работала – в театре и музыкальной школе, выступала на сцене: пела, играла и дирижировала. К тому же с детства танцевала. И неудивительно. Музыка жила в семье. Мамина сестра была скрипачка, а ее тетя – «знаменитая в Армении оперная певица».

К тому моменту, когда мама забеременела, семья Мартиросян уже жила в Кустанае. Но решили, что рожать уместнее в Ереване. Увы, этот год стал годом страшной трагедии не только для Армении, но и для всего Союза. В спитакском землетрясении погибли тысячи. Помогать кинулась буквально вся страна. Помнится, как и мы с маленькой дочерью ходили в обком комсомола (ныне здание областного акимата) и относили для пересылки пострадавшим какую-то мягкую игрушечную козу и детское одеяло. Понятно, что в самой Армении катастрофа ощущалась особенно остро. Здания Еревана оказались увешанными траурными лентами. Живший на восьмом этаже дедушка Гаяне решил, что как-то нехорошо, если такая лента будет встречать роженицу. Потянулся, чтобы снять ленту, упал и разбился, так и не увидев свою будущую внучку.

Гаяне же через несколько месяцев после рождения вновь оказалась в Кустанае. Здесь и росла, и училась (в 18-й школе). В школу пошла почти не зная русского языка, если не считать того, что давали мультики и что говорили соседи – дома разговаривали на армянском. Но с русским освоилась быстро, и уже первый класс окончила на отлично. Кстати, и казахский в школьные годы был интересен и давался легко – полюбились учительница.

Класс сменялся классом, но планка не снижалась. Почти сплошные пятерки сопровождали Гаяне на протяжении всех лет учебы. Врожденный сгусток энергии, Гаяне с детства запомнила себя заводилой, лидером, организатором, ведущей, будь то КВН или концерты. Не случайно, когда стала рождаться «новая традиция», именно ее избрали «президентом школы» (1,с.1)

Любила учить и читать стихи. По ее словам, первой в области стала читать стихи с музыкальным сопровождением – дудуком. Часто участвовала на конкурсах чтецов, занимая там сначала третье, позже второе, а потом и первое место.

Что касается стихов, то запомнилось, как человек двадцать одноклассников и одноклассниц, читая вслух есенинские строки «Шаганэ, ты моя Шаганэ», имя в стихах заменяли на привычное им «Гаяне». А ведь было приятно: «Обо мне стихи читали»...

Ну, и, конечно же, со школьных лет любимыми занятиями стали пение и танцы. Поначалу танцевала с братом – латиноамериканские и армянские народные танцы (2, с.3). Так, уже со школьных лет, благодаря танцам влилась в жизнь армянской общины области.

Позже, когда брат перешел от танцев к спорту, сменила и репертуар. Выучилась танцам Востока и на конкурсе «Звезда Востока» завоевала Гран-при и приз зрительских симпатий. Наградой помимо прочего стало право целый месяц, уже хореографом, преподавать восточные танцы.

А сколько еще было зажигательных конкурсов и событий в, казалось бы, такие недавние школьные годы! Здесь и конкурс «Лидер третьего тысячелетия»: «Два дня готовилась, но почему-то выиграла», и путевка в президентский лагерь «Балдаурен» в чарующей своей природой Кокчетавской области. И уже в лагере на конкурсе «Мы – будущее твоё, Казахстан» команда костанайцев оказалась третьей, уступив лишь Астане и Алматы.

После школы хотела стать журналисткой. Поехала в Ереван и поступила на факультет журналистики в Славянский университет. Но ... вернулась домой, где начала учебу в филиале Российско-Казахстанского вуза, уже готовясь к профессии юриста. И тоже не случайно: с детства любила детективы, которые завлекали, как головоломки, побуждавшие вместе с автором распутывать клубки событий.

Занятия поначалу были интересны. К тому же довелось «на общественных началах» ходить по городу «с операми». Чем не приключения? – Хотя, все-таки, девушкам больше давали работу с бумагами... «Попутно», на втором курсе довелось сыграть одну из девичьих ролей в спектакле «А зори здесь тихие». Запомнилось, как что-то светлое: «после каждого спектакля цветы, зрители вставали»...

Но жизнь сложилась так, что пришлось брать академический отпуск. Одна из основных причин – замужество. Казалось бы, счастье. Но те пять лет жизни в браке Гаяне чувствовала себя «мертвой» - ни сцены, ни выступлений. Муж строго-настрого запретил. А для артиста потеря пяти лет это так много. Когда уже позже вновь вышла на сцену –

«микрофон в руке дрожал». Да и новое замужество может обернуться тем же: «Как же это так, если сотни чужих глаз будут на тебя смотреть, если ты выйдешь на сцену?»...

Можно сколько угодно говорить о благостности возврата традиций. Можно бранить отсталость и косность. Но уже эти, маленькие сами по себе детали, свидетельствуют, как непросто и порой болезненно те или иные традиции, обычаи, вросшие в сердца, пересекаются с меняющейся жизнью...

Что же касается самой Гаяне, то свой вуз она закончила уже в Москве, где все было «строже и серьезнее», чем в Костанае. Там и завершила свое образование юриста. Но дальнейшая жизнь оказывалась все больше связанной с армянской общиной «Эребуни» и областным «Домом дружбы», сценой, пением и танцами. При общине она «на общественных началах» с наслаждением руководит детской хореографической студией, где обучаются детки (и не только из армянских семей) с трех до 9-ти лет...

А ведь, когда была малышкой трех-четырёх лет, мама Гаяне думала, что та станет художницей - так она любила рисовать, особенно барашков и тетю в свадебном платье, хотя та, тогда еще была незамужней.

Но ранние увлечения лишь оставили след в памяти, а танцы, пение, сцена стали неотъемлемой частью жизни Гаяне. Именно они подарили ей все расширяющийся мир. Гаяне довелось выступать и перед президентом на молодежном форуме в Актюбе, и в Уральске, Челябинске... Причем в Уральске посчастливилось оказаться рядом с любимцем миллионов телезрителей СНГ Кареном Аванесяном, с которым благодаря современным средствам связи общается до сих пор.

А в 2015-м, «по линии армянской диаспоры» довелось съездить в Армению на летнюю школу телеведущих, где были армяне из США, Франции, Пакистана. Сирии, Ливана, России, Украины... и она одна из Казахстана.

Но основная работа – тележурналистика. Как мы уже знаем, Гаяне трудится в телекомпании «Казахстан-Костанай». Здесь она ведет авторскую программу «Параллели», позволяющую и ей, и телезрителям ближе узнать людей культуры и искусства, которых, оказывается,

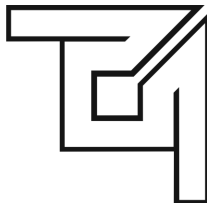
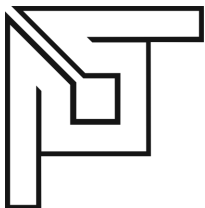
так немало в нашем городе. Дважды в неделю она ведет и утренний эфир «Тобыл тана» (Тобольский рассвет»). Многим знакома и ее кулинарная рубрика: «Готовим с Гаяне». Это, как и иное, для нее и работа, и хобби: очень любит готовить, да еще и украшать блюда, особенно, когда дело доходит до своеобразной «резьбы» по фруктам и овощам.

Подвижная и общительная, Гаяне любит веселье, комедии, песни военных лет... и многое иное. Правда, «не попу»». В тех же комедиях, скажем, кинокомедиях Гайдая, ее влечет не веселость, рождающая «гогот» но те переливы смыслов, которые кроются под легкими одеждами иронии и искрящегося юмора...

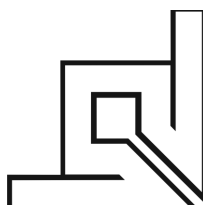
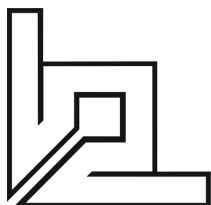
Кто-то мог бы сказать, что увлечения Гаяне – это мир того, что в советские годы называли «художественной самодеятельностью». Что ж, обо всем этом судить профессионалам своего дела, хотя художественная самодеятельность не просто рождала блестящие имена, но и становилась, да, как видим, и продолжает оставаться живительной струей нашей жизни. И, как говорится, дай Бог, чтобы эта струя не иссякала.

Литература

1. Черкас Светлана, Алибаева Иза. Президент танцует румбу. – Зеленое яблоко, 1 февраля 2005 г. На вопрос авторов статьи, как это она успевает и хорошо учиться, и активно участвовать в жизни школы, и еще танцевать, школьница Гаяне ответила: «Мне очень помогает И.И.Соляник, организатор школы, она вдохновитель всех мероприятий и праздников. А для меня главное – распланировать свободное время, тогда обязательно все получится».
2. Доброниченко Таня. Гаяне и Рич сами не унывают и другим не советуют. – Зеленое яблоко, 13 августа 2002 г.
3. Мурагеровцы – всей школе пример. – Зеленое яблоко, 21 сентября 2004 г.
4. Гаяне Мартиросян – готова к труду и обороне. – В кн.: Карапетян Артуш. История армян Казахстана. – Алматы, 2015, сс.291 – 292.

МЫСЛИ О КУЛЬТУРЕ

Кисть и перо

ПОЭЗИЯ Т.Г.ШЕВЧЕНКО И КАЗАХСТАН. (НАПИСАНО К ЮБИЛЕЮ ШЕВЧЕНКО)

Тарас Григорьевич Шевченко являет собой одну из значительнейших фигур не только национальной, но и мировой культуры. Ибо чем бы была мировая культура без колорита, соцветий и запахов национальных культур? Место же его в культуре украинской совершенно особое. Как писал профессионал высочайшего уровня, автор более полутора тысяч работ, владевший блестяще почти десятком языков, Владимир Иванович Державин (1899 – 1964), «Тарас Шевченко – наш Данте. Как и Данте, он больше, чем кто-либо другой, определил духовность своего народа. Он смог стать у истоков формирования нации... и национальной литературы... (1, с.78)

Касаясь того, что же дал Т.Г.Шевченко для украинской культуры, уже известнейший в советские годы автор – Мариэтта Тиграновна Шагинян (защитившая в 1944 г. докторскую диссертацию, посвященную творчеству этого великого поэта), писала: «Подлинное искусство и полнокровная жизнь языка начинаются именно там и тогда, где произведение художника дорастает до обобщающей силы. Без способности обобщить – нет настоящего поэта и писателя. И бессмертие Шевченко-поэта состоит в том, что он выковал для народа язык, способный к глубоким, исторически правдивым, тончайшим обобщениям при помощи самых простых средств и несложных, казалось бы, выражений. Тарас Шевченко был не только лириком, а и рассказчиком в поэзии, он почти никогда не давал песню, как одно лишь излияние чувства, без зрительного образа, а зрительный образ почти никогда не оставался нераскрытым, неподвижным...» (2, с.20) «С каждым стихотворением Шевченко совершенствует для народа его оружие культуры – язык, делает нежную, мягкую, «семейную» речь поселанина, приспособленную к нехитрому сельскому обиходу, отточенной и острой, разрешает в пределах этой

речи драматические и социальные коллизии, разворачивает исторические полотна, философствует, издевается, мечтает, плачет, мнет ее, как глину в руках, доказывает ее тонкость, жизнеспособность, годность для борьбы, для любой передачи, на любой «волне». (2, сс.12 – 13)

При этом народность Шевченко кроется не только в его языке, в круге феноменов, подчеркивающих «самобытность», но и в самом миропонимании, мироощущении. Как подметил еще известный русский критик 19-го века Добролюбов, «он – поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем назвать у себя. Даже Кольцов нейдет с ним в сравнение, потому что складом своих мыслей и даже своими стремлениями иногда отделяется от народа. У Шевченко, напротив, весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной поэзии. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан». (3, с.9) Здесь остается только добавить, что волею судьбы он оказался связанным не только с жизнью украинского и русского народа, но и народа казахского, сделав немало для открытия и тогдашнему, и нынешнему миру жизненного уклада казахов своего времени, их ценностей, среды их обитания.

Вполне понятно, что о Шевченко очень много написано. Ему посвящены глубокие и обстоятельные работы. Казалось бы, что тут можно добавить и, главное, для чего? Что ж, не претендуя на открытия, мы лишь прикасаемся здесь к живому слову великого украинского поэта. И думается, такие прикосновения будут неизбежны и в будущем, сколько бы новых томов не появилось в электронном варианте либо на книжных полках – ведь сама река времени, по которой мы движемся постоянно, побуждает уже с иного ракурса, с учетом обретенного, подчас болезненного исторического опыта, глядеть по новому на то, что, вроде бы, так хорошо знакомо.

Да и так ли уж знакомо? Река Времени не только меняет само видение прошедшего, но и, как это не грустно, стирает многое своими волнами. Вспоминаю недавний разговор

с одной из лучших выпускниц отделения журналистики нашего университета. Оказывается, имени Шевченко она и припомнить не может. И это не ее вина. Скорее беда. Беда времени и нашего образования, наших СМИ, подчас чересчур уж ретиво стирающие историческую память - в очередной раз за считанную сотню лет. Да так, что уже и студентка-историк, причем не из слабых, может с искренней наивностью спросить: «А кто такая Зоя Космодемьянская?» Что уж тут говорить об украинском поэте, родившемся двести лет назад?

А ведь такие имена, как имя Шевченко – это общие основы нашей интернациональной культуры, неотъемлемая часть языка этой культуры, без прикосновения к которой разные поколения, словно незадачливые строители Вавилонской башни, начинают говорить на разных языках, будь то русский, украинский либо казахский. Ибо при опустошении исторической памяти и обиходные слова, подчас, превращаются лишь в фантики, в которых нет искомого.

Но тут встает еще один деликатный и одновременно непростой вопрос: а что значит знать, понимать и чувствовать поэта? Насколько передаваем он при переводе? Проблема перевода – это всегда проблема движения между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, оставшись известным только носителям своего языка и узкому кругу профессионалов-переводчиков и полиглотов, творчество того ли иного автора никогда не станет явлением мировым. С другой же – проблемы перевода, особенно с родственных языков, необычайно сложны. Возьмем для иллюстрации знаменитые строки Шевченко: «Реве, та стогне Днипр широкий». В русском переводе замечательного поэта-песенника Исаковского первые шесть строк звучат так:

Широкий Днепр ревет и стонет.
Сердитый ветер листья рвет,
К земле все ниже вербы клонит
И волны грозные несет...
А бледный месяц той порою
За темной тучею блуждал...(4, с.19)

Настроение, размер и ритм стихов в целом, безусловно, переданы. Но на украинском волны вздымаются горами. Перед нами гипербола, что сродни гоголевскому: «редкая птица долетит до середины Днепра». Гипербола, в которой больше зримости, нежели в замечательном русском переводе.

Еще деликатнее обстоит дело с переводом «Завещания», сделанном А.Твардовским, который, как и Исаковский очень чутко улавливал народность поэзии:

Как умру, похороните
На Украине милой...
Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите,
И меня в семье великой,
В семье вольной, новой
Не забудьте, помяните
Добрый, тихим словом. (4, с.68)

(Кстати, стихи эти написаны еще очень молодым человеком в Переяславе в 1845 г.)

Не берусь судить категорично, но меня с юношеских лет (поскольку «Кобзарь» на украинском долгие годы был и остается в книжном шкафу) цепляло это слово: «помяните». В нем слышалось повеление. Тогда, как у самого Шевченко интонация мягче: «Не забудьте помянути» (5, 297), то есть вспомнить. Здесь не повеление - ненавязчивая просьба. Эмоциональный окрас уже иной; и, видимо, точнее было бы слово «вспомнать».

Не менее показательно, особенно с учетом языковых трансформаций последних десятилетий, и использование предлога. Совсем молодой поэт просит, когда придет время, похоронить его «на Украине», а не «в Украине». Не нам здесь судить о логичности тех или иных перемен. Но даже небольшой исторический экскурс показывает, что и в русском языке предлог «на» использовался очень широко, когда речь шла о месте обитания или нахождения. Вспомним «Кому на Руси жить хорошо». Ссылали в Сибирь, но жили и продолжают жить на Урале, писали и пишем «на родных просто-

рах», в уже советской песне звучало «вернулся я на Родину» и т.д., и т. п. Поскольку же Украина сохранила больше старославянского, чем значительная часть России, постольку и сочетание «на Украине» не несло ничего уничижительного. Но времена изменились. В чем-то и под воздействием очередного шквала западной культуры. И теперь уже российские комментаторы спортивных поединков говорят не «на ринге» (сравните «на поле боя», «на поле Куликовом»), а «в ринге». Впрочем, и борьбу называют «греблинг», хотя в буквальном переводе перед нами та же самая борьба, только в модном на сегодняшний день заграничном оперенье.

Но... вернемся к самому Шевченко, чья жизнь, чье творчество и по сей день являются мостом, соединяющим украинскую, русскую и казахскую культуру. Уже сама его жизнь словно намеренно соткана из потоков событий, коллизий, предназначенных для драм и остросюжетных психологических романов. Известно, что дед Шевченко был портным (правда, такие портные «могли «шить» и обувь). Отсюда и фамилия. Шевченко – от слова «шить» – отпрыск портного. Тогда как Шевчук – фамилия ныне тоже известная – ученик портного, своего рода подмастерье. Сам Тарас рожден был в селе Моринцы Киевской губернии 25 февраля по старому или 9-го марта по новому стилю 1814 г. Рано познал сиротство. Когда мальчику было еще только 8 лет, умерла его мать. Отец женился вновь, и хотя к сыну он относился хорошо, брал в увлекательные для мальчугана поездки. Однако мачеха есть мачеха. Недаром же о мачехах поминает столько сказок. Довольно рано будущий поэт стал казачком – мальчиком-прислугой в помещичьем доме. Заметив его тягу к рисованию и талант, Тарасу дали возможность учиться живописи. Крепостные художники в те годы были, как сейчас сказали бы, в моде. Так случилось, что именно благодаря таланту он был выкуплен за немалую сумму и обрел свободу. (6, с.8-9) Знаменательно, что в этом благородном деле принял самое непосредственное участие и вхожий в царскую семью знаменитый русский поэт Жуковский. Перед Шевченко открылись двери Академии художеств. Но... молодой и горячий, остро переживаю-

щий боли страны и все то, что виделось несправедливым и, к тому же, легко впитывавший романтически окрашенные идеалы борьбы и свободы – идеалы, поэтические по самому своему духу, он стал автором стихов, которые, в конечном счете, и привели его к аресту в 1847 году, а затем и к ссылке и «солдатчине». Так Тарас Шевченко на годы и годы оказался самой судьбою связанным с Казахстаном, о котором в тогдашней Европе знали ничтожно мало, да и то лишь немногие.

О поэтическом творчестве Шевченко написаны тома и тома. Неоднократно и совершенно справедливо отмечалась и анализировалась социальная грань этого творчества. И эту грань, конечно же, невозможно обойти. Но хотелось бы вновь обратиться и на еще одну – пронзительнейшую грань Шевченковской лирики – на трагизм любви, то загубленной в самом водовороте событий, то оказавшееся пагубной из-за человеческой злобы. Перед нами – то девушка и мать, рыдающие по казаку, сгинувшему в дальнем походе, то обманутая парнем «Титаривна», горькая баллада, рожденная уже во время ссылки, в Кос-Арале в 1848 г.

Показательно, что и задолго до ссылки многие стихи Шевченко вспоены болью и грустью. Причем эта боль – не просто отзвук личных проблем, одиночества, а боль, соединившая в себе личное с неизмеримо большим – народным уже в смысле выражения того, что жило во многих и многих людях. Тут даже стертое от постоянного употребления слово «выражение» не совсем подходит. Мы скорее слышим стон, словно идущий из самой матери-земли. Как в «Думке», написанной в Гатчине 2 ноября 1838 г., где молодой Тарас вздыхает о том, как тяжело жить на свете сироте – «хоть с горы, да в воду» (пер. автора) Отвергнутый девушкой сирота, парень, не уродившийся богатым, грустно ее отвечает: «Люби ж себе, мое сердце, люби, кого знаешь. Да не смейся надо мною...» И он готов идти на край света. В поисках жар-птицы? Славы? Богатства? – Да нет же. Любви: «А я пойду на край света... На чужой сторонке найду покрасивее или сгину, как тот лист на солнце...» Но и «в чужом поле» не находит казак своей доли. Не

находит и умирает. Умираючи же смотрит, «где солнышко сядет. Тяжко, тяжело умирать в чужом краю». (5, сс.11 – 12). Представляется чрезвычайно показательным, что здесь социальное сплавлено с сугубо личным, но таким личным, что в ходе истории надламывало тысячи судеб и потому, в свою очередь, опять-таки становилось личностно-социальным, затрагивавшим сердца многих людей. О Шевченко писали, что он был одарен разными талантами. Недостало ему только «таланта» личного счастья. Но эта «недостача», как и бывает в мире высокого искусства, в мире поэзии, обернулась великим счастьем быть близким сердцам миллионов.

Заключение и ссылка, что совершенно естественно, оказались тяжелейшим испытанием для Шевченко. Всякий, кому еще в детстве или юности доводилось менять место жительства, знает, как нелегко привыкнуть к новому воздуху, новым пейзажам, новым горизонтам. Я сам, оказавшийся в восемь лет в Северном Казахстане – землях райских в сравнении с теми, которые стали местом многолетнего пребывания Шевченко, годы и годы вспоминал леса и луга России, где довелось родиться, так как это было место воинской службы отца. Ведь там и запах трав был иным.

Шевченко же судьба забросила в куда более суровые края казахской земли. Как пишут уже наши земляки, авторы двадцатого века, А.Тарасенко и С. Мастеров, «нам дано было видеть, что представляет собой воинская служба в том самом казахском Мангышлаке, в том самом укреплении ... Столетие спустя, при самолетах уже и телевизорах, при облегченном двухлетнем советском варианте солдатская повинность не стала здесь занятием из легких. Это тяжелое испытание, предельные нагрузки в экстремальных условиях даже для молодого организма новобранца» (7, с.38)

Но если бы только это! Куда более тяжелой оказалась неволя, тот мир «солдатчины» века девятнадцатого, который по духу своему был совершенно чужд Тарасу Григорьевичу. С какой горькой иронией он пишет о гротескно изнурительной подготовке к встрече батальонного командира, подгонке амуниции, шагистике и прочих «мелочах» армейской

жизни, которые иссушали саму душу! С трепетным замиранием сердца, – вспоминает он – я всегда фабрил усы, облачался в бронь и являлся пред хмельно-багровое лицо отца-командира сдать экзамен в пунктах, ружейных приемах и в заключение выслушать глупейшее и длиннейшее наставление о том, как должен вести себя бравый солдат и за что он обязан любить Бога, царя и своих ближайших начальников...

Смешно. Потому смешно, что я освоился с этим отвратительным спектаклем» (8, сс.18, 16.) Правда, так и не впитав премудростей ружейных и прочих приемов, оставшихся чуждыми для самого его духа.

Еще тяжелее был вспоминавшийся поэтом «строжайший запрет рисовать и писать». Повествуя о временах действия этого запрета, Шевченко восклицал: «Отнять благороднейшую часть моего бедного существования! Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора. А бездушные исполнители приговора исполнили его с возмутительной точностью.

Август-язычник, ссылая Назона к диким гетам, не запретил ему писать и рисовать. А христианин Николай запретил мне и то, и другое. Оба палачи. Но один из них палач-христианин? И христианин девятнадцатого века, в глазах которого выросло огромное государство в мире, выросло на началах христианской заповеди...» (8, сс.15 16)

Вчитываешься в эти строки и ощущаешь, как стон личной, неповторимо-личной боли сплавляется с размышлениями о мире. Эти же размышления поднимаются до философских высот, причем по человечески более значимых, чем высоты иных, официально защищенных, но чуждых собственному, личному, диссертаций. У Шевченко же собственное, пережитое, метко подмеченное взглядом и поэта, и художника, оказывается неотделимым от размышлений, поражающих и сегодня не только своей масштабностью, но и смелостью, самостоятельностью собственной мысли. Той смелостью, которой столь часто не хватало и не хватает поныне столь многим кабинет-

ным ученым, пишущим в обстоятельствах куда менее драматичных. Горькие слова поэта, словно безжалостные мазки кисти рисуют одновременно и внешний, до пародийности странный поэту мир, и мир его мысли, противостоящей абсурду видимого и осязаемого... «Трудно, тяжело, невозможно заглушить в себе человеческое достоинство, стать навытяжку, слушать команды и двигаться, как бездушная машина...» - горько роняет он слова на строки дневника. И тут же продолжает: «И это единственный, опытом дознанный способ убивать разом тысячу себе подобных. Гениальное изобретение! Делающее честь и христианству, и прощению...» (8, с.15)

Какая горестная ирония над тем, что «цивилизованный мир» стал горделиво именовать прогрессом! Читаешь - и в памяти невольно всплывают строки советского поэта Евтушенко, посвященные уже следующему столетию (и только ли ему?) : «Прогресс? – Едва ли». Ведь в этом мире прогресса «нет ни минуты», чтобы не убивали. А разве попытки растоптать и убить человеческую душу, не убийство тоже? – Для Шевченко, несомненно, убийство. Но убийство не всеми, даже вроде бы образованными людьми осознаваемое. «Странно, - как бы мимоходом замечает он, - что даже благоразумные люди, как, например, наш лекарь Никольский, любят посмотреть, как вытягивает носок вспотевший от напряжения человек. Не понимаю этого нечеловеческого наслаждения. А наш почтенный Гиппократ, несмотря на зной и холод, целые часы просиживает у калитки и любит у унижением себе подобного. Палач ты, как видно, по призванию и только по названию лекарь».

«В детстве, сколько я помню, - продолжает он свои размышления, неотделимые от сурового опыта многих лет, - меня не занимали солдаты, как это обыкновенно бывает с детьми. Когда же я начал приходить в возраст разумения вещей, во мне зародилась неодолимая антипатия к христоролюбивому воинству. Антипатия усиливалась по мере столкновения моего с людьми сего христоролюбивого звания. Не знаю, случай ли, или оно есть в самой вещи, только мне не удалось даже в гвардии, встретить порядочного человека

в мундире. Если трезвый, то непременно невежда и хвастунишка. Если же хоть с малой искрою разума и света, то также хвастунишка и вдобавок пьяница и распутник. Естественно, что антипатия моя возросла до отвращения...» (8, с.15)».

Конечно, можно было бы заметить, что здесь очень много слишком уж личного, субъективного. Глядя же на историю с высот «квасного патриотизма», можно было бы добавить, что и христианство поэт шельмует, и славную русскую армию принижает. Но такая идеологизация, и с сугубо научной, и с чисто человеческой точки зрения, представляется неуместной. Правда, даже в малых крупицах, не отражающей полноты той или иной картины, сама по себе никогда не может быть унижающей. Иной вопрос – это то, что опыт Шевченко был субъективен. И не только в силу его личного неприятия «армейщины», но и в силу той стороны армейской жизни, с которой он сам, в первую очередь сталкивался. А это, прежде всего, была жизнь армейской провинции. Жизнь, менявшаяся от века в век, от страны к стране, но, наверное, и имевшая нечто сходное и в самые разные времена в самых разных странах. Поэтому куда уместнее было бы отнестись к дневниковым записям Шевченко не как к «оплевыванию» именно русской армии, а как к ощущению определенных сторон армейской жизни в дальних гарнизонах, разбрасываемых рукою Истории по лику Земного шара. Вполне понятно, что в этих описаниях были и черточки своего времени. Однако и они обретают под пером Шевченко далеко не локальный, глубинный философский смысл. Вопросы, терзавшие поэта, продолжают мучить и нас, и наших зарубежных современников. Разве не терзаемся и мы вопросами соотношения высоких идеалов и целей и тем, что вершится под вывесками высоких слов? И, наверное, именно органичное слияние личного, присущего его времени и культуре и надвременного делает личное общезначимым и превращает Творца в того, чьи творения обретают мировое значение, что мы и видим, прикасаясь к Т.Г.Шевченко.

Уникальными же у Шевченко оказываются не только его внутренний стержень, но и специфика жизненного пути,

того опыта, того мира, частью которого стал таинственный для 19-го века мир казахских степей и Арала. Да, опыт поэта был непростым. Болезненным. Но так случилось, что и он не просто оставлял место для творчества, а становился мощнейшей силой, без которой не было бы того Шевченко, о котором мы сегодня знаем. Но тут хотелось бы заметить, что и личные боли поэта, и его идеалы, и социальная проблематика совсем не обязательно должны проступить в своем «непосредственном» виде. Социальное и личное совсем не обязательно должны выражаться прямо. На то она и поэзия, но то оно и искусство, чтобы переливать реальность в образы, подчас, внешне совсем далекие от нее. Здесь мне вспоминается юношеское, почти детское недоумение от чтения стихов одного мало известного русского поэта девятнадцатого века и комментариев к нему. Поэт писал о балканском воине, который в темнице тосковал о том, что не может вместе с собратьями сражаться за свободу отчего края. Комментатор же в духе штампованной «советскости» заметил, что на примере стихотворения видно, как у поэта, пусть редко, но звучит социальная тематика. А поэт, как говорилось в краткой биографической заметке, был прикован к постели.

«Господи, - думал я, - ну неужели же не очевидно, что «узник» - это образ, рожденный сковывающей болезнью, болезнью, не позволяющей жить так, как живут другие? – А «социальная проблематика» - лишь форма передачи настроения изматываемого болезнью человека. Точно так же, возможно и обратное, когда житейские, любовные истории вбирают в себя чувства, рожденные в совсем иной сфере. Эти, казалось бы, банальные суждения представляются чрезвычайно значимыми и для понимания поэтического творчества Шевченко времен его пребывания в отдалении и от Украины, и от Петербурга с Академией Художеств, о которой Тарас Григорьевич вспоминал в своей ссылке с теплотой и грустью.

Но встает еще один вопрос: как же мог Шевченко в условиях ссылки, муштры и строжайших запретов писать-таки стихи, рисовать, да еще и заниматься скульптурой?

Ответ здесь двойной. Во-первых, ссылка длилась почти 10 лет и 4 месяца (6, с.165), и жизнь поэта, как и вся наша жизнь вообще, как сам ход истории напоминала движение волн: в разные периоды ссылки ситуация складывалась по-разному, а в период Аральской экспедиции уже обязанностью участвовавшего в ней ссылке были зарисовки, которые по праву можно отнести к сокровищам мировой этнографии. Во-вторых, подлинный дух творчества не так-то просто ограничить запретами. Тяжелые испытания кого-то ломают, а кому-то дают новые силы; и творчество оказывается важнейшей из этих спасительных сил. Так было и с Т.Г.Шевченко. Да и строгость запретов и правил, как это не раз бывало на Руси, в России и далее, смягчалась извечной приблизительностью их исполнения. Во всяком случае, Шевченко мог писать стихи не просто в ссылке, а даже в каземате. Ему в этом помогали так называемые захлаянные книжечки. Сегодняшний читатель мог бы подумать, что такие книжечки – нечто полученное или дозволенное «на халяву» или «за халяву». Ведь и сегодня студенты подчас перед экзаменом высовывают зачетку в форточку и выкликают *халяву* – удачу задарма. Слово это настолько стало международным, что в Париже, подле Лувра, авроамериканские разносчики сувениров, услышав русскую речь, бегут за туристами и, потрясая связками невесомых макетиков Эйфелевой башни, кричат: «Халява!», намекая на их низкую цену. Но захлаянные книжечки Шевченко ничего общего с таким пониманием халявы не имели. Как вспоминал И.С.Тургенев, встречавшийся с Т.Г. в Петербурге уже после ссылки поэта, тот «показал ему крошечную книжечку, переплетенную в простой дегтярный товар, в которую он заносил свои стихотворения и которую прятал в голенище сапога, так как ему запрещено было заниматься писанием». Наименование же это связано с тем, что, по украински «халява» - это «голениище сапога» (6, с.123; 9, с.156).

Согласно подсчетам исследователей, в каземате им было написано 13 стихотворений, а лишь только в Орской крепости Шевченко создал еще 22 стихотворных произведения (6, с.123)...

Касаешься стихов, рожденных в каземате – и в памяти всплывают строки из стихов А.Вознесенского: «Искусство воскресало из казней и из пыток и било, как кресало, о стены Моабитов» (Нацистская тюрьма времен Второй мировой войны, в которой родилась «Моабитская тетрадь» стихов татарского поэта Мусы Джалиля, погибшего в заключении). В отличие от Джалиля Шевченко выжил. Да и каземат девятнадцатого века не был нацистским застенком. Но заключение всегда остается заключением. И какое чудо – чудо подлинной, то есть вырастающей из подлинных чувств поэзии: стихи о свободе перемежаются с совершенно иными и по сюжету и, казалось бы, по духу стихами. В этом поразительная тайна и магия поэзии. Кто-то станет стонать о своей оцарапанной руке или несчастной любви – а читатель останется равнодушным. А кто-то, словно вознесясь над собственной болью, собственными бедами, вспомнит совсем не о них – и это будет западать в души. И современников. И потомков.

Вот, например, четвертое в ряду казематских стихов – «Мать не бросай!» в виолончельно тонком переводе Р.Минкус. Сюжет прост. Дочь кинула родную хату. «Мать искала – не нашла» и «плача умерла». Все в родном доме пришло в запустение, описанное просто и при этом с поразительной поэтической силой. Куда же ушла та, искавшая лучшую долю, иной для себя мир? – «Чует сердце, – грустно замечает поэт, что в палатах (то есть в богатстве и неге) тебе не жаль родимой хаты». Он грустит, но не судит:

Молю я сердце, чтоб печаль
Тебя вовек не разбудила.
Чтобы в палатах не нашла.
Чтоб Бога ты не осудила
И матери не прокляла. (10, сс.8 – 9)

Об одном только этом стихотворении, особенно в последние десятилетия, когда столько «дивчин» Украины и России покидают родные края в поисках счастья, можно было бы писать не одно эссе. Что ж, на то право каждого, кто вдохнет щемящий аромат этих стихов. Хотелось бы только заметить: стихи настолько светлы, настолько

лишены личного раздражения на неласковую судьбу, что просто трудно поверить в то, что они появились в каземате. Но в том-то и чудо поэзии, что она способна личную боль, личные проблемы переплавлять в нечто, внешне совсем иное.

Совсем иначе та же драматическая тема любви и детей, готовых ради нее покинуть материнский кров, поворачивается уже в иных казематских стихах, где, в отличии от только что упомянутого и более поздней «Гитаревны», матери удастся вернуть свою дочь. Но, увы, итог и тут трагичен:

Рано встали, выступали
Новобранцы из села,
Вместе с ними – молодыми –
Девушка одна ушла.
Измаялась мать седая,
Дочку в поле догоняя...
Догнала и привела.
Упрекала, говорила
И свела ее в могилу,
А сама с сумой пошла.

И годы протекли, село
Не переменилось.
Только крайняя пустая,
Хата покосилась;
Лишь солдат на деревяшке
Одинок бродит,
Он на край села приходит,
С хаты глаз не сводит...
Брат, напрасно! Не выглянет
Дочка молодая.
Не покличет мать седая,
Ужин собирая!.. (10, с.13)

В другой тональности написаны акварельно прозрачные стихи о «Вишневом садике подле хаты». Думается, что свет таких стихов делал для самого поэта и суровые стены каземата менее мрачными.

Естественно, что здесь же рождались и строки совсем иного плана, такие, как те, что были посвящены «соузникам» поэта или потрясающие своей мощью стихи о встающем из могилы казаке. Или, наоборот, о девушке, которая годы не отходила от дорогой ей могилы и там же рассталась с собственной жизнью. Грусть, боль, мощь, негодование... Одни только казематские стихи масштабностью своего эмоционального мира являют нам своеобразную симфонию в словах.

Еще более масштабны и многообразны стихи, появившиеся в ссылке, которая отнюдь не свелась для Шевченко к постоянному поселению в одном определенном месте. Хотя из-под пера поэта рождались не только они, мы здесь в силах коснуться лишь стихов, да и то очень и очень поверхностно, потому что глубинность при встрече с поэзией обязательно подразумевает нечто личное. Здесь всякий читатель, подобно пловцу, должен входить в ее воды сам.

Начинается этот цикл с знаменитых «Дум», где вольная жизнь «убогого киргиза» видится поэту более предпочтительной, чем казарменно-размеренная жизнь ссыльного, ограниченного в своих движениях и порывах: «Хоть они убоги, хоть и голы... Но на воле они молят Бога» (10, с.19)

За «Думами» сразу же вырастает целая поэма – «Княжна», где острейшая социальная сатира сплетается с размышлениями о драматизме жизни и хрупкости добра и красоты в мире буйствующих человеческих пороков. Сюжет поэмы незамысловат. Краски контрастны. С одной стороны – князь, неистовствующий в пирах и разгулах. Князь, которого славят, величают патриотом. «А патриот, убогих брат... И дочь, и телку отнимает у мужика, - и Бог не знает... А может, знает, да молчит»... (10, с.22)

Умирает от хвори княжеская жена. А тот все гуляет:

Гуляет князь с гостями вместе,

В его палатах шум и песни,

А в селах голод, люди мрут...

Тысячами гибнут голодные. И снова повторяющийся на разные лады вопрос: и Бог это знает? Ведь было бы диво – и слышать, и видеть, и не покарать. Да, видно, «он слишком долготерпеливый...» (Там же)

С другой же – княжна, которая при жизни взлелеяла будущую красавицу дочь, выучила ее и грамоте и добру, дала образование в киевском «институте». И стала подросшая дочь возвращать это добро людям. Вернувшись в село, всех обласкивала, помогала сиротам...

Но однажды ночью, после пьяного загула потерявший человеческий облик отец ворвался в ее опочивальню и силой взял собственную дочь. Кончилось все пожаром и исчезновением поруганной красавицы, которая, по рассказам, вскоре совсем молодой умерла в монастыре. Князь же так и остался одиноко хворать в своих «проклятых хоромах».

Казалось бы, перед нами мелодрама. Но отличие этой мелодрамы, как и немало числа иных мелодрам девятнадцатого века, от многих из тех, которые стали составляющей «массовой» культуры более поздних времен – всех этих «Плачущих богатых» и т.д., и т.п. – в мощи чувств и значимости проблем, окрашенных кровью этих чувств. Ведь, по большому счету, и о тургеневской «Муму» можно тоже сказать, что это – мелодрама.

Существенно и иное – не теоретическая, а вонзающаяся в душу, как заноза, проблема Бога и мировой справедливости, постоянно мучающая Шевченко. Как Бог допускает то, что творится на земле?

Здесь перед нами принципиально важная и очень острая проблема, не дававшая покоя представителям многих поколений в самых разных странах. К сожалению, сегодня мы нередко видим уход в словесные дебри или обалагивание того, что было и остается для миллионов людей жизненно важным. Например, в красочном и по своему колоритному сериалу «Страсти по Чапаю» незадачливая смазливая лекторша утверждает, что Бога нет, но не может ответить на вопрос, почему у коз «дерьмо» не такое, как у коров и лошадей. И из зала раздастся: «Да как же может говорить о Боге тот, кто не в силах ответить и на такие вопросы?» – Вроде бы забавно. Но корни и сила той атеистической пропаганды, при всех ее ляпах, крайностях и передержках были в ином – в убийственных вопросах о том, как Всевышний допускает и вопиющую социальную неспра-

ведливость, и как он допустил мировую бойню? Это – те же самые вопросы, которые мучили и Шевченко и которые он, даже в ссылке, не боялся доверять бумаге.

В той же Орской крепости, в том же 1847 году рождаются и такие строки:

Не греет солнце на чужбине,
А дома слишком уж пекло.
Мне было очень тяжело
И там – на славной Украине:
Любви и ласки я не знал,
Я сам от многих отдалился,
блуждал, тихонечко молился,
Панов-злодеев проклинал.
Передо мною проходили
Глухие, давние лета:
Тогда повесили Христа,
его бы и теперь казнили! (10, с.36).

Строки эти удивительным образом перекликаются с гораздо более поздними стихами А.Вознесенского из цикла «Мой Микеланджело», где голос титана Возрождения обретает мощь двадцатого века: «... Кончается терпение Господне. Когда б на землю Он сошел сегодня, его бы окровавили, схватив, содрали б кожу с плеч его святых и продали бы в первой подворотне». И разве не та же, напряженная, как натянутая струна мысль, звучит в «поэме» Ивана Карамазова у Достоевского? – Нужен ли, уместен ли был бы сам Христос в мире, где столь многое творится его именем?

А, может быть, и Христос со всеми его светлыми идеалами сам повинен в том, что стало твориться в христианском мире? – И вот уже в «Сне» 1847 года звучат страшные, чудовищно крамольные для России девятнадцатого века слова:

Блуждал я по свету немало.
Носил и свитку и жупан.
На что уж худо за Уралом
Киргизам бедным, но и там,
Ей - же- богу, жить привольней,

Чем на Украине (в оригинале тоже: «Ниж нам на Украине»).

Может, потому – киргизы
Все не христиане?
Зла принес Христос немало,
А переиначил
Людей божьих? Ведь катились
Глупые казачьи
Наши головы за правду,
За веру Христову
Упивались и своею
И чужою кровью!
Разве лучше стали? Где там!
Куда хуже стали... (10, с.38)

Конечно, сегодня было бы серьезным упрощением трактовать написанное Шевченко в духе советского атеизма – он жил в иное время и в ином мире. Но и советского атеизма, равно, как и живой философской мысли и наших, и прежних лет, без таких, как Шевченко не было бы. Правда, опять-таки, в оригинале место, где упоминается Христос, представляется более тонким, чем в добротном в целом переводе А.Суркова. Тут дело даже не столько в самих словах, сколько в том, что чувствуется за словами. Вчитаемся в текст «Кобзаря»:

«Наробив ты, Христе, лиха!
А периначив?!
Людей божьих?!»

По моему личному ощущению, сама интонация здесь не обличительно клеймящая, а сожалеюще горькая. Та, которая, звучит, когда мы обращаемся к близкому нам существу: ну, что же ты наделал? Хотел добра, а что получилось? – Беда, да и только.

О том, как нелинейны, как не укладываются в жесткие «измы» и «веяния» интеллектуальной моды взгляды Шевченко на религию, говорит уже следующее стихотворение «Иржавец», где кровью поэта написано, как после разгрома шведов, бежали запорожцы к крымчакам, где молиться Христу могли лишь тайно. Вернувшись же после

смерти «Петра-злодея», привезли с собой и сохраненную ими икону Божьей Матери – «Царицы небесной»:

И в Иржавце ту икону
Поставили в храме.
И доныне она плачет
Там над казаками.(10. с.43)

Заметьте, и здесь, опять-таки, речь далеко не только о религии. Как бы сами собой вырастают слова о «Петре-злодее». И у Шевченко они естественны. Думается, что стремясь к сближению народов, не следует идеологизировать прошлое, пытаясь перекрашивать его то в один, то в другой свет, либо автоматически вставая на защиту крайне узко понятых национальных интересов. Для запорожцев (да и только ли для них?) Петр оказался злодеем. Как и для булавинцев. Как и для сжигавших себя старообрядцев... И вполне понятно, что кто-то должен был выразить их боль. Шевченко оказался одним из тех, кто это делал. И было бы странно, если бы поэт, чувствовавший боли народа не мене остро, чем собственную боль, не делал этого. Из чего, конечно, совершенно не следует, что сегодня мы должны в очередной раз превращать поэта в инструмент очередных «политических разборок.» Поэт гораздо выше этого.

Пожалуй, нам предстоит еще осмыслить своеобразие «национализма» девятнадцатого века. У людей творческих, таких, как Тарас Шевченко или знаменитый польский романист Генрик Сенкевич, это отнюдь не инструмент разжигания патологической межнациональной розни и карикатурного изображения представителей тех народов, с которыми ведут войны. Так Сенкевич в своем романе «Огнем и мечом» пишет об украинцах – казаках, как о враждующей с Речью Посполитой дикой природной силе. Но это отнюдь не недочеловеки. Среди них немало статных красавцев и могучих воинов, которыми читатель невольно любуется. И у Шевченко, который, с другой стороны, за свой собственный народ, нет ненависти к полякам, как таковым.

В этом отношении замечательный и поучительный и для наших дней образец являет стихотворение. данное в русском переводе под названием «Полякам» Заметьте. поэт

попадает в Орск, называвшийся киргизами «Яман-кала» - «Дрян-город». в местность, которая кажется ему «разверзтой могилой, готовой похоронить заживо» (6, с.117, 120. Повесть Шевченко «Близнецы») и при этом в стихах воспаряет и над локальным, и над личным. И опять перед нами чудо. Надличностное, но частное для мировой истории под пером поэта обретает общемировое звучание.

Стихи овеяны нередкой для поэтов тоской о «золотом прошлом»: было же время, когда так ладно жилось! Для Шевченко это время – до унии (1596 г.).

Тогда поляков звали мы друзьями. Но вот пришли ксендзы и «именем Христа... запалили наш тихий рай и разлили широкое море слез и крови», а «сирот именем Христовым страданиям лютым обрekli» (5, сс.349 – 350, 10, сс.45 – 46).

Здесь мы видим, как снова и снова, словно бьющиеся о берег волны, повторяются болезненные мысли о злодейских делах, творимых с великими, «высокими» именами на устах. Мысли, которые уже в двадцатом веке в «Белых одеждах» Дудинцева отольются в образ «Высокого берега», с которого так легко обстреливать врага.

Но стихи Шевченко не завершаются навевающими грусть воспоминаниями о прошлом. Для него прошлое – не повод для вековой вражды, а мостик в будущее, то будущее, где украинцы и поляки должны покончить с взаимной враждой:

Вот так, поляк, и друг, и брат мой!

Жестокие ксендзы, магнаты

Нас разлучили, развели, -

Мы до сих пор бы рядом шли.

Дай казаку ты руку снова

И сердце чистое отдай!

И снова именем Христовым

Мы обновим (у Шевченко «возобновим») наш тихий рай».

(Там же. На украинском магнаты и ксендзы названы «несытыми». Это слово самого Шевченко представляется более точными. Несытые – значит те, чья жадность не может

насытиться, чьи корыстные интересы обрекают людей на неисчислимые страдания, когда разлучаются народы, и льются реки крови).

В концовке этого стихотворения набатно звучит мысль, не дававшая покоя еще древним – мысль о необходимости борьбы за то, чтобы высокие слова соответствовали своему изначальному назначению. Мысль, ставшая одной из основополагающих уже у великого китайского философа и государственного деятеля Конфуция, призывавшего еще две с половиной тысячи лет назад к «исправлению имен», то есть к тому, о чем только было сказано: добро должно быть не маской зла, а самим собой.

Вот эта-то, глубиннейшая проблема познания добра и зла, стыда «Божьего» берedit мысль ссыльного. В той же Орской крепости рождаются строки, которые было бы уместно отнести к лучшим образцам мировой философской лирики:

Один другого вопрошаем:
«Зачем нас породила мать?
Для зла, добра? Не разгадать!
Зачем живем? Чего желаем?»
И не дознавшись умираем,
Чтоб дело жизни покидать... (5, с.353; 10, с51)

Есть и строки, дышащие личной болью, болью невольника «Горе нам, невольникам и сиротам, в степи бескрайной за Уралом!» (10. с.52). Да и как же без них? Но об этой стороне поэзии Шевченко так много писалось, что в силу ограниченности размеров предлагаемой здесь статьи, мы вместе с читателем просто вынуждены многого коснуться бегло, а то и вовсе опустить. Но нельзя обойти такие стихи, как «Варнак» и то, что можно было бы назвать «Божий топор».

«Варнак» датируется уже 1848 годом. Варнаками называли разбойников, беглых каторжников. События и настроения в стихотворении Шевченко излагаются от лица рассказчика – варнака, с которым, по сюжету, поэт встретился в знойной степи. Сюжет прост. Будущий разбойник из небогатой семьи – «убогий сирота». Да взят был для

обучения с панычами. Чтобы тем было веселее. Выучился. Вырос. Панычей взяли на воинскую службу. А бедняк встал за плуг. Влюбился и намерен был жениться, не чуя, что его любовь росла ему «на погибель». Готовилась свадьба... «пива наварили. Не довелось только пить» - увели невесту. Увел друг барыни «старик блудливый». Увели, а боль осталась. И когда вернулись панычи, погуляли с молодыми девушками, а потом и законно венчались в костеле. «Краше венчания и молодых сам Бог не видывал...» Но как пошли молодые с гостями из костела, так и подстерегли тех сирота с дружками: «Княжат, панят и молодых – всех перерезали. Не утек ни один католик. Все полегли, как поросята» (5, с.374; 10, сс.72 -76)

И вот тут-то мы сталкиваемся с принципиальнейшим моментом. С тем, что и как описывает Шевченко: разбойничью удадь, злодейство или нечто иное? К сожалению, в истории в целом и в истории литературы и искусства слишком уж часто многомерный мир поэзии втискивался в определенные идеологические рамки или, говоря по современному, пристегивался к тому или иному тренду. Свидетельство тому – добротная в целом работа Н.Ф. Бельчикова, где было сказано: «Революционное содержание многих стихотворений, написанных в «Орской крепости», - ... например, «Варнак», резко бросается в глаза. В стихотворении «Варнак» герой произведения с гордостью заявляет о себе «Я резал все, что паном звалось. Вместе со всей своей ватагой Варнак отомстил за поругание невесты...»

Шевченко не утратился рассказать о том, как беспредельно глубока ненависть восставших крестьян к «панам лукавым» (6, с.123). Подобные трактовки поэзии, в какое бы время и под какими бы идейными знаменами они не создавались, напоминают попытки переложить симфонию на язык рэпа. Шевченко не воспевает варнатчину, а сам рассказчик в его стихах отнюдь не с гордостью повествует о содеянном. Да, Варнак с горечью говорит о своей доле. «Там (в родном селе) на погибель вырос я. Лихая доленька моя!» - Доля бедняка. Обученного, но не имеющего ни прав, ни силы применить свои знания на пользу себе самому и

людям. Конечно же, эти стихи социальные. Но не плакатно-революционные в духе: «Грабь награбленное». Поэт не воспевает, не морализует. Он живописует. Рисует картину словами. И картина эта чудовищно страшна. Не звал ли сам поэт поляков и украинцев забыть раздоры? – Но это его зов, его мечта. Жизнь же бывает такой далекой от мечты. Вот и Варнак с друзьями режет католиков – женихов, гостей и ... молодых, то есть невест. И упоминание красоты новобрачных и пышности свадьбы контрастным фоном подчеркивает ужас резни. И ту бездну, в которую покатилась жизнь паренька, ставшего Варнаком.

Росла его ватага. Ширились и потоки пролитой крови. Но нет, не праведно революционной была лившая ее рука. Вчитаемся в текст:

Я резал все, что паном звалось (в рус. переводе: звали).

Без милосердия и зла, -
Я просто резал... Сам не знаю,
Чего хотел я в эти дни.
Ходил три года я с ножами,
Ходил, как во хмелю мясник.
К слезам и крови, и пожарам –
Я ко всему давно привык.
Младенца, насадив на пику,
Его я жарил на огне,
Шутил с паненкой белолицой:
Распнешь нагую на коне
И пустишь в степь... (10, с.75)

Сравните с Гоголевским описанием мести Тараса Бульбы за смерть своего зверски замученного поляками сына Остапа: « ...гулял (Тарас) по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек ... и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле казаки вековые меды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» - повторял только Тарас. Не уважили козаки чернобровых панинок, белогрудых, светлолицких девиц; у самых алтарей

не могли спастись они: зажигал их Тарас вместе с алтарями. Не одни белоснежные руки поднимались из огнистого пламени к небесам, сопровождаемые жалкими криками, от которых подвинулась бы сама сырая земля; и степовая трава поникла бы от жалости к долу. Но не внимали ничему жестокие козаки и, поднимая копьями с улиц младенцев их, кидали к ним же в пламя. «Это вам, вражьи ляхи, поминки по Остапе!» - приговаривал только Тарас. И такие поминки справлял он в каждом селении...» (11, сс.364 - 365)

И вспомните пушкинские слова про «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Да, конечно же, Шевченко не приемлет мир несправедливости. Но он не воспевает варнатчину, а лишь рисует ее, рисует, как чудовищную часть несправедливого мира людей. Не случайно, в итоге, подобно Раскольникову Достоевского, Варнак преображается. Ведь, пока он убивал, все стало постылым. Не нашел он себя в убийствах. А завидел красу Киева - оцепенел. Краса мира и дела рук человеческих преобразила его. Обратился Варнак к Богу, к людям. И перед нами – не мелодрама в духе мыльной оперы, а, по сути своей, философская притча о человеческой душе, которой никакая власть, никакая сила, никакие унижения других не способны принести успокоения. И случайно ли в уголовном песенном фольклоре подчас столько сентиментальности? – Наверно, нет. Ведь сколько самых закоренелых преступников в глубине души чувствуют, что живут-то они не по человечески. Как заметил в беседе с Александром Кабаковым известный современный кинорежиссер Павел Лунгин, «в глубине души человек, все-таки, себя не обманет. Совершая ужасные поступки, он будет понимать, что делает. Что бы нам ни рассказывали про искренних палачей, предателей и пытателей, но в глубине души, я думаю, они все понимают, понимают, кто они есть...» (12, с.58)

Но, как ни парадоксально, наше, вроде бы более просвещенное время подчас удаляется не только от неидеологизированного живописания мира людей, но и от самого понимания необходимости и возможности преображения. И в этом нам еще расти и расти до Шевченко и Достоев-

ского. Ведь сама, христианская в своей основе мысль о том, что человек может стать другим, неотделима от отторжения фальшивых ценностей и желания совершенствовать себя, вплоть до решительной перемены своего жизненного пути...

Правда, и у Шевченко драмы любви, жесткости и вероломства разворачиваются по разному и по разному же завершаются, отнюдь не обязательно ведя на путь внутреннего преображения, как в «Варнаке». В уже упоминавшейся «Титаривне», написанной в 1848 г. в Кос-Арале, парень, соблазвивший девушку, которая первоначально его отвергла, не только убивает «незаконно» рожденного ею собственного сына – «байстрюка», бросив младенца в колодец, но и делает так, чтобы подозрение в убийстве пало на злосчастную мать. Сочтенную детоубийцей женщину народ осудил «громадой» (или общиной), и ее живьем зарыли в землю вместе с погибшим ребенком. Истинного же убийцу за страшный грех Господь обрек ходить меж людей «сатаною-человеком»: «Он будет по світу ходити и вас, дівчаточка, дурить вовіки». (5, с.389. В русском переводе в четырехтомном собрании сочинений поэта стихотворение дано, как «Дочка ктитора» (церковного старосты) (10, сс. 90-96).

Не менее жуткий оборот обретают события «Во граде Вильно достославном...», где прекрасная еврейка и сын «ясновельможной графини», полюбили друг друга. Но тут уже не просто уязвленное самолюбие и человеческая подлость, а корысть встали между людьми. Желавший выдать дочь замуж за банкира отец красавицы, застав влюбленных, убивает юношу топором, Девушка же сгоряча вырывает топор и по обух всаживает... в отцовскую грудь. Ночь же и сама расстается с жизнью, бросившись в воду.

Сюжеты меняются. Но лейтмотивом самых разных стихов великого украинского поэта звучит стон злосчастной любви и... одиночества. Здесь можно было бы, постигая эту грань творчества Шевченко, пойти по пути Фрейда, «раскручивая» тему сиротства и личных болей поэта. Можно. Но очень важно пристально всмотреться и в то, что у Шевченко губит молодость и человеческие чувства. Это – необуздан-

ность власти, даруемой грубой силой, положением в обществе и деньгами. Всюду, где только эта власть касается людей, она ломает, корежит их судьбы, доводя до гибели тех, кто не в силах отстоять свою любовь. Социальное здесь, причем обретающее исторически конкретные черты, срастается с личным. Наделенный властью ли денег, иной ли властью становится самцом, неотличимым по своей сути от животного. Поскольку же вершина власти – власть царская, постольку у Шевченко апофеозом этой темы, острейшим выражением этой боли становятся «Цари», данные Богом людям «взамен смиренного пророка», в наказание за то, что они жестоко обошлись с тем, кто нес им свет добра и истины (10, с.114). У Шевченко и «цари», будь то библейские персонажи или славянский князь Владимир, свою власть, свою мощь используют, прежде всего для того, чтобы ради своей похоти, своих капризов ломать судьбы влюбленных и втоптывать в грязь сами заповеди... (Марина. Этого названия нет в рукописи.- (5,с.с.391 – 402; Цари, Там же, с.с.377 – 382. И многие другие. Анализ «Марины» и «Дочери ктитора», см., в частности, в работе Е.Кирилюка «Тарас Шевченко», с.с.164 – 169).

Думается, что современный философский анализ одного только поэтического творчества Т.Г.Шевченко мог бы вылиться в солидный том. Не ставя перед собой такую масштабную задачу, мы, тем не менее, замечаем поразительную особенность художественного и поэтического творчества поэта. Если живопись, рисунок и, к сожалению, не сохранившаяся скульптура неотделимы от Казахстана по представленным в них образам, то с поэзией все иначе. Поэзия ссыльного, казалось бы, в целом совершенно далека от собственно Казахстана. За исключением вполне понятных стонов о неволе на чужбине почти весь основной массив стихов бесчисленными нитями связан с родной поэту Украиной. Казалось бы, поэт и художник словно живут в разных мирах. Художник своим внимательным глазом и чуткой рукою открывает миру и сохраняет для потомков целую вселенную казахов. Поэт же и мыслями, и сердцем – с далекой родиной. Причем эти мысли – далеко не только дети

ностальгии, тоски по надолго утраченному. Нет. Поэт болеет болями украинской земли, бьется над решением ее проблем; и, хотя эти проблемы вырастают у него до общечеловеческих, сама поэзия дышит воздухом Украины.

Не странно ли? – Пожалуй, ничего странного в этом нет. У Шевченко поэтическое перо и кисть – как две ноги, позволяющие устоять, причем устоять, оставшись человеком в мире, чуждом ему, как и по самой природе, так и по духу – духу ограничения свободы. Если кисть (как и в огромной мере, проза) фиксировала виденное, то перо запечатляло прочувствованное и то, что сам поэт называет «думами», проступающими в самых разных стихах независимо от их названия. И нарисованное, и написанное взаимодополняло друг друга. Более того, обостренное чувство родины в других краях могло обрести и иное звучание. Поэтому и написанные в ссылке стихи можно по праву считать неотделимыми от Казахстана, какие бы образы в них не рождались.

Однако среди ссыльных стихов есть и такое, что при своей философской притчевости напрямую касаются тех неуютных мест, безлесых мест, в которых оказался поэт, привыкший к сочной зелени Украины. Это занятное, полусказочное стихотворение о Божьем топоре. Лежал себе этот топор «у Бога за дверьми». Бог же с Петром пошел по свету творить чудеса. А «кайзак» себе на беду стянул топор – и пошел в лес по дрова. Вырвался топор из рук – и пошел косить лес. Дубы – и те полегли, как трава. Вдобавок начались пожары. Почернела земля. Тьма закрыла солнце – от Урала, до Тангиза, до Арала. «Пылают села, города. Рыдают люди, звери воют». Осталось лишь одно – «святое» дерево, напоминающее о старых временах. (4, с.120 – 122).

Стихи родственны старинным рассказам и мифам о том, от чего и как появилось нечто, таким, как «почему иволга просит пить?», «почему в море вода соленая?» или античной истории о шкатулке Пандоры. Правда, может встать вопрос: а кто же такой этот «кайзак», стянувший у Бога топор? В комментариях к «Кобзарю» сказано, что «кайзак на хирю» – «это «козак на беду себе» (5, с.602). То есть в «кайзаке» можно видеть казака в нашем нынешнем его понимании.

Но далее мы встречаем упоминание о том, как к уцелевшему дереву изредка подъезжает на верблюде «дикий... кайзак», то есть явно киргиз-кайзак или местный житель (4. с.121). И это вполне понятно, ведь история говорит о том, как человек пытался объяснить суровость обоженных солнцем мест. А кто же мог натворить бед, как не тот, кто, согласно традиции, столетьями обитал на этой земле?

Если же мы перейдем от догадок, к истории самой жизни Шевченко, то узнаем, что по приказу командира корпуса в мае 1848 г. Тараса Григорьевича перевели из Орской крепости в Раим. Переход на новое место службы Он шел по безводным степям и длился более месяца – с 11 мая по 19 июня. Во время перехода Шевченко «стал свидетелем лесного пожара», а «затем – встретил... «ауля-агач», «святое дерево» казахов». (Позже впечатления от всего этого будут описаны в его повести «Близнецы»). По словам комментатора этого стихотворения и всего тома стихов И.Айзенштока, живые впечатления оказались у Шевченко связанными с «казахской легендой, возможно, услышанной во время похода, текст этой легенды неизвестен» (10, с.457). Как бы то ни было, а здесь Шевченко предстает перед нами не просто, как поэт, но и как фольклорист, соединяющий волшебными нитями творчества духовные миры разных народов.

При этом «Божий топор» таит в себе глубокий и многогранный смысл. – В этом сила подлинно художественного образа, который, словно древесный ствол, обретает все новые и новые слои – слои смысла, независимо от того предугадывал их появление сам творец или нет. Сегодня вырвавшийся из рук человека Божий топор – это и неразумно использованные техника и мощь прогресса. Образ паразитической силы и множащихся смыслов.

Особое место среди стихов этого времени занимает и, рожденное в Кос-Арале, коротенькое стихотворение, где поэт передает свое состояние, описывая и тот природный мир, в который забросила его судьба:

И сонные волны, и небо уныло.
И, словно пьяный вдалеке.
Камыш над берегом к реке
Без ветра гнется. Боже милый!
Иль долго так придется мне
Вот здесь, в незапертой тюрьме,
Скитаться в горести над этим
Никчемным морем? Нет ответа!
Молчит и гнется, чуть жива
В степи пожухлая трава;
Не хочет правды мне сказать,
и негде правду мне узнать.
(10, с.121).

Это, как и множество других стихотворений, демонстрирует нам бережность и точность перевода, и отдельные, отмеченные в статье нюансы, не отменяют такой оценки в целом. Если обычно или, по крайней мере, очень часто, перевод – сотворчество, а то и творчество по определенным мотивам, то переводы Т.Г.Шевченко на русский язык – примеры особого мастерства – умения с максимально возможной точностью передать образный строй и ход мысли автора. Это тоже творчество. Но творчество особого рода, требующее ювелирного владения словом...

Вполне понятно, что в столь беглых заметках, как уже было сказано, обойдены очень и очень многие стихи поэта, достойные не просто упоминания, но и их современного прочтения. Лишь в Кос-Арале им были написаны десятки стихотворных произведений. Правда, поэзия, проза и увлекавшая Шевченко работа художника не всегда, если можно так выразиться, «шли рука об руку». Так, за семь лет пребывания на Мангышлаке Шевченко-художник создал 250 произведений, из которых сохранилось 180. При этом 154 были «посвящены Мангышлаку» (11, с.41)

В целом же, находясь в ссылке, Шевченко немало сил отдавал и скульптуре – причем скульптуре жанровой, что было новым для России того времени. Так, в Новопетровском укреплении в ответ на усиление запрета рисовать Шевченко, по словам М.Шагинян, стал пробовать себя и

в скульптуре. К сожалению, его скульптурные произведения не сохранились. Однако, судя по описаниям очевидцев, они, как и живописные произведения..., были посвящены тому миру и тому народу, с которым годы ссылки свели Шевченко. «Из множества фигур и статуэток, которые он выливал из алебаstra, - пишет Косарев, - мне особенно врезались в памяти две...». Одна религиозного содержания. «Другая изображала сцену из киргизской жизни: стоит кибитка с поднятою от жары кошмою. В глубине кибитки сидит киргиз в кошемной, в шляпе несколько набок, с довольною физиономией и играет на домре (домбре)... Снаружи у дверей с улыбкою на губах и с головой, повернутой к нему, стоит его жена и толчет просо. У ног ее двое маленьких, голых киргизяток, играющих между собою. С правой стороны лежит привязанный к кибитке теленок, а с левой – две козы. Превосходные, знаете, были обе эти группы... Алебастровые свои произведения нам раздавал Шевченко обыкновенно даром» (2, с.51).

Свидетельство замечательное, говорящее о творчестве, как потребности души Шевченко. Однако формы творчества не всегда совпадали по времени. Так, отмечая значительное число произведений Шевченко-художника в Мангышлакский период его жизни, авторы книги «Оживут степи» замечают: «Что же касается литературного творчества, которое (здесь Ю.Б.) ограничивается повестями, есть все основания думать, что оно началось позднее живописного, вероятно, в конце того же 1851 года, когда Шевченко вернулся из экспедиции со свежими впечатлениями и творческим настроем. Поэзией он, как известно, не занимался в весь семилетний период мангышлакской ссылки. Явление исключительно загадочное и удивительное» (13, с.40). Насколько точно такое утверждение – остается вопросом. Но поразмыслить есть над чем.

Подводя итоги этим кратким заметкам, хотелось бы напомнить, что шевченковеды отмечают не только социальную остроту и тематическое богатство его произведений, а и их специфику, новизну и при этом органичную связь с художественными традициями. По словам автора солидного

исследования «Народ и поэзия Шевченко» Е.С.Шабловского, «Шевченко впервые в истории украинского стиха вводит интенсивную смену ритмов внутри стихотворения». (14, с.380) К тому же его стихи очень музыкальны и оттого многие из них стали восприниматься украинским народом, как свои собственные песни. Шагинян же, касаясь ритмики стихов Шевченко, сосредотачивает внимание на древнейших корнях «диалектику народного ритма», свойственной певцам многих народов.

У казахов, - добавляет М. Шагинян, - она сохранилась во всей своей чистоте и в наши дни. Мухтар Ауэзов говорит, например, в предисловии к книге «Песни степей»: «Жар-это семи- восьмисложный стих с различным количеством строк в строфе (от четырех до четырнадцати)... Форма жара предусматривает и наличие другого стихотворного ритма «жельдирме» чаще всего употребляемого в местах наиболее динамичных, насыщенных событиями. Самое название его, означающее «рысиный бег», определяет и его форму, являющуюся контрастом стиху жара, ведущему повествование как бы медленным плавным шагом».

И Шевченко, - развивает мысль Ауэзова Шагинян, - преобразуя в своей поэзии народные элементы, не только возрождает этот древний прием во всей его нетронутости, но и придает ему гораздо большее значение, чем то, какое он занимает в народной песне в наши дни. Почему? Потому что прием этот помогает ему расширить средства выразительности самого языка» (2, сс.16 – 17)...

Таким образом, даже из этих беглых заметок, вырастает образ поэта и художника, чьи творческие поиски и свершения, чьи боли и мечты, воплотились в произведения, ставшие национальным достоянием не одного только собственного народа. Будучи гордостью народа украинского, Т.Г.Шевченко и своей судьбой, и своим творчеством неотделим от судеб и культуры украинского, русского и казахского народов, являя нам живой пример взаимообогащения культур. Мы видим, что, какие бы тяжелые испытания не встречались на пути творца, он остается творцом. А подлинно высокое творчество, вспоенное искренними

чувствами, всегда было и, надеемся, будет, мостом, соединяющим разные культуры и народы.

Литература

1. Национальная литература как искусство. – В кн. и переводе А.Тарасенко. Диалог поэзий. – Костанай: Костанайский печатный двор, 2011.
2. Шагинян Мариэтта. Тарас Шевченко. Издание четвертое. – М.: Художественная литература, 1984.
3. Добролюбов. Цит. по: М.Шагинян. Указ. соч.
4. Тарас Шевченко. Лирика. Пер. с украинского. – М.: Гос. издат. худож. лит., 1961.
5. Кобзар. Київ, 1961.
6. Бельчиков Н.Ф. Тарас Шевченко. – М.: Гос. издат. худож. лит., сс.8 -9. См. также: Петр Жур. Дума про огонь. – Л.: Советский писатель, 1989. – 304 с.
7. Не исчез в степной полыни. – В кн. А.Тарасенко. Сочинения в пяти томах. Т1.: Костанайский печатный двор, 2006.
8. Тарас Шевченко. Собрание сочинений в четырех томах. Т.4. Библиотека «Огонек». – М.: Правда, 1977.
9. Кирилук Е. Тарас Шевченко. – М.: Художественная литература, 1988.
10. Тарас Шевченко. Собр. соч. Т.2 ... Стихотворения и поэмы 1847 – 1861.
11. Гоголь Н.В. Избранные сочинения в двух томах. Том первый. М.: Художественная литература, 1984.
12. Служитель. Беседа А.Кабакова с П.Лунгиным. – Итоги, 3 июня 2013 г.
13. Костенко А., Умирбаев С. Оживут степи. - Алма-Ата: Онер, 1984. см. также: Свидин И. Полуостров судьбы поэта. – Алма-Ата: Казахстан. 1978. – 156 с.

Над чем побуждает задуматься Герольд Бельгер

«...что такое литература? Литература – это то, чем болит душа, чем болит общество, это тот самый коржун людских бед, который литератор добровольно взвалил себе на плечи. Это клубок неразрешимых проблем. Это сплошные несчастья, которые ты тщетно пытаешься развеять, развесть руками. Это опять-таки напрасные потуги разбудить человека в человеке... Все это и есть литература. А не забава, блажь, времяпровождение...

Бельгер Г. Зов, с.173

Герольд Бельгер – известный казахстанский беллетрист, писатель, волею судьбы и собственными усилиями профессионально овладевший тремя языками: русским, казахским и немецким. Уходящий своими корнями в Поволжье, он лично пережил драму депортации и прочувствовал на себе самое то, что довелось испытать советским немцам в очень непростые периоды истории СССР.

Уже одно только это делает его роман-исповедь «Зов» интересным для всех, кто хотел бы прикоснуться к реалиям истории, а не к ее карнавальной мишуре либо ловко сработанным сценическим декорациям.

Но признаюсь честно, углубление в исповедальный роман в начале именно нашего тысячелетия породило далеко неоднозначные чувства, а то и прямое желание поспорить. При всем при том, что описанное и сочувствие вызывает, и люди с немецкой кровью (начиная с детства и лет учебы в вузе) были среди моих ближайших друзей и добрых знакомых. А уж о девушках и речи нет. Легко ли найти такого, для кого молоденькие немки не казались бы привлекательными?

И все же, читая, я не мог подчас отделаться и от вопросов, и от крепнущего в постсоветский период личного неприятия не то, чтобы «критики», а язвительных уколов так называемого советского прошлого.

Вот, к примеру, речь о Целине и годах правления Хрущева: «Странные наступили времена. Всюду трезво-

нили о реформах, об оттепели, о либерализации общества, а ничего существенного не произошло. Так, пыль в глаза, лапша на уши, трах-тарарах.

Будучи на летних каникулах в ауле, Гарри слышал только одни сетования земляков на сомнительные перемены: землю всю впритык к аулам распахали, скот пасти негде, траву косить можно только в приречных овражках, кукуруза не растет... держать можно лишь одну корову с телком, пять-шесть овец или одну дойную кобылицу. Казахам совсем житья не стало, от Никитовых реформ скоро по миру пойдем. Целина перевернула все вверх дном. Привычный уклад разрушен. Со всех верховьев и низовьев понаехал разношерстый народец, который нагло затыкает аборигенам рот и навязывает свои временщиковские нравы и порядки. Пришлые ведут себя, как оккупанты. Им и казахские могилы не святы» (1, с.65)

Насторожили не критичность и отход от официальных штампов былых десятилетий, а то, что показалось односторонним и тем, что сегодня слишком уж часто ведет уже к иным штампам – только вывернутым наизнанку. Хрущев, конечно, наломал дров немало, но Целина-то была явлением объемным. Сколько только в нашей. Кустанайской области замечательных хозяйств выросло!..

Все, вроде бы так, но вчитываюсь вновь, и хотя симпатии самого автора не скрыты, подмечаю прием, который Бельгер использует неоднократно: он же не столько сам разворачивает панораму Целины во всей ее масштабности и многослойности, сколько передает определенные настроения. Именно передает. И вот уже в совсем иной части текста, бесспорно, симпатизирующий Казахстану, но и болеющий его болями, писатель воспроизводит слова старого казаха о днях, близких к нашим - того, кто, выписываясь из больничной палаты вынужден был оплатить за семидневное лечение ошеломившую его сумму: «... что происходит, видите? Кишки надрывают, орут: независимость, независимость. А что нам дала независимость? Грабеж! Обман! Последнюю копейку выбивают из бедного люда. Что при советской власти плохо было? Лечились бесплатно. Отдыхали

бесплатно. А теперь? Вдох – тысяча тенге. выдох – тысяча – тенге. Базар – горит. Магазин – не подступись. Это что? Независимость? Сталина на них нет. Казах казаха грабит. Это что? Это как? Вот о чем надо писать, товарищ писатель. Или я не прав?» (1, с.106)

И снова можно было бы упрекнуть автора, что здесь нет объема, что постсоветская жизнь сложнее и богаче. Но в том-то и дело, что серьезный писатель – это всегда глаза и уши Времени, и, наверное, еще коллекционер увиденного и услышанного. И даже в романе-исповеди Бельгер не просто сам исповедуется, но и по-своему исповедует Время. Так, сам он явно не сталинист. Но если кто-то сгоряча с тоской поминает Сталина, то для него, а значит и для читателя, это упоминание становится штрихом Времени. И нас-то самих автор совсем не побуждает тосковать о Сталине. Однако при этом сами записи становятся частицей запечатленной истории.

Частицей истории становится и все то, что касается больниц, их атмосферы и состояния самого автора, которому, увы, не раз довелось быть пациентом. Ведь больницы тоже частица человеческого существования. И сколько миллионов прошли и проходят сквозь это? По своему доводилось проходить и мне. И проход это бывал очень жесток. Но что любопытно: когда мне, как, вроде бы, пишущему, предлагали описать хотя бы что-то, полуинстинктивно отказывался. Не тянуло на такие мемуары. Как многих фронтовиков на воспоминания о войне. И в самом деле: писателей-врачей вспомнить нетрудно: и Вересаев, и Чехов. и Булгаков... А писателей-пациентов? И, наверное, это не случайно. И вот тут-то Бельгер являет нам, если не уникальный, то редкий пример особого типа мужества: буквально протокольной записи того, о чем обычно не хочется вспоминать. И выручает здесь, возможно, именно не мемуарность, а протокольность, сама специфика записей, которые ведутся не после, а во время событий, напоминая своего рода репортажи с того или иного театра военных действий.

Меня лично привлекает и интеллектуальное мужество, и своеобразная самокритичность Герольда Бельгера. Особенно,

когда он пишет и о проблемах перевода, и о различии русских и русскоязычных писателях. Кто-то может с ним согласиться. Кто-то – нет. Да и всякий ли решился бы не просто написать, а так подумать о кумире недавних лет Чингизе Айтматове? «Вот Чингиз Айтматов, прекрасный писатель, мыслитель, горизонт его видения широк, глобалист..., личность общепланетарная, признанная во всем мире. Поразительно актуален, чуток, чувствует пульс современности. Обаятельный человек. Пишет по-русски. Но писатель он не русский. И это сразу бросается в глаза. О том свидетельствует и его последний роман «Когда падают горы»... мысли высокие, накал мощный, сюжет крут, но язык повествования не русский, чужой, книжный, неприродный, искусственный, публицистический, научный, интернациональный – смешаны-перемешаны слова с нерусским налетом, некорневые, не от земли, заемные, наносные... То же можно сказать и о подавляющем большинстве русскоязычных казахов, немцев, евреев, корейцев...» (1, с.177). Кстати, и себя самого Бельгер относит к русскоязычным со всеми вытекающими отсюда следствиями. Наверно, и тут с чем-то можно было бы спорить. Для тех же евреев, как и многих немцев, корейцев русский язык стал за десятилетия родным, и, может быть, пресность их языка объясняется и чем-то иным? – Во всяком случае, здесь есть, над чем поразмыслить.

И все же главное, проходящее лейтмотивом сквозь весь роман-исповедь – это боль человека, которому довелось быть немцем в стране, самой историей брошенной в пекло противостояния, а затем и войны с Германией.

В этой исповеди тоже не все воспринимается линейно, особенно сегодня, когда в разных уголках мира, включая и СНГ, столько крови и трагедий, не менее масштабных и чудовищных, чем трагедия немцев.

Но на что наталкивает Герольд Бельгер, по крайней мере, на что натолкнул лично меня, казалось бы, уже перечитавшего горы книг и, вроде бы, профессионально занимавшегося историей и философией истории и даже защитившего в МГУ диссертацию о великом английском историософе А.Тойнби?

На, может быть, и не вполне оригинальные, но неотвязные размышления. Суть их очень проста: понять драмы и трагедии советских немцев мы можем лишь стремясь выйти за пределы «сталинизма» и «советскости», усматривая в них грань несравненно более масштабной всемирной драмы. Сочувствую страдавшим. Но и меня лично «зацепило» то время, хотя сам я и младше автора «Зова». Я так никогда и не видел дедушку и бабушку, расстрелянных во время оккупации в небольшом украинском городе Глухове. (Бабушку больную подняли с постели). И это, по своему, не менее горько, чем депортация. И не только горько. По маминым словам, дедушка был одним из заметных шахматистов, даже играл по переписке с Алехиным, вот только письма от Алехина затерялись во время переездов. Что здесь точно, что нет - уже не проверишь. Но остается фактом, что сам я шахматистом так и не стал, как и не научился многому из того, что мог бы передать погибший дед. И тут - обрубленные ветви, столь же горькие, как и обрубленные ветви немецкой культуры в диаспоре.

С другой стороны, всплывает в памяти упомянутая Тойнби цифра (возможно, сама по себе небесспорная): в результате политики Гитлера, в конечном счете, 10 млн. немцев были вынуждены покинуть места своего прежнего обитания, так что и тут сталинские депортации – лишь составляющие более сложных процессов, аналоги которых мы видим уже в древней Ассирии.

Увы, ход катастрофических для миллионов событий определяется не тем, что нам лично кажется справедливым или несправедливым, а тем, что Тойнби назвал исторической кармой – взаимосцепленностью человеческих судеб, и тем, что было отчеканено уже в ветхозаветных десяти заповедях, как слова Бога – Бога-ревнителя, наказывающего детей за вину отцов до третьего и четвертого рода... Как ни горько, а гибель людей на «Титанике» или в «Боинге», погибшем над Украиной, равно как и страдания депортированных либо идущих на расстрел определяется не их личными качествами, и даже не распространенными в тот или иной

период, в той или иной части света представлениями о нравственном и безнравственном.

Иными словами, все четче понимание и того, что в «Зове», и того, что разбросано в иных романах, повестях, эссе, исследованиях, как мазков единого полотна одной трагедии современного человечества. Увы, трагедии, последний акт которой еще не завершен, о чем буквально вопиют события на Украине и Ближнем Востоке.

Многое, очень многое уже отснято, записано, изучено. И то, что касается положения и состояния в годы Второй мировой немцев (да и не только их) в Великобритании, США. Известно, каково приходилось после краха Рейха «гулявшим с немцами» дамам тех или иных западноевропейских стран. Не о том ли, помимо прочего, и, являющее собой философскую беллетристику, айтматовское «Тавро Кассандры»?..

Евреи очень много сделали для изучения холокоста, для собирания по крупицам крох человеческих трагедий в единую мировую драму. Но настало время расширить масштабы рассмотрения, взглянуть на холокост, зверства японской «военщины» депортации, ситуации с немцами и иными в воюющих странах, а также феномены «коллорационизма», непростых ситуаций в Прибалтике и на Украине военных лет (например, «лесных братьев» и УПА), как на фрагменты одной картины. Не для того, чтобы очередной раз уподобить Гитлера Сталину (это уже выглядит примитивом), а для того, чтобы глубже осмыслить саму драму мировой истории. Сегодня это чрезвычайно необходимо и с сугубо практической точки зрения. И, чем больше я вчитываюсь в «Зов», тем больше склоняюсь к убеждению, что колоссальная по затраченным усилиям работа Бельгера в таком масштабном историческом полотне должна обязательно занять свое место, стать той струей, без которой грандиозный поток современных знаний и об истории, и о нас самих, будет неполным.

Литература

1. Бельгер Герольд. Зов. Роман-исповедь. – Астана: Аударма, 2010.

Мой Гамзатов

Первое мое знакомство с Гамзатовым было во время армейской службы. Прочитанное в библиотеке части прошло мимо, что очень удивило впоследствии одну знакомую работницу библиотеки: «Как, Гамзатов Вас не задел за живое?» - Но всему свой час. Когда я, окунувшись совсем уже в иной мир, вновь соприкоснулся со стихами Гамзатова, то увидел в нем одного из самых запоминающихся поэтов. Но тут уж заслуга и блестящих переводчиков. Талантливый переводчик – это всегда проводник поэта в мир общечеловеческой культуры. Но ведь надо, чтобы было и что переводить. Иначе переводчику будет просто не с кем подыматься на вершины. И Гамзатов как раз из тех, у кого есть что переводить, на каком бы языке не звучали его строки.

Запомнилось и то, что в годы учебы в Москве в числе многих иных встреч была и встреча с Расулом Гамзатовым в стенах Дома Культуры МГУ на Ленинских, ныне Воробьевых горах. Он тогда был уже на вершине известности. Зал был полон, и сама встреча оставила ощущение прикосновения к чему-то такому же высокому, как и его родные горы. Но при этом органично естественному. Никакой напыщенности. Поучений свысока, А просто разговор с залом.

Стихи же Гамзатова влекут и восточным колоритом, и разнообразием. Здесь и лирика, и тексты песен, звучавших по всей огромной стране, и эпиграммы – надписи на тех или иных предметах: на дверях, кинжалах, книгах, знаменах, и многое иное... Что-то хотелось бы повторять и повторять. Но вспомним хотя бы горстку песчинок не просто стихов, а мудрости, застывшей в стихотворных строках. Вот надпись на часах:

Нетороплив наш счет,
Неспешен год.
А что же быстро?
Быстро жизнь течет.

А вот из надписей на кинжалах:

Помедли, перед тем, как брать
Меня рукой за рукоять.

Однажды где-то пролитая кровь
Кинжалы точит, чтоб пролиться вновь.

Как горько современны эти строки!

Но поэт не только мудр, а и ироничен. Хотя это единение естественно. Ведь мудрость и ирония, да и самоирония – сестры.

Вспомним только:

Писал поэт своей жене:
Ты свет мой и звезда, и зорька.
Когда ты рядом, сладко мне.
Когда тебя не вижу, горько.

Но вот жена, звезда и свет.
Явилась, стала у порога.
«Опять ты здесь, - вскричал поэт. –
дай мне работать, ради бога!»

А как замечательны, как насыщены язвительной солью сатирические строки, посвященные собратьям по цеху. Вспомним вместе несколько из них.

Первое, из тех, что успеваем здесь упомянуть. «Поэту, пишущему жалобы»:

Поэт, чужие видящий грехи,
Ей-богу, и тебе, брат. не мешало б
Оставить в память о себе стихи,
А не собранье анонимных жалоб.

Неплохо бы эти строки перечитывать не только одним поэтам.

Или «Юбилейное»:

Организуем юбилей поэту,
Ведь у него чины, награды, звания.
Одна беда: стихов приличных нету
Для юбилейного издания.

И, наконец, язвительные строки, которые сегодня, когда имитаторов так много, а поэтом готов считать себя всякий, кто способен сочинить что-то рифмованное и раздобыть деньги для публикации собственных творений «Литератору из аула Аксай»:

Ты пишешь, что в Аксае двадцать пять
Писателей – талантов несомненных.

Скажи мне: в старых или новых ценах
У вас в Аксае принято считать?

Вчитайтесь внимательнее - ведь это далеко не только о поэтах, а о всем том дуте, что так легко громоздится на живой культуре, особенно в периоды обесценения, а то и упадка истинно значимого. Поневоле прочитанное напоминает об истории Португалии в период заката ее морского могущества, выросшего на колониальных грабежах: наступило пародийно гротескное время, когда вооруженные силы этой империи стали подсчитывать, суммируя число ног людей и лошадей вместе взятых. Не напоминаем ли и мы, подчас, этих остроумцев бумаготворчества былых столетий?

Правда, тут мне могут напомнить «Легенды Арбата»: где тут сам Гамзатов, а где – тексты на русском языке? Но это – иная тема. К тому же, с точки зрения истории мировой культуры «Илиада», к примеру, ничего не потеряет. как и не приобретет, если вдруг будет узнано что-то сенсационное об имени ее создателя.

Свет и боль

**БЕГЛЫЕ МЫСЛИ, РОЖДЕННЫЕ ПРОЗОЙ
АНАТОЛИЯ ЖИЛКИНА**

Анатолий Жилкин – сибирский автор, за плечами которого солидная подборка публикаций. Лауреат конкурса «Иркутского альманаха» в 2011 г, член творческого совета альманаха «Северо-Муйские огни».

Эти наброски – именно беглые мысли, скорее вопросы и размышления и сомнения, а не рецензия в обычном ее виде. Ведь кто такой рецензент? – В моих глазах – это некто вроде учителя, с галстуком или без него, человек, который

поправляет и научает. Но как учить медведя ловле рыбы или волка охоте? И как учить Автора творчеству, если, конечно, это подлинный Автор? Тут никакие регалии и звания не в счет. Потому что учить творца творчеству все равно, что учить самой жизни, которая так разнообразна, что ни в какие рамки, чины, титулы и титульки не уместается.

Здесь если кто-то и может трезво оценить, причем в соответствующем масштабе – то профессионал-филолог, к каковым я не отношусь.

Общее же ощущение от «Других времен» (рассказов, эссе и повести, изданных в Москве в 2014 г.) – ощущение света и одновременной боли, пронизывающей многое из написанного. Непрофессиональному литературоведу, да еще не специализировавшемуся на литературе Сибири, неуместно оценивать значимость и самостоятельность написанного Жилкиным. Специфику его языка. Но, думается, что было бы крайне интересно взглянуть на его творчество в потоке так называемой «Деревенской прозы» и всего созданного Ф.Абрамовым, А.Беловым, В.Распутиным... Не мне судить о значимости прозы А.Жилкина, если под суждением иметь ввиду попытку расставить авторов по ранжиру. Да и какой может быть ранжир, если речь идет о живом поле, в данном случае – поле русской словесности? – Ведь поле на то и поле, что здесь каждый стебелек – частица Живого Целого.

Не вдаваясь в анализ особенностей языка автора «Других времен», не углубляясь в поиски того, что можно считать собственно языком самой жизни, а что – своего рода стилизацией (у нас, в Северном Казахстане, просто несколько иная разговорная речь), я, все-таки, воспринимаю творчество Жилкина, как частицу жизни, как те стебельки, которые делают эту жизнь богаче и разноцветнее. И невольно вспоминаю совсем недавно ушедшего из жизни известного казахстанского писателя и переводчика Герольда Бельгера, способного творить на трех языках: немецком, казахском и русском. Он разделил писателей на русских и русскоязычных и с беспощадным мужеством отнес и Чингиза Айтматова, и себя самого ко вторым, русскоязыч-

ным, потому что, по его убеждению, русский писатель – русский не по крови, конечно, а тот, кто с раннего детства вдыхал живой воздух именно русского языка, тот, кто не просто понимает язык, а всей своей кожей чувствует его колорит. Так вот Жилкин в этом смысле именно русский автор.

И еще мне неожиданно вспомнился Максим Горький. Его «Детство. В людях. Мои университеты». И, опять-таки, я не сопоставляю масштабы, не стремлюсь вознести или принизить. Повторюсь: в литературе и культуре в целом значимы не только масштабы, но и, говоря языком гамзатовских «Журавлей», «тот самый промежуток малый», который делает для истории интересными и гладиаторский меч Спартака, и прялку, и крестьянский топор. Я только замечу, что и у Горького, и у Жилкина бросается в глаза не просто любовь к человеку, человеку труда, а именно любование им. Вспомним, как у Горького, мужики грузят баржи, получая в награду ведра водки. С какой сопричастностью к ним это написано! То же и у Жилкина. Причем не официально, не плакатно, а то с юмором, то с грустинкой и болью.

Казалось бы, банальность! Но банальность ли, особенно сегодня, когда наша собственная, родная (???) массовая, а точнее элитарно-массовая культура то напоминает ученого мужа, с высокомерной брезгливостью рассматривающего человека, как насекомое, то буквально захлебывается от пенопений фарцовщикам, стриптизерам, шоуменам, неустанно переоблачающимся в женщин и т.д., и т.п.

И удивительно ли, что, словно свежий ветер в распахнувшееся окно ночного клуба с его грохотом и псевдовесельем, в нашу повседневность врываются подзабытые слова из «Сохатого». Слова о «мудрой науке» - «оставаться человеком. как бы не был велик соблазн шагнуть за черту» (с.23). Они врываются – и ты не чувствуешь в них ни начетничества, ни школярской назидательности. А только горечь наблюдения. Наблюдения, сплавляемого с болью, так безыскусственно звучащей в устах сибирячки Томы: «Да что же это с людьми делатца, Михалыч, а? Они ведь его на смерть обрели (бомжа – Ю.Б.), люди-то. И не

одного его. Тыщи неприкаянных по дорогам бродят. За кусок хлеба, за тарелку похлебки руки золоты продают. Деревни все поголовно пустыми глазницами на свет белый смотрят. Вокруг ни леса, ни ягодника, ни птицы, ни зверя не осталось. Все разом с ума посходили. Озверел народ, одна злоба кругом. Господи, повернись к нам, вразуми грешных, ополоумевших! (с.96)

Словно вторя ей, горько размышляет уже другой персонаж повести – Алексей: «Скажи-ка мне, дядя, куда нам податься из деревни людям деревенским? И пошто така нелюбовь к нам у наших же? Извели народ, нарочно угробили, планомерно истребили. Мы же не дурни безголовые, видим, что выметают нас, как мусор из избы. Сначала колхозы, совхозы разогнали, потом давай дешевым спиртом травить. А кто выжил – тех с земли согнали, за гроши с потрохами выкупили. Мы снова в крепостные подались. Так получатца? Только помещик ныне того – все больше не из наших. Чужие на нашей земле хозяйничают. Злые они, жадные... пришлые одним словом. Никто не защищают нас, все мы поперек горла. Это как понимать, Михалыч? Всю жизнь деревня была для города. Что изменилось-то. Или, как говорит Тома, кенгурятина да молоко порошково по вкусу пришлось? И не поймет никто, что это – тот же спирт, только для городских... Городские-то умней – их и травить придумали по умному. А что там греха таить. И в городах с работой туго. Кака причина? Говорят, много людишек расплодилось. Мол, наша половина мешает жить вольготно той половине» (101-102).

Боль этих слов, близких тысячам и тысячам селян, у Жилкина оттеняется и горчащей иронией. Вчитайтесь хотя бы только в эти строки из эссе «Утро. Туман...»:

«А вот и наши «ночные бабочки!»

Ох, и развелось их у нас!

Вот уж где «евростандарт»!

Некоторые годами на трассе.

Народ привык к ним и уважает за постоянство.

Есть и новенькие.

Тракт притягивает веселыми фантазиями и мрачной безнадегой».

Колоритная зарисовка? Беглая картинка нравов? – Конечно. Но какие же глубокие, впоенные горечью мысли, прямо, словно кровь из свежего пореза, вытекают на белизну страницы:

«Им бы коров доить да детей рожать. Видно, что деревенские девахи.

Кровь с молоком!

А все даром уйдет.

Обидно: такая красота – и по кюветам». (с.210)

Конечно, здесь только штрихи, и многое «осталось за кадром». Кое о чем бы хотелось и неспешно поговорить. Скажем о вере. Деликатнейшая «вещь». Тут чуть передавишь – и эффект будет противоположным. Да и с исторической точки зрения немало проблемного, особенно, когда речь заходит о семидесяти годах советской власти, когда, с одной стороны, для очень многих атеизм был не пустой формальностью, а с другой – насколько же по разному бытовала эта самая вера в различных частях колоссальной и подлинно великой страны! Но это – тема отдельного разговора.

И спасибо «Михалычу» за то, что есть над чем посмеяться, над чем призадуматься, и о чем поговорить.

Из письма

Поскольку многое, особенно в 90-е в наших настроениях совпадало, высылаю несколько эпиграмм. Не столько стихи. сколько выплески чувств.

О, как обманчивы вершины!
Еще победный гром в ушах
И барабаны не остынут,
пророча дробно жизнь в веках,
Но...
пропасть – следующий шаг.

Перестройка

Нам говорят, что мы не рыбы
И что в знобящем прошлом плаха.
Спасибо гласности, спасибо
За право рот раскрыть без страха.

И пользуясь высоким правом,
Дарованным нам на века,
Я разеваю рот на славу.
Как язык на кухне рыбака.

Никас в реке времен

ЭТЮДЫ ДИЛЕТАНТА.
(О ВЫСТАВКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
НИКАСА САФРОНОВА В КОСТАНАЕ)

Уже само название этих беглых заметок может показаться банально претенциозным. Но что поделать? – Для меня – эта та банальность, которая сродни «дерево имеет крону» или «Волга впадает в Каспийское море».

Как ни крути, а каждый заметный художник (да и что художник?) – все мы вольно или невольно, а то барахтаемся, то плывем в реке Времени.

Говоря же о несущемся в реке Времени Художнике, мы, хотим того или нет, всегда вращаемся вокруг трех простых осей: образа Художника, того, как его собственное время просвечивает сквозь кисть и все то, что он создает, и, насколько то, что он творит способно либо нет пережить века? Последний вопрос мы в силу неосознаваемо высокой собственной оценки обычно подменяем другим: а творит ли он шедевры, и судим, подчас, так уверенно, как будто восседаем на небе рядом с апостолом Петром, подсказывая небожителю, кому же выдавать пропуска для входа в рай бессмертия.

И в самом деле, такой критик (и иначе, что же это за критик?) напоминает старый эстрадный монолог Хлестакова, упоенно вещающего провинциалам о своих встречах с Александром Сергеевичем: «Ну, что пишешь, брат, Пушкин? – Пиши, пиши». По более же хлесткому выражению Ильи Глазунова, «критик – это импотент, который учит производителя...»

И даже, когда не учит (если речь идет о слишком уж признанном имени), то нередко скорее напоминает не аналитика, а фокусника, который цветастыми лентами слов окутывает опустевший кокон мысли. Как в детской забаве, когда разворачивая накрученные один на другой фантики, так и не обнаруживаешь внутри искомой конфетки.

Вчитайтесь, к примеру, в витиеватые строки о даме с горностаем и Джоконде:

«Юная Галерани. Дочь 15-го века. Лукавая чаровница. Фаворитка миланского двора. Нежная и мудрая, стыдливая и фривольная... Простая и сложная. Тайнственно-привлекательная с лицом почти статичным, она все же обладает магнетизмом необычайного, скрытого движения...» А вот о Джоконде: «внешне ... картина – царство тишины и гармонии. Но, подобно вулкану, скрывающему под слоем остывшей лавы и пепла кипящую, раскаленную массу, и Джоконда скрывает за улыбчивой маской душу трепетную, глубокую, ум острый, все постигающий» (И.Долгополов).

Окунаешься в волны подобного красноречия и начинаешь ощущать холодок сомнений. Почему юная Галерани

целомудренна и мудра? Откуда это видно, что она стыдлива и фривольна? И если это так, то насколько сам смысл слова стыдливость в веке 15-м совпадает с тем, что под стыдливостью понимаем мы, здесь и сейчас? И почему у Джоконды ум острый и все постигающий? И какой, вообще, может быть смысл в последних словах, когда ими характеризуют всего лишь человека?

Нет, что ни говорите, а я явно не критик. Поэтому здесь только впечатления и брызги мысли, разлетающиеся после встреч с картинами. Картинами, родившими немало споров. И эти всплески суждений, подчас резких или вопрошающих замечательны уже сами по себе. Ведь сегодняшняя провинция – это не захолустье былых лет, а места, где может не хватать личного общения, но есть Интернет и самые современные средства связи и, пусть детские, но художественные школы. Да и художники с профессиональной подготовкой и немалым собственным опытом. Так что суждения провинциалов совсем не обязательно примитивны. И в то же время зачастую более самостоятельны, более личностны, чем рассуждения критиков-профи, порхающих в тех или иных столичных тусовках.

А споры разгорелись нешуточные. Коснемся той же ауры. Сам я не обладаю столь тонкой психикой, чтоб рассуждать об этом. Но одна из образованных собеседниц пылко восклицает, что в ауре выставки ей недоставало света, ощущения легкости...

Но всегда ли прикосновение к искусству должно рождать такое ощущение? – Тот же Лермонтов далеко не прозрачно светел. А Гойя? Разве не подметил еще Аристотель – тысячи лет назад – что катарсис, своего рода внутреннее ощущение рождается и трагедией?

Ну, то – трагедия! А здесь – нет ли здесь китча, сплава китча с гламуром, следования за модой, движения по поверхности Времени, купания в его пене? Вот Шилов, Глазунов, «обласканные властью», а где они сейчас?

Что ж, и они пока не забыты. И обязательно ли «обласканность властью», «внешний успех» должны быть противопоказаны искусству и потому увлекать творца –

художника ли, поэта ли... в реку забвения – Лету? – Вопрос не для минутных дискуссий.

А какова техника? – «Я сама работаю с фотошопом. И сегодня 99% портретов рисуется с фотографий». И опять вопрос: как же тогда судить о портретах?

И снова Илья Глазунов. «Он везде узнаваем. А Никас? – Он очень разный. Он все еще ищет. Посмотрев на его картину, не всегда скажешь, что это именно он...»

Опять вопрос. И опять котрвопрос: а почему художник не может быть разным? И, вообще, должна ли «узнаваемость», «установленность» стиля быть скрытой или явной целью художника кисти, звука или слова? Вспомним уже поэта Асеева. Насколько контрастны по саму стилю его стихи разных лет. И при всем при том он везде остается поэтом... Но правомерны ли подобные сравнения?..

И таких вопросов множество. Вопросов не риторических, не подразумевающих, уже готовые, как в учебных тестах, однозначные ответы. Так может быть, и неплохо, что они есть, значит, «цепануло», задело за живое?

Оставим споры дискутирующим и попробуем, не забывая о самом художнике, по-созрамыслить о том, о чем здесь упомянуто вскользь, о нашем центральном вопросе: Художник, Время, временность и Вечность.

Боюсь, что о Вечности и даже о далекой от нее жизни в столетиях мы говорить не вправе. Слишком уж многое определяется здесь не талантом и даже не значимостью, а стечением обстоятельств. Скажем, разрушили римляне Карфаген, перепахали то место, на котором тот стоял – и скрупулезные немецкие ученые уверенно утверждают, что никакой-такой заметной художественной культуры, особенно литературы, там и не было.

И что здесь возразить. Тут, как у Горького: «а был ли мальчик»?

А, если, все-таки, поразмыслить, пусть не о Вечности, но, хотя бы о ближайших десятилетиях и (при достаточном нахальстве) о веках?

Начнем по порядку. С образа самого художника. Вполне понятно, что образ человека-творца, военного и полити-

ческого деятеля – это не столько его внешность, имидж, сколько его дела, то, что он создал. Тем паче, что зримые образы основной массы людей прошлого фантомны. Как они реально выглядели, мы не знаем. Но сегодня мы можем совершенно отчетливо представить и тех, с кем ни разу не встречались лично. И, что естественно, складывать о них свои представления. И Никас – один из тех, кого мы можем видеть и на фото, и в Интернете, и на телеэкране.

Зримый образ Никаса, как и любого из нас, это – и его внешность, и тот мир-аквариум, в котором он непосредственно живет. По крайней мере, на экране.

Так уж вышло. И тут «вина» природы, что и без специальных усилий Сафронов импозантен, кинематографичен и фотогеничен. Для создания имиджа художника требуется совсем немного: длинные волосы, борода, усы, определенная манера держаться и говорить. Он из ряда тех, кому, как в известном анекдоте о выступлении Людмилы Зыкина в Азербайджане, где в цене женская дородность, и изображать ничего не надо. Не случайно же в СМИ полшутя повторяют, что, когда прославленная певица стала изнемогать от пения на «бис», из зала раздался голос: «А Вы не пойте. Вы ходите. Туда-сюда. Туда-сюда».

То же и с киноартистами: статные мужчины и стройные либо пышнотелые красавицы, примагничивают взоры уже сами по себе. А вот такие, как Ю. Никулин или С.Крамаров влекут собственно игрой и своим колоритом.

В первом случае внешность может быть не только подарком судьбы, но и ловушкой: яркая внешность, как слишком дорогая и тонко сделанная рама, может отвлекать внимание от самой картины. Поэтому кажется, что создать именно психологический портрет самого Никаса очень непросто. Ведь и его известный автопортрет – это красочный, выразительный облик с приопущенными жалюзи. Он на Вас смотрит. А Вы заглянуть внутрь его мира не в силах.

Хотя, впрочем, это и не странно. Собственно внутренний мир Художника приоткрывается в том, что Художник делает и говорит. А говорит Сафронов интересно, без натужности и назидательности.

Здесь контраст. Внешне и по «тусовке», по тому, что говорится об образе жизни, Никас – нагляднейший образец богемности. В рассуждениях же богемность испаряется. Перед нами просто Мастер, который рассуждает о Деле, которому посвящена жизнь...

Нет, я не спешу судить «богему» и все то, что связано с антуражем, будь это какие-то лица или обстановка в доме. Ведь и это все тоже говорит о человеке, причем очень часто далеко не только то, что он сам хотел бы сказать о себе. Чисто исторически, наверно, значимы и многочисленные фото с теми или иными заметными фигурами наших лет. Но меня лично (уж простите, за то, что такой сухарь) все эти совместные сцены не всегда впечатляют. Допустим, мелькнет где-то Ксения Собчак. Не хочу ее «подколоть». Но кто она такая для Истории? Кому из нас особенно интересно, кто и когда при персидском или римском дворе вертелся у трона, либо, напротив, «вставлял шпильки» венценосным особам? Пусть сегодня не венценосцы, а президенты, но кому через сотню лет будут интересны игры в либерализм и прочая, и прочая? Для провинции же она, прежде всего, особа, неотделимая от «Дома два». Этот «дом», как татуировка, которую просто так не смоешь... Хотя живописный портрет Собчак, наверно, мог бы быть колоритным. Но такие портреты – прерогатива Художника.

Может показаться кощунством, но и Софии Лорен (да и только ли?), как актриса, дитя мига, а не Вечности. Такова уж профессия актера и актрисы, чья творческая жизнь, хотя и продлена киноленткой, но надолго ли? И совершенно не важно, насколько гениальны или нет актеры прошлого – они на поверхности реки Времени, и поэтому ее воды уносят их в тень исторической памяти особенно быстро.

Это я к тому, что для многих сегодняшних зрителей образ Художника чаще всего не становится значимей из-за фиксации близости к тем или иным, блистательным либо блеклым фигурам богемно-политической сцены. Скажем, совсем еще недавно гремели то «Ласковый май», то «На-на», а многие ли из более молодых сегодня вспомнят о них? Так что собственно Художнику это не прибавляет заметного

имиджевого веса. Если говорить о его имидже не здесь и сейчас, а, хотя бы, в десятилетиях.

Но, бесспорно, этот вес дает имя. И так не только в искусстве: сначала ты работаешь на имя, потом имя работает на тебя. Можно, конечно, сказать, что здесь не обойтись и без удачи: вон, сколько талантливых уличных художников, виртуозно рисующих портреты (я сам изумлялся таким в Барселоне), но у них что-то нет всемирной славы.

А кто сказал, что удача не должна быть трамплином для творческого и иного взлета? Не зря же древние ценили не просто храбрых и могучих, а и удачливых воинов и полководцев?

Имя же не только дает вес Художнику, но и пронизывает уже наше собственное восприятие всего им созданного, как, впрочем, и в иных сферах человеческой деятельности – от философии, педагогики до политики. Тут, как в шахматах, только с «перевернутыми песочными часами», то есть наоборот. Как заметил один именитый шахматист, играть с гроссмейстером легче, чем с мастером. – Если мастер подставляет фигуру, то задумываешься: зевок это или ловушка? Если же то же случается в партии с гроссмейстером, то и время на расчеты тратить незачем, потому что скорее всего – это ловушка.

С художником же и писателем, да и иным философом наоборот: темное, неясное, а то и просто неточное, если только у создателя есть имя, побуждает искать скрытые смыслы. Кстати, сам Никас хорошо сказал об этом, упоминая «Черный квадрат»...

Если же говорить о богемной составляющей образа Художника, то здесь очень многое мне лично либо неинтересно, либо видится антирекламой. Скажем, когда упоминаются шары, слетающие с полотна, плачущая икона либо мелькают сцены с бокалами и теми или иными знаменитостями. По мне, так все это само по себе и не возвышает, и не унижает, а напоминает своего рода макияж, который может быть то более, то менее органичным.

Что ж, тут можно рассуждать до бесконечности. А как же быть с собственно искусством?

Повторюсь: здесь я не судья, а тот, кто пытается передать лишь очень поверхностные сугубо личные впечатления. Не буду ввязываться в споры о технике. В конце-концов, какая разница, поднимались ли камни для кладки стены вручную или с помощью лебедок и строительных кранов? Важнее то, насколько прочны и функциональны сама стена, башня, все сооружение.

Лично меня особенно впечатлили портреты. Именно разнообразием характеров и выражений. Кто-то из примелькавшихся проступал в совершенно неузнаваемом, неожиданном виде. Как, например, де Каприо или Делон. Эту неожиданность не столько даже подчеркивают, сколько обрамляют одеяния былых столетий – своего рода набегание друг на друга волн разных времен. Не буду горделиво претендовать, что здесь я раскрыл замысел самого художника – уж очень легко в таких случаях уподобиться «философам» из буддийской притчи, рассуждавшим о парне на вершине горы, который, вопреки их хитроумным догадкам, просто стоял. Но при всем том сам дух философии «Реки времени» показателен: как бы кто ни выглядел, во что бы он ни был облачен, а мы, люди – единое целое. Интересно, что такое ощущение наслаивается на то, что уже проделали американцы, сопоставившие портреты художников прошлых столетий с фотографиями наших современников и обнаружившие при этом поразительное сходство. Порой казалось, что перед нами одни и те же люди или, по крайней мере, ближайшие родственники, а не те, кто разделен веками.

Более же всего меня лично буквально не отпускал Юрий Никулин в древнеримском облачении. Сколько юмора, иронии, и, как мне увиделось, даже самоиронии – самоиронии нашего собственного времени, примеряющего на себя торжественные одежды прошлого. Портрет настолько лучится смыслами, что все, сказанное здесь, очень и очень поверхностно, настолько разнообразнее и глубже можно было бы о нем рассуждать...

А вот Михаил Козаков. Со всеми морщинками, и со всем грузом лет немало прожившего человека. Для меня он – один

из тех актеров, который вне сцены способен быть просто человеком или, если хотите, талантливейше играть просто человека. Таким он мне запомнился в одной из программ «Рожденные в СССР» Владимира Глазунова: актер – и ни налета актерства. А это высший пилотаж. Такое не каждому дано. И вот этот-то высший пилотаж я и увидел в портрете.

...А как же соседствующий с Казаковым Познер? – Ведь про Никоса Сафронова афористично говорят, что он «умеет льстить без пошлости», но разве не льстит он, и слишком уж откровенно, здесь, где у очень-очень немолодого телеведущего, буквально мастодонта телевидения, лицо философа, да еще с разглаженными морщинами?..

Всматриваешься – и начинаешь ощущать не лесть, а нечто иное. Перед нами не просто портрет телеведущего-философа, а маска. Для меня лично это необычайно интересно и в чисто индивидуальном плане. Познер – телеглыба. Но это чистое соло, выражаясь языком футбола, тот игрок, который никогда не даст другому пас, а будет во что бы то ни стало сам пытаться забить мяч в ворота, как бы это рвение не сказалось на результате игры. Не случайно, его давняя передача «Мы» когда-то навеяла такие строчки:

Приметна эта передача.
Но лучше б, сути не тая,
Порядок слов перенинчить,
Назвав ее не «Мы», а «Я».

Кстати, нечто подобное позже прозвучало в КВН.

... Запомнилось и то, как в одной из прежних передач именитый телеведущий возносил себя на специально изготовленный для этого стульчик, так что при разговоре возвышался над собеседником. Этот стульчик и по сей день незримо витает во многих его передачах. И при всем при том он мастер.

Но что лично для меня еще значимее, так ощущение надличностного. Может быть, я просто фантазирую, но вижу здесь гротескный портрет нашего времени – времени, когда телеведущий надевает на себя маску философа, учителя жизни – времени масок, за которыми, как и на картине, не лица, а темнота...

В отельное эссе так и просятся животные в человеческих костюмах. Подле них можно стоять и стоять. О них можно писать и писать.

Писать и озадачиваться. Не раз. Скажем, почему на портретах руки, которые подчас могут сказать о ком-то не меньше, чем лицо, у Сафронова, молчат? Почему они словно покрыты прозрачными резиновыми перчатками, скрывающими живую кожу? – Если Вам это интересно – подумайте сами...

А как же иное? Как же пейзажи, фантазии, каскады образов? – Первая реакция: интересно, но в принципе, чтобы так фантазировать совсем не обязательно быть мастером: крылья самой фантазии, словно птицу, несут на себе картину. И уже вторичным может показаться то, как это написано. Скажем, сколько томов посвящено Марку Шагалу. А я, непросвещенный, при всем почтении к его имени, пока еще не вижу собственно рисунка и той игры красок, которые, наверно, жду от него. Возможно, это еще впереди.

Пока же для меня, дилетанта, в Шилове ли, Глазунове ли, Сафронове, значимо то, что, на мой, дилетантский взгляд, они, прежде, чем фантазировать, запечатлевать, выражать свое *Я*, философствовать кистью, освоили азы ремесла и. если уж рисуют, то не они подвластны кисти, а кисть им подвластна: то есть способны выразить то, что хотят, а не уподобляются недоучке-магу из популярного некогда хита, исполняемого Аллой Пугачевой, который сделать хотел одно, а получил козу.

Может быть, именно поэтому, откровенно говоря, меня лично головы без тел и иные фантазии оставляют равнодушным.

Однако я вовсе не враг фантазии. Напротив, как человек, которому, худо ли бедно ли, а довелось несколько десятилетий своей жизни связать с преподаванием, да еще и философии и т.д., вдруг, именно на выставке, почувствовал банальное, то, что должно быть азбукой для всякого педагога: то, как фантазия, в данном случае фантазия художника, может работать на человека вообще, то есть на любого из нас, а, значит, и на тех, кого мы учим.

И значимость этой душевной работы, как раз не в уникальности. Абсолютная уникальность, если бы таковая была – это черная дыра, недоступная внешнему наблюдателю. Любой творец интересен тем, что пересекается с настроениями, переживаниями, личным опытом зрителей, читателей и слушателей. Индивидуальность же его проступает в том, что, по мере сил, он стремится смотреть на себя самого и мир своими собственными, а не чужими глазами и тем самым наталкивает на это и нас: надо же, ведь и я был рядом с этим, а заметил только сейчас, благодаря художнику!

Но тут представляется крайне важным не только мастерство художника, как такового, а и его владение словом, способность найти захватывающие воображение, интригующие названия картин. Вспомним здесь лишь некоторые из таких названий: «Шары желаний в волшебных сучьях», «В поисках смысла жизни в пустыне мысли», «Воспоминания о рае» или Кошечка в женском платье былых лет, представленная, как «Дама бальзаковского возраста»...

Можно спорить о задумке художника. И, слава Богу, пусть желающие это делают. Но для учебной аудитории, кто бы подобные картины ни писал, и как бы они не варьировались, такие фантазии подарок. Сегодня их несложно воспроизводить на экранах и давать задания составить эссе. Практика показывает, что подобные задания, касающиеся иных инсталляций и т.д., будят собственную фантазию. Начинается со-творчество.

Вторая ступень – придумка собственных образов. И это тоже замечательно. И здесь Никас интересен именно не уникальностью, а тем, что он оказался среди тех, кто в нашем засушено индустриальном мире, в мире, где экзаменационные задания чаще усыпляют мысль, нежели ее будят, пробуждает нашу собственную фантазию, наше собственное воображение и тем самым помогают нам оставаться людьми, а не превращаться в роботов, «офисный планктон» и прочие «новоделы» цивилизации.

Что же касается моды, «обласканности властями» и далекой от искусства «чернью», то это отдельная и очень непростая, хотя и увлекательнейшая тема. Непростая,

потому, что и здесь нет однозначного ответа. Поэтому просто вспомним Пушкина:

К чему бесплодно спорить с веком?..

Быть можно дельным человеком

И думать о красе ногтей.

Но насколько можно быть «дельным человеком» и «мастером пиара», тусовщиком? Насколько тусовка оставляет время для творчества и при этом не выедает душу Художника? Где и какой пиар воспринимается как реклама, а где и когда – как антиреклама? Может ли модное и гламурное стать одним из портретов Своего времени и тем самым быть интересным для столетий? И разве не было клише, своего рода «гламура», следования Внешним требованиям, а не Внутреннему голосу в древних и старинных изображениях сильных мира сего? Да и вообще, собственно ли талантливость творцов делает для нас значимыми изображения ассирийских владык или Чингизхана? – Вопросы жесткие и головоломные.

Но, повторюсь: это тема отдельного разговора.

Мне же остается сказать, что выставка в «Картинной галерее» - это, несомненное явление в культурной жизни Костаная. Явление уже потому, что оно привлекло к себе внимание. Потому, что в Картинной галерее можно ежедневно видеть посетителей. Правда, многие художники-профессионалы смотрят на Никаса очень критически. Но, может быть, это как раз один из тех случаев, когда и уязвимое, и очень спорное оказывается интересным уже тем, что рождает и резкое неприятие и споры? Быть может это – «рококо» – рубежа новых веков. Как писал, правда, о Высоцком, Андрей Вознесенский, «Какое время на дворе, таков мессия». Нравится это кому-то или нет, но Никас своего рода лакмусова бумага уже нашего времени. И мне лично он интересен прежде всего тем, что в очередной раз побуждает задуматься именно над нашим временем, подталкивающим именно к таким поискам путей известности и успеха.

Что же касается сугубо художественной стороны, то здесь было бы интересно увидеть в печати и услышать самих художников.

Глазами человека, далекого от тусовки

У меня на столе, только что выпущенная «Печатным двором», книга Людмилы Владимировны Мацупы «Разноцветная правда или принадлежать истории».

Мы практически не пересекались с Мацупой по работе, хотя по-человечески всегда сохраняли добрые отношения, даже сыновья когда-то ходили в один детский садик.

Но книга – совсем иное. Казалось бы, что может увидеть в ней человек, совершенно далекий от мира, который в этой книге очерчен. И в самом деле. Впервые призадумался: вроде бы, совершенно рядом, а как бы на разных планетах. Людмила Владимировна – бурлящий котел, всегда многогранна, всегда лидер, всегда наверху, как можно было бы сказать, «при власти». Ее юность и зрелость неотделимы от комсомола и партии. Она всегда в системе, всегда в гуще. А я? – По какому-то недоразумению как-то был комсоргом в классе и в роте. Но ни лидерство, ни строй с речевками, ни словообильные застолья – не мое. Я – кошка, которая, по сути, всегда гуляет сама по себе.

Да и ценности у меня какие-то, не совсем уж обтесанные. Гирилянды наград сами по себе меня не впечатляют. Сколько в не столь уж давнем прошлом, да и ныне этих самых наград сыпется либо на тех, кто повыше влез, либо вовремя подлизнул. Как говаривал еще герой Грибоедова, «Чины людьми даются»... Хотя награды, связанные с молодежными инициативами, лагерями, я бы, все-таки, выделил. Это то, с чем вживую соприкасался я сам, и что, глубоко убежден, было и будет необходимо всегда. Что касается прочих, увы, среди мишуры, как разглядеть настоящее золото? И, честно говоря, грустновато оттого, что такому, как я, рядовому человеку бывает так непросто отличить **заслуженное** от **данного**...

Да и руководящая комсомольская и партийная работа мне нередко напоминала беличье колесо. Помнится когда-то в обкоме комсомола ажиотаж: «ребятишки» бегают: «Уборка!» Уборка, оно дело серьезное, но вы-то чего суетитесь? Вы ж не с лопатой, и не на тракторе?

Нет, я, упаси Боже, никогда не был диссидентом, просто все, что связано с управлением, было мне параллельно. Если не все летают в космос, то почему все должны рваться в лидеры и управленцы?

Я не случайно начал немножко ершисто. Именно для того, чтобы подчеркнуть: в моем восприятии «Разноцветной правды...» нет никакой корпоративной солидарности. И при всем при этом, взяв в руки книгу, я проглотил ее за вечер и утро.

Что поразило с первых строк? – Живость разговора автора со мной, читателем, и свежесть языка. Интереснейший парадокс: партийная литература много лет слишком уж часто ассоциировалась с набором клише - чем-то вроде официального богословия, вывернутого наизнанку. И вдруг, человек, обкатанный и комсомольской, и партийной элитой, и иными властными структурами, сохраняет человеческий, а отнюдь не чиновничий язык.

Такое и в научном мире не слишком часто встретишь, ибо язык, который обычно именуют научным, так далек от привычного, человеческого, что, используя гиперболу Гоголя, можно бы сказать: «Редкая научная птица долетит до того берега мысли, на котором говорят, как дышат», либо, выражаясь иначе, далеко не всякий серьезный ученый может написать простенькую научно-популярную вещичку...

А тут... Тут совсем иное. Мало того. Перебираю в памяти имена. Тарасенко Анатолий Владимирович, Суслова Александра Ильинична... И они, мягко говоря, из той же когорты, а их язык – не высушен, не убит канцеляризмами. Конечно, все они – Личности с большой буквы. Но может быть, за этой банальностью напрашивается простенький вывод: комсомольская, партийная, управленческая работа далеко не всегда убивала в элите (в данном случае, местной) то живое, чем всегда гордилась наша интеллигенция...

Но это – о языке книги. А содержание? – Думаю, что сам факт не просто написания, а публикации такой книги уже поступок. Дело в том, что правда, и в самом деле, разноцветна. Внутрипартийный мир можно увидеть и так, как его увидел Анатолий Стреляный, взорвавший в годы

Перестройки, словно очередную бомбу, свою «Стрельбу в лет» - вещь, о которой люди из «системы» восторженно говорили: вот она, правда! Там была правда едкая, с желчью. А у Людмилы Владимировны? – Правда совсем иная. Не без горечи, но озаренная внутренним светом. Можно, наверное, спорить о деталях, давать иные характеристики тем, кто упомянут в книге. Но для меня главное – что человек не отрекается ни от своего прошлого, ни от себя. И это – не просто частная позиция. Это – чувство истории. Уже как человек, к истории (как науке) в какой-то мере причастный, не могу не заметить этого чувства истории. Ведь история живет не только в описании «великих личностей» и «великих событий», а и в быте, в провинциальной жизни. И в этом смысле книга Мацупы – один из тех мазков, которым пишется полотно отечественной. да и всемирной истории. И настроения, и суета, и нюансы жизни – все это крохи истории. Те крохи, без которых исторические описания будут менее полны.

К тому же в книге далеко не только дифирамбы. Здесь и боль за кадры, невостребованные уже сегодня, и упоминания о лексиконе партийных «величин», не чуравшихся мата. Тут я сам бы добавил, что беда не в самом мате. В армии и на стройке, он может быть таким же естественным, как пыль и дождь. Беда в ином, в известном мне от лично соприкоснувшихся с этим людей, мате Чина в разговоре с Подчиненным. Такой мат – все равно, что прилюдное топтание ногами упавшего. И, конечно же, он был признаком дичайшего бескультурья, может быть лишь части, но номенклатурной элиты. Более того, он был частью той системы отношений, при которой «Ты начальник – я дурак».

По своей наивности, и под парами перестроечной «духовной сивухи» мы наивно полагали, что дело в «коммунистичности» и «советскости». А причина-то, видать, не в том, что власть была советская, а в ее бесконтрольности. Вспоминается, как уже во втором десятилетии двухтысячных, зайдя в одно из заведений города, я увидел рыдающую женщину, выходящую из «высокого кабинета» со словами: «Так меня еще никто не оскорблял»...

Впрочем, задачи книги самой Людмилы Владимировны – не критический «разнос», как и не безудержная хвала. Она описывает тот мир, в котором жила и продолжает жить, как бы кардинально этот мир не менялся. Описывает, что естественно, то и так, что смогла разглядеть и сочла нужным описать. Беря в руки такие вещи, мы никуда не уйдем от самого факта того, что человек, живущий в определенной системе координат, и пишет в рамках этой системы. Причем работа, подобная книге Мацупы, – это ходьба над пропастью. Легко быть смелым и безудержно откровенным, оказавшись в каком-нибудь «прекрасном далеко», и совсем иное – позволять себе приподнимать вуаль над тем, что рядом. Тут сама собой приходит на ум суфийская притча о козе и волке, где коза, взобравшись на крышу, бранит волка изо всех своих сил. Тот же ей отвечает: «Это не ты меня бранишь, а то место, на котором ты стоишь».

Мацупа, в отличие от козы из притчи (и только ли козы?) сумела написать и опубликовать книгу здесь и сейчас. А это дорогого стоит. Завершая же эти спонтанные заметки, не могу отказать себе в удовольствии (а думаю, и читателю) напомнить стихи Л.Мацупы. Одно из них – «Покаяние», прозвучавшее на встрече в областном маслихате в 1994-м году;

Простите нас, родные старики,
За общие потери и утраты.
За все изгибы жизненной реки.
Простите, матери и бывшие солдаты

Простите за несбыточность идей,
Которые прожгли нам насквозь душу.
Прославили и низвели таких людей!..
Простите за слезу, что сердце сушит.

Простите, что при встречах не сокрыть
Ни вам, ни мне глубокого страданья.
Что все трудней и горше говорить
Простых два чистых слова: «До свиданья».

Спасибо вам, родные старики,
За то, что в прошлой жизни шли мы рядом,
Что вместе пили из одной реки
И что не прячем друг от друга взгляды.

И второе: «Несостоявшиеся стихи»:

Ни в августе звезд, ни черемух в оконце,
Ни грез, ни капли, ни слез не досталось (м.б.: «Осталось?»).
Лишь крылья с каймой от палящего солнца
Свела за спиной моей жизни усталость.

Где ложь, а где истина, где добродетель,
Одна ли во всем этом не разобралась?
Холодная память – надежный свидетель,
Да сердце сожженное – вот что осталось.

Холодную память не тронет стихия.
Сгоревшему сердцу на части не рваться.
И голос охрипший, и губы сухие
Последним стихам не дают состояться.

Если б, когда-нибудь кто-то решился издать сборник того, наиболее значимого из стихов, что родилось на Костанайщине, я бы обязательно включил в него эти строчки. И только ли в него? – Для меня, как для историка, они со всей своей простотой и внутренней силой стоят в один ряд с капельками боли, застывшими в поэзии древнего Двуречья и древнего Египта.

«Ишь, как хватил!» – может кто-то заметить. Но для истории ценны и ажурные сплетения слов, и хитроумные изобретения, и самое простое с виду, но разящее оружие, равно, как и обнаженная боль Переломных эпох. Поэтому-то для меня именно искреннее слово – Вечное Слово.

Тяга к вечности, империи, национализм и возможности творческого взлета

**ЗАМЕТКИ, НАВЕЯННЫЕ СТАТЬЕЙ А.МЕЛИХОВА
«ГЕНИЙ ПРОТИВ СЕПАРАТИЗМА»
(НОВЫЙ МИР, 2012, №1)**

Наверное, центральная проблема статьи А.Мелихова, а, точнее, будоражащая его мысль, та же, что и в «Не будет им воздаяния». Это – поиски бессмертия, тяга человека к вечному или, хотя бы, более долговечному, чем он сам. В этом смысле рассматриваемая А.Мелиховым работа английского историка Э.Кедури «Национализм» (в русском переводе – СПб, 2010 г.) скорее повод для собственных размышлений автора статьи, своего рода плацдарм, с которого начинается движение его собственной мысли.

Движение же это ведет к постановке острейшего вопроса: что дает больше возможностей для самореализации индивидов, развития и раскрытия их творческого потенциала: империи или россыпи отдельных «национальных» государств?

Сам А.Мелихов убежден, что империи: здесь и размах больший: есть, где раззудиться плечу и размахнуться руке, да и планка, предъявляемая к творчеству, неизмеримо выше. Так что у представителей так называемых малых народов куда больше шансов заявить о себе миру и тем самым сохранить шансы на обретение билета в Вечность именно в империях, а не малых государствах, даже если в последних они будут представителями так называемых «титульных наций». «Чтобы возвращать гениев, нужно забрасывать сеть очень широко и воспитывать их на общении с высочайшими образцами. И есть огромная разница, выбирать из миллионов или из тысяч. Дело, впрочем, не только в количестве молодежи, из которой производится отбор, хотя и в нем тоже, - дело еще и в качестве ее воспитателей. Представим, что какая-то российская область в силу особенностей происхождения или языка вообразила себя отдельной нацией (а нация и создается системой

грез) и выделилась в самостоятельное государство. Тогда декан местного пединститута сделался бы президентом национальной академии, краеведческий музей превратился бы в Национальный, единственный член Союза художников оказался бы родоначальником национальной живописи, а член Союза писателей автоматически вырос в национального классика. При этом все они, даже будучи милейшими и одаренными людьми, поневоле оказавшись высшими достижениями своего народа, вместо стимулирования исторического творчества, тоже поневоле, начнут его глушить, задавая слишком низкую планку. А одаренная амбициозная молодежь, которая прежде ехала «поступать» в Москву и Петербург, не покидая при этом собственного государства, будет вынуждена уезжать, пусть и туда же, но уже за границу».

Вопрос, как видим, поставлен ребром. И размышления интереснейшие. Но насколько очевиден ответ. Попробуем рассуждать, как при взгляде на незавершенную шахматную партию, когда окончательный исход борьбы еще неизвестен.

Начнем от противного и вспомним Скандинавию, Данию, с бледными и даже бесцветными, как гравюры, но чудесными сказками Андерсена и философски-религиозными исканиями Кьеркегора. Малыша и Карлсона. Да и только ли их? К тому же те же сказки Андерсена – детища именно узенького, по сути своей комнатного, лишенного красок мирка, который оказался востребованным далеко за пределами собственных границ. А Кант, который всю свою жизнь не выезжал за пределы Кенигсберга?

С другой стороны, всегда ли империя осыпает нас манной высочайших творческих достижений? Вспомним, хотя бы, империю монголов, Золотую Орду с реально значительной и богатейшей столицей (иначе, с чего бы это русские назвали орду Золотой?) или Блистательную Порту? Что, равного по уровню, древним грекам или римлянам и египтянам, оставили они миру?

Но и здесь вопрос: а насколько зорко и панорамно наше историческое зрение? Ведь и древняя Персия, и даже Византия известны нам в целом несравненно меньше, чем

Греция и Рим. Так, может быть, тут вмешивается еще и избирательность исторической памяти? – Стерли, к примеру, с лица земли империи инков и ацтеков, а вместе с ними, возможно, и столько того, что мы сегодня и представить не можем.

А можно и не стирать. Просто не замечать. И поэтому для меня лично, а думаю и не только для меня, остается открытым вопрос о творческом наследии Орды, Османской империи, Византии... И является ли тут исключением из правила Орда? Империя монголов? Не было? Забылось? Или погубило?..

Глубоко убежден, что все это не просто надо исследовать, но, выражаясь языком Канта, превращать из «вещи в себе», в «вещь для нас», то есть стремиться превращать в достояние народов земли то, что является достоянием узкого слоя специалистов. И при этом честно, без игры с амбициями, говорить и о том, чего где-то не было или нет.

И, тем не менее, в принципе основная мысль А.Мелихова не просто очень интересна, но и плодотворна. Это подтверждает множество примеров. Особенно из истории Европы и Российской империи. Только, на мой взгляд, проблема не сводится лишь к четко очерченным имперским границам. Плодоноснейшими могут быть и империи культуры, охватывающие огромные культурные ареалы. Скажем, империя арабской (а, точнее, арабско-тюркско-иранской) культуры, выплеснувшаяся далеко за пределы халифата. Империя Дальневосточных культур, где, оплодотворенные дыханием Индии и Китая, и Корея, и провинциальна Япония рождали образцы мирового уровня (например, поэзия или «Записки у изголовья» Сей-Сенагон).

Иными словами, конечно же, чем больше масштаб культуры, чем шире ее размах, тем больше возможностей для развития творческих способностей индивидов. Но что еще очень важно, так это не просто широта возможностей для творчества, а и его востребованности. К примеру, в СССР представители так называемых национальных культур были известны и всей огромной стране, а часто, и за ее пределами. Сегодня в определенных отношениях эти

возможности несравненно сузились. Союз знал и обожал Раймонда, ценил и Айтматова, и Олжаса... Но кто из сегодняшних творцов культуры настолько же интересен за пределами своих государств, и в них самих?

Правда, тут есть и серьезные оговорки: сегодняшние и технические, и социо-культурные, и чисто политические факторы позволяют многим именем взлететь – будь то Россия, Казахстан или Украина... Именно в наши дни возможны инъекции искусственной известности и славы уже не просто союзного (или «интернационального»), а мирового масштаба. К тому же, к ним может присовокупляться сугубо материальная подкормка в виде грантов, премий, зарубежных командировок и т.д. Но насколько такая **подкармливаемая известность** соотносится с **реальным творчеством**?

Этот вопрос, как и близкие ему предыдущие, нуждается уже не в публицистическом ответе, а в развернутых исследованиях с использованием мировой статистики на протяжении целых столетий, а то и тысячелетий. И совершенно замечательно, что А.Мелихов поднимает их в такой публицистически заостренной форме.

Но в статье А.Мелихова есть и еще один поворот мысли, сопряженный с проблемой поисков вечности, путей к сопричастности с ней. Это вопрос о национализме. «Мне кажется, - пишет он, что универсальная функция, которую выполняет национализм везде и всюду, это экзистенциальная защита личности, ее защита от абсолютно обоснованного чувства своей эфемерности и незащитности перед безжалостным мирозданием. И с тех пор, как многократно ослабела экзистенциальная защита, даруемая религией, так же многократно обострилась человеческая потребность прильнуть к чему-то сильному и, хотя бы, потенциально бессмертному – по крайней мере, не обреченному гибели в заранее отведенный срок. Подавляющему и экзистенциально подавленному нетворческому большинству такое суррогатное бессмертие проще заполучить через причастность к нации. В особенности, если эта нация гремит или блистает на исторической арене, оставляя долговечный («бессмертный») след в человеческой памяти.

Иными словами, борьба за национальное самоопределение – это вовсе не борьба за экономическое процветание, свободу или чистоту нравов, но борьба за бессмертие, а терроризм – оружие, безнадежно, проигрывающее в этой борьбе. Борьбе... за историческую субъектность...»

Опять-таки, здесь очень интересные и глубокие рассуждения, побуждающие, если не принять их безоговорочно, а задуматься, что само по себе тоже очень немало. Но одну реплику все же хотелось бы сделать. Связана она с тем, что мне в свое время довелось посидеть в спецхранах (прежде всего, печально сгоревшей библиотеки ИНИОНа) и «для души» покопаться в оккультных истоках нацизма. И выводы?

Сказанное А.Мелиховым верно, очень верно. Но, естественно, не всеохватно. Помимо чувства собственной значимости, которое рождает причастность к Большому (вспомним Маяковского: «Я счастлив, что я этой силы частица»), прослеживались и сугубо материальные вещи: драчка за место у кормушки. Драчка, которую особенно активно могут поощрять именно национальные элиты. Дело и в том, что к началу XX века евреи Австро-Венгрии и Германии оказались серьезной конкурентной силой для немцев, к примеру. При юридически равных условиях им не всегда было просто противостоять в конкурентной борьбе. Вот вам и одна из предпосылок для методов Гитлера. Чудовищно? – Но, увы, и это часть исторической реальности. И самое чудовищное в том, что с уходом гитлеризма все не кончилось. Вспомним только катастрофические жертвы в столкновениях индусов, сикхов и мусульман при распаде Британской империи, трагедию народа **ибо** в Нигерии и т.д., и т.п..

Что же касается экзистенциальных аспектов национализма, то тут национализм отнюдь не монополист. Американец может гордиться тем, что он американец независимо от этнических корней. Подобное было в немалой мере и в СССР: «У советских собственная гордость...» Более того, в Советском Союзе очень поучительно и не безрезультатно пытались разрешить проблему так называемого «нетворческого большинства». В идеале она просто снималась уже

тем, что наличие такового отрицалось. И тут, простите за игру словами, дело и в самих идеалах. Вспомните: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой». Трудовой или боевой героизм в принципе неэлитарен. Он потенциально может стать достоянием каждого, у кого только хватит на это **собственной** силы духа. Кстати, в этом и одна из психологических основ советского атеизма, призывавшего опираться на собственные силы.

Ситуация стала несколько меняться с ростом значения высоких технологий, с прорывом в космос и всеохватным шествием Экрана по советским городам и весям. Начиная формироваться своего рода культ Ученых (сегодня он в прошлом) и Актеров. А здесь мы уже имеем дело не с героизмом и трудовой доблестью, которые доступны каждому. Вот именно тут, подчеркнутая А.Мелиховым грань, стала разворачиваться по иному. Но все это - тема особого обсуждения.

Другая логика

Александр Мелихов. «И нет им воздаяния» (роман). Как было не взять в руки «Новый мир» с этим текстом, который в моем сознании никак не хочет вписываться в обозначенный жанр? Отец Александра Марковича был, по удивительной прихоти проказницы Истории одним из тех не просто учителей, а людей, кто даже не врезался в память, а врос в меня. В романе же внешняя его канва как раз и основана на поисках сыном сведений о человеке, сломавшем некогда судьбу отца. О нем, этом человеке, и его потомках.

Сквозная идея, прочерченная в тексте четко, словно трасса реактивного самолета – поиски бессмертия, когда сломать судьбу – не просто обречь на жизнь в лагерях, ссылке, но, прежде всего, - вытолкнуть с ведущей в бессмертие Магистральной Истории на ее обочину.

Но все же, для меня лично главный герой «воздаяния, которого нет» в ином. В чем же? – Не будем спешить. Начну с того, что сам текст, сама вязь и спайка слов дышат близкой мне старомодностью. Что поделать? – Я почти ровесник автора. Мы, вырастая, дышали воздухом одной словесности.

Но в чем же старомодность? - Да в самой плотности текста, текста вязкого и тугого. Текста, который нельзя «пробежать глазами». Это не словесный поп-корн, который можно горстями прихватывать во время киносеанса, и не семечки, которые можно лузгать за разговором на лавочке. Здесь и мысли, и чувства, и события не разложены по удобным полочкам, а перемешаны в видимом для постороннего беспорядке. К тому же сам этот «беспорядок» - своего рода атрибут текста «рваного», текста, где основными связующими нитями становятся не события, не персонажи, а сплетения ассоциаций или спонтанно всплывающих мыслеобразов. По сути, именно эти мыслеобразы и становятся главными героями книги.

Но чтение-то не простое. И невольно возникает мысль о том, кто сегодня будет это читать? И где-то, в подсознании рождается странная «классификация». Есть то, что по разным причинам пишут в стол, либо, говоря иначе, «для себя». В редчайших случаях написанное «для себя» оказывается «Опытами» Монтеня. Но обычно – это гумус истории культуры.

Есть то, что напрямую связано с огромным пластом того, что относят к современным социально-гуманитарным наукам и, наверное, в немалой степени, и к литературе. Это публикации малыми тиражами. По своей сути такие публикации (коих масса и у автора этих строк) – наполнители чуланов Истории, которые отнюдь не обещают забронзоветь до кладовых Вечности. Масса тех, кого именуют учеными и педагогами, просто обязана публиковаться. Вот и публикуемся. Кто-то что-то ляпает (иные в блаженном неведении даже считают свои опусы творчеством), кто-то доверяет бумаге и электронным СМИ плоды собственных размышлений. Но для капризницы Истории, да и вертлявой Повседневности разницы между тем и другим по сути

нет. Почему? – Да потому что куется целый «жанр», целое направление написанного не для чтения. Пишется для того, чтобы отчитаться: были такие-то публикации.

Представляете? – Масса авторов пишет не для читателя. И даже не для критика, который был бы аналитиком со стороны, скажем, подобным тому мастеру шахмат, оценивающему из зала развитие событий, разворачивающихся на клетчатой доске. То есть множество текстов – словно полужилетки с одним рукавом. Ведь уже и психологически текст, который автор пишет не для читателя, создается иначе. Иногда более раскрепощенно, иногда – абы как, лишь бы мундирчик онаученности был натянут как положено.

Но произведения типа Мелиховских из того же ряда. Только несколькими ступеньками выше. Они публикуются. О них даже могут писаться рецензии. Они, как, например, те, что стали лауреатами «Большой книги» и т.д., могут заслуживать премии. И дело даже не в том, что тиражи некогда знаковых журналов, являвших лицо страны, стали съезживаться, как мартовский снег («Новый мир», в котором стало публиковаться произведение Мелихова, выходил тиражом 5 100 экземпляров), а в том, что само цунами «демократизировано» массовой культуры выбросило и эти издания на обочину духовной жизни страны. И к уровню художественности, глубине и т.д. очень часто это не имеет не только прямого, но и вообще никакого отношения. Просто нечто оказалось не в мейн-стриме.

Приведу наглядный пример. В одной из местных редакций мы обсуждали сериал «Страсти по Чапаю». Моя мысль (которую при публикации умудрились передать прямо противоположно сказанному) была очень проста: в отличие от «Чапаева» братьев Васильевых, сериал не стал явлением в истории культуры. И отнюдь не потому, что где-то были какие-то надуманности или исторические ляпы. Просто того «Чапаева» смотрели массы». Сам Чапаев, именно Чапаев Бабочкина, подобно поручику Ржевскому и Штирлицу, засверкал в анекдотах, а новый сериал практически не смотрел никто из опрошенных мною студентов, включая и самых творческих.

Мало того, наше спешащее суетливое время таково, что сужение внутреннего пространства, все равно что проблемы пищевода при болезненном похудании, ведут к ограничению самих возможностей воспринимать и перерабатывать объемную, да еще и не разжеванную «духовную пищу». Не случайно декан философского факультета МГУ в одной из публикаций заметил, что сегодняшний студент уже не выдерживает целостную лекцию. Но тот, кто не выдерживает лекцию, по доброй воле явно не возьмется и за чтение не поп-корнового текста.

Проблема тут не только в примитивизации и «отестивании» ряда ключевых элементов образования, но еще и в специфике современного массового сознания. Известно: «свято место не бывает пусто». Но можно сказать и обратное: в набитый до отказа рюкзачок едва ли засунешь что-то, каким бы значимым это что-то не виделось. Как в японской притче о профессоре, пришедшем к учителю дзен, познать что-то из того, что ведомо учителю. Учитель начал с чайной церемонии. Но когда он стал лить чай, профессор невольно вскрикнул: «Господин учитель! Осторожнее! Чашка уже полна!» Учитель же ответил: «Вот видите. В полную чашку я уже ничего не могу налить. Так и Вас я не смогу ничему научить, потому что Ваша голова уже заполнена иным (настолько, что неспособна к восприятию нового)».

Как ни грустно, но массовое сознание в огромной мере настолько перенасыщено духовным фастфудом, что для прочего, как и в упомянутой чашке, очень часто просто не остается места...

Так зачем же тогда я сам пишу о том, что, на мой собственный взгляд, на обочине современного массового сознания?

Да просто потому, что это мне интересно, просто потому, что, подобно разбегавшемуся по комнате малышу, я должен выплеснуть это из себя. И еще потому, что в этом смысле, хотя я и не писатель и в принципе совсем иной человек, нежели автор, текст зацепил меня. Более того, как тот, кто начинал с истории, да так до конца и не расстался

с нею, я чувствую историческую подвижность ценностей. Скажем, появившись публикация в годы Перестройки, она была бы на гребне волны. И уже это было бы значимо.

Но у истории есть и иная значимость. Когда будущие поколения (за исключением дотошных экспертов – знатоков отдельных культур и эпох) забывают о злободневности, а просто остаются один на один с текстом. И вот тут-то оказывается, что в силу цикличности каких-то процессов самой истории, и в силу устойчивости каких-то проблем, которые столетиями вырастают перед такими разными людьми, именно обочинное и не мейн-стримное может быть интересным и значимым.

Что же, как мне кажется, значимо для истории у Мелихова?

– Это, разбросанная по тексту афористичность. «И нет им воздаяния» напоминает перенасыщенный раствор, в котором то тут, то там проблескивают кристаллы. Но мало того. Я, по роду своих занятий, столько раз погружавшийся в сгустки человеческой мысли, едва ли не в первый раз задумался, точнее пришел к размышлению над различиями афоризмов. Афоризмы – это совсем не обязательно отлитые на века эталоны. Нет. Афоризмы могут быть и камнями, вложенными в стены многовекового человеческого опыта, но и камнями иного рода – чем-то вроде кресала, главное назначение которого – не ложиться в стены чьих-то убеждений, а высекать искры собственных мыслей. Вот к этой второй, упрощенной классификации афоризмов я бы отнес и афоризмы из «И нет им воздаяния». Читаешь: ну небесспорно, а здорово. И, главное, есть над чем подумать. Собственная мысль у тебя, как читателя постоянно запинаятся – запинаятся о вопросы, которые встают и перед тобой лично.

Начну со взятого наугад, с самого начала: «Это славный путь из героев в святые: ляг, прежде, чем повалят, отдай, прежде, чем отнимут» (1,с.8) Или: «... правда – орудие ада...» (1,с.10) Или о современности, но видимой сквозь призму истории: «и себя считаю лакеем. Раз уж познание больше не служение, а обслуживание, то и профессор

не жрец, а лакей» (1, с.10). И это при том, что у самого Мелихова чуть ли не рефреном звучит мысль: в собственной жизни, причем в самые тяжелые из «совковых» времен, я лакеев не видел. Советское время, при всей его нелегкости, парадоксальной противоречивости лично им (и только ли им?) отнюдь не воспринималось, как четко расчерченное время господ и рабов, преисполненных духа рабства. Но о специфике авторского восприятия одной фразой не скажешь: оно объемно и подвижно, главная черта авторской позиции именно в движении мысли, хотя это движение, эта исполненность иронии и самоиронии вовсе не означает, что такой позиции нет...

Афористично-квантовый ход мысли автора, натолкнул на неожиданные раздумья об афоризмах как таковых. «Я вам не скажу за всю Одессу», то есть за всех, но нас-таки то исподволь, то прямо приучали к тому, что афоризмы – отлитые на века сгустки мысли. То есть нечто, вроде словесных дважды два, некогда найденных и неизменных аксиом. Меклихов же буквально принуждает задуматься над парадоксальной природой самого афоризма. Возьмем, хотя бы это, брошенное мимолетом: «Никакие щиты не спасли империю от самого неотразимого оружия массового поражения - отравления скукой – вот что убило страну». Причем сама эта мимолетинка – словно абордажный мостик, переброшенный от штампованного «Они ковали щит Родины» (1, с.10).

Здесь, как и во многих иных ситуациях, Мелихов являет ту игру словом и текучестью смыслов, подтекстов (а не поверхностных форм), которая как-то сама собой все более испаряется из нашей нынешней массовой культуры.

Но только ли игру? – Нет. Хотя, строго говоря, конечно же, можно спорить: империю губило то-то и то-то. Но спорь – не спорь, выкладывай какие угодно аргументы, а мимолетинка о скуке цепляет за живое. Это – пример того самого зернышка, которое способно вырасти в колос собственных читательских размышлений.

Что же касается непосредственно массовой, а, может быть, точнее, омассовляемой культуры, то Мелихов здесь

остается «старомодно» (???) и категорически ее неприемлющим.

Впрочем, тут уместно дать слово самому автору. Вот его эскиз, его мимолетный, словно карандашный набросок, портрет Нововременья на обломках Империи: «Обливаясь потом, я щелкал пультом телевизора, машинально расчесывая ссадины, безастыночно наносимые мне царством идиотов, где мне приходится доживать свой век.. Восторженно-белоглазая, взъерошено-беловласая девица допытывалась у полукружия унылых, как свидетели на опознании, мужчин и женщин, верят ли они в колдовство. Женщины в основном верили – у каждой в подъезде жил собственный старичок. Мужчины были настроены более трезво: колдунам можно верить только тем. у кого есть лицензия. И только один отчаянный узколицый скептик не побоялся рубануть правду-матку: «А я считаю, что все, кто называет себя колдунами, просто шарлатаны. Настоящие колдуны есть только в Африке и где-нибудь в джунглях».

Как быстро взяла в руки телеграф и телевидение власть восставших дураков! Но с тех пор. как я сам спятил, я стал снисходительнее: люди всегда жили верой в чудеса, нынешняя победа глупости – всего лишь возвращение к норме...»

Но сама-то «норма» неотделима от горькой иронии, горечи, рождаемой взглядом на мир, где «проносятся пакгаузы за немывтыми стеклами» и «временами не понять, в какой ты стране, но явно в колонии...(1, сс.20 -21) Это- мир рынка, в который «вписался» и пишущий иронично-горькие строки. Рынок же в его глазах – «круговорот торжествующего жлобства и лакейства» (1, с.21)

У автора органическая аллергия к серости, аллергия, при которой для него внутренне неприемлемо многое, очень многое из того, что у нас торжественно относят к рыночным ценностям. Отсюда и готовность полемизировать даже с отцом. «Помнишь, - вспоминает мелиховский герой, как ты (отец) учил меня мечтать о доблестях, о подвигах, о славе?.. Пока на склоне утекающих лет не принялся повторять с умудренной скорбью: «Несчастлива та страна, которая

нуждается в героях». И все же, вступая в возраст безнадежности, я оборачиваю эту премудрость по-своему: «Обречена гибели та страна, которая не нуждается в героях». И добавляет: «Гибели от скуки» (1, с.25).

Уже одни только эти фразы могли бы лечь в основу развернутых диспутов и журнальных дискуссий. И это так здорово! Особенно в эпоху, когда СМИ старательно перекармливают нас заботами о килограммах собственного веса, тайнствах кухонь и экранными дрызгами.

Хотя, по сути, однозначного правого в этом споре нет. Мне вспоминается уже «реальный», а не художественно воссозданный отец Александра Марковича. Точнее, та грань его человеческой реальности, с которой посчастливилось соприкоснуться мне. Помню, как однажды, словно мимолетом, Марк Абрамович сказал о завершении Сталинградской битвы: «А стоило ли так усердно атаковать, если враг был уже обречен? Не излишними ли становились при этом наши потери, потери, которых можно было бы и избежать?» Такого рода вопросы (но много позже) будут не раз повторять и когда речь пойдет о неудачных контратаках советской армии из блокадного Ленинграда, и о прямом, лобовом ударе по Зееловским высотам... Да и только ли об этом? – Не становился ли нередко героизм отчаянной заплатой на разгильдяйстве, безразличии к человеческим жизням, а то и просто недостаточном профессионализме «вышестоящих»?

И здесь – разговор одного уровня – уровня анализа шахматных партий и профессионального «разбора полетов», а не гвалта в СМИ с постановочным схватками «Патриотов» и «Либеральных Правдорубов».

Но есть и другая сторона полемики, отчаянно высвечиваемая уже иной эпохой – эпохой намеренного отметания возвышенного и героического. Эпохой, когда на пьедестал возводится Серость в блесках масскульта. И тут тоже есть, над чем размыслить.

И эта-то, вторая сторона так убийственно едко очерчивается уже в разговоре о современной нам культуре и литературе: «Назвался ученым – делай открытия (Ох, как сегодня

это необязательно! – Ю.Б.) Назвался музыкантом – побеждай на конкурсах. А если ни того, ни другого, ни десятого?.. И, хорошо, есть сфера, где вообще ничего уметь не надо. Назови себя писателем – и будешь писателем.

- ...Писать все-таки тоже надо уметь.

- Это при старом прижмем так было. А нонеча нужно только знать красивые слова. Авангардизм, концептуализм, постмодернизм... Что ни ляпнешь – это такой прием, игра. Мне наш эксперт доходчиво объяснил - вы не думайте, у нас хорошие эксперты, профессора... он мне объяснил по-простому. Читаешь ранешнего писателя и удивляешься: как будто человек десять жизней прожил. А читаешь нынешнего - как будто он вообще не жил, только книжки читал и кривлялся» (1, с.49)...

Но что же тогда обладает подлинной стоимостью и почему мы «воскрешаем мертвых удобными для себя»? (1, с.58)

Может быть, один из ключиков к этой вечной загадке – загадке соотношения Мимолетного с Вечным, то есть бессмертным. И, как полагает герой мелиховского романа, загадка эта – не в отвержении первого ради второго... А в чем же?

Вслушаемся в его рассуждения, начинающиеся, вроде бы, с расхожего: «Да люди хотят читать и узнавать только про самих себя! (С этим, если хотите, можно спорить, но не будем торопиться, а последуем дальше – Ю.Б.). А если тебе ни до кого нет дела, они не обратят на тебя внимания, хоть ты вывернись наизнанку, хоть озолотись, хоть сожги себя на площади, хоть плюйся, хоть обливайся помоями. У них всегда один вопрос: для кого ты это делаешь? Для нас или для себя? Если для себя, сам себе и рукоплещи, сам себя оплакивай или оплевывай, а у нас и без тебя забот выше крыши. Мне ли не знать, что отверженцу всегда кажется, будто он последний человек среди свиных рыл. Но если так и не поймешь, что все люди – люди, что все мечтают, все страдают, все хотят быть красивыми, честными, любимыми, если этого не поймешь, то и не сумеешь оставить след в их душах. А значит, и на земле... человек может хоть

на минутку, хоть на часок забыть о своей мизерности и мимолетности только сливаясь с чем-то более долговечным, чем он сам?» (1,с.50)

Здесь есть, над чем думать. И уже это - подарок для читателя.

Литература

1. Мелихов А.М. И нет им воздаяния. – Новый мир, 2012, №2.

Двери настезь

БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ О РОМАНЕ ЮРИЯ МАРЕЕВА «ТРЕЩИНКА» (БОНДАРЕНКО О.Ю., БОНДАРЕНКО Ю.Я.)

Это ни в коем случае не литературоведческий анализ, а именно беглые заметки. Поэтому хотелось бы, вопреки канонам, начать не с «главного и достойного», а с того, что связано именно с собственным настроем и с тем, что вольно или невольно бросается в глаза. Как, скажем, когда Вы ступаете на новую дорогу или входите в переулок и видите, то брошенный на тротуар рекламный листок, то, наоборот, живую травинку, вспучивающую асфальт и прорывающуюся сквозь него. Мелочи с точки зрения целого и Ваших собственных задач. А вот западают в память – и все.

Так и тут. Второй из авторов этих заметок восторженные рекомендации встретил с настороженностью и, возможно, с еще не вылившимся в слова скепсисом, услышав, что «Трещинка» напоминает «Мастера и Маргариту». Ну, зачем еще один Булгаков, не говоря уже о довольно примелькавшихся фантазмагориях последних десятилетий? – Нет, я в принципе не против того, что называют «магическим реализмом». Но мне лично (именно мне, и тут я не впутываю

других), уж простите за это, не интересны ни повторяющиеся кинопутешествия во времени, ни «Белые тигры» или психо-мистические блики «Цареубийцы» и прочая, и прочая. Иными словами, если речь заходит об Истории, то мне интересна именно история, а не кружева фантазий вокруг нее.

К счастью, как убедились уже оба автора заметок, «Трещинка» совсем иного рода, и на мистификацию реальных исторических лиц и событий и фантазийные игры вокруг них не претендует.

Однако тут встает и еще одна настораживающая вещь – соприкосновение автора с миром психиатрии. И здесь барьер, воздвигнутый уже знакомым, включая иные сериальные попытки, наряду с бесконечными местами заключения загружать нас и сценами из психушек. И чем физиологичнее – тем более отталкивает. Тут я, как самый что ни есть обычный прохожий, старающийся не ступить в грязь, просто переключаю телевизионный пульт.

И не оттого, что сам из рафинированных интеллигентов. Напротив. Мне не из книг и фильмов известно многое, слишком многое из того, что так часто самозабвенно смакуют сегодняшние экран или монитор.

Да и к самому тексту есть вопросы, о которых чуть позже. Но ... совершенно неожиданно для меня самого я вдруг почувствовал, что передо мной вещь – не имитирующая «Мастера и Маргариту» или что-то еще, а, по крайней мере, в сравнении с тем, что будет упомянуто, в чем-то, очень значимом, разворачивающая совершенно по новому тему психиатрии безумия и психического здоровья. И при таком, повторяю, неожиданном для меня самого взгляде, «Трещинка» - не вариация известного, не новая аранжировка старой песни, а частица вод одной реки, тех вод, которые сама жизнь несет неустанно в иные, отличные от прежних места.

Но что же это за река?

Даже краткие размышления о ней – тема для целого ряда монографий, одна из которых – «Антиномия « мудрость – безумие» в контркультуре США 1950- 1960-х годов (Бондаренко О.Ю. –М: МАКС-Пресс, 2009).

Оставим пока в стороне шутов и юродивых, хотя и это было бы очень даже «в тему». А лишь пунктирно коснемся некоторых, попавших в наше поле зрения поворотов этой своенравной и таящей немало омутов реки.

Начнем с классического «Горя от ума», центрального героя которого «безумным... ославили все хором». Кстати, задолго до так называемых «советских психушек», еще власти царской России узрели проблемы с психическим здоровьем у Чаадаева (после его «Философических писем»).

Итак, первый, подмеченный здесь нами, поворот темы – это безумие, как выпадание из ряда, как отход от «общепринятых» в данном сообществе стандартов.

А второй? – Второй, куда более жуткий и давящий, и в то же время буквальном перенасыщенный озоном философии. Это – чеховская «Палата номер шесть» Одна из стержневых, если не главная проблема «Палаты», в том, что легко рассуждать о внутренней свободе, пока твоя внешняя свобода не оказывается ограниченной до минимума. Но сжатие личного пространства до, а точнее, за пределы, ломает, корежет саму личность. Здесь – психиатрическая больница – пример замкнутого мирка, из которого нет выхода.

Третий поворот – булгаковский с фантазмагорией «заезжих фокусников», балом Воланда и грустным местом обитания Мастера и поэта Бездомного. Об этом так много писали, что надо либо скрупулезнейше погрузиться в роман вновь, либо – лишь слегка коснуться, поскольку речь идет о новом повороте единой реки. Один из бликов вод этого поворота (лишь один, но значимый в контексте нашего разговора) – вызов сытой духовности, духовности, уверенной в своей собственной глубине, мелкоту которой, словно жаждущих модных нарядов дам, так легко обнажает Воланд. Уже одно это было колоссальнейшим вызовом и искренней уверенности в то, что перед нами мир, как на ладони, «мы все добудем, найдем и откроем», и, оседлавшей и взнуздавшей эту живую энергию, официозности.

Здесь психиатрия – обратная сторона грандиозной сложности мира, того мира, в котором, говоря шекспи-

ровским и библейским языком, «есть много вещей...», что недоступны нашим мудрецам», и более того, «мудрость мира сего» может обернуться безумием пред лицом Господа.

Четвертый поворот – уже за океаном. Это роман Кена Кизи «Пролетая над гнездом кукушки», в котором, как писалось в рецензии журнала «Тайм» в 1962 году, бунт помещенного в «психушку» Макмерфи звучит «ревом протеста против правил, по которым живет общество посредственностей, и против тех невидимых стражей, которые проводят эти правила в нашу жизнь». Не случайно «Полет над гнездом кукушки» (другая версия перевода) был назван эпохальным романом и вехой в истории нон-конформизма (1,с.98)...

В СССР же чуть более поздних лет (если сверять свои часы с часами Истории) образцом переливающегося многозначными и при этом сочными аллюзиями гротеска стала «Канатчикова дача» В. Высоцкого, где бодрые обитатели психушки сетуют: «Нам вождя не доставало. – Настоящих буйных мало».

И вот перед нами еще один поворот реки Времен – «Трещинка» Юрия Мареева. Поворот резкий, и, увы, до горечи современный, хотя и сама эта современность не уникальна.

Здесь «Безумство» - не нестандартность мысли, «психушка» - не замкнутый мир, который либо гасит саму способность сопротивляться, либо, напротив, толкает к бунту. Здесь ключи к дверям оказываются в руках пациентов. Двери настежь!

Но вот ведь парадокс! – Мир за дверями ничуть не менее, а по сути своей и более безумен, чем мир в ограниченном пространстве психлечебницы. Это мир, где неистовствует, царствует сумасшествие.

Вот вырастает до исполина монах Ферапонт со своими экстазами и проповедями конца света. А вот сумасшедший «кубинец», в котором слились, словно в вихре эротичнейшего танца, и революционный коммунизм, и религия, а вот – воплощение новой деловитости «чернобородый красавец Шпигель с курительной трубкой в руках за тысячу долларов,

точной копией, между прочим, знаменитой трубки Иосифа Виссарионовича».

И при всем этом боль, искренняя, не сценическая боль за то сумасшествие, за тот очередной бал, который правит в нашем мире Сатана. Мире, где старательно взращиваются и тиражируются «настоящие буйные», а человеческая масса магическим образом (словно царевна – в лягушку) превращается в толпу.

А «люди в толпе, кажется, стремились к одному – поскорее найти для себя командира и вожака, и устремиться за ним, за его пламенным словом, только бы не ломать голову и не решать самостоятельно, кто в этой смуте друг, а кто – враг»...

Как тут не вспомнить фроммовское «Бегство от свободы» и несравненно более раннее «Государство» Платона, где с потрясающе четкой логикой обрисовано, как власть толпы – охлократия с неизбежностью перерастает в тиранию!

И цитировать можно было бы, многое.

Но поскольку это не литературоведческое эссе, а лишь наброски культурологических подходов, хотелось бы высказать несколько сугубо личных пожеланий. И основное из них – пожелание доброжелательной и опытной редакции. Редактуры, которая заменила бы некоторые стереотипы и канцеляризмы либо прямолинейные суждения и канцеляризмы. Дело в том, что в романе Мареева, как и в иных стихах кумиров прежних лет, писатель соседствует с публицистом, который порой теснит самого писателя.

Поэтому иногда недостает сократовского: «А если бы это был осел...? (Согласно древним, однажды отчаянного полемиста Сократа на глазах многих ударил его оппонент. Ученики и друзья Сократа закричали: «Поведем его в суд!» На что Сократ ответил: «А если бы меня лягнул осел, разве бы я повел его в суд?»)

То есть речь идет о том, что в художественном произведении, по мере возможностей, желательно избегать либо слов «отвратительно», либо так называемых положительных авторских оценок выступлений героев и т.д. В идеале

настроения и оценки читателя рождаются самими образами, как в рассказах Шукшина.

Иначе может возникнуть то, что подметил еще С.Маршак у молодого А.Вознесенского (которого при всем этом он оценил очень высоко), когда упоминал стихотворение «Бьют женщину», где поэт обрушивал на бьющего потоки бранных слов: «Бродяга! Чайльд Гарольд! Битюг!» Конечно, автор «Трещинки» до такой самопародии не доходит, но проблема всегда остается. К ней присовокупляются общие для очень многих, в том числе и для авторов этих строк вопросы чисто технических огрехов на уровне фактических опечаток, которые сами авторы в принципе увидеть не могут.

Вроде бы детали. Но речь-то идет о вещи, которая в одном потоке, в одном русле реки нашей общей духовности, наших общих проблем и болей и, естественно, хотелось бы, чтобы и через десятилетия выделялись в такой вещи не только мысль и игра образов, но и отточенность слова.

Кстати, в самом языке немало того, что словно паутинки на солнечном свете – ажурность образов и слов. Но это для специалистов и дипломников. Мы же отметили бы очень интересную деталь, которая, на наш взгляд, опять-таки, роднит сегодняшнего Прозаика с Поэтом – А.Вознесенским. Это – перевертывание образного языка, и видение мира природы сквозь мир людей. Вот только пара замечательных примеров: «... небо над Растяпиным неожиданно затрепетало, закрупилось, как во время эфирных помех это происходит с чистым экраном телевизора...»; или «небо с шипением электросварки раскололось молниями...» (Сравните у А.Вознесенского: «И кот, как радиоприемник, зеленым глазом ловит мир»).

В самой этой «перевернутости» образов очень глубокий смысл. Она – своего рода зеркало трансформации самого нашего восприятия того, что мы называем реальностью. Но это – особая тема.

При всем этом есть один момент, который мы и как религиоведы, и как культурологи, решительно изменили

бы. Это финальные слова писателя «об одном хитром делеге, польском еврее-ростовщике, из тех жидов, которых истребляли на Запорожской Сече, потому как они не скрывали своего презрения к давшему себя распять Божеству и не давшему наследникам рая – иудеям – тот рай на земле, которым они грезили».

Почему? – Да потому, что сегодняшняя вакханалия культа наживы, успеха и сиюминутного наслаждения – это одно, а ее религиозная окраска – совсем иное.

Делячество может быть омерзительным. Но различия в отношении к тем или иным Божествам – не оправдания для истреблений, которые повторялись сотни лет и с неистовой силой возобновляются и сегодня, когда на Ближнем Востоке теснят и истребляют уже не иудеев, а христиан. А какие чудовищные раны человечеству нанесли начавшиеся с распадом Британской империи столкновения индусов и сикхов с одной стороны, и мусульман – с другой! По разным данным в этих столкновениях (уже после краха гитлеризма) погибло от 400 тысяч до миллиона человек. И погрузившиеся в пучину ненависти точно так же могли бы сказать, что истребляемые «не скрывали своего презрения к тому, что они (то есть истребляющие) чтят». Хотя, конечно же, истоки всех этих трагедий не только в различии отношений к Высшим Силам...

К тому же окраска Зла в чересчур конкретные национально-религиозные тона сужает философскую значимость художественного произведения. Ведь Зло многолико, оно не втискивается в узковатые одежды определенных рас, наций и вероучений

В целом же произведения А.Мелихова и Ю.Мареева натолкнули на интересную мысль. Суть ее в том, что, поскольку литература сегодня перестает быть властительницей дум и энергично вытесняется со сцены массового сознания – за кулисы, то был бы интересен незатейливый по замыслу проект: подготовка и выпуск ряда пособий по философии, социологии, культурологии, политологии, логике, религиоведению, где всё, что включают программы, заполнялось бы цитатами, емкими фрагментами из текстов

книг, сценариев именно авторов художественных произведений и особенно современных авторов. И, естественно, все это сопровождалось бы, как и принято, соответствующими вопросами и заданиями..

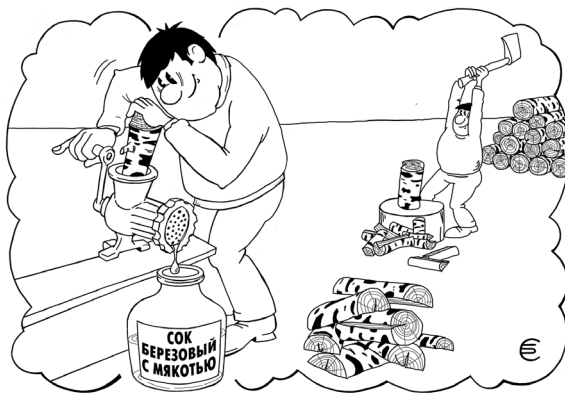
Такой опыт уже есть. Например, Бондаренко Ю. выпустил небольшое пособие «Мудрость Востока», где на «стандартную» программу по философии легли тексты и задания, связанные с историей культуры Востока.

Поскольку сегодня огромная часть молодежи проходит через вузы и колледжи это могло бы и оживлять работу педагога и расширять ареал обитания живой художественной мысли, делая ее достоянием более широкого круга читателей.

Пожелание представляется особенно значимым, потому что в кратком отзыве просто физически невозможно цитировать то, что было бы подчеркнуто и на что так хотелось бы обратить внимание всякого мыслящего человека.

Литература

1. Бондаренко О.Ю. Антиномия « мудрость – безумие» в контркультуре США 1950- 1960-х годов . – М: МАКС-Пресс, 2009.

О языке искусства

Известно выражение: «Искусство мыслит образами». Главное же отличие «подлинного» искусства, как считал в свое время «матерый человечище», Лев Николаевич Толстой, это его заразительность. Из учебников по эстетике известно, что, в отличие от научных понятий, образы многозначны, нередко парадоксальны и являют собой сплав эмоционального и рационального. В них зримое и воображаемое может сливаться с мелодией, ритмом и т.д. и т.п. Знаем мы и о «вечных» памятниках мировой культуры, тех произведениях искусства, которые живут тысячи и сотни лет. С другой стороны, то, что еще считанные десятилетия назад считалось образцами, порождало ажиотаж, сегодня уже не трогает, а то и просто забыто.

Так в чем же дело? В темах, в содержании, переданного посредством искусства? В том, что прежде рождало глубокие переживания, а сегодня нет? Или в самом языке искусства, в том, как изложены, переданы те или иные события, феномены, переживания?

Можно предположить, что и в том, и в другом, и в третьем. Да и не только в упомянутом. Но мы здесь акцентируем внимание лишь на языке искусства, который, как листья с деревьями или же человеческая одежда, неотделим от времени, в которое он рожден. Крайне существенно то, что язык этот, неотъемлемой частью которого становятся образы, всегда является средством коммуникации, связи творца художественного произведения и зрителя, слушателя, читателя, который становится сотворцом автора. Поэтому и «заразительность», и эмоциональное воздействие – результат не просто деятельности творца, а взаимодействия собственно создателя или создателей произведения и тех, кто его воспринимает, становясь при этом сотворцами.

Вполне понятно, что, поскольку язык любого произведения слит с определенным временем, то встает вопрос о его уместности в уже иные времена. В какой-то мере и язык прошлого, его ритмы, особенно прошлого, сравнительно недавнего может использоваться и в совсем иные времена.

Так, элементы классицизма минувших столетий смогли ожить в том, что было названо «сталинским классицизмом», а еще раньше в архитектуре представительных зданий Соединенных Штатов Америки. В поэзии же забавные и при это знаменательные примеры может дать невольное использование старых ритмов, оказавшихся на слуху. Например, читая стихотворение Николая Тихонова «В железных ночах Ленинграда по городу Киров идет», так и хочется продолжить некрасовским: «Глядит: хорошо ли метели лесные тропы занесли, и нет ли где трещины, щели, и нет ли где голой земли». Прикасаясь же к стремительным строкам Роберта Рождественского «Я не знаю, я не знаю, вам ответа я не дам. Сам сегодня уезжаю, собираю чемодан», невольно вспоминаешь пушкинское: «Мчатся тучи. Вьются тучи. Невидимкою луна освещает снег летучий...»

Как видим, перед нами случаи вхождения уже известных ритмов времен ушедших в произведения иной эпохи. Но «прямое» такое включение дело непростое и зачастую невыполнимое. Так, миллионам и миллионам образованных людей знакомы «Илиада» и «Одиссея». Но кто сегодня, не будучи узким специалистом филологом, прочесть эти знаменитые произведения «от корки до корки» да еще получить при этом эстетическое наслаждение? – Мы можем смотреть те или иные экранизации, знакомиться с пересказами этих произведений, но даже язык их перевода для обычного читателя слишком тяжел. Причем тяжел даже не столько в силу сложности, непонятности тех или иных слов, имен, а именно своей архаичности. Возьмем в качестве образца стиля фрагмент из перевода И.Гнедича и В.Жуковского:

Зевс на Олимпе воззвал к златотронной сестре и супруге:
«Сделала ты, что могла, волоокая Гера?...» (1, с.270)

Представьте, что в современном русском искусстве, в драматическом произведении, романе или рассказе, к примеру, Ельцин будет говорить тем же языком со своей супругой:

«В Кремле восседая, Борис, воззвал к достославной супруге...» Такое возможно только в пародии. То же можно

было бы сказать и об уже непереводаемых произведениях, таких, как «Былины», которые изначально были написаны на русском языке. Как бы мы восприняли сообщение в «Новостях» или «Вестях», в котором бы говорилось о примерно таком обращении Путина к Сердюкову: «Ты скажи-ответь, добрый молодец, отчего-пошто в министерстве твоём расшалились так и казну мою да растаскивают?»

Уже из этого видно, что язык передачи информации, равно как и язык чувств не может не меняться. Но, если это так, то, быть может, адаптация классики, ее приспособление к живому языку нашего времени так же допустима и даже необходима, как смена одежды по сезону? Ведь, при всем почтении к Священному Писанию, выпускают же немалыми тиражами «Детские Библии». Но тут остается открытым вопрос, к какому языку и до какой степени допустимо такое приспособление? Виктор Шаповал попробовал это сделать, переводя на сленг некоторые из произведений русской классики: «Беспрайсовая Лиза» («Бедная Лиза» Карамзина). «Ботанику – атас» (Горе от ума), «Стих о тусовке Гарика-милитариста» (Слово о полку Игореве» (2, с.91). Конечно, перед нами шутка. Хотя и с привкусом горечи. Слишком уж и современные СМИ, и современное образование сплющивают, делают все более и более плоской и отечественную, и мировую культуру. Однако сама смена языка культуры, языка художественных произведений является реальностью любой эпохи перемен, равно как и иных эпох, когда эта смена происходит более медленно и менее заметно. Итак, первая грань проблемы языка образов – это неотъемлемость образного языка, как от того, что накоплено предыдущими поколениями, так и от того времени, в которое этот язык живет. Помимо прочего, и аллитерации, аллюзии, сравнения должны быть созвучными тому времени и той культуре, в рамках которой они используются. Скажем, если в старинной Индии, где слон виделся, как образец не только силы, а и грации, наставления юноше могли включать пожелание обрести супругу «с походкой лебедя или слона», то у

нас «походка слона» рождает совсем иные ассоциации. Нечто подобное можно сказать и о поэтичнейшем тексте из «Библии», где в «Песне песней» восторженный юноша восклицает: «О ты прекрасна, возлюбленная моя... как лента алы губы твои... шея твоя, как столп Давидов... тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных». «... два сосца твои, как два козленка... нос твой – башня Ливанская, обращенная к Дамаску». Здесь уже, как и во многих иных случаях, необходимо соответствующее образование, чтобы понять и почувствовать красоту и силу образов, рожденных тысячи лет назад.

Но и интеллектуальное постижение, понимание само по себе еще совсем не обязательно породят ту эмоциональную связь творца и сотворцов, без которой Толстому невозможно было представить подлинное произведение искусства. Здесь было бы интересно посоразмышлять с вдумчивым читателем над вопросом об исторической сменяемости и трансформации самих видов и жанров литературы и искусства и конкретных средств передачи мысли и эмоций. Так, мы можем восхищаться зиккуратами, архитектурными шедеврами минувших столетий, колоннами, выполненными в коринфском и ионическом стиле, но их буквальное воспроизведение столь же мало реально, как и строительство современной правительственной резиденции в виде нового Кремля. Архаичными могут выглядеть и оды, и мадригалы. Трудно представить, чтобы сегодня в «местах общественного отдыха» стали танцевать минуэт.

Но как, в таком случае, тогда быть с традиционными операми и романсами, с опереттами? Не превратились ли и они в «музейное искусство» - в нечто, подобное древнеегипетским статуям Лувра, которые и поныне восхищают своим мастерством, но не вызывают священного трепета былых тысячелетий?

Оставим вопрос открытым, потому что здесь мы подходим ко второй грани проблемы – личному, групповому и, в определенной степени, этнокультурному и этноконфессиональному восприятию литературы и искусства. Тот же Толстой язвительно описывал свои ощущения от постано-

вок Вагнера, казавшихся ему далекими от малейшего правдоподобия. Юлиан Тувим (и не только он) высмеивал оперетты за надуманность, нежизненность сюжетов. И такого рода примеры можно продолжать и продолжать. Здесь мы оказываемся перед проблемой личного вхождения в мир языка искусства, который везде и всегда, даже в самых реалистических и натуралистических произведениях либо их фрагментах, будет в определенных отношениях условным.. (Так, те же глаза, что глядят на зрителя с экрана, при всей буквальности передачи, могут быть восприняты при соответствующей подготовке, потому что в обычной жизни мы одних только глаз не видим).

Чрезвычайно значимы и способы, нюансы передачи возвышенного, трагического, ужасного... Актеры веков минувших, которые входили и уходили на сцену с поднятой рукой, сегодня выглядели бы странно. И даже в одно и то же время, но в разных культурах, в произведениях, нацеленных на разную по своей эмоциональной «подготовке» публику восприятие одного и того же может резко различаться. Так, известно, что знаменитая кинолента «Экзорцист», то есть «Изгоняющий дьявола» режиссера Фридкина удостоилась премии «Золотой глобус», как самый шокирующий фильм последних десятилетий и лучший фильм 1973 г., а эффект его был таков, что некоторых слабонервных зрителей уносили из кинозалов в обморочном состоянии (хотя, по сообщениям прессы, встречались и те, что встречали экранные ужасы хохотом). На автора же этих строк, смотревшего фильм в видеосалоне ДАСа (Московского Дома аспирантов и стажеров) на рубеже 80-х – 90-х годов прошлого века этот фильм никакого заметного впечатления не произвел. Вполне возможно, что в определенной степени дело было и в сравнительно небольшом экране. Но не только. Мне довелось быть и свидетелем того, как уже в кинозале здания МГУ на тогда еще Ленинских (ныне Воробьевых) горах был воспринят японский «ужастик» «Легенда о динозаврах». В трагичнейшие моменты, когда, к примеру, чудище перекусывало пополам изящнейшую японочку, в зале раздавался хохот. не из-за жестокосердности. А из-за

невосприимчивости языка, коим создатели фильма пытались передать ужас происходящего на экране. Получалось почти по Л.Толстому: «они пугают, а мне не страшно».

С другой стороны, и при колоссальных и резких изменениях культурной среды обитания и всего того мира, в котором творится и воспринимается искусство, и то, что принято относить к реальным шедеврам, может утрачивать силу своего интеллектуально-эмоционального воздействия. И «Солярис», и тот же «Сталкер» А.Тарковского, равно как и целый ряд иных «интеллектуальных» фильмов сегодня не могли бы стать кассовыми, а, значит, и «успешными». Они и прежде были «не для всех», но за последние десятилетия и мы, зрители, стали иными, и искусство тонких намеков, ассоциаций, аллюзий – «птичьего языка» утратило свое значение в новом «кислотно ярком» и шумливом мире, где целые десятилетия можно было кричать и показывать практически что угодно и как угодно.

Еще сложнее дело обстоит с тем, что затрагивает архетипы, стереотипы, традиции и религиозные чувства, когда эстетически допустимое и привлекательное для одних может в принципе не приниматься другими, порождая бурю эмоций. Такого рода реакция может быть связана, прежде всего, как с тем, что относится к святыням, так и интимным сторонам жизни и той или иной степени оголенности человеческого тела. К примеру, то, что приемлемо для индусов, может вызывать искреннее неприятие у мусульман, так же как и украшенность католических храмов – неприятие у протестантов.

Третья грань затронутых нами проблем – это вопросы, связанные со спецификой языка литературы и различных видов искусства, о чем свидетельствует уже то, что, при обилии экранизаций, целый ряд литературных произведений очень сложно переложить на язык кино.

Очень непросто обстоит дело и с такими, казалось бы, родственными видами искусства, как кино и театр. Характеризуя их специфику, французский писатель Андре Монро остроумно заметил: «Театр – это маленькая голова в большом зале, (а) кино – это большая голова в малень-

ком зале». В театре и жесты, и голос актера таковы, что их должен воспринимать и зритель, сидящий в отдаленном конце зала. Киноэкран же способен передавать детали и нюансы, так что любой «нажим», любая «театральность» здесь могут показаться неестественными и неуместными. Но ряд моментов в транслируемых телевидением телеспектаклях оказывается трудным для восприятия – ведь они рассчитаны на зрителя, сидящего в зале, а не перед телеэкраном. По своей сути, собственно телеспектакль – это уже несколько иной вид искусства, нежели спектакль театральный. Это – азбука. Но азбука, которая очень важна.

И, наконец, острейшая и сложнейшая проблема – проблема «подлинного» искусства и искусства имитации, то есть собственно искусства и неискусства. Есть ли здесь четкая грань, либо границы размыты и есть своего рода «переходные» зоны, не говоря уже о том, что, относимое к сфере «низкого» или неискусства в одни эпохи, могло обрести совершенно иной статус в иные времена. Так возможны ли, с учетом этого «вечные» критерии искусства как такового? Возможно ли при определении того, что относится к искусству использование методов, подобных методам «верификации» и «фальсификации», которые в свое время попытались использовать для отграничения науки от ненауки?

Думается, что это вопросы, ответы на которые будут варьироваться на протяжении всей истории человечества. Но на сегодняшний день они, как непосредственно в сфере искусства, так и в иных сферах человеческой деятельности, смещаются в плоскость рассмотрения творческой деятельности, деяний, требующих затрату усилий, мастерства, талантов, в конце концов, и деятельности имитационной, которая в силу пиара, способна затмить реальное искусство, оставить его в тени скандалов и околотеатральной, околотеатральной и иной суеты. (3). Возможно, именно эта проблема становится одной из центральных проблем развития современной культуры в глобализирующемся и унифицирующемся мире.

Литература

1. Гомер. Илиада. Одиссея. – Алма-Ата: Мектеп, 1986.
2. Шкапенко Т., Хюбнер Ф. Русский «тусовочный», как иностранный. Учебное пособие. – Калининград: Янтарный сказ, 2003.
3. Одно из блестящих выражений этой проблемы художественными средствами мы видим в романе известного писателя и философа Эрика-Эммануэля Шмита «Как я был произведением искусства». – Санкт-Петербург: Азбука, 2001.

Современное искусство – фантом или реальность?

По инициативе молодых сотрудников «КН» в «Доме Дружбы» прошла встреча, посвященная тому, что называют современным искусством и перформансом. Встреча прошла живо, весело, с выдумкой и при этом была, что называется, «информативной». Благодаря Кате Горбик присутствующие смогли ознакомиться даже с письмом молодой московской исследовательницы М.Антонян и видеофрагментами деятельности широко известной сербки Абрамович (не спутайте с Абрамовичем). Репортаж о встрече, естественно, был и в «КН». Но о чем же речь, если взглянуть на все глазами такого замшелого консерватора, как я, который и жареную картошку не променял бы на экстравагантных устриц и осьминогов в гриле?

Суть простая. Она – в развертывании некоего действия, на глазах у зрителей, которые в идеале включаются в это развертывание. Например: мы видим забавное водружение «смяканной» на наших же глазах бумажной головы на оклеенного вырезками картонного человечка. Либо, уже в видеоварианте обнаженную Абрамович с красным надрезом в виде звезды на животе...

Что это? – Искусство? Надувательство? Забавный фокус? Скажу честно, называть это и нечто подобное искусством я бы не спешил. По мне искусство – это, все-таки, то, что требует определенной искусности, мастеровитости. Скажем, «Портрет матери» надо еще суметь нарисовать, тогда как раздеться или заклеить нечто можно и без многолетних упражнений, не говоря уже о каких-то там «мифических талантах».

Но и с клеймящими оценками я бы не спешил. Возможно, тут мы имеем нечто, напоминающее сковородку в стане первобытных воинов, которые пытаются определить ее ценность. Естественно, как воины, они пробуют использовать ее в качестве щита и даже ударного оружия. А почему бы и нет? Ведь жены из анекдотов активно используют сковороды для воспитания подгулявших мужей. Но то – жены. Воины же, в конце-концов решат, что каменный топор или дубинка в серьезном бою куда уместнее сковороды. Значит, сковорода – плохое оружие, да и не оружие вообще. И им может быть невдомек, что у сковороды просто-напросто иное предназначение.

То же самое, как мне кажется, можно было бы сказать и о «современном искусстве». Оно не в большей мере искусство, чем сковорода – оружие. Мало того, оно может стать инструментом массового околпачивания, как это едко показал в своей книге-шарже Эрик-Эммануэль Шмит, известный костанайцам, как автор цепляющей за живое пьесы «Оскар и розовая дама».

Но оно же может существовать и как пробуждающая воображение игра, как своего рода социальное явление либо своеобразные психологические опыты, посредством которых пытаются разогнать скуку объевшегося рекламными достижениями цивилизации «общества потребления». Здесь может быть и мысль, и социально-психологический подтекст. Ведь появляется все это в мире, где фиксирующая, информирующая задача изобразительного искусства в огромнейшей мере решается техническими достижениями цивилизации. Если там, где есть экскаватор, отпадает потребность в землекопах, то почему бы не отпасть потребности в художниках-фиксаторах реальности там, где эту реальность гораздо быстрее и, зачастую, точнее можно

зафиксировать с помощью чудес современной техники? – Вопрос оставляю открытым. Замечу только, что в этих условиях сторонники «современного искусства» (и только ли его?) сменили акценты, поставив своей задачей не информировать, воспроизводить внешний либо свой внутренний мир (вплоть до мира легенд и ставших архетипическими мифов), а будоражить зрителя. Не информировать – а будоражить – вот, по сути кредо так называемого современного искусства, притормаживать внимание, как это, к примеру, делается с помощью «лежачих полицейских» и т.д., и т.п. И в нашем, перенасыщенном информацией техногенном и при этом «омассовленном» обществе появление такого социального явления вполне логично. Оно так же естественно, как буйство трав после ливней, либо, наоборот, обмеление рек после вырубки прибрежных лесов.

Фокусничанье, на мой взгляд, начинается лишь тогда, когда нам игры начинают выдавать за нечто иное и рассуждать о высокой философии и глубинном смысле воды в бассейне с таким ученым видом, словно перед нами океан. Это все равно, что предлагать всерьез попробовать вкус, «испеченных» в песочнице детских пирожков.

Итак, как вид игры и как социальное явление, как психологические опыты, вынесенные на «арену», перформансы становятся вполне органичной частью определенных современных обществ. Но говорить о них всерьез, как о разновидностях искусства, пожалуй то же, что рассуждать о ведьминой метле, как о виде транспорта.

Но даже здесь нужны существенные оговорки. Клеймить не стоит. Слишком уж много клейм было поставлено на нашей памяти. Но это отнюдь не значит, что мы вправе восторженно переносить к себе все то, что не клеймим у других. Конечно же, и мы можем играть – но в свои игры. А вот буквально повторять обнажение в местах массового скопления людей, да еще с публичными надрезами на животе – это для нас нынешних столь же неприемлемо, как гей-парады либо воспевание прелестей однополых браков. У нас иная культура. И, увы, во многом иное бескультурье. Конечно же, меняются и они. Но, как многократно

демонстрировала история, резкий слом привычных стереотипов и ценностей всегда неотделим от социальных катастроф. Потому-то и церковь, и мечеть прошлых столетий, и коммунистическая партия века минувшего, обрушиваясь на, казалось бы, мелочи в облике и бытовом поведении людей, вводя подчас ограничения и в сферу искусства (в том числе и нелепые с позиций нынешнего дня), делали это потому, что тысячи лет научили ценить значимость устоев. С другой же стороны, никакие ограничения не могли задушить тяги к новому, которое, опять-таки, увы, далеко не всегда было благим. И балансирование на грани нового и устоявшегося – быть может, важнейшее из искусств. И первейшее по значимости. Но это – уже другая тема.

В чужой тени Вопросы дилетанта

Толчком к этим, очень поверхностным наброскам стал российский фильм «Старое ружье», который уже своим названием и, как ожидалось, и стержнем сюжета, напомнил появившуюся задолго до него французскую киноленту, которую я сам не раз упоминал студентам, как наглядный образец одной из граней экзистенциалистского мироотношения.

И в самом деле, современное российское киноискусство и телевидение изумляет обилием заимствований и ремейков, а, проще говоря, своей вторичностью. Так, «Броненосец Потемкин», «Чапаев», «Александр Невский», «Царевна Лягушка», фильмы Гайдая, «Покровские ворота» и многое, многое иное воспринимаются как цветы со своего поля, что труднее, а то и просто невозможно сказать о многом из того, что рождается в последние десятилетия. И это при том, что и актеры по своему колоритны, и масса деталей натуральна.

В чем же дело?

Не спеша с ответом, хотел бы предварительно хоть как-то разобраться и в самой логике заимствований и взаимосвязей, и в нас самих.

Здесь просматриваются, по крайней мере, два аспекта.

Первый, то, что стало модно называть трендом – одна из доминирующих струй времени. Такие струи наднациональны, и они могут быть порождением как прямого заимствования, так и сходством проблем и жизненных ситуаций.

То же заимствование само по себе не порочно. Без него бы не было ни мировой, ни национальных культур. Иконопись, православие в целом, балет, классицизм, барокко родились не на Руси, не в России, но стали неотъемлемой частью российской культуры. То же самое можно сказать и о буддизме и конфуцианстве в Японии, буддизме в юго-восточной Азии, исламе во многих странах мира... И все это, не говоря уже об иных из басен Крылова, шекспировской «Ромео и Джульетте», набоковской «Лолите», «Алхимике» Паоло Куэльо... Однако во всех этих случаях речь идет об органическом усвоении феноменов *иной* культуры и превращении *чужого* в *свое* (последний пример вызывает споры)...

Точно так же возможно и своеобразное дуновение ветров определенных умонастроений, перехлестывающих границы отдельных стран и даже цивилизаций. Скажем, идея использования террора, как средства масштабной по замыслам политической борьбы (а не просто лично-группового захвата власти). Горькие примеры этого террористические акты русских народников и эсеров. Акты, еще ждущие своего современного философского осмысления.

С другой стороны, зримые образцы действия таких ветров определенных умонастроений видятся в ширящемся в 19-м веке увлечении этническим, народно-простонародным: это и Пушкин, и Гоголь, и братья Гримм, и музыкальная классика...

Народное, включая и иноэтничное влечет европейцев и американо-европейцев, как еще тысячи лет назад *естественное, природное* стало увлекать даосов старинного

Китай, усматривавших в этой естественности альтернативу искусственности и конфуцианской церемонности.

Отсюда, и интерес к так называемой природной дикости и ее нередкая поэтизация. Так, например, поэтизируются истребляемые белыми индейцы. Любопытно, что и у Сенкевича, в частности, в его «Огнем и мечом» восставшие в Речи Посполитой казаки и иже с ними – это образец Стихии, противостоящей цивилизации. Они – как губительно-грозное и в то же время зачаровывающее явление природы. Кстати, не случайно один из других его романов – «Потоп». И, заметьте, любовно живописуя своих, Сенкевич по своему любит и недругами: Богуном, Хмельницким. Их фигуры эпичны, как и гоголевские Андрий и Тарас Бульба.

Эта захваченность колоритом стихии рождает и сходство в, казалось бы, совершенно разных культурах. Так, еще в школьные годы я был поражен тем, что пушкинское описание образа Пугачева в «Капитанской дочке» напомнило мне описание индейского вождя в «Оцеоле – вожде семинолов». И там и тут – сходная коллизия. И там, и тут – перед читателем относительно благородный Дикий Враг. И, наверное, без этой тяги к мощным и при этом естественным порывам, страстям, не стал бы столь популярным и образ Стеньки Разина. Ведь сколько бы сегодня мы не рассуждали о его глубинной народности, без включения в письменную, а позже - и раннюю кино-культуру образованных кругов российского общества, он не стал бы в своем роде знаковым.

Но – это тема целых обобщающих исследований, многие из которых уже не раз проводились. Для нас же важно и то, что веяния Времени, или тренды, могут надувать паруса творческих фрегатов (ишь, как загнул!) и совершенно иначе. Казалось бы, что общего у «Преступления и наказания» и ... «Всадника без головы»? Разве не культурологическая ересь сопоставлять хоть в чем-то Майн Рида и Достоевского. Не претендую на изобретение велосипеда, обращаю только внимание на то, что общее есть. И это общее – живописание драматургии судебных процессов. В самых разных, казалось бы культурах, и в самых разных произведениях 19-го века «обычный» суд мог видаться, как продолжение былых

дуэлей и еще более ранних «судов полем». В тренд оказалось интеллектуально-психологическое судебное состязание. Не случайно уже не в художественной культуре, а другой грани реальности, именуемой «жизнью» (как будто бы и художественная культура не ее частица!) стали столь знаменитыми фигуры Кони и Плевако.

На какое-то время этот тренд перекочевал в век двадцатый, в частности, уже в американский кинематограф. Правда, «Адвокат дьявола» с выразительным К.Ривсом словно подвел здесь черту, демонстрируя зрителю, что суд, как и шахматы, выявляют более искушенного и искусного, но совсем не обязательно того, кто, как Айвенго, готов грудью защищать истину и справедливость.

В советском же кинематографе и телевидении (говоря лишь о направленности потока) центр внимания стал смещаться от судебного состязания (опять-таки, речь не идет о ряде современных телепрограмм), а именно о кино, стал смещаться в сторону судебного следствия. Но это тоже не узко советское или нынешнее российское явление, а зримая часть торжествующей поступи «экшн»...

Подытоживая, мы никуда не денемся от того, что и прямые заимствования, и «тренды» - неотъемлемые струи и общемировой, и национальных культур.

Что же касается субъективности, то и здесь немало любопытного. Да, и я, как и очень многие «рожденные в СССР» не очень-то воспринимают современное российское киноискусство.

Но почему? Может потому, что образы, запавшие в нас еще в детстве и юности, оказались устойчивыми, впечатались в подсознание? Так, конечно же, какие-то сцены из «Чапаева», «Мы из Кронштадта» и т.д. сегодня кажутся лубочными, речи героев – декларативными. Но я лично русских и русскость, крестьян, рабочих, солдат до сих невольно вижу глазами человека былых десятилетий. И уже современные киногерои, как бы ни были популярны и профессиональны актеры, когда дело доходит до упомянутых образов, слишком часто кажутся мне и не русскими, и не рабочими, и не мужиками...

Но, вот ведь фокус: в других отношениях, и я, и миллионы, соприкоснувшихся с экраном, опрессованы Временем, трансформирующим наше восприятие. Элитарно-интеллектуальное кино прежних лет уже проходит сквозь нас, как нейтрино, почти, а то и вовсе не задевая за живое. Помнится, как в общежитии высотки МГУ мы, аспиранты, замирали перед телеэкраном, пытаюсь погрузиться в мир «Пяти вечеров». А стоило прикоснуться к этой же ленте через десятилетия – и ничего: что-то искусственное, натянутое, мелкое... Повторю: здесь речь идет не о суждении, а именно о восприятии. «Сталкер» же сегодня смотреть просто невозможно.

В чем дело? – Отчасти, наверно, в том, что в годы так называемого «застоя», уставшая от официозной трескотни интеллигенция искала чего-то «вне партийного». Отсюда и обаяние Новеллы Матвеевой, певцов-супругов Никитиных, туристическо-бардовских песен, не говоря уже о Высоцком. И, конечно же «Современник», «Ленком», Таганка и те фильмы, в которых искали зернышки иного, необмундиренного мира.

Отчасти же, дело в том, что и в СМИ, и в искусстве мир полутонов и намеков, доходящих до образных шарад и интеллектуальных игр загадок, столь излюбленных еще древними, отесняется стремительностью и нажимом. Все словно по Сорокину: перекармливаемые «экшн» и информационно-псевдоинформационными потоками, мы в этой кутерьме уже начали утрачивать потребность, да и само желание остановиться, чтобы взглядеться, вдохнуть, поразмыслить: «В офисы, в вагонетки. Некогда думать некогда». Как давно Вознесенский выдохнул эти строчки, а как они современны. С одной только маленькой, но существенной поправочкой: стоит погрузиться в экранный мир, и думать не просто некогда, а и непривычно, и незачем.

И при всем при том, я, например, до сих пор с наслаждением пересматриваю «Александра Невского». «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Я, да и многие из куда более молодых, и сегодня смотрят фильмы Гайдая, «Белое солнце пустыни», что-то из рязановских фильмов...

Возможно, ситуация здесь напоминает внешне совсем иную, из уже далекой истории. Когда китайцы после долгих схваток взяли в плен гарнизон Албазина, они пленным дали возможность осесть в Поднебесной. Захваченные в довольно-таки почетный плен казаки спокойно воспринимали обычную китайскую еду, но не могли есть изысканных блюд элиты. Не то же ли самое мы видим и в отношении элитарно-интеллектуального искусства? – «Изысканное», «гиперинтеллектуальное», если только он в силу ряда причин и обстоятельств не вливается в мейнстрим, оказывается и очень не долговечным и малосъедобным не для «своих».

Кстати, то же можно сказать и об отчаянно жестком порно, захлестнувшим нас в годы перестройки. Хотя в те годы оно и прикрывалось фиговыми листочками социальности, но оказалось преходящим. И вот ведь опять парадокс! Порнография и эротика сами по себе определенная часть культуры в широком смысле этого слова. А позднесоветское и раннероссийское порно под социальным соусом обрекло себя на маргинальность и исчезновение с современных «массовых» экранов, по крайней мере, там, где речь идет о позиционировании чего-то, как явления искусства. С театром пока дела обстоят иначе. Но можно полагать, что усиление активно-религиозной составляющей общественной жизни со временем даст себя знать и здесь... Хотя, конечно, есть еще Интернет...

Итак, слишком растянувшееся вступление – своего рода извинение за неизбежную субъективность не киноведа.

Теперь же мы можем обратиться и к вопросу о «вторичности» российского экрана. Естественно, я не вправе судить обо всем. Речь идет лишь о заметном «тренде».

Почему столько перепевов? Для чего нужны и новые «Зори здесь тихие», и иной «Экипаж», и свои варианты «Не родись красивой», и прочая, и прочая, включая и российское «Старое ружье», в котором, как и во французском предтече, супруга героя гибнет под струей огнемета, а он, как и французский профессор, всего лишь учитель, а далеко не герой, объявляет собственную личную и беспощадную войну целому немецкому гарнизону?

И даже там, где нет явных ремейков, мы сплошь и рядом наталкиваемся на духовный общепит штампованных коллизий и ситуаций. Достаточно упомянуть клише, когда исход схватки двух мужчин: хорошего и плохого решает женщина, бьющая сзади плохого...

Впрочем, уже и знаменитые «Гардемарины» вторичны. По отношению к «Трем мушкетерам». Может быть, именно поэтому они показались мне более плоскими и я не разу не досмотрел сериал до конца.

Но что любопытно, так это то, что кино-мушкетеры, пожалуй, нечто иное, чем то, что изначально задумывал сам Дюма. Поскольку я не литературовед, то нигде не читал этого, но совершенно неожиданно для самого себя подумалось: а ведь Дюма-то начинал своих мушкетеров, как своего рода продолжение традиции... Сервантеса. Тут, как и в ироничном изначально резниковском «Вернисаже» («Вы не одна, но не со мною»). Только, если Сервантес начинал с пародии на исчерпывающее себя рыцарство – с пародии, которая чудом искусства переросла в нечто большее, то Дюма – с пародии на дворянство и нередко становящиеся смехотворными представления о дворянской чести. Только, хотя в центре Д,Артаньян, главных героев у него четыре.

Посудите сами. Юный искатель приключений, теряет рекомендательное письмо отца. Да и первая схватка его с представителями «народа» по сути комична. А поводы для дуэли? Ну, они же смехотворны и пародируют ситуации, когда, к примеру, возможна была дуэль из-за того, что один из любовников подарил даме попугая, а другой маленькую обезьянку, которая задрала попугайчика. Подаривший говорящую птичку счел себя обиженным и вызвал на дуэль второго обидчика, над чем немало потешалась Франция...

Опустим ряд деталей, и вспомним историю с подвесками. Ну разве не пародиен, не комичен сам триггер, спусковой крючок целого каскада приключений мушкетеров? Ведь из-за чего разгорается весь сыр-бор? – Из-за истории с подвесками и любовной интрижки королевы. Мушкетеры, по сути, своей защищают неправую, в смысле

обманывающую сторону. И в этом тоже своеобразный гротеск.

Но и у самого Дюма, а уж у кинематографистов мира тем паче, обаяние дружбы перевесило. И, по крайней мере, мне (правда, не киноману) не доводилось видеть экранизации, где бы явно демонстрировалась эта пародийность. Но зато, как думается, именно эта пародийность, уйдя из внешнего плана, придала такую объемность, такое обаяние мушкетерам, сделал их живыми и потому интересными и многим будущим поколениям. В этом смысле - смысле внутреннего тепла и «один за всех – все за одного», звучащем уже далеко не пародийно, а как вызов «буржуазному атомизму и индивидуализму», мушкетеры оказались по человечески вечными.

А как же быть с нынешними российскими ремейками и отголосками иного? – Я не судья и развернутого ответа не знаю. Но меня лично эта вторичность почему-то задевает. Вспомним хотя бы то, с чего начали - «Старые ружья». Российский фильм почему-то слишком уж многое повторяет. Здесь, как и во французском, супруга главного героя гибнет в пламени огнемета (только в более раннем французском вместе с супругой гибнет и его дочь). Француз, если память мне не изменяет, профессор, русский – учитель, то есть оба сугубо мирные люди, но оба самым молохом войны швыряются в гущу событий и выбирают личное противостояние с целым вражеским гарнизоном. В обеих кинолентах фигурируют, с одной стороны замок, с другой – монастырь, места с потайными ходами, известными нашим героям. Даже колодец оказывается задействованным и там, и там.

Но какая из версий станет знаковой? – Боюсь, что французская. Ведь она более ранняя, а как заметил один из персонажей Булгакова, «не бывает сыра второй свежести». Но ведь и упомянутая шекспировская пьеса «Ромео и Джульетта» не была первой. Так в чем же дело? Вопрос для меня открытый. Правда, что касается «Старых ружьев», то во французской версии еще просматривается сверхзадача. Это одна из зримых иллюстраций значимой и даже революционной грани экзистенциализма, по которому свобода, в том числе и свобода выбора – не великая цель, не благо, а тяжелая

ноша, которая не каждому по плечу (вспомним снова уже иное – фроммовское «Бегство от свободы»). Такое видение свободы – одновременно и эпатарующий вызов («человек – дырка в бытии») и отвержение, набравшего обороты со времен Просвещения жесткого детерминизма, по которому, выражаясь образным языком Гольбаха, «человек не свободен ни одну минуту своей жизни». «... все его поступки являются необходимыми следствиями неизвестных причин, определяющих его волю. В руках природы он то же самое, что шпага в его собственной руке: если бы последняя выпала из его рук, то было бы странно обвинять ее в том, что она нарушила принятые на себя обязательства или выказала неблагодарность по отношению к ее владельцу» (Цит. по Таранов П.С. «106 философов». Т.2, с.381). Практически аналогичными были на этот счет и взгляды Вольтера.

И это были не просто постулаты философской мысли, но и стержневые идеи знаменитых (и знаковых) художественных произведений. Достаточно вспомнить определенные мотивы в ряде романов В.Гюго и мечь графа Монте Кристо, основанную именно на предсказуемости человеческого поведения...

И вдруг – вызов. Причем вызов-то эпохальный, и особенно громко зазвучавший после начала Второй мировой. Поэтому-то французский «киношный» профессор и стал одним из воплощений этого вызова. Ведь и этот, сугубо не военный персонаж, мог бы сказать самому себе: «Я лишь шпага в руках обстоятельств», и цедить до конца своих дней из терпкой чаши собственного горя. Ведь сопротивление, бунт против зла не имели никакого внутреннего смысла, а то, что в конце фильма появятся маки, взявший в руки ружье профессор знать не мог. Однако именно эта внутренняя обреченность на свободу, на личный выбор, не дающий укрыться за уютной ширмой детерминизма, толкает к собственно человеческим действиям, к кажущейся совершенно безнадежной и потому бессмысленной битве со злом. Точно так же, как эта внутренняя свобода способна не позволить укрыться за словами: «Я выполнял приказ»...

Так вот, в русской версии есть и интрига, и характеры, в том числе и разнообразно живые образы врагов, но я не

заметил собственного стержня. И жаль актеров, операторов... Столько сил! Столько красок и выразительных деталей! Но все это тратится на что-то временное, вторичное.

И, как ни грустно, новое «Старое ружье» лишь одна из иллюстраций вторичности. Такое ощущение, что современный российский кинематограф (и в огромной мере телевидение) превращаются в колоссальную машину, где и мотор есть, и детали подогнаны, да и водители не из последних. Да вот только навигатора нет. Куда ехать? – Неведомо. Даже камня на развилке трех дорог не видать.

Правда, эту растерянность, глубинную смысловую пустоту пытаются хоть как-то прикрыть покрывалом фантазий, превращая кино в иллюзион с претензиями на философию. Тут и неоднократно повторяемые путешествия во времени, и мистический «Белый тигр», и так называемые «кинопритчи» Н. Михалкова с их декоративной красотой, красотой раскрашенной травы и искусно сделанных цветов («Солнечный удар» требует отдельного взгляда). Грустинку рождают «военные эпопеи».

Вообще же, мне лично, мягко говоря, не совсем понятно, как такие замечательные говоруны (пишу безо всякой иронии) как Соловьев, Михалков, Шахназаров могут допускать в собственном творчестве столько «преходящей трендовости»?

Что же до общих оценок, то знаем мы, «пипл», слишком уж мало для категоричных суждений. Видим-то не все. По крайней мере, если говорить о более близкой мне сфере – философии и религиоведения, то замечательных профессионалов, знакомых мне еще по МГУ, я десятилетиями не вижу на телеэкране. И кажется, что таковых нет вообще. Но, может, нечто подобное происходит и в иных сферах?

Или же вторичность – проходящий знак времени?

Но почему? – Ведь собственно переломные или, если хотите, революционные эпохи рождают нечто самобытное или симбиоз, который обретает мировые масштабы.

А что происходит сейчас? Не становимся ли мы информационно-духовной колонией?

Вопрос этот не риторический. Но как на него ответить?

Далеко ли уйдешь в разной обуви?

Вроде бы странный, но, увы, не надуманный вопрос. Наша (именно наша, эсенговская, а не абстрактно мировая) культура мне напоминает девицу в подпитии, одну ногу которой украшает изящная туфелька на шпильке, а другую – «кирзач» в навозе. Да, к тому же, будучи в изрядном подпитии, она еще и идет «в раскорячку». Далеко ли так уйдешь?

Рисунок карикатурный, но двойственность предлагаемых нам эталонов, несовместимость информационных потоков и «духовных», и «антидуховных» блюд становится все более жуткой. Конечно, двойственность ценностей, «жизни» и «идеалов», либо пропагандируемых норм – штука не новая. Не зря же еще в советское время бытовал анекдот о больном, который, придя в поликлинику, рвался на прием к врачу «ухо- глаз». Когда же его спрашивали, зачем ему такой врач, отвечал: «Да потому, что слышу одно, а вижу – другое». Иными словами, советская и партийная элита, как и в более ранние времена элита церковная и монастырская братия, мягко говоря, не всегда следовала тому, чему учила других. И, как мы помним, двойственность эта вошла в состав динамита, взорвавшего и мир католического средневековья, и советский строй.

Но то, с чем мы сталкиваемся сегодня еще опасней. Ведь ныне ужасающий разрыв нарастает в одном информационном пространстве – пространстве СМИ, Интернета и литературы. С одной стороны, строительство храмов и мечетей, патриарх, имамы, духовные издания и передачи, выступления интеллектуалов, говорящих зрителям и слушателям о своей тяге к Богу, «воцерковленности» или, хотя бы стремлению к ней, такие телеигры, «как «Умники и умницы». А с другой? – Усердное разрушение и без того обветшавших перегородок между высоким и низким, привлекательным и уродливым, постыдным и эталонным.

Не будем лукавить: и постыдное, и не слишком «высокое» были всегда, в том числе и в советское время. Но, возможно, то, что происходит сегодня, почти уникально,

ибо язвы выставляются на всеобщее обозрение, как эталон нормы. И такое встречаешь сплошь и рядом. Вот в одной из приличнейших передач гость программы, сыплющий довольно архаичными перлами типа «чувак», «телка», имитируя юмор и самоиронию, живописует, как он делал «бабки», сводя образованных красавиц с мужчинами, имеющими привлекательные кошельки. В другой - уже куда более симпатичная дама, к тому же владеющая литературным языком, с гордостью сообщает, как она в советское время подбивала класс не идти на сбор металлолома. В третьей – из жизни звезд, в коей шустрые папарацци стали, как проктологи, копошиться в этой самой жизни, некто делится тем, как он бы объяснил своему сыну достоинство занятий мужским стриптизом. В четвертой – пытаются рассмешить прилипшим к заднему месту унитазом или украденным из раздевалки лифчиком. То вдруг(?) именитый кинорежиссер и, кстати, замечательный говорун, мемуарит о том, как он превращал актрис в своих поочередных жен и возлюбленных. И так – почти до бесконечности

Заметьте: я не о фильмах, кои привычно бранят за кровь и секс. Это совсем иная тема. Я о полном и назойливом смешении понятий и образов. Ибо бодибилдинг – это одно, а стриптиз – совсем другое. Красота обнаженного женского тела - одно, а смешочки над голыми «титьками» и публичный хохот над (пусть и искусственно созданными) неловкими ситуациями – совсем другое. Влюбляемость – это одно, а использование власти, пусть даже режиссерской, а не чиновничьей и т.д. – совсем другое. (Каюсь, я так и не смог дочитать книгу этого модного автора – мне стало скучно).

Да, конечно же, и сегодня, есть лицемерие, коррупция и та интимная и не очень жизнь тех, кто имеет доступ «ко всем благам мира сего», которая не афишируется. И это нас не украшает. Но, когда вас изо дня в день убеждают в естественности и нормальности всего того, что тысячелетиями считалось низким, когда «срывание бабок» и удовольствий(?) любым путем рисуется как своего рода доблесть, то, как не вспомнить цивилизации, которые начинали катиться

в пропасть, когда с ними, даже без помощи современных технологий, начинало происходить нечто подобное?

А ведь есть сегодня и то, чего не было еще какую-то сотню лет назад. «Свободные» ценности и нравы обрушиваются на нас в глобализующемся мире. Мире, где отношение к наживе, интиму и нагоде отнюдь не одинаково. Как заметил профессор Серик Мырзалы, в своей новой философской работе, опубликованной не так давно в Алматы, «широкое распространение по всему миру и навязывание западными средствами «масс-медиа» продуктов массовой культуры вызывает возмущение в странах ислама. Кроме прочих факторов, это является одной из причин религиозного фундаментализма, различных экстремистских движений. («Философия... с.288).

Естественно, так называемый мусульманский мир разнообразен и не идеален. И здесь есть и секс, и нажива, и несправедливость. Но поразмыслить есть над чем. История (которая, увы, ничему не учит) не раз демонстрировала, что игры элит в «свободные нравы» и перевертывание ценностей не раз заканчивались для них, ох, как плачевно, а на почве вседозволенности прорастали семена суровых ограничений.

Искусство и «правда жизни»

Семидесятилетие освобождения Ленинграда от блокады, словно гул колоколов, отозвалось раскатами воспоминаний о самой блокаде – наверное, одном из ужаснейших событий, которое пережило человечество за всю свою историю. Для меня же самым «защепившим» и сердце и, разум стало выступление Д.Гранина в Германии – изумительный образец боли и памяти о страданиях сотен тысяч без брызганья слюной и театральной демонстрации своей ненависти ко злу.

Вполне понятно, что блокаду не могли не вспомнить и те, кто пытается сохранить историческую память посред-

ством искусства. И вот тут-то, глядя на телеэкран с новым фильмом о дороге жизни – Ладоге, я почувствовал настороженность, которая выкристаллизовалась в серьезнейшие сомнения и даже неприятие. Тем более, что насторожившее, как мне кажется, в последние годы и, пожалуй, даже десятилетия стало как-то уж слишком настойчиво повторяться.

Что же это? – Смакование зла. Уже сами по себе зрительные акценты на зле способны вызвать реакцию, неожиданную и для творцов «прекрасного». Помню, как мама была шокирована, увидев маленьких внуков, связавших куклу-негритенка и «добросовестно» стегавших ее. Дома их такому не учили. Но оказывается в отнюдь не злом по духу сериале тех лет - «Рабыня Изаура» таким образом наказывали негра.

Но то, что дает подчас современное российское кино и современный телеэкран, на мой взгляд, гораздо страшнее – это чудовищное смешение добра и зла. Так, в типичном американском боевике мы можем видеть, то «нехорошего атеиста», говорящего лишь о деньгах, то иного не слишком нравственного героя либо, наоборот, Зорро... И все они убивают так же легко и беззаботно, словно имеют дело с куклами. Но, как правило, никто (молчу о «Бесславных ублюдках») не преступает незримой черты, когда вроде бы борьба за добро (и за добро ли?) рождает чувство омерзения. А что же мы видим в художественной телеверсии трагедии блокады? Повторяющиеся сцены избиения подозреваемых в застенках НКВД. Прямо смакование этих сцен. И рука истязателя направляется теми, кто сражается за жизнь города. При множестве условностей, повторении голливудско-театральных штампов, здесь поразительный натурализм. Конечно же, в НКВД били. И только ли в НКВД? И я не за лакировку. Но я решительно против смакования зла, особенно, если у зрителя зло это начинает ассоциироваться с «нашими», с бойцами за добро. Конечно же, добро должно быть с кулаками. Но с кулаками война, а не мясника. Насилие, оказавшееся под микроскопом кинокамеры, может превратиться в оружие не менее страшное, чем то, что попадает в руки террористов. Так должен ли и может ли герой художественного произведения наглядно

демонстрировать искусство палача, если авторы его за «правду жизни»? Но, в таком случае, обязательно ли «правда жизни» должна требовать акцентированной демонстрации язв – демонстрации, рождающей не столько отторжение зла, сколько привыкание к нему, как к шуму ветра и «естественному» порождению человеческой природы? Я очень сомневаюсь в этом. А Вы?

Искусство и искусственность

Как и многие другие, наконец-то, увидел на широком экране, а не в рекламной подаче михалковское «Предстояние» и не могу удержаться от того, чтобы выплеснуть на бумагу, точнее в «комп» свои сугубо субъективные (хотя, возможно, не только) впечатления.

Начну с того, что у меня нет кумиров, и уж Михалков – не мой кумир, это точно. Мало того, с советских времен зародилась и окрепла реакция: чем активнее «втюривают» - простите, рекламируют, пропагандируют, тем больше сомнений насчет шедеврности «внедряемого».

Но я бы разделил Михалкова, как личность, о котором по СМИ судить так же не просто, как о вкусах блюд в «Званом ужине». (Наверное, кто-то и мог бы это делать. Но я не берусь). Михалкова – актера, и даже не актера, а мужской тип. Причем с вариациями – от Парадова до Котова и др. Тут уж люб Никита кому-то или нет, но многие его типажи колоритны, да просто-напросто интересны. Пожалуй, без них отечественное кино обеднело бы. И Михалкова режиссера и со-сценариста. Кто-то от него в этой роли в восторге. Я, признаюсь, нет. Для меня практически все из того, что видел прежде, являло своего рода смесь мастерovitости, искусства и искусственности. Этакий род гламура в кино - своего рода подиума для демонстрации моделей театра мод имени Никиты Сергее-

вича. Мне почему-то у Михалкова не хватало «органики». Вот «Александр Невский», «Царевна-лягушка», фейерверк гайдаевских фильмов, «Белое солнце пустыни», советские «Три мушкетера», «Покровские ворота», что-то из рязановских, да и не только, при всем своем разнообразии, для меня органичны, как разные травы и цветы, **выросшие** на лугу. В михалковских же фильмах всегда виделось что-то искусственное, **сконструированное**. В том же «Сибирском цирюльнике», помимо прочего, это еще и солдат, упрямо бегающий в противогазе – его командир не хочет признать музыкальных дарований Моцарта. Ах, какой необычный для Запада солдат. Так он же русский! – По мне, если б подобный символически гротескный эпизод появился в сорок пятом, это еще можно было бы понять. А вот после краха гигантской Советской России... Слова эти казались мне жалко напыщенными. Ну что такое русский ли, казах ли, татарин ли в гигантском современном мире?..

Но прежнее есть прежнее. Новый фильм, в отличие от предыдущих, судя по рекламе, должен был претендовать на большую причастность к собственно истории. А история – моя слабость. Будь то «Гладиатор», «Троя», «Александр», «Тарас Бульба», как бы я отчаянно не отторгал что-то, мне смотреть это всегда интересно.

То же и с «Предстоянием». В отличие от тех же, возможно, куда более органичных «Стиляг», национальных охот и рыбалок и некоторых новодельных фантазий на «военно-патриотическую тематику», мне смотреть этот фильм было интересно... И все же, Михалков и тут остался Михалковым...

Но сначала хотя бы несколько слов о критериях, пусть и спонтанной оценки, и основах восприятия искусства. Естественно, слов не менторских, а сугубо личных. Искусство, идущее к истории, как мне кажется, вправе именоваться таковым, когда оно стремится к двум вещам: к правде Истории, то есть достоверно установленному или достаточно вероятному «факта», и к правде Искусства.

В первом случае, если перед нами не эпизод из «Властелина колец», а хотя бы «постановочный» исторический

фильм, Александр Великий не будет нестись в атаку с зажатой в кулаке лимонкой. Да и образчики поведения персонажей, при всей исторической и региональной условности эталонов, будут достаточно определенными. Скажем, сценарист и режиссер, рисуящий российского публичного типа, сможет заснять политика, сыплющего бранью и даже таскающего женщину за волосы, а после всего этого годы и годы не исчезающего с телеэкранов, да еще и преспокойненько беседующего с первыми лицами страны. А вот в приложении к Британии, то же самое смотреться не будет. Слишком уж такой образ окажется контрастным с тем, что видится исторической правдой Британии.

Нечто подобное можно было бы сказать и о так называемой Правде Искусства. Язык этой правды условен и изменчив, как ландшафты наших широт в разные времена года. Но сама система условностей опирается на гармонию (хотя и здесь неизбежны и смена ритмов, и смена форм и красок). Но, тем не менее, навряд ли найдется создатель собственно исторического фильма, который Ангелу Меркель изобразит бритой и с африканским пелеле в губе. Точно так же, как трудно представить учительницу современной школы, входящую в класс с обнаженной грудью и кольцом, воткнутым в пупок. А вот в современном искусстве, современных шоу и т.д. нечто подобное и представлять не надо. Слишком уж часто мы видим это наяву. И Михалков здесь скорее лишь вектор, указующий направление ветра тусовки.

Опять-таки, лично для меня «Предстояние» - что-то вроде «Коктейля Молотова» - гремучая смесь пронзительной трагедийности, символизма, запоминающихся деталей, бликов психологии и... китча с довольно-таки стандартным балаганом.

Так картина схватки с прорвавшимися немецкими танками и гибели «кремлевского караула» в целом (но не целиком) воспринималась и как очень мощная, и как нечто новое в нашем искусстве. Хотя вроде бы и об этом уже говорили языком кино. Говорили. Да не так. И с «Они сражались за Родину» я бы критически сопоставлять не стал. Другое время – другой киноязык.

Но в то же время фильм местами вызвал ощущение огромного блюда с искусно зажаренными кусками мяса, приправленного обжаренной зеленью, из которой проглядывают зажаренные тараканы и мышьи лапки.

Я просто не могу представить, как человек с такой школой, с таким опытом смог «присобачить» к фильму сцену с фашистской атакой советского корабля с ранеными и пионерами.

Правда, один замечательнейший наш магистрант в разговоре со мной заметил, что Михалков здесь нов. Мы привыкли видеть в немцах злодеев, бомбящих все и вся. А тут корабль с полотнищем красного креста не трогают? Мне лично здесь совершенно неинтересно, насколько нов Михалков. Мне интересней другое: насколько показанное соответствует известным данным о войне? Почему эшелоны с беженцами и т.п. могли бомбить, а корабль с красным крестом – нет? – Не берусь судить. Но историки той войны, ответьте, как было, основываясь не на пропаганде, а на том, что известно. Ведь это – не та тема, где самовыражение какого бы ни было кинобога вправе доминировать над Правдой Истории. Что же касается немецкого летчика, выставляющего голую задницу из боевого самолета, то мной лично это воспринималось и как издевательство над немцами, и как издевательство над тем, что называется авиацией, и как сцена для идиотов, вскормленных шоу с падениями с качелей, тортами в рожу и прочим. Просто порно во всех смыслах этого слова. И с этим еще ехать на кинофестиваль и прочая?

Можно было бы, конечно, усмотреть в сцене символизм. То, как «мелочь» (сравните с взрывающимся мостом) решает судьбы сотен людей. Но для этого, чтобы не превращать трагедию в китч, достаточно было бы дать бесяще безнаказанный самолет над палубой незащитного корабля, с которого раздается провоцирующий выстрел, пусть даже не вышибающий мозги, а повреждающий стекло кабины.

Ту же реакцию вызвала у меня и сцена с цыганами. У них немцы забирают лошадей. А они, как на сцене, поют и пляшут. Ну, немец не выдерживает и палит в этих самодея-

тельных артистов, уложив их всех на месте. После чего один из его сотоварищей возмущается (он человечный), а уцелевшая махонькая девочка-цыганка пляшет и трясет бубном и просит не убивать ее.

Понимаю символизм. Но не могу себе представить ребенка, который смог бы приплясывать после того, как у него на глазах изрешетили всех его близких.

С точки же зрения Истории известно, что наци цыган уничтожали так же целенаправленно, как и евреев. Мелькала цифра – 700 тысяч «ликвидированных». Иными словами, с не меньшей художественной силой (хотя я- то как раз художественной силы в продемонстрированном и не увидел) и при этом ближе к собственно истории уместней было бы изобразить действие Системы, Машины Уничтожения, а не эмоций отдельного солдата. И вот тут-то и можно было дать различную реакцию, различное мирочувствование самих действующих лиц этой системы уничтожения, когда кто-то теряет человеческий облик, кто-то хладнокровно выполняет свою «работу», а кто-то ужасается содеянному. Писалось же, что один из американских летчиков, сбросивших ядерные бомбы на японские города, сошел с ума. Так что и такое возможно. Но к чему балаган?

Да и в сильнейшей, на мой взгляд, части фильма, где советские бойцы в тумане принимают немецкие танки за свои, идущий к ним боец-грузин выглядит утрированно. Слишком уж киношно он идет к ним навстречу. И даже увидев вблизи вражеский танк, принимает его за новое «наше» вооружение. Интересно, что скажут на этот счет профессионалы? Могли или нет, обученные курсанты спутать, будучи рядом, свои и чужие боевые машины? Да и боец, прицепивший на спину дверь - скорее для комедии, чем для трагедии. Но может кто-то увидит эту дверь иными глазами.

... Занятны и психологически любопытны сцены охоты Котова на немца. Но, опять-таки, символизм символизмом, а мне не дает покоя вопрос, как штрафбатовцу могли дать задание взять языка и почему он при этом совершенно один?

Не касаюсь многого иного, но нередко кажется, что Михалков, как иногда в свое время и могучий Бондарчук

Старший, не в силах вовремя остановиться. Готов принять символизм завершающей фильм сцены, когда молодая медсестра обнажает тело перед умирающим танкистом.

За этой сценой жутчайшая трагедия бесконечного числа погибших и в той войне, и в Белом Доме, и в Чечне... Погибших, так и не коснувшись живого женского тела. Хотя демонстрация женской груди уже зрителю в контексте такого фильма была, на мой взгляд, необязательна. Но тут уж дело режиссера. Сам же плач обгорелого танкиста казался чересчур затянутым. Все-таки, мастерство обычно неотделимо от лаконизма.

И, наконец, о принципиальном. О том, что в начале фильма, где мы видим пионерочку гордо докладывающую о подруге, не желающей отречься от своего «физиологического отца», признанного врагом народа, а также взрослого вожатого - в таком диком страхе, что даже брюки мокнут (эпизод, напоминающий добрую старую «Оклахому, как она есть»). Жалкого человека, который отрекается от своего арестованного брата. На мой взгляд, сегодня все это по сути своей выглядит довольно плоским. Все эти пляски на павликоморозовщине внешне эффектны, но и только... Ведь речь-то по большому счету идет не только о страхе (хотя и его нельзя отрицать), а о трагедиях античного размаха, когда история проходила по сердцам и семьям. Вспомним Агамемнона, принесшего в жертву дочь ради победы в Трое и отомстившую ему супругу. Отцеубийцу Эдипа, Медею... Тараса и Андрия... В России же двадцатого века эта трагедия зачиналась не при Сталине, а в Гражданскую и, может быть, и того раньше, когда детки не из люмпенских семей шли в террористы. И народ эту трагедию чувствовал. И выражал в песнях, таких как песня о встрече братьев, оказавшихся по разную сторону в Гражданской: «И случилось тут кровавое дело. Белый брат брата красного убил». И разве не эта же трагедийность так пронзительно звучит в «Сорок первом» Лавренева?

С другой стороны, есть ведь и вечная проблема иерархии ценностей, ребром поставленная уже в Ветхом Завете, Евангелии и законах Древнего Китая. Бог, Вера,

Система – выше личного родства. Ой, как здесь все не просто! И как современно! «Физиологический» родич – это здорово. Но, когда студенты, следуя новым веяниям, дружно осуждают Павлика Морозова, встает встречный вопрос: а как быть, если близкий родственник неправ, а то и совершил реальное преступление, либо, занимая высокий пост, прежде всего «греб под себя»? – Ведь когда это делают чьи-то чужие родственники нам почему-то логика защиты близких и кумовство сразу начинают казаться ущербными. Вон Бакиев, как говорят, пристроил к теплым местечкам Киргизии своих родичей и его почему-то нынешние победители в схватке за власть очень даже за это разносят...

По крайней мере, здесь есть, над чем мучительно думать. А вот что увидели в фильме Вы?

Зигзаги кино «забытой» Первой мировой

На эти, не очень веселые заметки меня натолкнули «Адмирал» и «Батальон». Особенно последний. Женщина на войне. Войне, которую сегодня пытаются оживить в памяти. И делается это профессионально, с эмоциональным накалом. Но, как и зачем?

С одной стороны, перед зрителем, вроде бы, грязь войны («Бог не суди, ты не был женщиной на войне»). Но с другой – ее своеобразная поэтизация.

Эмоциональная суть «Батальона» предельно проста: патриотки-женщины – «добровольницы», как вызов, брошенный в лицо, разлагающимся и спивающимся мужчинам, которым (вот, гады-то!) вдруг надоело воевать.

Скажу сразу, есть моменты, после которых плевался и на время уходил, но, поскольку речь-то шла о телевизоре, то невольно возвращался – квартира не кинотеатр, далеко не уйдешь. Меня лично в недоумение повергла сцена, где женщина-комбат во время тренировок заставляет новобра-

нок лупцевать друг друга, причем учит не основам рукопашного боя, а именно звериной жестокости.

Я кое-что видел, кое-что читал, сам прошел армию. Но такие сцены допустимы лишь тогда (и то под большим вопросом), если они обоснованы документально. В противном случае, это же сцена воспитания уродок, чего-то вроде каких-то особых карательных частей СС. И как мило сцены дикости сочетаются с предфинальной сценой дружной молитвы дам-воительниц, считающих себя обреченными.

Ну, неужели же создатели фильма не чувствуют, что обучение жестокости и киномолитва так же мало сочетаются, как торт и горчица? Сама же молитва (снятая по своему крепко) напоминает моление во время морского боя в «Адмирале». А варьирующиеся повторения – «тенденция однако».

Но в том-то и загвоздка, возникающая при столкновении интеллекта и масштабных боен, что рано или поздно появляются вопросы: а почему Бог должен быть на стороне русских либо немцев или французов, если только речь не идет о глубоком вторжении на чью-то землю, и следующий за ним еще более крамольный вопрос: как Бог вообще может допускать подобные боины?

Я лично верю, да и не только верю, а знаю, что и тогда было немало глубоко религиозных людей. Но, если бы с религиозностью было все просто и понятно, то атеисты-большевики никогда бы не победили в Гражданской войне. Здесь еще есть над чем думать и думать, глубже окунаясь в доступные нам исторические сведения, а не кинофантазии.

И еще одно: видимо, совершенно невольно, но создатели фильма замечательно продемонстрировали платоновскую мысль о том, что усиливающийся хаос, власть толпы или охлократия неминуемо ведут к жесткой диктатуре (у Платона – к тирании), а значит, и красный террор был своего рода логичным следствием развала. Правда, при этом фильм, как и «Адмирал», явно уступает позднесоветским фильмам, где белые, враги рисовались далеко на одними красками. Сравните, насколько мерзок в «Батальоне» представитель

солдатских советов хотя бы рядом с Высоцким в роли белого офицера («Служили два товарища (?)»).

Иначе говоря, мы в культуре прочтения собственной истории пока еще откатываемся назад и нам, судя по названным фильмам, увы, далеко до французов или китайцев, которые способны видеть в истории прошлое собственных стран, цивилизаций, а не подиум для демонстрации таких недолговечных «современных трендов».

Тем более, что сегодня (и в этом-то я убежден) главное – не вздохи об упущенной некогда победе, максимальным достижением которой предположительно могло бы стать избегание чудовищной Гражданской с ее разрухой и взаимоистреблением (большого дорогие союзнички России просто не позволили бы), а вдумчивый анализ того, что ведет к глобальным и общенациональным катастрофам. Сегодня, когда мир все глубже втягивается в кризис, это не просто актуально, а жизненно необходимо.

Жизнь – копейка?

На эти заметки натолкнула все та же российская версия «Старого ружья» - сцены массовой расправы над жителями деревни. Что такие расправы, как и множество иных зверств, были, история не отрицает. Но насколько убедительны побудительные мотивы расправы, преподнесенной экраном и насколько однозначны или, наоборот, неоднозначны образы убийц-палачей в целом, немцев-оккупантов, в частности, и как они обрисованы и продолжают обрисовывать в киноискусстве, живописи, литературе..?

Естественно, не я тут первый. Достаточно вспомнить потрясающих при своей лаконичности «Карателей» А.Адамовича... Но создается ощущение, что объемный социально-исторический, психологический и культурологический анализ проблемы еще впереди. Причем анализ более

масштабный, чем, к примеру, дюркгеймовское исследование проблемы самоубийства. И уже одни только волны терактов, захлестывающих нашу планету, говорят о крайней актуальности такого анализа.

Здесь, естественно, лишь подступы к нему. Не претендуя на исключительную оригинальность, попробуем акцентировать внимание на том, что не раз подмечалось и прежде, но, поставив вопрос, о синтезе подмеченного.

Начнем с самого простого, с образа врага, который в отечественных (да и не только) фильмах о Второй мировой рисуется немцем, предателем, полицаем. При всех нюансах такие образы – в одной плоскости. Немец почти всегда – палач или тот, кто готов на убийство. В отличие, скажем от итальянцев («Они шли на Восток», «Подсолнухи»..) При этом палач настолько одноплановый, что, к примеру, в «Старом ружье» жители деревни целиком уничтожаются лишь за то (или мне только показалось), что на одном из сеновалов найден раненый красноармеец.

И тут вопрос: а насколько легко вот так запросто решетить пулями тех, с кем буквально только что сидел за одним столом, забавлялся футболом, спал?

Мне могут сказать, что в годы войны было разрушено 70 тысяч сел и деревень, что было немало массовых расстрелов, дико пытали Зою. И не всегда в зверствах были замешаны только специальные зондеркоманды.

Но каковы побудительные факторы и мотивация убийств не в бою, и не только в годы той войны, что принесла после чудовищных жертв Великую победу?

На протяжении всей истории, и особенно древней действовал один принцип, который, как не ужасно, оживает и сегодня: он - чужой и потому достоин смерти. Его убийство так же естественно, как прополка сорняков. На одном из изображений Двуречья этот принцип наглядно выражают легковооруженные воины, добывающие раненых врагов.

Эта естественность убийства **другого** могла и поныне может дополняться тем, что Фрейд обозначил, как танатос – тягу к смерти и разрушению. Европейские хроники

упоминают викинга, прозванного чадолюбивым за то что, любил рассекать мечом младенцев в захваченных селениях.

Идеологическими обертками, да и непосредственными побудительными причинами расправ могли быть и вновь становятся факторы религиозные: чужой – это еретик, иноверец, гяур.

При этом дополнительным фактором в мотивации убийств или участи в них могло и может стать наивно-эгоистическое и нередко упрощенно-материалистическое убеждение, что, участвуя или соучаствуя в расправе над чужим, то есть антибожественным, индивид способен расчистить себе тропку к райскому блаженству.

Хрестоматийный пример – старушка, подбросившая охапку хвороста в готовый запылать костер «еретика» Яна Гуса – «святая простота». И куда более жуткие примеры – жертвы крестовых походов и то, что описано одним из английских корреспондентов, ставшим очевидцем результатов зверств турок в Болгарии накануне русско-турецкой войны конца девятнадцатого века. Он своими глазами видел груды тел изнасилованных и убитых болгарских девушек и тел детей, подчас совсем крох: «ступня одного из них была не больше моего пальца». По его словам, турецкие солдаты перебрасывали младенцев со штыка на штык и даже вспарывали животы беременным. Для чего? – Чтобы умножить число жертв, так как верили, что, чем больше убьют неверных, тем надежнее будет их личный путь в рай.

А что такое рай? – Воплощение духовности? – Не спешите с ответом. Во многих верованиях, и на уровне того массового сознания, которое вливают в уже современных «боевиков» - рай это место отнюдь не духовных, а сугубо физических, материальных наслаждений, перенесенных в иную пространственно-временную плоскость бытия. У викингов, к примеру, юдоль павших с мечом в руке – Вальгалла – это место вечного пиршества, где вдосталь мяса. Да и соблазняющие боевиков и террористов картинки мусульманского рая сугубо чувственны. У кого только слюнки не потекут от райских дев и прелестных садов, где всегда тень, питье и яства!.. И что тут могут наши

богословы? – У нас, в России и Казахстане, важнее не об образах рая спорить, а о путях к вечной жизни, доказывая, что убийства – не путь к потустороннему блаженству. И тут и верующие мусульмане, и верующие христиане, и атеисты просто обязаны быть едиными...

Особый вид мотивации убийств – жертвоприношения, наиболее яркие и зловещие картины которых рисуют история Карфагена и Предлатинской Америки. Даже замечательные образы Садко и Морского Царя – это, по сути своей, трансформированная в искусстве идея жертвы. Но тут – особая тема.

В рамках всего упомянутого (кроме идеи жертвоприношений) могли и могут оказаться немотивированные убийства – убийства, вызванные излишками алкоголя и подчас непостижимыми для самого их совершившего вспышками гнева. Чисто художественно такой тип убийства с подчеркнутой выразительностью обрисовал Репин в своей картине, посвященной Ивану Грозному и его сыну Ивану. Репинский Иван в ужасе сжимает тело погибшего сына. И даже слово «ужас» неточно и поверхностно, чтобы передать те чувства, которые запечатлены художником на лице царя.

Такие взрывы ярости или «похоти», как неотвратимого физического влечения к увиденной женщине (вспомним библейского царя Давида и нагую Вирсавию) на протяжении, наверно, целых тысячелетий были столь могущественны, что одной из главных целей древней философии и мировых религий оказывалась задача самообуздания: «Себя сумеешь одолеть – и победишь тогда весь мир»...

Вспышки ненависти могли и могут быть и групповыми, и массовыми, когда разгоряченные боем и гибелью товарищей бойцы врываются во вражеский лагерь, город и т.д. Не случайно, можно встретить упоминания о том, что монгольские ханы захваченные города отдавали своим воинам на три дня на разграбление, после чего вакханалия грабежей и убийств жестоко каралась. Почему жесткие кары вводились не сразу? – Пожалуй, и по психологическим причинам: распаленным бойцам дозволялось «выпустить пар».

Кстати, большой вопрос, насколько реально было бы это

не позволять в условиях веков минувших. В «Белой церкви» И.Друцэ я неожиданно встретил не прямой ответ, ответ, который косвенно объяснял характер потерь при взятии суворовскими войсками турецкого Измаила. Насколько помнится (из других источников) у русских было где-то тысяч десять раненых, а вот убитыми турки потеряли больше. Почему? – Видимо потому, что при тяжелейшем штурме было не до пленных. Даже те, кто сдался, покинув внутреннюю цитадель, были убиты, несмотря на обещания оставить их живыми, так как, помимо прочего, такие пленники были бы очень ценны. Возможно, что защитить их просто не успели и не смогли... Во всяком случае, здесь есть, над чем поразмыслить.

Особый вид убийств, вид, близкий по своей мотивации к религиозным – убийства по идеологическим мотивам, будь то этнические чистки нацистов, геноцид армян турками, от 600 тысяч до млн. сербов хорватами в годы Второй мировой, или групповые убийства в годы Гражданских войн, именно убийства, совершенные не в ходе непосредственных боевых действий. По сути дела, все это – варианты идеологического (включая и определенную религиозную идеологию) уничтожения **чужих**. Причем убийства по идеологическим мотивам (которые могли сплетаться и с целым рядом других факторов) могли совершаться уже не при приступах ярости, а с опустошенными сердцами и с головами, наполненными суждениями о том, что чужой – не совсем человек, а то и вовсе не человек.

Но и при этом остаются вопросы: кто и при каких условиях, под воздействием каких причин, мотивов мог становиться палачом? Вспоминается мимолетный рассказ женщины, которая почти девочкой пережила оккупацию Украины, во время которой потеряла своих родителей (они были расстреляны, она же в момент ареста не была дома). Она еще в школе знала немецкий, и как -то на улице с ней заговорил немецкий солдат, а проходившая мимо «бойгерл фрицев») заметила, обращаясь к солдату: «Да чего ты говоришь с ней. Она юде». Но солдат в тот момент «был не при делах», и никакого рвения в служении расовым чисткам

не проявил. Действовать без приказа, просто «для удовольствия» он не счел нужным. Так, остановленная на улице девушка осталась жить.

Вроде бы, деталь, но сколько таких деталей еще требуют своего разностороннего осмысления.

К сожалению, наше, уже отечественное кино- и телеискусство отучают нас от мысли о том, что убийство человека – не такая элементарная вещь, даже, если речь идет о враге.

Правда, и в самой жизни немало дикостей, а в чем-то – и одичания. Так, в городе К. совсем еще девочки убили из-за куклы девчушку. В Костаное, уже в 2016 г, убили 89-летнюю старушку, причем один из убийц был с нею знаком. И т.д., и т.п. Маньяки были и прежде. Но важнейший вопрос заключается в том, как говорить о насилии и как и для чего показывать его. В чем и когда так называемая «правда искусства» не вправе слепо «копировать» какие-то грани жизни и человеческих страданий, чтобы не превратить целые поколения не просто в «моральных», но и в психических уродов в самом прямом смысле этого слова?

Размышления об этом хотелось бы услышать не от телекрикунов, а от серьезных профессионалов, которые озабочены не столько собственным имиджем, а судьбами Казахстана и России.

Как одет король?

В известной сказке Андерсена не только придворные, но и целые толпы восхищаются изысканным нарядом короля, на деле шествующим по городу в костюме Адама. И при таком всеобщем затмении надо быть трехлетним мальчиком, чтобы закричать: «А король-то голый!»

Я уже писал о словах. Но и на этот раз риску оказаться не так называемым ученым мужем, а трехлет-

ним мальчуганом, не обремененным знанием условностей, которые подчас заменяют нам собственное зрение. Король же, о котором я хотел бы упомянуть – это язык терминов, имен и всяких звучных либо неудобно выговариваемых словес, которым каждое столетие, словно плацебо, пичкает тех, кого следует обозвать «образованными». Боюсь, что и наше столетье (включая и только что завершившееся) здесь не исключение. Если когда-то ученые мужи всерьез обсуждали, сколько чертей способно уместиться на кончике иглы, может ли осел пить святую воду и жарко спорили о том, танцуют ангелы минуэт или вальс, засыпая коллег звучными терминами, то и сегодня мы в нашем милом образовании, уже не одно десятилетие пляшущем под волшебную дудочку реформ и реорганизаций, иной раз встречаем подобное. Да что там образовании! А в массовой культуре? А в философии, причем не только отечественной, но и мировой, непроваренными азами которой мы потчуем студентов, стремясь тем самым побыстрее влиться в мировую цивилизацию?

Сколько терминов, слов, ловко закрученных фраз, в которых для учащихся нередко смысла не больше, чем в красочных этикетках дорогих вин, второпях наклеенных на подобранные в бачках пластиковые бутылки! Иной раз даже высокоумные философы начинают напоминать художника, рисующего очаг в каморке папы Карло, а потом начинающего глубокомысленно рассуждать о температуре этого нарисованного им же огня, и о том, насколько хватит поддерживающих его дров. И в самом деле, какие громадные силы тратятся на введение терминов, которые разносятся по воздуху – так что огромные силы начинают тратиться на заучивание и разъяснение слов, а не всматривание в тот мир, в котором мы живем. Знатоки, словно модными галстуками или блузками, начинают щеголять «эгрегорами», «пассионарностью», кто-то вспомнит и «здесь-бытие». А уж поклонники поп-мистики и поп-психологии опрокинут на Вас целые цистерны многозначных слов и словесных конструкций. Кто-то начнет убежденно вещать об

ангельских чинах, кто-то – о параллельных мирах. А тот, кто покруче начнет без конца поминать Бога, да так убедительно, как будто только что с Ним пил на брудершафт.

... Не подумайте только, что я – враг терминов и, вообще, языка человеческого. Да нет же! Но даже самые-самые научные понятия (не говоря уже о мириадах прочих) могут превращаться в соску-пустышку, которую суют в рот вместо реальной пищи. И это будет происходить до тех пор, пока мы, следуя не совсем понятным образцам «ихней Цивилизации» будем в своем образовании чересчур уж рьяно сосредотачиваться на словах, а не на том, что кроется за ними. Сознает ли это кто-то или нет, но впихивание в головы обучаемых слов, за которыми нет ни рельефных образов, ни живой мысли, – по сути своей, расчищение дороги бездумчивому запоминанию и, следовательно, легковерию, сознанию, убаюканному звуками и готовому для обработки шарлатанами всех мастей, а, значит и теми, кто под предлогом продажи «истинных духовных ценностей» станет подсовывать то, что небезопасно, как для государства. так и здоровья, и кошельков его граждан.

Сомневаетесь? – Прочтите хотя бы кое-что из откровений Грабового. Не сужу его как личность. Не сужу его идеи. Это дело суда. Просто попробуйте взглядеться в то, что, что кроется под воздушным покровом слов. Красивых слов. Итак, начнем: «Божественная мудрость – источник света познания». Хотите - спорьте, хотите – нет, но смысл в этих словах еще можно искать. В силу своей фантазии и образования. А дальше? – «Преобразование мира не ограничено в понимании»... , «объединение мыслей во спасение в вечности олицетворяет природу мира», «Вечность – это стремление духа Свободы», «Разум – это бесконечное преобразование пространства». Не знаю, как с преобразованием пространства, а деньги из одних кошельков удачно преобразовывались в деньги в кошельках преобразователей. Можете, конечно, сказать, что это прошлое. Но достаточно включить телевизор – и вы

увидите, что ни колдуны, ни прочие жонглеры словесами никуда не исчезли. Да и как им исчезнуть, если и признанная наука бывает не прочь пощеголять в «новом наряде короля». Прочтите хотя бы одно из сугубо научных определений понимания: «понимание – это реконструкция личностных измерений объективации деятельности. Чувствуете? – Это нам с вами только казалось, что мы понимаем, что такое понимание. До тех пор, пока не соприкоснулись с такого рода наукой. А теперь? – Понятнее ли стало? – Так что же удивляться тому, что якобы колдуны и иные охотники за сенсациями и кошельками столь ловко переоблачаются в заимствованное у вроде бы науки словолепие?

Не знаю, как Вы, а я лично человек азартный. И с увлечением охочусь за голыми королями. Попробуйте и Вы поучаствовать в этой охоте. Думаю, что найдете немало любопытного – от иных учебников и книг философических – до газетных, телевизионных и прочих перлов.

Историю пишут победители

Эта, дошедшая к нам из прошлого фраза, не только стала афоризмом, но с каждым десятилетием наполняется все более и более глубоким смыслом. Вполне понятно, что, если бы во Второй мировой победил фашизм, то в какой-то иной, уже не наш День Победы, славили бы совсем иное. Но, слава Богу, история распорядилась иначе. Однако остается вопрос: как мы сами распоряжаемся тем, что нам подарили История и сверхчеловеческие усилия, и жертвы поколения наших отцов и дедов?

Увы, который раз приходится слышать бубнящих, как осенний дождь, Докторов Всезнаек, окатывающих нас потоками слов о том, что в ту войну мало кто хотел воевать за изверга (для непонятливых – Сталина), оттого, мол, и

пленных - тьма, а уж военные потери, так те и вовсе ничем не могут быть оправданы. С другой же стороны нас развлекают разномастными боевичками а-ля Голливуд, где то недалекие, то более проницательные «немцы» всякий раз эффектно садятся в лужу. Первое у меня вызывает брезгливость, второе – грусть.

Есть, конечно, и серьезнейшие работы. Только одно то, что у нас делает и издает Совет ветеранов (а ведь этим занимается не он один) вызывает у меня самое искреннее уважение. Одна заковыка: кто и как читает, то, что делается с таким огромным трудом и любовью? Будем надеяться, что кто-то все же и читает. Но, как анекдот, во время беседы на площади у акимата – разговора именно 9 мая, прозвучали слова интеллигента-медика о том, как он задавал студентам одного из частных вузов вопросы: «В каком году Чингизхан победил Наполеона?» и «В каком году Паулос был взят в плен под Ленинградом?» Оба раза, даже не задумавшись, будущие обладатели дипломов говорили, что точной даты не помнят. Да и как запомнить и отсеять зерна от плевел, фальшь, фантазии, гипотезы от фактов, при том объеме школьных часов, которые уделяются серьезному изучению той войны?

Но главное, как мне кажется, даже не в этом. Объемы часов и дальше будут меняться, а история постоянно переосмысливаться; и здесь всегда будет повод для разговора, что вовсе не означает, что кто-то будет обязан вновь и вновь кричать: «Караул!» Куда важнее сохранить сами плоды Победы, по крайней мере, те, которые мы еще в силах сохранить. Для того, чтобы о Великой Победе, как и о Троянской войне, Великом Риме помнили наши внуки и правнуки, надо, чтобы эти самые внуки и правнуки могли жить и жить достойно и чтобы хоть что-то из того, за что сражались в годы Той войны, из тех ценностей, образцов и идеалов продолжало жить. Ведь сколько было замечательных побед, держав и цивилизаций за тысячелетия письменной истории человечества. Но памятно прежде всего то, что сумели сохранить либо прямые потомки вершителей истории, либо те племена и народы, которые, словно эстафетную палочку, смогли подхватить у них достижения

культуры, эпос, сказания о героях. Тот же, кто проигрывал в борьбе за живучесть своей культуры и цивилизации, проигрывал и историческую память.

Казалось бы, банальность. Но вот по силам ли будет тому, что мы называем Капитализмом и Рынком, причем реальным, а не идеализированным, как и вчерашний социализм, сохранить наследие Победы, для меня вопрос отнюдь не риторический. Как сохранить это наследие, там, где ценность всего и даже, окрапленных кровью, боевых наград, измеряется деньгами, где ветерана и просто старика, слабого, беззащитного легко избить и унижить? – Достойная жизнь это же не просто достойная зарплата, хотя и она очень даже нужна. Достойная жизнь – это, прежде всего, пусть и не идеальные, но достойные люди, люди, не способные топтать беспомощного и слабого. Праздничные торжества, конечно же, нужны. Но одних их так мало для того, чтобы мы и сегодня были достойными той Великой Победы.

«Не славы, и не коровы...»

(ОБ ОДНОМ ИЗ «ЛИТЕРАТУРНЫХ ДЕСАНТОВ»)

Уже не первый год Областная библиотека практикует «литературные десанты». 11 июня 2015 года такой литературный десант «был высажен» в библиотеке г.Рудного. Дело уже само по себе интересное. Этот же, на мой взгляд, был особенным. Особенным и по атмосфере, и по тем задачам, которые он высветил.

В работе «десанта» (если только это можно назвать бытовым словом «работа»), помимо сотрудников библиотеки, участвовали не только такие известные у нас авторы и яркие личности, как А.К.Шаяхмет, А.В.Тарасенко и А.И.Суслова, но и зал. Да еще как участвовали! Говорили не только о литературе, но и о жизни. Но главное...

А что же главное, подмеченное и рудничанами? - Приехали не мэтры, демонстрирующие себя, а сотоварищи, увлеченные общим для всех делом и озабоченные общими со слушателями проблемами, ощущающими одни боли. И главным в этих проблемах, в этих болях стало то, что так емко выражено в «Песне акына» А.Вознесенского: «Не славы и не коровы, не шаткой короны земной. – Пошли мне господь второго... на два голоса спеть». (Цитирую по памяти). Но суть именно такова). И как крик души звучало: «Нужен обмен. Обмен написанным. Обмен мнениями. Нужна критика. Анализ». А рудничанам есть и что показать, и что обсудить. Есть авторы. Среди них – Сергей Лешаков, наверное, один из очень немногих в области, прикоснувшийся к сфере профессиональной литературной подготовки. Выпущено несколько номеров «Рудненской лиры».

Ну да кто только и что сегодня не выпускает! Не публикуется разве тот, у кого совсем нет денег. И рудничан заботила и заботит не проблема выпуска, а проблема сотворчества, проблема критического рассмотрения того, что сделано и делается. – Вопрос из важнейших. Если взять рисование, живопись, то мы видим, как настойчиво пестуют своих учеников педагоги-энтузиасты Художественной школы. Взять шахматы или шашки – то и здесь ученики и ученики. Именно ученики, а не уже испеченные художники, мини-гроссмейстеры и т.д. А в литературе? - Частое, слишком уж частое бряцанье жестяных мечей о щиты из кастрюльных крышек. Иными же словами выдавание за уже расцветшее искусство самых первых шагов в грандиозный мир Слова. Стоит ребенку связать незатейливой рифмой пару строк – и его уже причисляют к поэтам, а уж авторов горстки стихотворений – причем далеко не бесспорных – к литераторам. И это далеко не только у нас.

Задача же совсем в ином – дать почувствовать вкус слова, прелесть и тайну поэтического образа, помочь в нашем, все более косноязычном мире, выразить свои собственные, а не только заемные мысли и чувства и, что очень-очень важно, учить вглядываться в этот потрясающе интересный мир. Учить не только смотреть, но и видеть.

Потому что, без умения видеть **другого** не может быть ни шахматиста, ни художника, ни даже не литератора, а просто автора записей, очерков, которые могли сохранить для истории драгоценные черточки наших дней. Я уже писал и повторяю: нам, как воздух, нужны литературные студии при библиотеках. Особенно для детей. Причем с акцентом не на стихи, а на развитие остроты зрения и овладение культурой речи. Стихи же, если так пойдет, у кого-то будут рождаться сами собой. И пусть единицы свяжут свою дальнейшую жизнь именно с поэзией – для всех, кто хотя бы прикоснулся к ней, это прикосновение не проходит бесследно. Иначе у поэтов просто не было бы слушателей. Что же касается дележки пьедесталов – то это дело десятое. Если повезет – время само выставит баллы. И, быть может, куда более точные, чем мы в своей неизбывной суете. Не зря же сказано: «Лицом к лицу лица не увидать».

Открытие, которым хочется поделиться

Недавно я сделал открытие. Нет, не новых законов Вселенной или вечно меняющей свои облачения госпожи Истории. Я открыл новые грани человека, которого, казалось бы, знал десятки лет. Да и кто из ценителей музыки не знает в Костанае замечательного музыканта, педагога и руководителя Анатолия Васильевича Зарубу? И кто удивится, если услышит, что и у «Посланца Украины на казахстанской земле» немало хобби и среди них, этих хобби, тяга к стихам, в том числе и к тем, что каким-то, подчас, неведомым стихотворцам образом, рождаются и у него самого? – Да и мало ли кто не пишет любительские вирши, которые и стихами-то трудно назвать?

Правда, и при этом, когда встречаешь человека творческого, человека увлеченного, даже иные корявые строчки могут быть интересны, и как еще одно окошечко в его

внутренний мир, и как одна из извилистых тропинок в мир живой истории. частичкой которого, хочет он или не хочет, а оказывается каждый из нас.

Да и книжечки Зарубы не велики. Ни размерами. Ни тиражом. Ну что такое 50 экземпляров для нашего громогласного времени? К тому же, их можно было бы назвать самиздатскими – даже «эсбн», чиновно фиксирующего авторские права нет.

Но... раскрыл – зацепило. Поэзия ли это в собственном смысле слова? – Судить не берусь. Я, столько лет соприкасающийся со словом, могу четко сказать, где «не поэзия», но где поэзия? – Тут и мэтры будут ломать копыя в нескончаемо отчаянных спорах, так что оставим пока эту ломку для них. А сами прикоснемся к «любительским строкам» Зарубы. Строкам, не претендующим на «езду в незнаемое», а просто выдохнутых в те часы и минуты прогулок по скверу, в те часы, когда вездесущие динамики еще не оглушают идущего ни музыкой, ни рекламой. Возможно, одно из отличий «любительства» в стихах (если только оно добротное, иначе о собственно стихах не может быть и речи) от высокой Поэзии в том, что Мир Поэтов – это мир Разведки Словом. Поэты ищут и, в случае удачи, рожают новые созвучья, рифмы, образы, темы, новых героев – как А. Твардовский Теркина. А любители обычно используют, что уже найдено. Но, когда это самое, уже найденное, ложится на собственную жизнь, то становится многограннее, богаче и сама эта жизнь, и жизнь тех, кто прикасается к любительским строкам, нередко незатейливо простых, как колодезная вода, способная утолить жажду лучше «фанты» и «колы».

Таковы, наверное, и строки Зарубы. Строки из его книжечек «Оглянись вокруг, прохожий» и «Немного обо всем», увидевших свет в Костане в 2014 и 2015 годах соответственно.

Может быть, не все здесь оригинально, как неоригинальна сама Природа, осыпаящая людей веками своими варьирующимися повторениями. Может быть, где-то игра памяти вплетается в собственное воображение. Может быть. Но, отринув мантии судей, просто вместе с читате-

лем прикоснемся к некоторым из строк, жалея лишь о том, что из-за размеров статьи нельзя прикоснуться к большему. Прикоснемся к миру «ежедневной красоты», так часто не замечаемому нами впопыхах. Вот осенний карагач – один из тех немодных ныне пасынков городских «озеленителей», которые вся чаще становятся жертвами пилы и топора:

Пожелтели березки
Клен листву уронил.
Лишь наряд свой зеленый
Карагач сохранил.
Пронесутся метели.
Лед растает. И снег.
Он наряд свой оденет.
Как всегда, позже всех. (1,с7)

А вот фото с заснеженной землей и покрытыми снегом ветвями сосен и шутливая подпись в стихах:

Посмотри - и отгадай,
Где нашел я Карагай.
Не трудись, мозги ломая,
Это в центре Костаная (1, 15).

И только для поездившего по дорогам кустанайщины будет понятно, что Карагай или Аман Карагай – одно из самых сказочно-лесистых мест нашего степного края.

А вот стихи – стихи загадка. Хотя, казалось бы, что может быть проще?

Ночной снежок в центральном парке
Дорожки белизной покрыл.
А я, гуляя спозаранку,
Прошел, увидел, наследил (1, с.17)

Последняя строчка иронично переключается с знаменитой цезаревой: «Пришел. Увидел. Победил». Возникает ощущение, что подобной ироничной переключки времен просто не могло не быть. Настолько это точно. И настолько этот алмазный образ буквально «напрашивается» в огранку слов. И, конечно же, это так, и последняя строка достойна кавычек. Но в том-то и суть, что здесь - не отблеск чужих чувств, а ощущение самого Анатолия Васильевича, застывшее дыхание его собственных прогулок по Центральному снегу, когда слово

«наследил» - зримая картинка, следов на утреннем снегу. Тут тот самый случай, когда было бы большим упрощением рассуждать о плагиате. Скорее здесь, как в шахматах, когда сотни и тысячи людей независимо друг от друга одинаково решают одну шахматную задачу. Потому что расстановка фигур на доске одна и та же.

Близкое ощущение оставляют и строки:

Не пугает галок непогода.

Ведь теперь не то, что было встарь:

Все на свете спутала природа –

Пахнет мартом нынешний февраль (с.18)

Читаешь – и не дает покоя мысль: да этого просто не могло не быть. Это же так просто, и так вечно, как дыхание. И кто знает, пройдут столетья, лотерея Истории что-то убережет, а что-то сотрет в пыль, но вдруг уцелеют такие строки. Их прочтут – и не будет уже важно, насколько они оригинальны и насколько именит их автор. Они будут восприниматься, как одна из тех живых красок памяти, которые вкуче рисуют уже тысячелетиями портрет Человеческой Души.

Сказанное не значит, что все в стихах по своему совершенно. Так, можно встретить своеобразное «смещение» смыслов, которое иной раз не минует и маститых авторов: Вот строки:

Свинцовые тучи все ниже ползут

На юг устремляя свой бег (1, с.11).

Вдумывающийся в читаемое сразу заметит: ползти и одновременно «устремлять свой бег» так же невозможно, как, к примеру, летать по паласу. Но, увы, эта наша общая беда, которую можно было бы назвать дефицитом дружеского анализа. К сожалению, даже на литературных встречах такой анализ почти невидаль. А ведь без него не может быть творческого, да и личностного роста. Так же, как без анализа партий не может быть сильного шахматиста...

Вторая же книжечка – не о природе, а о мире людей, и, конечно же, о самом авторе. Можно спорить о поэтических достоинствах строк, но сколь многие, где бы они не жили, могли бы повторить строки о возрасте:

«...Внезапно силы резко оскудели.
На то, что раньше делал за минуту
Теперь мне не хватает и недели (2, с.5)

Да и названья-то какие подобраны к разделам:
«Эгоизмы», «Ворчалки»! Вот несколько из них.

Есть у нас желание,
А скорее мания,
Чтоб жилось, как в Греции,
С помощью Германии (2,?)

После праздника, с утра,
В парке мусора гора:
Из кустов торчит посуда
И пакеты от фаст-фуда.
Доказал народ с лихвой,
Как он любит
Город свой! (2, 11)

А вот эпиграмма о молодых дарованиях:

Свежо и сложно пишет молодежь.
О чем стихи – так сразу не поймешь:
Быть может, им банальность невтерпеж?
А может, это просто выпендрей? (2, 13)

Здесь есть над чем призадуматься, и не только
«молодым».

... А вот эпиграмма, острая, как кончик лезвия шпаги:

Каламбурить умеют и тут-
Ведь в два счета, без тени сомнения
Старорусское слово – БЛУД
Подменили на ОТНОШЕНИЯ (2,15)

И, наконец, не могу, как это ни банально звучит,
отказать себе в удовольствии воспроизвести пару из
мимолетных зарисовок с натуры.

Первая – один из «моментальных снимков», то, что мы
оба могли наблюдать в совместных прогулках по скверу:

Идет большое тело.
А рядом – тучный пес.
Собака от безделья
Везде сует свой нос.

Вот кошка пробежала,
Мелькнула птицы тень –
Она бы их догнала,
Но даже лаять лень (2, 19)

А вот, возможно, и не отточенная высокой поэзией. но до
грустного реалистичная зарисовка:

За стайкой девчонок шумных
не следует вам поспешать.
Вы слов не услышите умных.
Но матерных – не избежать!» (2, 23)

... Листаешь книжечки – и думаешь: как же мало мы
знаем друг друга, сколько подлинно интересного и замеча-
тельного в тех, кто рядом. И сколько открытий, подобных
неожиданному моему, мы все могли бы еще сделать!

Интереснейший опыт

В гостиной Областной научной библиотеки им. Л.Н.Толстого состоялась презентация книги известного автора и издателя А.В.Тарасенко «Хрестоматия книгохранилища. Русскоязычная литература Костанайщины» (Костанай, 2013 г.). Выпуск книги стал уникальным явлением в истории нашего края. Впервые появилась книга, охватывающая поэтическое творчество земляков, их поиски, успехи, да и неудачи за целые десятилетия. И перед читателем не просто подборка текстов, что уже само по себе является делом очень и очень трудоемким, но и собственные размышления составителя, его сопоставительный анализ ряда образцов различных направлений в нашей, Костанайской поэзии. Знаменательным оказалось включение широкого круга рудненских авторов и тех, кто бывал в Костанаяе. Среди последних широко известно имя колоритнейшего казахстанского поэта О.Сулейменова.

Вполне понятно, что при такой полноте не все опубликованное равноценно. Есть и любительские, хотя, подчас, и очень любопытные для понимания нашей истории строки. Но очень многое не просто недостаточно профессионально, а и сильно. В «Хрестоматии...» множество имен тех, чьи стихи без стыда можно было бы поместить в сборники на всем постсоветском пространстве. Не имея возможности упомянуть всех, назову только А.Шаяхмета, А.Досова, Евг. Букина, В.Корытного, И.Данилова, А.Коштенко, Н.Кочина, А.Олексюка, В.Лоскутникова, А.Суслову, Евг.Демидовича, Е.Чумаченко.

Особенно бы хотелось выделить пронзительно-эмоциональные женские стихи В. Кайнюковой и Т. Ковальской. Женские не столько даже по тематике (хотя у Ковальской есть и это), сколько по силе и обнаженности чувства.

Значимы и, думается, очень интересны, как для нас, так и для будущих историков и иные разделы издания, которые включают, как собственные историко-литературные изыскания А.В.Тарасенко, так и краткие сведения о целом ряде авторов, и библиографию того, что было выпущено «Печатным двором» за минувшие десятилетия его деятельности: здесь уже перед нами не только поэзия, но и научные, и публицистические издания... Такого рода издания дают немалую пищу для размышлений и сопоставлений того, чем жила и чем живет ныне наша костанайская поэзия, публицистика, наука. Где тут успехи? Где то, что называют «данью времени»? Где штампы? Где неудачи или то, что еще требует оттачивания мастерства? – Это предмет отдельного, неторопливого разговора, возможно даже круглого стола с участием представителей нашей интеллигенции и всех, кому дорого живое слово. Не претендуя на такой разговор, хотелось бы, тем не менее, высказать несколько собственных суждений, навеянных и выпуском «Хрестоматии...», и, предшествующим ей выпуском «Антологии...» Костанайской поэзии, который при массе достоинств конкретных стихов, увы, оказался половинчатым, лишенным немало числа известных и достойных авторов.

Так на какие же мысли наводят эти и некоторые иные издания последних лет? Помимо того, что они представляют бесспорный исторический интерес – ведь каждый такой выпуск – это своего рода срез нашей, именно нашей культуры – они побуждают над многим задуматься. Прежде всего, над тем, что необходимо, если не для поэта (слишком высоко это слово), то для литератора.

Не буду вещать о таланте – слишком уж непростая это штука, слишком уж многое должно быть сплавлено в том, что мы привыкли походя называть этим словом. Замечу только, казалось бы, банальное. Помимо впитанного буквально с молоком матери чувства слова литератору и журналисту с большой буквы нужны четыре простые качества. Первое – умение видеть. Второе – умение слышать. Третье – способность чувствовать. Четвертое – способность мыслить. Вроде бы, пока речь идет об обыденной жизни, мы все к этому и стремимся. Хотя и не всегда получается и видеть собственными глазами, а не глазами тех, кто и голого короля увидит одетым, потому что все вокруг восхищаются его нарядом, и слышат не собственными ушами... Даже мысли и чувства, особенно в творчестве, очень часто теневые, отраженные. Отсюда и штампы. И бесконечное повторение уже увиденного, услышанного и прочувствованного другими. Конечно, и увиденное, и прочувствованное могут перекликаться, но и глаза, и сердце должны быть своими – и только. Без этого будут не стихи, а версификация. И пробиться сквозь толщу уже виденного, слышанного и сказанного невероятно сложно для любого из нас.

А слово? Образ? – Это всего лишь инструменты. Правда, значимые. Тем же топором не сделаешь того, на что годны рубанок или стамеска. Так же и в словесности. Конкретные чувства, мысли, социальные и иные пейзажи – вызывают к своим собственным словам и образам.

И чем же в этом плане показательно издание? – Мне кажется, что именно его полнота позволяет увидеть своеобразный и интереснейший водораздел между поколениями. Старшим есть, о чем сказать. Но в целом, в их языке, картинах мира больше обкатанного, хотя и тут масса того,

что на мой, сугубо личный взгляд, можно было бы отнести к настоящей поэзии, будь то строки Н.Кочина, А.Досова или А.Сусловой... , не говоря уже о тех, кого нет рядом с нами. Не берусь судить об оригинальности, ибо далеко не все знаю, но досовское «ночь попоной на коня», западает в память.

Есть же и то, что трудно взвесить на выверенных весах эталонной поэзии, но и в этом – частица нашего бытия. Приведу только строки из стихов Н.Ковтуна и А.Кирилюка. В стихотворении первого «Не избежали» звучат слова:

И тень истории
Блуждает среди них,
И окликает
Каждого скитальца ...

Мы в сказочную
не дошли страну...

Но нам ли, со своим грузом и своими собственными проблемами лихо судить о непростом прошлом?

В стихотворении же А.Кирилюка «Эхо Чернобыля» всплывают строки:

Умерших души по ночам
Друг друга тихо окликают
И ад прогресса на земле
Немым укором проклиняют.

Поразительно незатейливо и просто. Но, кто знает, сохранись такие строки через тысячи лет, и их, быть может, также будут вспоминать, как древнеегипетский разговор Разочарованного со своей душой.

А какие ощущения рождает то, что создано более молодыми, включая и тех, кому до пятидесяти? – Ощущения поисков слова, образа, «езды в незнаемое». Тут даже то, что, как стихи С.Шевченко, порою вспоминается с беззлобной иронией, вполне понятно: ведь перед нами разминка мускулов молодой души. Та разминка, без которой не будет и собственно выхода на уже словесное ристалище. И все-таки, мне лично у молодых и относительно молодых, которые, подчас, владеют звуком и словом, так же, как опытные фехтовальщики шпагой, недостает социальности и

... силы чувства. Чем-то многие из них мне, подчас, напоминают солдат у тренажеров, а не на поле боя. Знают, **как** сказать, но не всегда – **о чем**, причем именно о том, что их самих цепляет за живое, рвет на части...

Но, поскольку, как уже было замечено, развернутый анализ в таких кратких заметках невозможен, хотелось бы высказать пожелания, рожденные именно «Хрестоматией...» и ее обсуждением.

Первое. Опираясь на акимат, очень хотелось бы продолжить начатое. В перспективе подготовить и издать трехтомник, в который бы вошли уже отобранные - «избранные» стихи, художественная проза (здесь немало интересного и у Л.Кайнюковой, Л.Фефеловой, и у В.Лоскутникова, и у других), и том очерков, среди которых достойнейшее место могли бы занять и какие-то из уже публиковавшихся работ самого А.Тарасенко.

Второе: нужно четко определенное пространство в Интернете (не обязательно новый сайт) в рамках которого публиковалось бы новое и наиболее интересное в жизни области, включая и сообщения о встречах и обсуждениях. Причем это делалось бы совместно, с опорой на таких, кто имеет опыт публикации в разных изданиях, а не группами или каждым по отдельности. То есть так, чтобы перед посторонними предстало бы реальное «лицо области».

Третье – возможно создание телевизионного дискуссионного клуба, где говорилось бы о проблемах искусства, литературы, культуры, поэзии. Я сам бы, по мере сил с удовольствием участвовал во всем этом. Но что крайне важно – это привлечение молодежи. Ведь и Т.Ковальская, да и не только она, начинали с того, что показывали свои стихи после учебных занятий. Сегодня же Таня интересна как автор. Но, наверное, молодые и такие инициативные, как она и К.Смышляева могли бы очень многое сделать не только как авторы, но и как инициаторы и со-организаторы реально значимых проектов в сфере культуры.

Иными словами, для меня лично, очень значимо то, что книга, изданная «Печатным двором» не только подвела определенные итоги уже сделанному, но и подвела нас к

новым горизонтам, к новым задумкам и размышлениям о том, что еще можно и нужно сделать. А это крайне важно. Ведь Родина начинается не с фанфар, не с общих фраз о любви к ней, а с реальных общих дел, дел, которые объединяют.

Наша Ахиллесова пята?

На мысли об этом меня натолкнуло мимолетное наблюдение в аэропорту. Стройная девушка буквально за горстку минут до посадки углубилась в электронную игру. Сколько таких, вроде бы, совершенно обыденных картинок можно наблюдать, где угодно: на вокзалах, в поездах, самолетах, скверах! Гаджеты с раннего детства становятся неотъемлемой частью жизни наших детей, внуков, да и просто, так называемого «современного человека». И, наверное, брюзжать из-за этого так же бессмысленно, как из-за того, что пароходы сменили поэтические парусники, а гранатометы – романтические шпаги.

Но как нет предметов без тени, так и нет прогресса без того, что мы именуем его обратной стороной. В чем тут для меня вопрос, да еще какой? – В том, что наш современник, начиная с раннего детства, погружается, буквально врастает в мир **внешнего**, оставляющего все меньше места для **внутреннего**. Человек отучается быть наедине с собой. Подобно басенной стрекозе он порхает среди цветов – цветов чужих впечатлений и эмоций, которые исподволь заменяют и потребность, и, пожалуй, в немалой степени способность иметь нечто свое, на что можно опереться в трудную минуту.

Казалось бы, какая-то абстракция? – К сожалению, отнюдь нет. Представьте, такого «гаджетного» человечка в лесу, степи, наконец, в доме, где несколько дней нет электричества. Его проблемы будут не просто в том, что он не знает, чем заменить лампочку или, как разжечь костер,

а и в том, что такое дитя электроники не будет знать, что делать с самим собой. Ведь быть наедине с собой такое дитя не привыкло. Ему страшно, да и бессмысленно заглядывать внутрь самого себя, потому что там, подчас, и тьма, и пустота.

А ведь, как это ни печально, нередки и куда более драматические ситуации: болезнь, травмы, больничная койка... Мой личный опыт и невольные наблюдения подтолкнули меня к выводу: способность переносить испытания, при которых не просто испытывается боль, но и ограничивается подвижность, круг общения, всегда выше у тех, у кого богаче внутреннее наполнение, у тех, кто способен находить опору в себе самом, потому что его духовные резервуары не пусты. Людям просто физически крепким в таких случаях бывает тяжелее, чем даже самым хрупким, но из тех, чья жизнь связана с интеллектуальной деятельностью. Ведь первые – волею обстоятельств вырываются из привычного для них мира движений, и, если нет у них достаточно прочной – второй опоры и соответствующей возможности смены интересов, то им бывает очень тяжело.

Подобное я видел и в московской больнице, куда попала моя дочь, сбитая на переходе машиной, водителя которой так и не нашли. И прикованная к постели, а затем и на костылях она могла переключаться и даже давать приезжавшим к ней уроки английского. То же самое я видел буквально в конце минувшего года, когда один мой добрый знакомый, педагог и знаток искусства, после того, как он, опять-таки, на переходе, но уже в Костанае, был не просто сбит, а буквально переброшен через машину, после чего пришлось ему пережить не одну операцию. Когда я в последний раз был у него в больнице, мы проговорили чуть ли не два часа. Точнее, больше говорил он. И это был не поток сознания, не стенания травмированного. Речь шла о живописи, о наших художниках, об искусстве, о многом из того, что этот человек и любит, и что знает до тонкости. И я подумал: именно такие люди более жизнеспособны, и куда более сильны при встрече с невзгодами, без которых, увы, жизни не бывает, чем «огаджеченные» дети цивилиза-

ции. И еще раз подумал о том, что не случайно, хотя пока и бесполезно, словно Дон Кихот с ветряными мельницами, сражаюсь с шумовым загрязнением города. Ведь, помимо всего прочего, и звуковая уличная реклама, и нескончаемая уличная музыка, даже если какая-то сама по себе хороша, не дают нам побыть с самими собой на улицах города, фактически отравляют нас, ослабляя мускулатуру мысли и приучая к потокам впечатлений и эмоций, разжеванных и преподнесенных нам другими. И никто из строящих на этом свой «бизнес» не задумывается, насколько это не безобидно.

Автор выражает благодарность
коллективам областной научной
библиотеки им. Л.Н.Толстого
и областной картинной галереи
за содействие в работе.

Рисунки С.Биркле

На обложке картина
Н.Халифаевой

Бондаренко Ю.Я.

Культура в лицах
«Людей неинтересных
в мире нет»

Книга вторая

Редактор Т.И. Давиденко

Подписано в печать 29.06.2016 г.

Формат 60x84 1/16. Печать ризография.

Бумага офсетная. Гарнитура KZ Times New Roman

Объем 26,25 п.л. Тираж 500 экз. Заказ 2259.

Республика Казахстан, г. Костанай,
ТОО «Центрум», пр. Аль-Фараби, 117.
Тел. 8 (7142) 54-57-02, 917-888

